

Валентин Богданов

Найтаки - творцы *гостеприимства*

К 200-летию первой
гостиницы на
Кавказских
водах

Москва

ОНТО
ПРИНТ
СДЕЛАНО - СКАЗАНО

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44
Б73

Богданов В. А.

Б73 Найтаки – творцы гостеприимства / В.А. Богданов. – М.
: Издательство «ОнтоПринт», 2023. – 360 с.

ISBN 978-5-00121-511-0

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-00121-511-0

© Богданов В.А., 2023

Пролог

У кавказских народов удивительно сильны традиции. Всем известно, что люди, оберегающие прошлое, имеют будущее. Земля, полная памятников, помогает этому. Знаменитый город Кисловодск сохраняет свои памятники. Возле источника нарзана находятся самые заметные из них. Они отмечают главнейшие вехи двухвекового развития чудесного курорта.

Колоннада в центре Кисловодска

В центре города стоит прекрасная Колоннада, возведенная по поводу 100-летия победы в войне 1812 года. С тыльной стороны Колоннады над горным уступом, который называют Лермонтовской площадкой, возвышается белоснежный памятник в виде классического портика старинного дома.

В этом году исполняется замечательный юбилей. Двести лет назад именно с этого дома началось правильное обустройство курортов КМВ. Дом построили архитекторы Бернардацци и солдаты по приказу генерала А.П. Ермолова весной 1823 года.

Летом в доме стало действовать благородное собрание и открылась первая на водах гостиница с ресторацией. Осенью рядом посадили первую аллею будущего Национального парка.

В этом доме побывало несчетное множество знаменитостей. Вот некоторые наиболее известные: А.С. Пушкин, возвращаясь из Арзрума, усердно лечился нарзаном, М.Ю. Лермонтов завершил лечение ревматизмов во время ссылки, Л.Н. Толстой заезжал, когда долечивал простуду, князь М.С. Воронцов проводил в этом доме часть летнего сезона, как и многие другие. Кроме романтической обстановки и прекрасного лечения водами посетителей привлекало то, что здесь они находили приятную форму кавказского гостеприимства.

В первые годы не было ничего особенного. Но с 1835-го года гостиницы с ресторациями в Ставрополе, Пятигорске и Кисловодске взял в аренду купец грек Петр Афанасьевич Найтаки. Ему помогали сыновья Егор и Алексей. Прежде они не занимались гостиничным делом, но в следующую четверть века сотворили нечто необыкновенное.

В условиях Кавказской войны эта троица смогла придать местному гостеприимству столичный блеск. Строгость лечения водами смягчили отличной кухней и великосветскими развлечениями. «Найтаковские» гостиницы на Северном Кавказе, как и сами содержатели, необычайно прославились.

Жизнь Найтаки в начале 19 века была полна драматических событий и таинственных происшествий. Причины были разные: Кавказская война, деятельность наместников, посещения императоров, их реформы. Критический момент наступил в 1861 году, когда всё хозяйство Кавказских вод, в том числе гостиницы, было передано в управление частному контрагенту. Найтаки лишились своего успешного дела.

В это время кавказский епископ Игнатий (Брянчанинов) освящал озеро и тоннель, пробитый к Пятигорскому провалу. Тогда произошло чудо. По слову Святителя близкие друзья помогли Найтаки открыть новые гостиницы. Вскоре Найтаки было пожаловано потомственное почетное гражданство Российской империи. Редчайший случай среди отельеров, и не только кавказских! Далее вы узнаете историю Найтаки впервые со всеми её давно забытыми удивительными моментами.

ЧАСТЬ I. Знакомства у источника

Гость – посланец божий.
Кавказская пословица

Посетители и работники

Шел 1836 год. Утро в тот памятный день было обычным для кавказского лета – спокойным и ясным. В кисловодской котловине, окружённой безлесными горами, пропели петухи и разбудили слободу, крепость и казачью станицу.

Небо светлело, как бывает только в горах. Свет и тени перемещались по горам, живя своей космической жизнью.

Из-за горы Кабан на Джинальском хребте появились солнечные лучи и окрасили в ярко-розовый цвет крутые откосы Боргустанского хребта, что нависли над дальним берегом речки Подкумок.

Вблизи в тени горы Святого духа, называемой в наше время Крестовой, стали видны деревянные ваннные сараи и прогулочная площадка с двумя дощатыми галерейками, между которыми едва выступал из земли сруб неглубокого колодца, наполненного минеральной водой нарзаном. Глухие звуки неровного нарзанного бурления соединялись с монотонным шумом речки Ольховой, текущей рядом по парку.

Сквозь водные звуки слышался быстрый шорох хряща¹. Это повариха Прасковья, легко ступая изящными чувяками с вышитыми ноговицами, бежала в ресторацию через площадку у колодца. Невольно ощущая красоту волшебного утра, она с душевной радостью торопилась на работу. И вдруг в испуге остановилась.

Перед ней возникли два вооруженных всадника. Каждый вел в поводу навьюченную лошадь.

По убитому² хрящу к ней подъехал рослый горец с длинными усами и окладистой бородой каштанового цвета.

¹ *горный гравий*

² *утрамбованному*

– Крашенные хной – разглядела она. Его статное тело облегла *чоха*¹ со скромной вышивкой. Папаха вроде колпака из тёмно-рыжей блестящей смушки была слегка сдвинута на затылок. С загорелого лица внимательно смотрели карие глаза из-под смоляных бровей.

Задний всадник в черкеске и откинута башлыке был моложе, ниже и крепче фигурой. Длинные пряди шерсти, свисающие с белой мохнатой шапки, скрывали голубые глаза, горбатый нос и короткие рыжие усы.

Бородатый всадник заговорил с грузинским акцентом:

– Здравствуй уважаемая! Эта дорога на базар правильная?

Приезжие явно не знали, куда им двигаться. Она подумала:

– Прибыли купцы из Грузии. Но не ко времени! В будний день базара нет. На слободской площади собирается домашний базарчик, а привозным товаром торгуют в балаганах.

Прасковья ошиблась. В Кисловодск заехали не купцы, а черкесы. Не робкие и наглые абреки, которые во множестве бродили по ближним окрестностям города, ища случайной добычи. Заехали дальние черкесские разведчики.

Старший из них был особенный человек. Я отнес бы его к тем природным затравкам, которые, будучи помещенными в возбужденную среду черкесов на Западном Кавказе, могли бы вызвать бурную кристаллизацию, вроде той, что произвел имам Шамиль на Востоке Кавказа. Сообщество горцев стало бы прочнее цельной стены гранита. Из воспоминаний участников кавказской войны можно понять, что царские военачальники видели эту опасность. Их продуманная тактика остановила начинающийся процесс объединения сил сопротивления. Один из эпизодов этой борьбы произошел в Кисловодске.

– Что вы продаёте? – решительно спросила повариха.

– Оружие красивое: шашки и кинжалы. Имеем ножи для хозяйства и для охоты. Хороши! Век будешь благодарить! Есть палки, трости и другие вещи из отличного дерева. Украшены – глаз не оторвут! Тебе, молодой, палку не надо. Я понимаю. Но ты заходи – для тебя найдем лучший товар!

– Спасибо за приглашение. Уважаемые гости, у нас торгуют

¹ *грузинская верхняя одежда*

в балаганах за речкой. Вон там! Не найдете никого, подождите, – продавцы придут скоро, разложат товар и откроют торговлю.

Бородатый, похоже, умел продавать, и тут же принялся любезничать с красивой женщиной, будто истинный грузин:

– Скажи по правде, любезная, как здесь идёт торговля? Вижу, тебе всё знакомо. Для тебя, красавица, нужна сильная защита. Так я думаю. Вай! Такой прелестнице, как ты, самого лучшего оружия не пожалею. Верь мне!

– Упаси, боже, от вашей защиты! От неё никакое оружие не спасёт! – кокетливо засмеялась Прасковья. И вежливо сказала:

– Торговля у нас похуже, чем в Пятигорске, но наши курсовые платят лучше. Коли останетесь до воскресенья, расторгнетесь с прибытком. На базар приедут горцы. Они оружию всегда рады. Думаю, что вам в обмен предложат овец. У нас баранина превосходная! Можете потом хорошо перепродать в Пятигорске.

– С выгодой! Так говорят, – прибавила она.

Купца обменная торговля, похоже, не интересовала. Он прекратил любезничать и стал по-восточному вычурно и многословно объяснять, что весьма благодарен ей и ждёт, что она придёт и украсит собой торговлю.

Ничего необычного в торговцах не было. Прасковья, попрощалась и поднялась по тропинке на пригорок к ресторации. Под деревьями, окружающими ресторацию, она замедлила шаги, задумалась и неожиданно для себя снова остановилась. Её встревожила одна привязчивая мысль. Ей почудилось, что на кухне исчез некий продукт. И, совсем уж плохо, она не могла вспомнить, что пропало или чего не хватает!

Когда такое случалось дома, тогда она обращалась за продуктом к соседке. Взаимопомощь действовала в деревнях безупречно спокон веку. Но только не в ресторации. Получить поддержку соседей было нельзя – соседей не было! Приходилось рассчитывать на себя. Именно это было постоянной головной болью поварихи.

Её беспокоили не основные продукты. Птица, рыба, баранина и всякое мясо, а также хлеб, мука, крупы, яйца, масло, молоко, фрукты, овощи и другое – все поступало от

жителей бесперебойно. Обычно они доставляли всё прямо на кухню. Прасковью волновало иное. Если во время готовки не окажется под рукой нужной специи, случится беда! Её озабоченность замечали.

Сегодня Прасковья составила список покупок, которые привезут из Пятигорска. Она полагала, что запас не помешает.

К несчастью, случилась внезапная неприятность – повозка поломалась! Хозяин Петр Афанасьевич и кучер Тохтар допоздна починяли её. Слышала – вроде бы исправили! Поездка состоится, и она пополнит свои запасы. После она проверит, не померещилась ли ей эта пропажа.

Всадники смотрели Прасковье вслед. Затем бородатый торговец негромко засмеялся и, довольный собой, сказал своему спутнику:

– Вот и первая встреча в городе. Похоже, что эта хитрая, как лиса, женщина нас не заподозрила.

Первую проверку мы прошли успешно! Однако расслабляться нельзя. Впереди дело. Поторгуем, переночуем и отправимся дальше. По возможности не будем привлекать внимание к себе и поскорее уберемся из этого людного места.

Трогай, Аслан, вперед к броду! Переправимся и станем ждать торговцев за речкой на торжище. Если не заподозрят, то поторгуем. Подожди расседлывать, пока народ не собрался.

Привычная тропинка привела Прасковью на широкий двор ресторации. Ей было знакомо здесь все, до последней мелочи. Впереди на другой стороне двора поднимался склон горы, в который были врыты ледник и каменная кухня, покрытые камышом.

Справа в углу двора имелся небольшой сарай с конюшней и виднелись деревья парка. К ним спускалась некрутая дорожка. Слева в невысокой каменной ограде открывались въездные ворота в короткий проулок. За проулком из густых деревьев выглядывали дом, флигели и другие постройки на усадьбе помещика Алексея Фёдоровича Реброва.

Двор ресторации только что закончил мести старый солдат Нефёдыч, сторож и дворник в одной персоне. По

императорскому указу солдат находился в бессрочном отпуске после более чем двадцатилетней службы. На родину одинокий старик не вернулся, там его никто не ждал. Привык к Кавказу и остался у приказчика Митрича, позволившему сослуживцу жить в саманном домике в углу двора.

Прасковья велела передать приказчику, что куропаток не хватит и кофий кончается. Старый ветеран галантно поклонился, шаркая ногой и размахивая драной шляпой. Закончив поклон, аккуратно убрал дворницкое снаряжение, фартук и нарукавники, щёлкнул пальцами и отправился домой. Впереди бежала, оборачиваясь и виляя хвостом, его собачонка.

Повариха знала, что стариковские чудачества не помешают добряку всё исполнить.

Тихо открыв хорошо смазанную дверь, она вошла в кухню. Покрестилась на икону Лаврентия Римского, едва различимую в углу в свете лампы. На столе от ночника зажгла свечи в шандале.

Быстро сменила обувь. Сняла кацавейку. Перед зеркальцем поправила белый передник с розовой оборкой и перевязала розовый головной платок с цветочками, голубыми, как её глаза.

На русской печи спали её помощники девушка и мальчик, круглые сироты дети покойной кумы с Подолья. Она позвала девушку тихонько – девичий сон чуток:

– Аннушка, вставай, милая!

Мальчика не стала будить.

Помощница прошептала молитву, умылась, оделась, переплела косу, покрылась платком и повязала передник, похожий на поварихин. Выгребла зольники, стараясь не пылить. Совок с золой вынесла за ворота. После принесла вёдра с водой, заготовленной с вечера, и наполнила котёл, вмазанный над очагом.

Прасковья Семёновна проверила, открыта ли задвижка дымохода, сняла заслонку, открыла дверцы и выложила в горниле печи сухую щепу и дрова.

Лучиной взяла огонь от шандала, и сама разожгла печь и очаг, а то вчера помощница сплеховала и они остались без огня. Святой огонь из лампы брать нельзя. Другого огня в

доме не было. А заграничные спички хозяин не покупает, – дороги! Долго высекали искру из кремня и раздували трут.

Готово! Огонь весело пляшет, дрова потрескивают, дымоход гудит. Помощница сбегала и принесла из ледника всё, что надо. Сняла слой сливок и поставила молоко согреться. Просеяла муку. Пока на очаге грелась вода, повариха замесила дрожжевое тесто на яйцах и молоке и выставила к печке – скорее поднимется. Вытерла руки и занялась стряпнёй.

Помощница ласково разбудила мальчика, разоспавшегося на тёплой печке. Мальчик поварёнок, позёвывая, с молитвой сходил во двор, принёс дрова и бросил у печки.

Прасковья Семёновна приказала сложить в подпечек, как она учила, чтобы дрова сушились, и напомнила, чтобы не шумел на дворе. Когда закончит, будет молоть пожаренный вчера кофий. Надобно проследить, чтобы не забыл умыться.

Уже подавала звуки жизни слобода. Возле домов двигались люди, животные, конные повозки и всадники. Хозяйки топили печи и готовили еду для семей. Торопились, чтобы не задерживать мужчин. Выпустили подоенную скотину за ворота. Она присоединилась к стаду, которое гнали пастухи на выпас.

В отличие от слободы в части города, где лечились, было заметно тише. За этим следила гауптвахта. В пять часов из домика гауптвахты вышел особый сторож и ударил в колокол, висящий на столбе перед крыльцом ресторации.

Звон колокола присоединился к далёкой барабанной дробу побудки в крепости. Первые курсовые поспешили к питью нарзана и к нарзанным ваннам, чтобы начать лечение.

На звон колокола проснулся Алексей Петрович хозяйский сын и уверенно открыл ресторацию. Он не сомневался, что к этому моменту кухня уже подготовила блюда для завтрака.

Приказчик Илья Дмитриевич и горничная Ксения доставили на конной повозке постиранное и поглаженное постельное бельё, салфетки, скатерти и провиант из слободы и станицы. Поздоровались с Алексеем Петровичем. На кухне выложили продукты. Приказчик достал точильный камень и принялся вострить ножи.

Пока в номерах спали, а на кухне приступали к делам,

горничная Ксения дочка овдовевшей сестры станичного атамана сказывала работникам очередную байку. Откуда она брала свои байки, никто не ведал.

Многие сомневались, что это импровизации ума, как объяснял Алексей Петрович. Ведь она творила не стихи, как древний поэт Гомер, с которым хозяин её сравнивал.

Помощница кухарки Анна утверждала, что это сказки. Их Ксения сочиняет по ночам как Шахерезада, о которой говорил Пётр Афанасьевич. Анна ехидно спрашивала сказительницу, где её Шахрияр.

Все догадывались о причине, из-за которой ревнивая Анна задирала Ксению. Дело было в рекруте Саше из крепости.

Новую байку горничная Ксения начала так:

– То не притча и не сказка, а всамделишная история. Вчера вечером сменяли казаков на бекете, что на горке. Спрашивает урядник: «Любо? Ну что, волжцы, по коньям?»

Один ворчит: «Всё «по коньям», да «по коньям», а я «по бабам!»»

Примчался до дому, слётает с коня и орёт: «Жинка, отчиний ворота!»

По секрету скажу, что казаки, сменившись, опрокинули с устатку по стопке полугарного¹.

А ему паразиту было мало, и он добавил по дороге. Стучит в ворота. Никого!

Вы знаете, у них рядом стоят почти одинаковые курени. Он влетает с нагайкой в курень. А на постели, глазам не верит, лежат сосед полюбовник и жена в балахоне. Он в нагайку. Те вскакивают.

Глядь, а баба-то – чужая! Жена у него, напротив, была хорошая женщина, не хабалка²! Казак остолбенел и рот раззявил. Доселе с тем соседом рты не закрывают – пьют и гуторят, пьют и гуторят.

Рассвело, а они на дворе пляшут лезгинку, крутят нагайками и чечекают. После спивают: «На горе стоял

¹ после выгорания спирта оставалась половина исходного раствора; таким был государственный стандарт доброты хлебного вина

² бесстыжая женщина (жарг.)

Шамиль. Он богу молился. За свободу, за народ низко поклонился». Обнимаются и голосят: «Ойся да ойся, ты меня не бойся. Я тебя не трону, ты не беспокойся!». Дать бы им тулумбасы, так они станицу поставили бы на уши!

Казачий перепляс (И.Л. Машков)

Все рассмеялись. Отсмеявшись, приказчик Митрич погладил усы и сказал рассудительно:

– Знаем, кто он! Ему не впервой колобродить. Зенки залил и залез в чужую хату. Вот архаровец!

Все согласились с Митричем, хотя сочувствовали буйной казацкой головушке.

Анна с усмешкой спросила:

– Чем история закончилась?

– Чем, чем? – ответила Ксения. – Сама знаешь, слухи у нас

разлетаются быстро. Узнала Галина, его жена. Она ночевала у матери, пока казак сторожил в наряде.

Пришла злая и устроила благоверному жуткий разнос. Не передать, какими словами она своего забулдыгу лаяла, что срамит её перед соседями! Довертелся, гуляка!

С глаз долой отправила, не покормив, в горы к батьке. Велела отвезти хлеб и другую еду, а обратно доставить сыры на выдержку. Она знала, куда голодного мужа отправляет!

Ксения вздохнула и сказала:

– Их старый батя, казак суровый – вы его знаете – пасёт под Джиналом овец. Сам их сдаивает и варит сыры у кошары.

А вот, что вы не знаете, – это как жалостливый батя воспитывает своё непутевое дитё. Поначалу спрашивает мирно: «Малой, кандёр будешь?» Посадит исть, а сам идёт резать хворостины с таволги.

Не доводить же загул до того, чтобы сын страмно получал воспитание на казачьем сборе, и просил прощение перед всей станицей. После чего все на него указывали бы пальцами.

Старухи на лавочках у ворот трепали бы языками их фамилию, лузгая семечки и сплёвывая наземь! А Старики припечатывали бы осуждение навсегда. Никто не пощадит. Да, вам известно! Но хватит об этом! Я все сказала.

И Ксения, расстроенная неурядицами бедового казака, перестала сказывать свою байку. Митрич солидно заметил:

– Слава богу, всё обошлось по-родственному, а не хуже!

Поварёнка любят все: он получает кружку парного молока и горбушку тёплого хлеба, намазанную маслом и мёдом. К подолу казачки ластится кошка, – мурлыке наливают молока в чистую миску. На кухне известно, что эта кошка замурлыкивает болезни людей по своей воле. Однако не говорят об этом вслух – не полагается! Все продолжают заниматься делами.

Парнишка и кошка завтракают, сидя рядышком в углу на земляном полу. Они друзья, играют вместе и оба любят спать на тёплой печи.

Пока Ксения рассказывала, пришли подавальщики и буфетчик. Помощница поставила на стол подогретую вчерашнюю еду. Слуги поели на ходу и поспешили в зал ресторации. Их

время пришло – уже явились завтракать ранние курсовые.

Приказчик и повариха успели закусить. И, пока Анна мыла и вытирала посуду, принялись судачить о меню, составленное сыном хозяина. Не забыли про всякие кухонные заботы.

Они знали, что блюдо консоме с фрикаделями готовить намного сложнее, чем фрикасе из куропаток! Надобно долго рубить мясо да лепить болюсы. И кому это делать? Быстрее сварить ушицу!

Хозяин расстроился, что из Астрахани белужью икру и визигу от Сапожниковых не привезли. От расстройства опять забыл купить в Ставрополе мясную мельницу. Когда он вспомнит? В пятигорской ресторации есть, а у нас до сих пор нет! Потом повариха посетовала, что хозяин не нанимает вторую помощницу. Выходит, напрасно она сговорилась с кумой.

На её огорчения Митрич сказал, что не всё потеряно: хозяин Афанасич – человек строгий, но, кажется, более справедливый, чем предыдущий арендатор Минай Подкуйченко из Георгиевска. Например, когда начинал, Афанасич не прогнал никого! И даже не расстался с теми, кем не доволен. Надеется, что они исправятся. Повариха подумала: «Кого он имеет в виду? Не меня ли из-за мельницы?» И поддержала разговор:

– Последний арендатор был совсем ни то, что первый смешной француз Бартоломей. Помнишь его?

– А какой он строгий! – продолжал гнуть своё Митрич, – даже с постояльцев требует плату за испорченную мебель, испачканные стены или рваное постельное. Зато, какой теперь везде порядок и чистота! Не потому, что мы ждём императора и без конца чистим, красим и убираем, – просто у Афанасича натура такая. Одно слово, чистюля! Я помню прежних арендаторов. Те были не такими!

Повариха подумала: «Митрич увлёкся! Хвалит через край. Видать, натворил дел, и Пётр опять будет его ругать».

Она не догадывалась, что всё было не так просто. Митрич скрывал, что Пётр Афанасьевич будет вручать ей подарок – набор кухонных ножей. Они оба считали, что старые ножи на кухне пора сменить.

Между тем, приказчик продолжал нахваливать хозяина:

– А ещё он расчётливый и не переплачивает за продукты, как иные. В винах разбирается, – посетители довольны. Сыновья у него хозяйственные. Особенно Алексей, а про Егора, близнеца, что живёт в Ставрополе, ничего не скажу! Хотя говорят, что он не хуже Алексея. Но я его не видел ещё.

– Верно говоришь! – признала повариха.

– Предстоят напряженные дни, – продолжил приказчик. – Хозяину ехать за продуктами и, главное, закупать вино в Пятигорске. Ведь скоро нам праздновать день рождения государыни. С выездом мы задержались, так как пришлось чинить поломавшуюся повозку. Грузёную повозку погонит назад Тохтар.

А мы очень постараемся с готовкой обеда, пока хозяина не будет, – приказчик пытался шутить.

Прасковья с готовностью высказалась:

– Правильно говоришь! Государь император считает этот праздник важным. Очень он уважает свою красавицу государыню Александру Фёдоровну.

Говорят, что государь ужас какой строгий! И сердится, когда что-то плохо делают. Он всё знает, часто ездит всюду и смотрит, как люди живут. Вдруг он к нам заедет?

– Точно, – согласился Илья Дмитрич, – поэтому нашему хозяину надо самому следить за праздничным обедом в пятигорской ресторации. Присутствовать в церкви на обедне, а вечером делать бал.

Ничего, мы здесь управимся сами! Алёша у нас тоже неплохо командует. И мы не вчера родились! С божьей помощью всё справим, как надо.

Ты слышала последнюю новость? В крепости майор решил отличиться. С Афанасьевичем передал в Пятигорск записку коменданту Петру Петровичу.

Предлагает устроить в праздник фейерверк и сделать пушечный салют.

Спрашивает, достаточно ли будет трёх залпов? Это на одну пушку! Не палить же все 38 по возрасту государыни?

Сколько это будет на пушку? Думаю, Пётр Петрович разрешит три выстрела, как всегда.

Ладно, когда-то ещё праздник будет, – заключил Митрич, – а сейчас надобно заняться сегодняшними делами.

И взялся за гусиное перо. Поправил покупки в списке на те, что подешевле, как требовал хозяин. Он знал, что всё, затребованное поварихой, имелось в пятигорской ресторации. Если не купят на базаре, возьмут из кладовой тамошней кухни.

Помощница и поварёнок уже трудились. Мальчишка смолот кофей и стал подносить всё, что просят. Мух гонять стало некогда!

подавальщики, закончив в зале, снуют по двору, несут воду, обрабатывают овощи, готовят дрова. В отведенном месте бьют живность, рубят туши, ощипывают птицу и чистят рыбу. Привычно превратились в подсобных рабочих.

Повариха доверила им измельчить мясо для французских фрикаделек. И пошутила, что наши бьют, колют и рубят по-суворовски так, что всем чертям наполеонам несдобровать!

Когда пища печётся, жарится, кипит и томится, охлаждается и насыщается, слуги отдыхают на лавочке в тени и беседуют. Немного расслабляются.

Услышав призыв приказчика, поднимаются, оправляют себя и спешат к посетителям. Обед начинается вовремя.

Удачное начало

Обстоятельства, благодаря которым грек Петр Афанасьевич Найтаки, пожилой человек, и два его сына превратились в содержателей гостиниц, заслуживают особого рассказа.

Два года назад будущий глава гостиничного дела занимался торговлей в Ставрополе, ходил с обозами, которые привозили для российской армии оружие, сукно и амуницию, продовольствие, спирт и всё, что требовалось. Год назад он поставлял камень для строительства казарм в Усть-Лабинской крепости. Устроил это дело хитро. Покупал соль, добытую из солевого озера недалеко от хутора Медвеженский. Ему эта соль обходилась дешевле, чем та, что чумаки привозили из Причерноморья.

Горцам, содержащим много живности, соль была жизненно необходима. Петр предлагал им дешёвую соль в

оплату за лом камня в горах и доставку на арбах в крепость. За камень получал хорошие деньги от казны. Срочность была большая. На эти деньги Петр снова покупал дешевую соль. За время строительства он заметно увеличил свой капитал.

Слухами земля полнится. Оборотистость предприимчивого Найтаки всех поразила. Об этом узнал богатейший купец 1-й гильдии Иван Григорьевич Ганиловский, который преуспел в поставках крупного рогатого скота, а также обмундирования для армии. Полученные доходы Иван Григорьевич вкладывал в крупное строительство в Ставрополе.

В начале 1835 года он закончил постройку большого дома на центральной улице. Первый этаж отвел под почтовую станцию. А Петру Найтаки предложил в аренду второй этаж, в котором надеялся сделать гостиницу для благородных персон. Ему понравилась идея Петра устроить номера при ресторации на манер столичных, а гостиницу назвать «Москва».

Как раз в это время пятигорская Строительная Комиссия тоже искала арендатора для казенных гостиниц на Водах. Последний съемщик оказался неподходящим, поэтому срок аренды ему не продлили. Когда Комиссии стало известно о необычном решении авторитетного купца Ганиловского, старший её член переговорил с Петром Найтаки. Он предлагал аренду сыновьям Петра.

Предложение было заманчивым. Петр понимал, что сыновей может ждать удачливое будущее. Но для солидности отложил ответ на конец пасхальной недели, пояснив, что заниматься делами в праздники ему не с руки, и он будет основательно думать.

Услышав о предложении, сделанном отцу, сыновья, не колеблясь ни минуты, заявили, что они могут должным образом руководить этими гостиницами. Они уже набрались купеческого апломба и не боялись начинать любое, даже незнакомое, дело. Пётр Афанасьевич был уверен в сыновьях, и в конце пасхальной недели подписал договоры о том, что с воскресенья 10 (22 н.с.) мая 1835 года он берет в аренду на три года гостиницы в Ставрополе, Пятигорске и Кисловодске.

В беспокойной купеческой жизни Петр никогда не терял надежды на успех. В решающих случаях жизни следовал

евангельским заповедям. Когда сомневался, любил повторять: «Ищите, и обрящете, толщьте, и отверзется.»¹

И, действительно, надежды Петра Найтаки оправдались полностью. Аренда гостиниц удачно продлилась на целую четверть века. Пасхальное чудо «10 мая» Петр помнил всю последующую жизнь. Возможно, потому, что оно началось при полном согласии между членами семьи.

Бывшая ставропольская гостиница Найтаки

Сам собой решил вопрос, кто из троих какую гостиницу будет содержать. Егор категорически заявил, что останется в Ставрополе. Не бросит свою лавку с красным товаром и наймет лавочного сидельца. Останется время для управления гостиницей. Отец и брат одобрили. Более того, они даже радовались за Егора, потому что знали, что у него в Ставрополе

¹ ищите, и найдете; стучите, и отворят вам (Евангелие от Матфея 7:7,8)

складывалась прекрасная брачная партия. Он был помолвлен с местной жительницей Верой Ермаковой, дочерью недавно умершего губернского секретаря купца 3-ей гильдии Егора Андреевича Ермакова. Богатая Вера наследовала отличную городскую усадьбу, расположенную недалеко от гостиницы. Таким образом Егор взял на себя ставропольскую гостиницу, а Пётр Афанасьевич и Алексей получили в управление две гостиницы на Кавказских Водах.

На Красную горку оба неспешно чаёвничали в ставропольском доме и беседовали. Егор в это время был в гостях у Веры. Вернулся он уже в сумерки, и тут случился разговор, который имел важнейшие последствия для всех.

Егор, улыбаясь, приветствовал с порога:

– Христос воскрес!

– Воистину воскрес! – сказали ему в ответ.

Егор положил на стол сверток с угощением и передал привет от Веры. Пока отец разворачивал сверток с пирожками, Егор налил остывший чай в стакан, жадно выпил и сказал:

– У меня для вас интереснейшая новость. Я ходил с Верой на кладбище помянуть Егора Андреевича. Зашли в церковь, подали поминальную записку и поставили свечу.

Алексей перебил брата:

– Тоже мне новость! Известно, что ты везде ходишь за ней хвостом!

Пётр поспешил вмешаться:

– Алексей, погоди, дай брату сказать.

Егор продолжил:

– Там встретили Неклюдова, помощника городского архитектора. С ним Вера говорила о проекте и постройке нового дома взамен старого, который, как вы знаете, основательно обветшал. Она хотела непременно получить согласие ради праздника. Однако, Неклюдов неожиданно отказался принять заказ. Когда увидел, что мы огорчились, откровенно объяснил причину. Мол, сейчас все готовятся к приезду высочайшей особы. По всей Ставропольской области ведутся срочные работы. Сам Неклюдов составляет проект острога для Пятигорска на сто страдальцев. Начальство приказало срочно устранить непорядок, – нехорошо, что

арестанты в ожидании суда сидят в сыром темном подвале городского училища. Надобно это исправить, но возникли финансовые трудности.

– Обычное дело, – усмехнулся Алексей. – Не ведают, какую сумму заложить в проект, да и денег не хватает. Как говорится, желание есть, да девка не позволяет!

– Верно! – подтвердил Егор. – Неклюдов объяснил, что выделили только 3 тысячи 142 рубля 25 копеек и обещали дать столько же на следующий год. На самом же деле по расчету требуется тысяч девять-десять.

Алексей поспешил сказать:

– Я вспомнил, что ради успеха следует начинать всякое дело добрым поступком. Давайте пожертвуем ради Христа недостающие деньги. Папа, как ты на это смотришь?

– Ишь, что задумал! Превосходная идея! Мы можем позволить себе это. Только дарить будем не в области, а прямо в Пятигорске. Если сделаем так, то в городе к нам отнесутся, как к полезным людям. Благосклонно забудут, что мы чужаки.

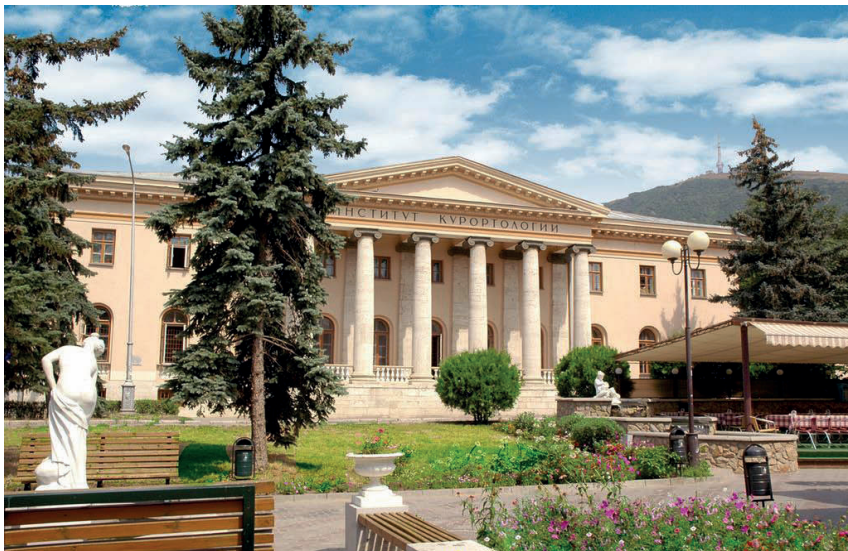
Братья молчали. Для них всё было ясно. Отец решает по-другому, потому что мудр и основательно заботится о будущем для всей семьи.

Сказано – сделано. Отец и Алексей переехали в Пятигорск и сразу пожертвовали городу 3200 рублей. Строительство острога на верхней окраине города вскоре началось. Горожане завистливо шутили, что новоявленные жители пересажают полгорода. Неспроста, мол, они кормят в долг в своих ресторациях. На чужой роток не накинешь платок! Но батюшка Павел пожертвование одобрил. Арестанты вместо сырого тёмного подвала городского училища получили законные теплые и сухие камеры. Стали печь хлеб для всего города.

Щедрая и своевременная помощь была оценена высоко. По новому городскому плану, недавно утвержденному государем, Петру продали земельный участок в конце пятигорского Бульвара под самой горой Машук. Окружной начальник полковник Симборский представил Алексея к награждению золотой медалью «За полезное» на алой ленте ордена Святой Анны. Подтверждение благонадежности дал богатый тесть Алексея Петровича, живший в Таганроге.

Удивительным образом поощренный Алексей – медаль ему вручили лишь спустя пять лет – занялся пятигорской гостиницей и приступил к строительству семейного дома. Егор заканчивал строить отличный купеческий дом в Ставрополе.

Так получилось, что заботливые сыновья Егор и Алексей взяли на себя две большие круглогодичные гостиницы, а 58-летнего отца пожалели и оставили ему в управление небольшую летнюю гостиницу в Кисловодске.

Бывшая казенная гостиница в Пятигорске

Эта гостиница с самого начала была местной достопримечательностью. Располагалась она в царском доме, возведенном солдатами весной 1823 года для уважаемой императрицы-матери Марии Федоровны. Престарелая вдова Павла I и мать двух императоров Александра I и Николая I изъявила желание отдохнуть и полечиться водами.

Герой войны 1812 года Алексей Петрович Ермолов командир отдельного Кавказского корпуса и гражданский управляющий Кавказа выделил целых 30 тысяч рублей и

приказал срочно строить.

Из Петербурга прислали архитектора и каменных дел мастера. Это были братья Джузеппе Марко и Джованни Батиста Бернардацци, уроженцы швейцарского курорта Лугано. На Кавказе братьев ждала слава.

Из множества построек, которые они создали в этих краях, первой стал царский дом в Кисловодске у источника нарзана. Солдаты, обученные Бернардацци, возвели на уступе горы Святого духа – по-современному Крестовой – классический летний дом. За основу приняли столичный проект Шарлеманя, помощника знаменитого Монферрана. Стены сложили из сосновых брусьев на каменном фундаменте. Крышу покрыли досками и лубьём. Осенью начали сажать парк. Но всеобщие ожидания не оправдались, императрица не приехала. Тогда в доме открыли дом благородного собрания и гостиницу, так как жилья на водах не хватало.

Это была первая гостиница на КМВ. Не очередной трактир или постоялый двор, а реальная настоящая гостиница, очень красивая да ещё с ресторацией.

В конце 1824 года в журнале «Отечественные записки» писали, что дом «в пустыне среди гор Кабарды» имел прекрасный вид. «Бронзовые люстры и лампы аргантские¹ удивляли новостью явления». Стены светлого зала, соединяющего крылья дома, покрывали «златовидные шпалеры». Их украшали жирадоли и зеркала. «Мебель из красного дерева была обита бомбой, соцветной обоям». Как свидетельствовали архивные документы, мебель изготовил из осиновых досок умелый столяр немец Леонард Кам из колонии Каррас под Пятигорском.

В крыльях здания сдавались четыре номера. Имелись также буфетная и комната для содержателя. В зале гостиницы дворянское собрание проводило балы и концерты один или два раза в неделю. В порядке вещей были карточные игры и другие развлечения. Ресторация *prix fixe* работала в завтрак, обед и ужин по расписанию. Кухня с русской печью и другие службы

¹ яркая лампа швейцарского изобретателя Ф.П.А. Арганда с улучшенным горением масла.

находились во дворе.

Позднее были выделены 7 тысяч рублей и через два года закончилась отделка дома снаружи. Стены проконопатили и обшили досками. Крышу покрыли листовым железом. Для красоты приставили спереди портик с двойными дорическими колоннами и простым треугольным фронтоном. Перед входом устроили широкий балкон с балюстрадой, откуда открывался замечательный вид на окрестности. Всё выкрасили в законные цвета.

Когда Пётр стал содержателем, он первым делом приобрел упряжку с крепкой повозкой и нанял опытного кучера для наилучшей доставки вина и продуктов из Пятигорска. В дальнем углу двора поставил летнюю конюшню. Также купил новые ружья и пистолеты. Посчитал, что армейской и казачьей защиты недостаточно, – стоило вооружиться дополнительно. Слишком много водилось в этих краях разбойников! В те времена тут в каждом доме было оружие. Что бы там ни было, а Кислые воды оставались укреплением в центре Азово-Моздокской кордонной линии.

Ресторатор Пётр

По свидетельствам многих людей Петр Афанасьевич Найтаки был услужлив и любезен. По образному выражению одного свидетеля, он был «вечным», то есть необходимым, вездесущим и очень заметным. Как он выглядел, меня интересовало давно. Всё-таки он был моим прапрадедом.

Признаюсь, что много лет назад в своем воображении я встречался с ним. Помню, как однажды в солнечный день 1983 года на лермонтовской площадке в кисловодском парке мне привиделся его призрачный силуэт. Чудилось, что он смотрит на меня и на мою маленькую дочь, которая играла на камне со статуэткой бронзовой ящерицы, отполированной ладошками детишек до ярко сверкающего на солнце золота.

С годами я забыл некоторые важные подробности этого странного видения. Не могу вспомнить, например, где были руки предка. Сейчас я думаю, что его тянуло гипнотически, как и нас, прикоснуться к сверкающей ящерице, символу

возрождения. Неподвижный взгляд пращура был такой пристальный, будто он интересовался нашими реакциями.

Тогда я не обратил особенное внимание на это мимолетное видение. Мало ли что может показаться в жаркий полдень на фоне солнечных бликов!

Пётр Алексеевич Найтаки (?– 1918)
внук Петра Афанасьевича (1777-1857)

Но моя дочь подрастала. Шли годы, сменилась власть в стране, открылась для народа досоветская история, и я, уже старик, взялся за основательное исследование, чтобы узнать, кем были наши предки. И, конечно, первым делом хотелось

узнать, как выглядел на самом деле родоначальник Петр Афанасьевич.

Поиски показали, что очевидцы оставили ничтожно мало сведений о его внешности. Ведь в старину, как, впрочем, и теперь, господа плохо помнили служащих людей. Естественно, они путали содержателей гостиниц и называли всех просто Найтаки или реже Петром. Сообщали, что этот Петр был смугл, невысок и выделялся необыкновенно большими бакенбардами.

Наука генетика также не дает надежных правил, позволяющих описать облик далекого предка. Известно, что между собой особенно похожи родственники в семейном триplete. К счастью, сохранились студийная и домашняя фотографии моего деда Петра Алексеевича внука Петра Афанасьевича. Их бережно пронесла через невзгоды жизни моя мама Мария Петровна Найтаки.

Я сравнил типические черты в фотографиях деда с запомненным обликом и с фотографиями матери. Составился предположительный портрет предка Петра Афанасьевича. Голова у него правильной формы. Со смуглого округлого лица оживленно смотрят чуть-чуть увеличенные глаза с зеленой радужкой. Чёрные брови, открытый лоб, прямой нос и уши – все имеют мягкие очертания и немного крупные. Слегка неровные черные волосы приглажены. Усы, борода и пышные бакенбарды причёсаны. Виски и бакенбарды тронуты сединой. В уголках рта кроется улыбка, говорящая о живом характере.

Своими пышными бакенбардам предок удивлял всех. Такие же бакенбарды носили его сыновья Егор и Алексей. Может быть потому, что подражали отцу. Необычные бакенбарды способствовали не только известности, но также уникальному единству. Трое были как один. За гостиницами надолго закрепилось общее название «найтаковские». Впечатление такое, что эта тройца купцов намеренно создала бренд, неведомым образом похожий на символы, которые современные фирмы заводят ради рекламы.

Узнав, как выглядел Пётр Афанасьевич, можем вернуться в ресторацию. Увидим, что он вошел на кухню со свёртком подмышкой. Развернул белую ткань перед поварихой, вынул

набор ножей в лакированной деревянной подставке и сказал:

– Бог в помощь! Уважаемая Прасковья Семеновна, получи набор кухонных ножей. Это тебе подарок к празднику. Ножи немецкие из лучшей стали «золинген» и наточенные. Попробуй!

– Спасибо, Пётр Афанасьевич! Вижу, отличные ножи! Ручки какие красивые! Обязательно попробую, – ответила Прасковья. А про себя и подумала:

– Наверное, купил у тех самых грузинских торговцев, которые встретились поутру. Ножи, без сомнения, красивые! Но ещё неизвестно, придутся ли по руке.

Она взяла нож в руку и подвигала им, помахивая рукой.

– Не время пробовать всерьёз новые ножи, – работы много! – решила она мысленно. – Наверное, отдам Аннушке. Прежние ножи, известное дело, привычнее и удобнее. Про мясную мельницу, все равно, напомним!

Пётр Афанасьевич в царство поварихи не вмешивается, но, кажется, обеспечивает необходимым в достаточной степени и вовремя. Судя по рабочему настрою, дело движется налаженным чередом. Довольный Петр покидает кухню.

На дворе он спрашивает о чём-то кучера, занятого починкой повозки. Соглашаясь со сказанным, кивает головой. Остановил подавальщика, указал на замеченный непорядок и, показывая блокнот, сделал короткое внушение.

Из гостиницы вышел солидный господин. Здоровается. Пётр, внимательно слушает, что тот говорит, и отвечает, жестикулируя с пылом южанина. Выразительно улыбается и благодарит.

Господин, с которым разговаривал Пётр, был богатейший купец 1-й гильдии Иван Григорьевич Ганиловский. Пётр был обязан ему своим положением и, естественно, испытывал чувство сердечной благодарности.

Закончив разговор с Иваном Григорьевичем, он спешит со двора на галерею к входной двери гостиницы. Растворённую дверь закрепляет так, чтобы она не зацепила подносы, приносимые с кухни. Достает платок и проверяет чистоту дверной ручки. Оглядывает коврик у порога. С достоинством проходит между столами, останавливается, разговаривает с

гостями о еде и лечении.

Пётр твердо усвоил, что здесь Дом благородного собрания, и надобно относиться к работе и посетителям особенным образом, то есть, никогда не показывать своего приниженного положения или, не дай бог, превосходства. В отличие от предыдущих арендаторов он уделял много внимания приятным развлечениям посетителей, что было совсем непросто устроить в условиях войны. При этом был всегда услужлив так, словно его лично беспокоили заботы каждого. Если обещал сделать, то не отступал и непременно исполнял обещанное, не теряя ни минуты.

Ещё в прошлом году в Строительной комиссии заметили безграничную любезность и услужливость Петра Найтаки. Отовсюду слышались благоприятные отзывы. Приехавшие на курс доверяли Петру и охотно пользовались его услугами, хотя все чувствовали, что он не забывает своих купеческих интересов. О нём говорили «ловок на все руки» и верили в его возможности, ведь он не хвастал, а делал. В общественном мнении он был умным и простым в общении человеком. Его авторитет помогал вести дело прибыльно.

Проверив зал, Пётр прошёл в буфет и негромко поговорил с буфетчиком. Сразу же вернулся, чтобы почтительно проводить откушавшего гостя.

Попрощавшись с одним посетителем, он, приятно улыбаясь, встретил другого. Ещё утром повариха Прасковья сказала, что приехавший вчера важный господин в летах со слугой французом снял домик в слободке у соседки ейной кумы Горепёчки. Не забыла сообщить, что Митрич с Алексеем Петровичем пошли на базар потому, что куропаток может не хватить и кофий заканчивается.

Знающий всё, Пётр Афанасьевич приветствует гостя полным именем.

Отставной полковник удивлён и отвечает:

– Пётр! И ты здесь? Недавно мы видались в Ставрополе и Пятигорске. Ты опередил меня. Значит, дела идут?

– Слава богу, идут-с помаленьку!

Пётр умолчал, что полковник видел не его, а сыновей. Просто спросил, как Иван Петрович доехал и всё ли в порядке.

Гость упомянул о плохом снятом жилье и в заключение передал поклон от общих знакомых:

– Хасновы обещались быть. Я их видал третьего дни.

Пётр авторитетно говорит:

– И, ваше высокоблагородие. Они покидают Горячие Воды на другой день. Для них я приготовил две комнаты.

Вдумчиво поясняет гостю:

– В остатней комнате живёт важный господин из Ставрополя. У меня всё занято и освободится только на четвертый день, когда княжеская чета Хасновых переедет по соседству к статскому советнику Алексею Фёдоровичу Реброву. Вблизи за речкой Ольховой тоже живут курсовые. Но, разумеется, для вас найдётся приличное помещение!

Как бы поразмыслив, Пётр уверенно предлагает:

– Говорили, что на другой день освобождается номер у Реброва. У него, знаете ли, имеется бесплатная нарзанная купальня на одного. Коли вы решите, я спешно пошлю узнать.

И поясняет:

– Ежели номер определённо освобождается, я скажу, чтобы его придержали за вами. Вас непременно уважат.

Заканчивает Пётр привычными словами:

– Простите великодушно, могу ли я быть чем-нибудь ещё полезен? Надеюсь, вы обратитесь тотчас, как составитя нужда. Не угодно ли вашей милости закусить?

Но вместо «*Merci, monsieur!*», обыкновенного для Благородного собрания, полковник произносит «Благодарю!» Так он привык говорить с прислугой.

Скупится на благородные слова! А ведь он слышал ещё в Ставрополе, как Пётр понятно разъяснял его слуге Жан-Пьеру на французском языке, где найти прачку и сапожника!

Пётр приглашает гостя:

– Пожалуйте, сударь, пожалуйста-с!».

Улыбается усам полковника и невольно касается своих бакенбард. Вспомнилась греческая пословица «один о бороде печётся, другой – на бороду плюёт». Кажется, её русская сестра – «что имеешь, то не ценишь»! Или «каждому своё»? Какая из пословиц лучше – не важно!

Пётр привык к барственному отношению гостей, – он

провождает полковника к столу и с поклоном подаёт меню. Говорит: «Будьте любезны-с! *Bon appétit!*¹» И отступает.

Так бывало не всегда. Завсегдатаи рестораций знали, что иногда терпение Петра иссякало. Он вставал горой на защиту своей чести, если неуважительно относились к заведению.

Одному майору, скушавшему гречневую кашу с маслом за 3 рубля 50 копеек, показалось, что это дорого и его обсчитали, записав в счёт лишний кружочек масла. В ответ ему сказали, что положили два кружочка, как он заказал.

Он стал скандалить, крикнул хозяина, отказался платить и назвал ресторацию трактиром, а хозяина разбойником.

Пётр оправдывался, масло дорого, запись есть в буфете. И даже просил назначить цену, какую хочет майор, если она кажется ему оскорбительной. Наконец, уступил совсем, сказав с обидой, что вообще не возьмёт денег.

Майор вышел из себя и объявил: «Да это не трактир, а кабак! И ещё самый негодный».

Тут, рассказывают, кротость и смирение Найтаки превратились в бешенство. Глаза засверкали и, обращаясь к буфетчику, он сказал: «Не брать ни копейки с майора по этому счёту! И вперёд ничего не отпускать ни за деньги, ни без денег, а я подам жалобу, что опозорили моё полезное заведение именем кабака!»²

Кашу подавали на ужин, и несдержанности Петра было оправдание, – он сильно уставал к концу рабочего дня. С деловой точки зрения Петру не следовало выходить из себя. Но по-человечески его можно было понять.

Впрочем, полковнику не были интересны чужие мнения о ресторации и хозяине. И уж точно, ему не было никакого дела до намерений Петра. Сейчас он был озабочен другим: доктор велел принимать пищу обязательно через один час после водопития.

Полковник посмотрел на настенные часы. В ресторациях часы обычно не вешают, чтобы не смущать посетителей. Он

¹ *Приятного аппетита! (фр.)*

² *случай из романа Е. Хамар-Дабанов, Прделки на Кавказе, 1842; автор называет ресторатора как Неотаки, имя не указывает.*

был уверен, что здесь они висят из медицинских соображений. Обедать следовало через четверть часа.

Довольный, что угадал со временем, отставной полковник Иван Петрович Бежитов успокоился, достал из кармана и полистал блокнот, проверяя записи своей утренней рекогносцировки. Впечатлений было много.

Место, где исцелялись

Полковник повернулся к раскрытому окну. Чувствовалось, что в кисловодской котловине солнце сияет ярче, чем в лесистом ущелье между горами Бештау и Железной, откуда он приехал. Там, в Железноводске, много света, но в просторном здешнем селении и безлесной местности – явно больше.

Он помнил из персидского похода, что на юге летом прохлада бывает редко. Чем выше забираешься в горы, тем больше находишь света и жары. Но и холода тоже. Особенно ночью. В кисловодской котловине наблюдалась редкая особенность – холодный воздух, приносимый ветрами с мощных ледников Кавказа, смягчал чрезмерную южную жару, поступающую из степи. В чистом воздухе смешивались запахи степного и горного разнотравья. Хотелось вдыхать всей грудью этот божественный дух. Какое счастье чувствовать единение с горными исполинами, которые с неизъяснимой щедростью дарят вам радость, излечивая от душевных и физических страданий!

Из большого окна полковнику было хорошо виден рельеф кисловодской котловины. В низинах текли быстрые речки и ручьи. Поблизости от них в изобилии росли кусты и трава. Но выше на склонах гор сквозь траву просвечивали каменные плещи. Повсюду травянистые склоны прочерчивали горизонтальные тропки, оставленные копытами скота. Тропки осторожно обходили обрывистые уступы и отдельные скалы причудливых форм и всевозможных оттенков: светло-серые, синеватые, желтоватые и даже почти белые и красные. Кое-где чернели входы в пещерки, издали похожие на ряды открытых тёмных глаз, неотступно наблюдающих, что происходит внизу.

Местные старожилы рассказывали, что в здешнем

источнике тысячу лет назад и веками позднее кавказские богатыри *нарты* обретали силу, здоровье и сказочное долголетие. Они многократно омывали себя целебным нарзаном снаружи и внутри. Как мы! И призывали святых хранителей племени и всемогущего господа ниспослать им благодать.

Развалины христианских храмов и племенных святилищ до сих пор можно видеть у подножия Шат-горы, по-другому, Эльбруса. Но молитвенные тексты, продлевающие жизнь, исчезли. По преданию, их спрятали священники, когда полчища Тамерлана убивали народ. Вода богатырей или *нарт сана* вытекает по-прежнему из-под ледников великой горы и насыщается силой в недрах освящённых земель. Однако волшебство древнего бессмертия исчезло.

Когда государю доложили о тайне бессмертия, он послал в здешние края профессора Александра Петровича Нелюбина, ставшего позднее академиком медицины. Профессор измерил состав нарзана и других кавказских вод, и обнаружил, что они лучше европейских, но не нашёл схрона с текстами.

Однако многие люди уверены, что нашёл. Но не смог прочитать, – на молитвах лежало заклиние. Поэтому в наше время сила нарзана лечит недуги и тем удлиняет жизнь, но не творит бессмертия.

Впрочем, все знают, что на Кавказе горцы доживают до преклонных лет. И все понимают, что жизненная сила наибольшая весной, когда в природе всё оживает: от цветущих растений до нерестящихся рыб. Неспроста на водах назначен курсовой сезон от мая до сентября.

Понятно, полковника интересовало, как здесь лечат. Первым делом, надобно было узнать в точности, как здесь всё устроено. Давеча, проезжая мимо, он увидел вскользь лишь очертания колодца целебного нарзана. Полковник подступил к колодцу, чтобы видеть всё точно.

Колодезный сруб в форме удлинённого восьмигранника аршинов пять в длину, три в ширину и глубиной аршина в два покрывали доски почти вровень с землёй¹. В досках возле

¹ *аршин = 0,711 м, 3 аршина = 1сажень, 500 сажений = 1 верста = 1067м.*

дальних граней сруба темнели отверстия. Поднятые крышки опирались на подставку в центре сооружения вроде спинок кровати. Выдумщица внучка сказала бы, что над источником сооружена кровать без полога, и он, подыгрывая, пояснил бы, что на ней отдыхал божественный врач Асклепий, когда сотворил источник с помощью дочери Панацеи.

Над углами сруба были установлены на низких тумбах бочонки. Число их полковник не считал, и так было ясно. Бочонки соединялись деревянными решётками, образуя ограждение. Всё было окрашено с выдумкой и старанием дикой краской¹ и ярью². Против отверстий были оставлены подходы к воде.

В колодце ледяная вода неровно бурлила, большие пузыри углекислого газа хлопками прерывали шум кипения и создавали туман из брызг. В отличие от пятигорских вод никакого запаха, кроме сырости, не чувствовалось.

Полковник подумал: «Удивительное дело, когда углекислого газа много, он наносит ущерб здоровью. Холодный нарзан целесообразно выбрасывает лишний газ, и оставляет ровно столько, сколько необходимо для лечения. Разве сие превращение яда в лекарство не есть волшебство? Его сотворила природа на пользу людям! Уму непостижимо! Невероятное волшебство!»

Стакан в целительный нарзан опускали не рукой, а на шнуре. Черпать было неудобно, но правильно для богини Гигиен, другой дочери Асклепия. Действительно, отверстия, открывающие доступ к воде, находились низко и руки не загрязняли источник.

Водопийцы пояснили, что правильно пить – это отпивать половину стакана, чтобы предохраниться от песка, нередко попадающего в нарзан из бурного источника.

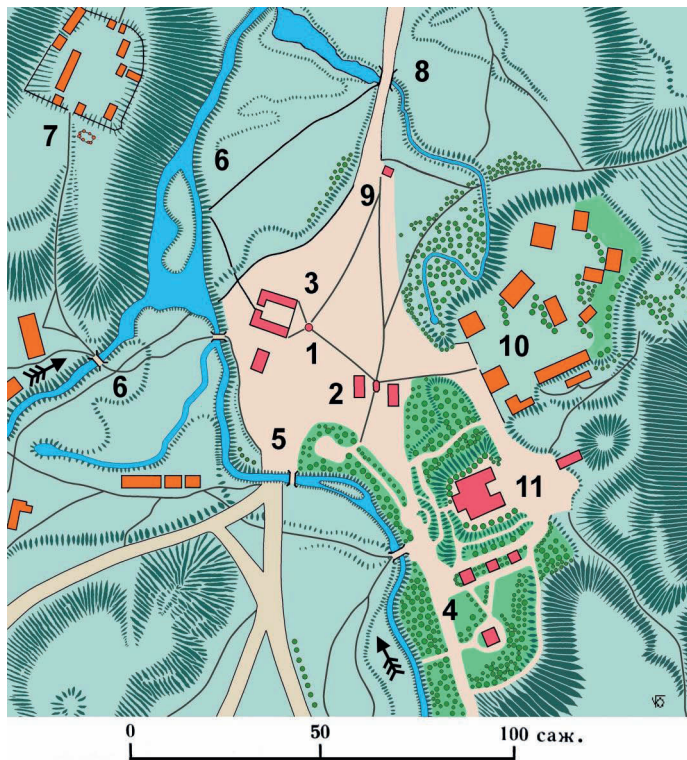
Остатки воды из стаканов сливали в лоханки над бочонками, чтобы не создавать сырости под ногами. Слитый в лоханку остаток стекал по подземным желобам в побочный деревянный бассейн, обложенный камнями и окружённый

¹ *кажется, суриком*

² *зелёная краска на окислах меди, называемая медянкой или ярью*

перильцами.

В двух шагах от колодца стоял деревянный грибок с крышей, под которой находился обруч с двадцатью железными крючками. На них водопийцы вешали стаканы для сушки.

Источник нарзана

(по карте Озерского, Кречетова, 1829 г.):

1- часы (предположительно); 2- колодец и галереи; 3 — ваннные сараи; 4 — парковый променад; 5 — речка Ольховая; 6 — речка Березовая; 7 — казачий пост; 8 — мост; 9 — шлагбаум; 10 — усадьба А.Ф. Реброва; 11 — гостиница с ресторанцией и кухня.

На колодец открывались две галерейки. Каждая имела железную крышу, три деревянные стены и глиняный пол,

посыпанный песком. Стены были покрашены жёлтой краской, а крыша ярью. У задней стены протянулась лавка для сидения. В галерейке курсовые, защищённые от непогоды или солнца, могли отдыхать, общаться, а также ждать, пока соберётся нужная партия для купания.

Многие предпочитали прогуливаться под открытым небом или в тени небольшой аллеи из молодых деревьев. Площадка около нарзана была обширна, зачищена от травы, выровнена и посыпана отличным хрящом, хрустящим под ногами. Местами подушка хряща скрывала болотистый грунт.

Рядом с площадкой находился домик гауптвахты для поддержания порядка. Военный наряд, назначаемый из крепости, особенно следил, чтобы ждущие ванного лечения не ссорились в очереди и не били служителей.

Сажень в тридцати от колодца стояли друг против друга два купальных сарая с жёлтыми деревянными стенами и зелёными железными крышами: левый для кавалеров и правый для дам.

Лечение проводилось по правилам, список которых был вывешен на стене. Кто постарше, лежали полчаса в деревянной ванне с подогретым нарзаном. Для молодёжи имелся освежающий холодный душ в особом отделении. Струи нарзана лились из ящика, поднятого над деревянным бассейном. Отхожие места располагались в конце сараев.

Тыльные стороны сараев и высокий забор окружали хозяйственный двор, на котором готовили нарзан для лечения. Через раскрытые ворота полковник видел, как во двор въехала одноконная тележка, управляемая солдатом. Служитель из одного сарая и служительница из другого вынесли корзины с мокрым бельём. Солдат соскочил с облучка и стал поднимать подаваемое в тележку, заигрывая со служительницей.

Вдоль двора в два ряда стояли на подставках шесть больших самоваров. Четыре дымили. Дымы коптили крыши и стены и раздражали обоняние.

Когда утром на базаре он и его крепостной человек Осип покупали хлеб для завтрака, полковник слышал, как аборигены иронично называли ванное хозяйство «винокурным заводом». Молодка, у которой он торговал куриные яйца,

молоко и сыр, весело пояснила, что «завод» дымит давно, – ещё в турецкую войну лечил раненых.

Базарные люди в Кисловодске знали, что такое оборотная сторона войны. Многие сами прежде воевали. Рядом с молодой то ли стоял, то ли сидел инвалид без двух ног и с нижней частью тела, спрятанной в кожаный чехол, который ему приходилось при «ходьбе» переставлять по земле, раскачивая тело на вытянутых руках, опирающихся на деревянные копыта.

Инвалид вынул изо рта трубку и, смеясь, добавил к словам молодой: «Дымит сильнее винокуренного!» Сплюнул на сторону и риторически спросил: «Разве можно пускать дым на священную особу государя императора?» Затем весело предложил полковнику купить молодые «чёртовы яблоки».

Полковник знал, что почти половина кавказского казачества держалась старой веры. Старообрядцы считали, что картофель придуман чёртом как обманное райское яблоко, чтобы люди забыли вкус праведной пищи.

Полковник слышал также, что на Кавказе готовились к приезду грозного императора. Всем была известна его придирчивость и педантичность. Полковник заметил, что всюду был наведён военный порядок. Постройки отремонтированы и покрашены в законный цвет, везде чистота, площадки и дорожки выровнены и присыпаны свежим хрящом. Даже бурьян был скошен на обочинах.

На дворе купального «завода», всё было, как на картинке, чисто, аккуратно и покрыто свежей краской. Пожилой солдат брал уголь из ящика и поленья из поленицы у забора и, поднявшись на подставку, заполнял железную трубу самовара. Труба с горящим топливом грела водяной объём огромного ушата сажень в высоту и три четверти в диаметре, сплоченного из сосновых досок железными обручами и накрытого крышкой. Спустившись с подставки, солдат потрогал рукой самоварный бок. Другой солдат, моложе, качал деревянный насос-помпу. Он поднимал нарзан из хранилища, соединённого подземной деревянной трубой с источником. В ванну нагретый и холодный нарзан поступал самотёком по деревянным трубам через медные краны.

Обойдя обширную площадку у нарзана, полковник определил диспозицию и решил привязать её к сторонам света. Но компаса не было, и он вытащил брегет. Возле угла галереи открыл циферблат под перезвон репетира и направил короткую часовую стрелку вдоль края тени, падающей от угла.

Взглянул по направлению посередине между стрелкой и одним часом. Нашел солнце, и понял, что в поселение он въезжал с севера. Щелкнув крышкой, убрал брегет в карманчик жилетки. Достал из другого кармана блокнот и карандаш. Сел на лавку и принялся рисовать кроки.

Сначала он изобразил правую, восточную, сторону ровной площадки. Отсюда он начал обход. По счёту шагов он прошёл, если округлять, сто саженей. Тут был вход в парк, и возвышалась ресторация, а перед ней стоял столбик с крышей и с двухпудовым колоколом. Каждые полчаса, не пропуская ни минуты, особый сторож громко звонил, чтобы шли на ванны.

Через проулок на склоне раскинулась за забором усадьба отставного статского советника Реброва с барским домом и флигелями, где полковнику предлагалось снять жильё. Он решил, что усадьба выглядит привлекательно.

На западной стороне нарзанной площадки саженях в семидесяти напротив усадьбы и за ванными сараями сливались речки Берёзовая и Ольховая. Над слиянием на невысокой безлесной Казачьей горке стояла неказистая вышка и за оградой помещались покрытые сеном балаганы из плетня. Там был сторожевой казачий пост.

На северном краю нарзанной площадки виднелись полосатая будка, поднятый въездной шлагбаум и бревенчатый мосток без перил через пересыхающий ручеёк, начинающийся в кустах перед усадьбой Реброва.

Когда проезжали мосток, извозчик сказал, что там, где сейчас ручей, раньше бежала речка Ольховка, пока солдаты не выкопали за одно лето другое русло подальше от колодца, чтобы горная речка при подъеме воды не заносила колодец сором. И прибавил, что нарзан, поступающий из источника, свободно стекает в речку после ваннных сараев.

Стариков и тяжелых больных из слободы возят на купание

через брод. В половодье переправа невозможна. Приходится переправлять больных на носилках или на руках по пешеходным мостикам. Непорядок, конечно. Многие считают, что на месте брода пора сделать крепкий мост.

Полковник нанёс карандашом новое русло и брод. Дорисовав, убрал карандаш и блокнот в карман. Сегодняшние кроки пополнят его путевую коллекцию видов, карт и заметок. Вернувшись домой, он покажет их знакомым и домашним, когда будет рассказывать о нарзане и других природных чудесах Кавказа.

Соглядатаи в городе

До обеда было ещё много времени, когда полковник решил дотошно разведать, что продают в балаганах за речкой Ольховой. Неприглядные холщовые палатки стояли как раз там, где сходились дороги и тропинки. Такие же придорожные торговые балаганы полковник видел в Пятигорске.

– Куда ни глянешь, везде одно и то же: «подешевле покупаем и подороже продаём», – думал он, переходя речку по деревянному мостику. – Учёный Адам Смит считал этот обычай природным свойством людей. Как ловко шагают в ногу медицина и коммерция! Посмотрим, чем торгуют, но не забудем о лечении, – решил он, подходя к прилавкам.

Разложен был обиход, знакомый по Пятигорску: вино, табак, чай, кофей, сахар головкой и кусковой, шоколад, миндаль, винные ягоды, чернослив, разные сладости. Рядом продавались нитки, иголки, ленты и прочая галантерея, вязаные вещи, стаканы, курительные трубки, мохнатые шапки, оружие и украшения.

Оружие из Дагестана и Грузии не привлекло его внимание. На первый взгляд ничего стоящего. У него дома в коллекции были экземпляры лучше: персидские, грузинские, черкесские и даже настоящая гурда из дамасской стали, которой он гордился, а соседи завидовали.

Возле оружия, разложенного на коврике, сидел на земле, подогнув ноги, горец в чохе. Нетрудно было заключить по его окладистой каштановой бороде и гордому виду, что это был «не тунгуз, ныне дикой, и не друг степей калмык», а мастеровитый

обитатель Кавказа. После приветствия «Гамарджоба!¹» горец ответил «Дхэ мивидобиса!²»

Полковник присел на корточки перед товаром, взял в руки охотничий нож и, рассматривая его, спросил, чтобы завязать разговор:

– Ты из Грузии?

– Да, господин. Мы из Тбилисо. У нас бумаг имэйца. Паказат, да? – сказал горец с грузинским акцентом, пропуская звуки и предпочитая твёрдые согласные.

«Я не о том», – сказал полковник, поднимаясь на ноги и продолжая исследовать нож с красивой рукоятью из рога косули, без гарды и с металлическим обухом.

Разглядел надпись Solingen на пяте клинка, но не нашёл клейма мастера. Полковник не сомневался, – перед ним был поддельный золингеновский нож. Не говоря ни слова, положил его на место. И тут он удивился. Возле оружия лежала прекрасная самшитовая трость.

Он поднял её. Трость была увесистой, но не излишне тяжелой. Её прочная, почти как железо, древесина была замечательно ровной. На светлой лакированной поверхности вилась причудливая вязь арабской надписи чернённым серебром. Удобный набалдашник завершала старинная серебряная пуговица с двуглавым орлом. Такая пуговица, он слышал, венчала трость Александра Пушкина.

Он знал, что самшит растёт на западном Кавказе вблизи Гагр и его появление в Кисловодске было совсем не удивительно. Тут торговали товаром, привезённым отовсюду, и, главное, тут собирались щедрые покупатели! Это привлекало торговцев.

Услышав, что интересуются тростями, горец сказал:

– *Момеци данарчеби джокеби!*³

Крепкий рыжеволосый парень, сидящий на пятках позади мастера, поднял горбоносое голубоглазое конопатое лицо,

¹ *Здравствуйте (груз.)*

² *День добрый (груз.)*

³ *Дай мне остальные палочки! (груз.)*

глянул равнодушно, вытащил из мешка и подал пачку тростей.

Не тунгус и не калмык сказал:

– Выбирай, важный барин!

Полковник внимательно перебрал несколько прекрасных тростей, покрытых чёрными надписями и украшенных резными рукоятями в виде стилизованных звериных голов. Некоторые попробовал в руке, но потом вернулся к трости, увиденной сначала, и спросил, что на ней написано.

Почувствовав явный интерес покупателя, торговый гость перевел надпись, с акцентом произнося русские слова: «Равны перед богом и гуляка и постник, но лучше в добрых делах найти *тарикат*¹». И сказал, что так написал бессмертный поэт Хафиз Ширази², великий знаток священного Корана.

Полковник подумал:

– Чудесно Кавказ соединяет поэтов и вдохновляет мастеров!

Торговец пояснил, что *тарикат* означает путь служения и высшую ступень познания всемилостивейшего Аллаха, и закончил: «Пусть на этом пути нами руководит мудрость пророка Мухаммада! *Салл-ал-лаху аллейхи ва саллам!*» Полковник знал, что это переводится как: «Да благословит Всевышний и приветствует!»

– Станный оружейник, – решил полковник. – Владеет восточными языками и русским. Знает персидскую поэзию. Похоже, что он грузинский перс. Откуда только не приносит кушцов, и кто только не торгует у нас!

Полковник купил вожделенную трость. Как принято на востоке, торговались хорошо. Впрочем, полковник понимал, что кавказский самшит не может быть дешёвым, – слишком сложным и опасным был его путь с гор через войну в Тифлис к грузинскому ремесленнику.

Раскошелившись, полковник забрал уникальную трость. Сказал по-арабски: «*Шукран!*³» и услышал в ответ: «*Шукран*

¹ один из религиозных базисов сопротивления на Восточном Кавказе

² устный ттец и знаток Корана из Ширази

³ Благодарю! (араб.)

лак айя сайеди!»¹

Позднее он подумал, что у знатока Востока можно было разузнать ещё многое, но на прежнем месте его не нашел.

У знатока Востока торговля оружием шла так себе. В середине дня совсем остановилась. Площадка перед нарзанным источником опустела. Колокол у ресторации, звонивший каждые полчаса, замолк.

Торговец оружием был удивлён и всё посматривал в сторону колодца. Это заметил сосед, торговавший кофею, чаем, сахаром, конфетами и другими сладостями. Он попытался объяснить грузину, что происходит:

– Шота, не удивляйся! Это начался обед в ресторации. Все курсовые обедают в одно время. Курсовыми их называют потому, что они «проходят курс». Это по-немецки. По-нашему это значит «лечатся нарзаном».

– Вай, вай! – воскликнул Шота. – Какие суровые порядки! Харлампей, друг, скажи точно, – это из-за войны назначено время обеда?

Торговец сладостями продолжил свои объяснения:

– Слушай меня внимательно! Когда воюют солдаты, ими управляют офицеры. Точно так и врачи командуют курсовыми. Они назначают лекарства и процедуры для сражения с болезнью. Настоящие врачи, как и командиры в армии, лечат по правилам. Или, точнее сказать, по науке.

– Так, – понял с трудом Шота, – здесь воюют и лечат в одно и то же время и по правилам. Скажи, курсовые тоже воюют?

– Какой ты чудак! – попытался втолковать торговец сладостями. – Как они станут воевать? Они же больные?

Шота выразил заинтересованность:

– Я понял. Офицеры, которые ходили по площадке и пили нарзан, ушли в ресторацию обедать. Это больные офицеры. Больные офицеры здесь не офицеры, – они курсовые. И они не воюют. Других офицеров не вижу. Кто же тогда воюет в крепости?

Торговец сладостями рассмеялся:

¹ *Благодарю вас, господин! (араб.)*

– Ты забыл её гарнизон! Наш гарнизон – усиленная, как на войне, целая рота солдат.

Шота сделал вид, что удивился, взмахнул руками так, что рукава чохи разлетелись, и поспешил сказать:

– Подожди! Подожди! Рота солдат воюет без офицеров?

И получил ответ:

– Да нет, у них офицеры не курсовые, а свои!

Шота облегчённо вздохнул:

– Вай, мэнэ! Я успокоился и не боюсь! Мне было непонятно, но я разобрался. В Кисловодске есть разные офицеры: курсовые – это чужие и некурсовые – это свои. Только я не понимаю, как их различать?»

– А зачем их различать? – удивился Харламий. – Мы не различаем. И даже регистратор, который их записывает на ванны, не различает!

Грузин задумался. Потом спросил в недоумении:

– Слушай, друг Харламий, ты видел, что у меня покупал палку старый офицер. Получается, что он курсовой и не воюет. Как это может быть – офицер из крепости и не воин?

Харламий рассмеялся.

– С чего ты решил, что старик живёт в крепости? Он снимает домик не в крепости, а рядом в слободе. Крепость – это одно, а слобода – это совсем другое. Она не военная, а мирная. Курсовые располагаются не только в слободе, но также в других домах. Многие живут на усадьбе Реброва и в гостинице при ресторации, но не в крепости. Подожди! Вот, поживешь здесь, поторгуешь и тогда во всём разберешься.

Болтливый торговец упустил из вида, что грузинские торговцы в Кисловодске чужие, и не живут ни в каком доме.

Когда пришло время обеда, местные торговцы сложили товар в тележки и уехали. Уезжая, доброжелательный Харламий спросил:

– Надеюсь, Шота, увидимся на другой день?

– Благодарю! Увидимся с радостью, – ответил старший грузин, складывая с помощником товар во вьюки.

Когда Харламий отъехал, грузин вздохнул с облегчением. Помахал вслед рукой и подумал:

– Надоел этот болтливый грек. Но очень полезный!

Важные вещи услышал я от него. Несомненно, они нам пригодятся. Но хватит о нем! Уверен, что мы никогда больше не встретимся. Продолжим заниматься делом, ради которого с такими трудами мы приехали сюда, устроили это ряженье и сменили имена.

Настоящее имя старшего торговца было Али, а не Шота. Подмастерья звали Аслан. Они были не грузины, а *адыгэхэр*¹.

Али подумал, что пора убираться из Кисловодска. Слишком здесь опасно. Утром он чуть не попал впросак, разговаривая с любопытным, хотя и щедрым, отставным полковником.

По счастью, Аслан действовал, как ему было сказано. Отлично исполнил роль молчаливого подмастерья. Да и мне повезло! На мое счастье, покупатель перестал расспрашивать и занялся товаром. Слава Милостивому, обсуждение цены удалось затянуть, на сколько требовалось, чтобы спор надоел покупателю!

Спасибо знакомому оружейнику Шоте за имя и особенно за то, что он рассказал мне о Хафизе и перевел остальные надписи на проклятых палках! Зачем только я взялся ими торговать? Торгуя я одним оружием, – неприятностей было бы меньше!

Али чувствовал, что пришло время уезжать. После обеда много русских выйдет из ресторации, и среди них, избави Милосердный, могут оказаться даже более любопытные, чем старый офицер. К вечеру народу станет ещё больше. Опасность быть разоблаченными возрастёт.

Аслан привел лошадей, пасшихся неподалеку. Довольный Али, не называя имени, похвалил: «*Агурус!*»² Они быстро сложили товар во вьюки и нагрузили лошадей.

Оглядывая окрестности, торговец Али давно наметил путь, по которому можно незаметно уехать на дневку, а если повезёт, то и на ночёвку. Лошадям был необходим длительный отдых. Всадники переехали мосток на въезде и вскоре повернули направо по тропе. Проехали вдоль балки, преодолели крутой подъём и оказались в подходящей луговой впадине.

¹ *адыг*, *адыгэхэр* – воин, воины – самоназвание черкесов (*адыг*.)

² *Молодчина*, букв. *кирпич* (*груз.*)

Нарзан и променад

В растворённое окно ресторации задувает ветерок и колышет белые коленкоровые шторы, разрисованные золотыми веночками и украшенные бахромой и кистями. Ветерок приносит приятную свежесть, и запах трав перемешивается с запахом еды.

Полковник доволен и покоен – нашёл отличное жильё, организовал лечение и купил *souvenir*. Он только что выпил полдюжины стаканов нарзана. Теперь, как положено, пережидает время от водопития до еды.

Его цветной с вензелем стакан, оплетённый шёлковым шнуром, сноровисто опускал в колодец, ополаскивал, наполнял и подавал всего лишь за одну полушку увечный георгиевский кавалер. Медаль святого Георгия была прикреплена на чистую полотняную рубашу с вышивкой. Деревянный протез ноги был пристёгнут к поясу. Штанина завернута и пристегнута. Кавалер с готовностью принял пятиалтынный наперёд.

В колодце холодный нарзан кипел бурно. Полковник слышал, что нарзан, насыщенный газом, самый полезный. Кавалер спросил, брать ли нарзан подле пузырей. На высказанное полковником соображение «Без сомнения, стаканы роняют в колодец!» поспешил ответить:

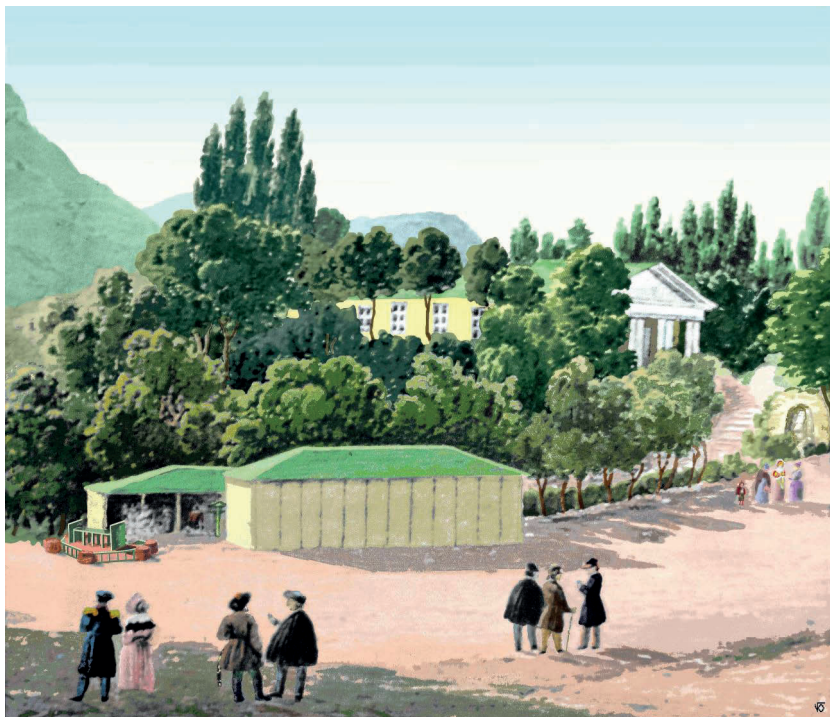
– Случается, ваше высбродие! Но у меня с красивыми стаканами такого не бывает!», – давая понять, что стакан, оплетённый шелком, а не соломой, будет сбережён обязательно. – Ежели, помилуй господи, случится неприятность, я завсегда достану в целости и сохранности! Не извольте беспокоиться!

Полковник неспешно прогуливался, получал от кавалера полный стакан, отходил, останавливался, опирался на новую трость и выпивал полстакана с перерывами между глотками, затем возвращался к колодцу, выливал железистые остатки в лоханку на бочонке. Закончив, повторял все с начала.

Солнце сияло, убитый хрящ с песком шуршал и скрипел под ногами, газ от холодно-кислой шипучей воды приятно ударял в нос. От долгого питья мутило до отрыжки. Ощущения были непередаваемые.

Закончив водопитие, он отдал кавалеру стакан. Услужливый кавалер повернулся на деревянной ноге, хромая, подошёл к столбику с крючками. Из почтения повесил стакан повыше на крючок и показал на человека с журналом:

– Вам, высбродь, к купальному смотрителю.

Питьё кисловодского нарзана
(по акварели И.Я. Мейера, 1843 г.)

Как выяснил полковник, получасовой сеанс купания сильно подешевел: прежде стоил семь рублей, а теперь всего один целковый! По правилам можно получать сеанс с пяти утра до одиннадцати дня и с трёх до семи вечера. И даже до девяти, когда пациентов много. Смотритель называл по-армейски «пополуночи» и «пополудни».

Полковник сказал записать по две разводные ванны в день, всего две дюжины ванн, первая сегодня после обеда. Расписался, заплатил и получил билеты.

В завершение водопития полковник для пробы пофланировал вдоль речки, взмахивая тростью на манер, принятый на Невских берегах.

Прогуливались пёстрые группки сборного общества. Разнообразно одетые чиновники или просто купцы и помещики, многие с супругами и дочками, искали исцеления и развлечений. Одни дамы несли зонтики, другие влекли деток или собачек.

Пожилые курсовые наслаждались прохладой на скамейках, молчали или беседовали. Любители цветов ходили между клумбами. За важными персонами следовали адъютанты или свиты. Около богачей лебезили приживалы. Попадались черноризцы. Много было военных: как офицеров, так и солдат.

Полковник раскланивался с курсовыми, знакомыми по Пятигорску и Железным водам. Иногда говорил дежурные фразы. Сидевший в галерейке старичок – облаченный в бархатный сюртучок отставной штаб-ротмистр, – окликнул его. Он был соседом по дому, в котором полковник жил, когда лечился в Пятигорске.

Старичок поздоровался и пригласил присесть. Справился о самочувствии и спросил о лечении:

– Будьте любезны, мой друг, сообщить мне, какую питьевую терапию предложил вам доктор? Скажу вам, не хвастая, что я – дока по этой части. У кого вы наблюдаетесь?

Иван Петрович назвал врача, к которому он обратился по совету княгини Хасновой. Скорее всего, не известного на Кавказе. Услышав ответ, старичок сказал пренебрежительно:

– Эти столичные доктора не знают маленьких секретов нарзанного лечения. Они лечат, как привыкли лечить минеральной водой за границей или у нас в Пятигорске и Железноводске. Нарзан же – вода особая и коварная! Приступать к ней надобно с осторожностью.

Не правда ли, вам назначено выпивать в день 10-12 стаканов в два приёма обязательно за час до еды. Правильно?

Полковник признался, что так. Старичок продолжил:

– А ты выпей до обеда 4, а к ужину 6. То есть, с утра пей меньше, чем к вечеру. И так делай недельку. Посмотри, не обременительно ли. Лишь после перейди на 12 в день.

Помни, что нарзан – сильная вода, и для пользы ты пьёшь полстакана мелкими глотками! А то некоторые чудачки превращают жажду здоровья в исключительную жажду пить и выпивают в день четверть и даже половину ведра себе во вред!

Решительно покончив с нарзаном, собеседник заговорил о жилье. Тема была злободневной, – с наймом жилья на водах всегда были сложности.

– Смею надеяться, любезный друг, что вы первым делом на день-два сняли номер у Найтаки? – спросил штаб-ротмистр.

– Нет, не вышло. Все было занято. Пришлось без выбора снять для ночлега негодный домик далеко в слободке. Собираюсь съехать оттуда. Хочу просить содействия у Найтаки.

– Тогда, считайте, с жильем у вас все наладится, – успокоил его штаб-ротмистр.

Но тема жилья не могла исчерпать себя так быстро. Оба согласились, что жилья на Кавказских водах не хватает давно, а новые жилые помещения строят плохо.

Вот приедет император и наведёт порядок, а то, куда это годится, сдают калмыцкие кибитки с остеклённым окошком. В дворянских домах за две комнаты берут по 10-12 рублей в день, когда корову можно купить за 15-20 рублей. Жить и лечиться в Кисловодске дороже, чем в Пятигорске.

Главкомандующий барон Розен недоволен городской планировкой Пятигорска. Но ведь известно: кто малым недоволен, тот большого не достоин! Ничего толкового не предлагает, занимается одной Грузией. Из-за этого не слишком активен на фронте против горцев.

Говорят, что в Дагестане появился новый вождь, какой-то Шамиль. Жди набегов, особенно осенью, когда горцы уберут свои урожаи. Полковник согласился и сказал, что Алексей Петрович не допустил бы такого. Оба знали Ермолова. Впрочем, собеседники признали, что барон Розен не глуп и поддержал укрепление Лабинской линии.

Закончив с жильем, они принялись обсуждать *cette*

*mauvaise cuisine dans le style Néotaki*¹. По мнению штаб-ротмистра, стряпня Найтаки была не такова, сколько за неё берут. *Ce grec est un vrai marchand*². Наконец, критики сошлись на том, что еда у Найтаки терпима, ибо сказано: «Не хули руку, хлеб дающую».

Довольный собственной терпимостью, старичок выразил свой восторг тем, что в ресторации слуги вышколены, как на парадный смотр, и носятся быстро, как метёлки. Несмотря на строгости с персоналом, Пётр Найтаки ведёт дела с гостями по-домашнему доверительно. Всех знает, даже блюда отпускает любезно в долг. Что об этом думает полковник?

Полковника утомили витиеватые рассуждения старичка. Он извинился и сказал, что увидел приятеля и должен срочно переговорить о важном деле, пока тот не ушёл на ванны.

– Здравствуй, *ma cher!* – расцеловался с ним толстый шурин троюродного брата, приехавший на нарзан прежде полковника.

Толстяк торопился:

– Время, Иван! Поговорим позже! Встретимся в половине пятого пополудни здесь у камня.

И, не дожидавшись ответа, насколько устроит это время собеседника, потрусил к купальне.

Полковник подумал: «Мне тоже пора на *excellente promenade en plein air*³.» Он был в предвкушении – его ждала восхитительная прогулка вдоль реки в парке!

Истинный французский променад или терренкур, как его переименовали в начале следующего века, начинался от того камня, у которого была назначена встреча с родственником.

Тут ему открылась беседка-грот под лестницей, поднимающейся к ресторации. Вход в беседку был облицован диким камнем, но в отличие от пятигорского грота Дианы подпорных колонн не было.

– Любопытно, – заметил полковник, – этот грот, очевидно,

¹ эту дурную кухню в стиле Неотакки (фр.)

² Этот грек – настоящий купец (фр.)

³ превосходная прогулка на свежем воздухе (фр.)

природный. Местные уверяют, что пещеру промыла вода, а мозаика на стенах налеплена для красоты из окаменелых раковин, рыб и водорослей, найденных в окрестностях. Значит, точно, здесь в незапамятные времена было море или пролив, соединявшие Понт и Каспий. Исторический грот! Многозначительный геологический экспонат! И как красиво оформлен! – полковник любил аккуратность во всём.

В прохладном полумраке в клубах ароматного табачного дыма больные сидели полукругом на диване, покрытом коврами. Сидящие пили неспешно кофей по-восточному с гущей, будто сидели в стамбульской кофейне. Брли трубки с длинными чубуками, которые подавал слуга в феске, раскурив их как настоящий чубукчи.

Полковник вошёл в тенистую парковую аллею. Она вела его над быстрой речкой Ольховой, играющей на каменистом русле. Осматриваясь среди молодых деревьев, полковник пытался понять стиль, по правилам которого был устроен парк.

На первый взгляд, он был похож на *garden*, английский парк. Кривые линии садовых планов подражали натуральному пейзажу так, как полагалось в английской системе. Однако здесь не было *emerald green lawn with real turf*¹, но были сделаны бордюры, аллеи и другие французские удобства.

Пришлось признать, что посреди диких гор культурно соединились английский и французский парковые идеи. Он назвал бы это удивительное кавказское изобретение *sanative combo park*²! Доминировал пейзажный стиль, но местами просматривался регулярный.

Деревья отцвели и ароматический запах уже не дразнил обоняние, как на Горячих и Железных водах. Веял пряный дух скошенной травы. Чувствовалось контрастное действие жаркого солнца и охлаждённого воздуха. Прохлада исходила от речки, бурлящей на каменистом русле поблизости от променада. Там повсюду крутились водовороты и прыгали водопады.

Однообразный шум воды успокаивал. Ощущения были

¹ изумрудно-зелёный газон с настоящим дёрном (англ.)

² лечебный комбинированный парк (англ.)

замечательные. Никогда прежде он не испытывал ничего подобного. Молодые деревья, свежий воздух, глубокие тени, яркое солнце и чистая вода – всё было пропитано святой мощью жизни. Чудилось, что космическая энергия нежит помолодевшее, полное сил тело, а душа сливается со вселенной в окончательной нирване.

Набережная и променада над речкой Ольховой

Он подумал: «Таким бывает настоящее умиротворение!» Мечтать было сладостно, но проклятые болезни его не отпускали. Полковник брёл дальше, ища в тени деревьев укрытие от жаркого южного солнца. Парковая аллея тянулась более версты.

В конце аллеи он преодолел зелёный мостик со ступенями, перилами и вертушкой и вышел на поверхность скалы, отшлифованную потоком воды. Парковый променада закончился. Перед ним открылась восхитительная картина. Сверкающая вода, разогнавшись между склонами, мощным и

шумным потоком вылетала на гладкую скалу и с силой прыгала из ямы в яму, образуя естественный каскад. Из кипящих ям веяло свежестью.

Он вынул копейку из портмоне и забросил в речку. «Надеюсь, – подумал он, – вернусь сюда когда-нибудь! Для здешних духов мелкой монетки достаточно и не требуется развешивать тряпицы на ветках, как делают в Грузии и Персии, убажывая тамошних идолов.»

Курсовой обед

На обратном пути полковник почувствовал, что нынче ему не сделать *promenade de plus cinq fois*¹, как назначил врач. Утренняя прогулка по круглым тропинкам города чрезмерно утомила. Он слишком увлекся знакомством с Кисловодском. Не рассчитал свои силы. «Уф, вот грот и ресторация!» – пробормотал он с облегчением.

Перед ним открылось одинокое прекрасное здание посреди пустынной местности. Это, действительно, был царский дворец, о котором ему рассказывали. Строгие пропорции на фоне вольно раскинувшихся гор производили сильное впечатление.

Середину украшал белый портик с треугольным фронтоном и с четырьмя парами дорических колонн, возвышающихся над нижним балконом. На север и юг выступали два симметричных крыла дома. За двойным рядом тёмно-зелёных тополей под изумрудной кровлей сверкали большие окна в белых наличниках и будто желтым золотом светились высокие стены.

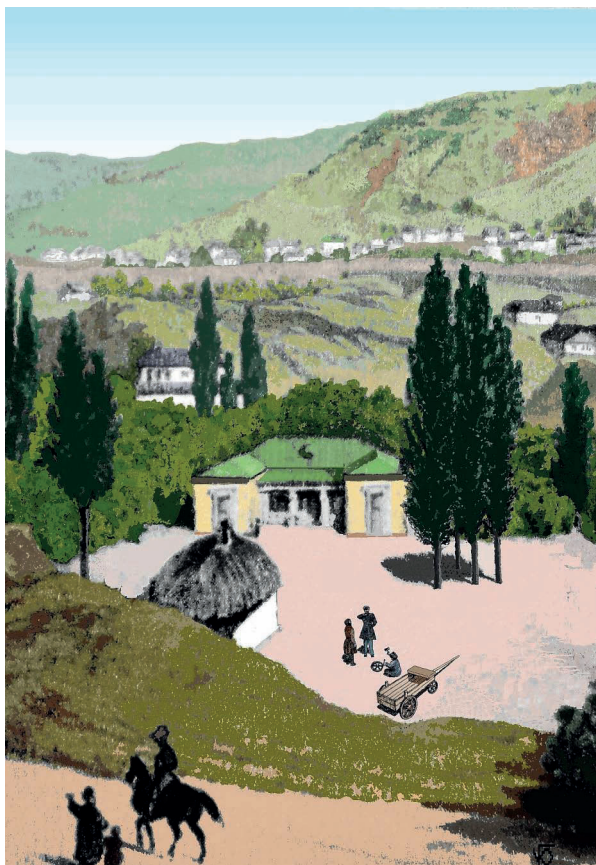
Полковник запыхался, когда всходил к дому по крутой лестнице из плитняка. Хорошо, что можно было опереться на деревянные перила.

Постоял наверху, разглядывая здание вблизи и вдыхая ароматы кофея и табака, поднимающиеся из грота. В сильных ароматах терялся цветочный дух от новых клумб, посаженных внизу в ожидании императора.

На балкон вели три широкие ступени. Отдышавшись, полковник взошел по ним. Широко отворенная дверь

¹ променад больше пяти раз (фр.)

приглашала войти. На стене здания под табличкой «Дом благородного собрания» висел список правил, такой же, как в пятигорской гостинице.

Во дворе ресторации в 1836 году
(реконструкция по литографии Э. Сисэри, 1861 г.)

В конце было прикреплено объявление, что сегодня в восемь часов пополудни в благородном собрании назначен бал, и билет за 2 рубля 50 копеек можно получить здесь. Из

открытых окон слышался людской говор, и пахло едой.

Гость кладёт рядом картуз и трость, переводит дыхание, откидывается на спинку стула, глубоко вздыхает, распрямляет гудящие ноги и достаёт из кармана фуляровый платок, оттирает лоб и с интересом оглядывает публику. Видит старичка-соседа и ещё несколько лиц, знакомых по Пятигорску и Железноводску. Потом рассматривает всё остальное.

Картина, открывшаяся ему, поражает. Он не ожидал, что посреди здешней пустыни находится подобная красота!

В светлом зале с небесно-голубого потолка свисают две позолоченные люстры, каждая на два десятка подсвечников. На стенах, оклеенных зелёными бумажными шпалерами¹, красуются вызолоченные жирандоли и зеркала в рамах из красного дерева.

Заднюю стену с окнами во двор отделяют белёные по полотну четыре колонны, подпирающие белую антресоль. За колоннами стоят сложенные ломберные столы. Краска на полу новая, нигде не стертая ногами.

В правом углу висит киот с иконой и горящей лампадой. Там в облачении с крестами и с Евангелием в руке угадывается исцеляющий епископ Николай Чудотворец. Слева находятся вешалка для одежды и вход в буфетную. Чехлы из пестрядины облегают мебель.

На стуле приятно сидеть. Столы в зале накрыты белыми скатертями с розовой бахромой. Сервировка стола не хуже столичной. Стоят свежие цветы и дежурный канделябр. В бокале свёрнут розан из полотняной салфетки. На скатерти и салфетке вышит розовый вензель КСК – Кавказская Строительная Комиссия.

Прислуга наряжена в белые фартуки, белые рубахи, чёрные порты, жилеты и галстуки. У каждого на рукаве полотенце с розовым вензелем, но нет перчаток. Обслуживают как бы по-европейски.

Но ему отлично видно, что подавальщики совсем не походят на развязных *garçons*², которых он наблюдал, когда

¹ обои (устар.)

² гарсоны, мальчики (фр.)

квартировал в Париже и вкушал французскую *fine cuisine*¹. Двадцать лет пролетели, а он всё вспоминает великую победу над супостатом Наполеоном и европейский поход!

За подавальщиками наблюдает отменно одетый строгий Пётр. Неулыбчивые *garçons russes*², показывая усердие на славянских лицах, лавируют между столами, склоняются и принимают заказы.

Выслушав заказы, спешно несут из буфетной графини, штофы и бутылки «какого вам угодно» вина. Приносят подносы с расписными тарелками и черными горшочками, над которыми поднимается ароматический пар от аппетитной еды, доставленной сюда со двора. Получив плату, убирают столы. Деньги относят в буфет.

Собравшееся общество хорошо пьёт, чинно ест и беседует. Слышатся фразы на модном языке. Звонят бокалы. В паузах постукивает столовое серебро. Оживлённая группа юнцов и барышень требует шампанского и мороженого. К ним спешит подавальщик.

На соседнем столе полковник увидел листок «Русского инвалида». Он не удивился. В здешнем Благородном собрании получают не одни «Санкт-Петербургские ведомости». Скомандовал гарсону, убирающему стол: «Человек, газету!» Обнаружил, что номер старый: «Экая досада!»

У дальней колонны скромно сидят за столом брюхатая брюнетка с локонами по английской моде и пожилая дама. Обе одеты в платья с кружевами и модные капоры с лентами. Они ласково смотрят на мужчину, который обедает перед ними.

Вошел ресторатор Пётр, подсел к ним и заговорил негромко и доверительно. Мужчины выглядели удивительно похожими.

«Странно, – подумал полковник – вижу одинаковых греков. Особенно их роднят бакенбарды. Какая поразительная величина и пышность! Конечно, эти двое – родственники! – догадался полковник. – Тот, который обедает, наверное, сын ресторатора Петра.

¹ тонкую кухню (фр.)

² русские гарсоны (фр.)

Интересный вопрос – с кем из них я разговаривал, когда пришел? Надеюсь, что с Петром. Впрочем, это не важно! – остановил себя полковник. – Ещё не хватало мне заморачиваться подобным ерундой! Он – слуга. Ему положено различать, с кем он разговаривает! Зачем мне заботы слуги?

Признав себя правым, полковник рассудил: «Из точного совпадения внешности получается необыкновенное удобство – можно, не задумываясь, называть этих рестораторов Петрами, как всяких низких людей Иванами. Ведь, в отличие от дворянства они не помнят родства.» Эта мысль ему понравилась. Он улыбнулся про себя и вернулся к изучению остальной публики в зале ресторации.

Его внимание привлекли юные офицеры за соседним столом. По командирской привычке они разговаривали повышенным и категоричным тоном. Одеты были в плохо сшитую одежду провинциального покроя. Сюртуки без эполет. Перчатки забыты. По здешней моде чёрные брыжи¹ выпущены над воротником.

«Нарушения формы в поле -- обыкновенное дело, но могли бы на курсе складки одежды разгладить», – огорчился полковник. Однако к его удовольствию, один офицер, бородатый терский сотник, одет был по форме. Он носил синий бешмет и черную черкеску с газырницами на груди. Черкеску подпоясывал узкий ремень с богатым набором накладок и брелков, подвешенных на ремешках.

Полковник знал, что на Кавказе пояса заговаривают и оснащают талисманами. На поясе казака висел кинжал в ножнах, отделанный серебром. На плече виднелась потёртость от сабельной портупей. На ногах были кавказские черевички с ноговицами.

Понятно, форма боевых офицеров не могла сравниться с кумачовыми бешметами и белыми черкесками, какие он видел в Ставрополе на заезжих франтах. Но манеры офицеров были светские – за едой не шумят и ведут себя прилично, салфетки используют, как принято в обществе, кушают аккуратно и неспешно, не чавкают, говорят, лишь проглотив кусок еды,

¹ нагрудник, надеваемый вокруг шеи под воротник

приборами не гремят, да и головные уборы и прочие вещи на стол не кладут.

Офицеры, встав из-за стола, крестятся в угол зала на киот. Полковник одобрительно подумал: «Современная кавказская молодёжь – сплошь вольнодумцы, но в бога верят!» Чинно вставшие офицеры покрываются полевыми суконными фуражками, только казак – мохнатой шапкой, давно разрешённой на Кавказе самим Ермоловым, чтобы вражеские стрелки не различали офицеров между рядовыми воинами.

Наблюдая, как уходит молодежь, полковник вздыхает сочувственно. Он задумывается о ранениях.

Полковник берёт со стола меню. Листки, написанные на французском, вложены в картонку с тиснением букв «СТС» и с лицевой виньеткой, изображающей лавровой венок и романтические развалины афинского акрополя.

Зачем гостю было знать, что здешние гостиницы и рестораны находятся под контролем Строительной комиссии, назначаемой кавказским наместником? Достаточно высокая цена обеда от 75 копеек до 2 рублей не была обременительной для состоятельного сословия.

Меню скромное и далёко не столичное. Об устрицах и рокфоре, конечно, ни слова не написано. Устрицы живут тут недалеко, в Чёрном море, но из-за войны привезти их никак невозможно. Наоборот, рокфор «водится» слишком далеко. Конечно, имеется белужья икра и местный сыр, а на завтрак также записаны яйца, творог, молоко и утренний хлеб. Полковник уже убедился, что местные продукты превосходны. Определенно, еды в здешней ресторане можно не опасаться.

Обед состоит из четырёх блюд: закуска, первое, второе и десерт – всё *prix fixe*, четвертак за блюдо. Цена фиксирована, как во Франции, но дороже! Предлагают также непрменные каши. Есть ещё расстегаи, кулебяки и птифуры. Предложены фрукты, конфеты, пирожки и мороженое. Полковник заметил, что сюда проникли модные пахитоски¹. Из напитков есть кофей, чай и морс.

В карте вин обнаружили знакомые шампанские вина и

¹ Мелкорубленный табак, завернутый в маисовый лист.

бордоский сотерн, мозельвейн и рейнвейн, кахетинское и ром из Грузии, донское. Имелись десертные мадера и малага. Полковник убедился ещё в Ставрополе, что у Найтаки вино без подделки. Да и другие посетители утверждали то же самое.

Внизу на карте были приписаны вина от Реброва местного поставщика императорского двора: красное, белое и полу шампанское, а также гордость винодела десертный «Глаз куропатки», вкус и букет которого были превосходны и выражены не хуже, чем у токайского! В Пятигорске полковник купил несколько бутылок для винного погребца в своем имении.

Внезапно его внимание привлекли шумные соседи в углу зала. Там позвали: «Эй, мальчик, стол!»

Лакей раскрыл зелёный стол, выложил мел и колоду карт. Расставил стулья. Соседи захватили бокалы и бутылку. Пересели. Перестали шуметь. Привычно сломали колоду, стасовали и сдали. Начали торговлю. Монеты и ассигнации появились на столе.

– Верное дело, дойдет до расписок! – подумал полковник. – Вижу, мудрецы подняли паруса для виста. Банк и бостон их не устраивает! Далеко поплывут под картёжными ветрами: трефовым, бубновым, червонным и пиковым, как говаривал один профессионал¹.

– Полноте, – придержал он себя, – нонича я не плаваю! Мне довольно карты на пе², обдёрнутой в ночной штосс в пятигорской игровой *chambre infernale*³!

Обед накрыли быстро. Еда ему не особенно понравилась – была, все-таки, хуже, чем дома – но отобедав, он все равно шепчет благодарственную молитву.

Потом прислушивается к желудку, раздраженному нарзаном, и размышляет, как нарзан сочетается с французским вином и местной кухней. Удивляется, сколько испытаний выпало на его слабый желудок, и очень надеется, что выдержит все назначения.

Надеюсь, – подумал он, – при таком питании хватит сил

¹ присказка из «Свадьбы Кречинского» А.В. Сухова-Кобылина

² на двойную ставку

³ адская комната (фр.); комната для картёжной игры (перен.)

прошагать проклятый *promenade*! Два раза в день ставить поочередно одну ногу перед другой по одному и тому же пути – занятие не слишком увлекательное; даже среди прелестных парковых видов. Истинно, лечение водами стоит большого терпения!

Его размышления прервал подошедший *garçon*. Получает оплату и пятак «на чай». Без улыбки говорит: «Благодарю-с!» Недовольный, уходит к буфетчику.

Полковник продолжил брюзжать про себя:

– *Cette nourriture, bien sûr, n'est pas de foie gras et l'ancien Sauternes!*¹

Странный обед подают в этой ресторации – вроде бы сытный, а я не наелся. Придётся добавлять! Не удовлетворив аппетит, не гривенником же награждать за такую легкую еду! По еде и благодарность!

Собираясь уходить, негромко бормочет:

– *Le menu traditionnel... Peu importe, mais en toute équité, je dirai, la fricassée laisse une bonne impression. Mais il était nocif de manger presque du Fumet avec de grosses boulettes de viande. Je dois ajouter un peu de dessert et le vin, parce que j'ai besoin de forces pour la promenade*»².

Вспомнив совет доктора быть умеренным в еде, вздыхает и решает отказаться от добавки. Полковник салфеткой промокает рот и усы, и встаёт из-за стола.

Провожаемый Петром, гость интересуется, какое жаркое будет на ужин. Узнаёт, что на другой день к обеду будет охотничье жаркое из горного барана, за которым уехали казаки, а нониче к обеду и ужину подают на заказ жаркое из карачаевского барашка, лучшего на Кавказе. Вкус у мяса необыкновенный, – ореховый! Местные говорят, что его

¹ *Эта пища, конечно же, не фуа-гра и не старый сотерн! (печень насильно откормленного гуся и сорт сладкого белого вина), (фр.)*

² *Меню традиционное...Неважно, но справедливости ради скажу, фрикасе оставляет хорошее впечатление. Но было вредно есть почти фюмет с крупными фрикадельками. Я должен добавить немного десерта и вина, потому что мне нужны силы для променада (фр.); фюмет – выпаренный бульон для приправ (фр.)*

придают особенные горные травы, но знатоки уверяют, что «виновата» древность овечьей породы.

Гость договаривается прислать человека за ужином и заказывает жаркое из барашка и десерт на троих. Пётр сообщает, что ужинать они заканчивают в семь часов ради бала.

Полковник отказывается от билета на бал, а затем, уверенный в услужливости ресторатора, спрашивает:

– Любезный Пётр, мне надобен повар или кухарка.

Пётр не удивлен. Думает:

– Вот, оказывается, в чём дело! Прекрасно! Отправлю к нему вновь нанимаемую работницу. Узнаю, хороша ли она, пока стряпает у полковника. Он не станет ходить на обед, но этот ущерб мы перенесем. Оно того стоит!

И говорит:

– Ваше высокоблагородие, пришлю вам неплохую кухарку. У нее прекрасные борщи и ушицы! Советую попробовать её *хычины*¹ с бараниной. Пальчики оближите!

Наступил полдень. Солнце жарило в полную силу. Ветер, спускающийся с гор, затих. В дымке горячих испарений скрылись горные властелины: владетель Кавказа Эльбрус и хозяин целебных вод Бештау.

Полковник направился из парка в слободку, собираясь отдохнуть под крышей, пока спадёт жара. Перешел мостик над речкой и стал подниматься вверх по крутой тропе. Осторожно ступал по камням, сжимая в руке свой красивый стакан. То и дело останавливался и опирался на купленную трость. Переводил дыхание. В голове мелькали обрывочные мысли: «Решено! Завтра же сниму номер у Реброва и велю переезжать! За что плачу шесть рублей в день? За убогую мазанку, ну её в качель! Тесно, сыро, клопы, сквозняки и перекошенная дверь. Не нанял бы, если бы имел выбор.»

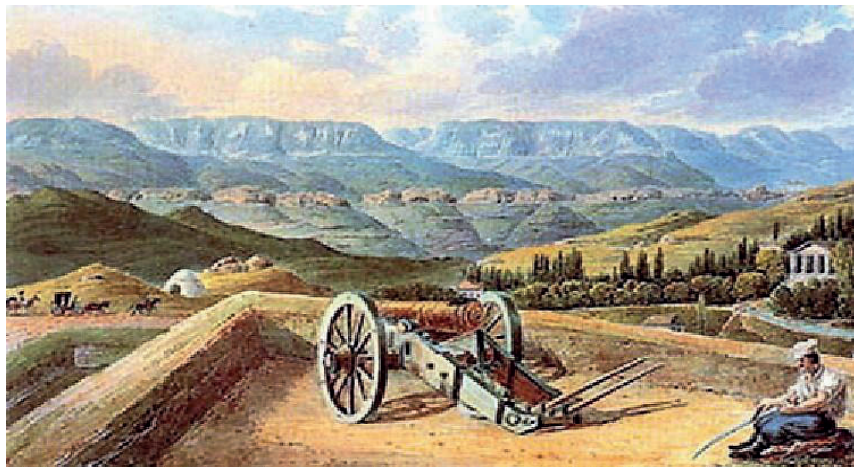
Сзади забренчали бубенцы, перебиваемые звоном колокольчика. Запахло лошадиным потом. Он обернулся и увидел, как четверик коней с пеной под упряжью одолел брод и

¹ начинка и зелень, закрытые в тесто и жареные (карач.- балкар.)

потаскил в гору прыгающую на камнях грязную коляску с опущенным кожаным верхом. Одна лошадь хромала.

Следом проехали два мрачных казака под мохнатыми кубанками и с расчехленными ружьями за плечами.

Полковник решил: «Колокольчик звенит не для всякого! Это курьер поспешает с депешей к коменданту!» Полковник угадал. Когда он выбрался наверх, увидел, что коляска въезжает в ворота крепости.

Бастион кисловодской крепости (И.Я. Мейер, 1840-е г. г.).
Справа видны здание ресторации и за ней усадьба Реброва.

Утром он внимательно рассмотрел эту фортецию. По всем признакам она явно устарела и не была способна противостоять правильной осаде.

Старый сухой ров с земляными брустверами покрывал подсохший дёрн. На гребне вала были устроены стенки эскарпов с бойницами. В пяти углах выступали бастионы с земляными барбетами¹, на которых за низкими парапетами открыто стояли четыре чугунные пушки на колёсных лафетах. Один бастион был вовсе без пушки.

¹ земляная орудийная площадка на бастионе

На двух противоположных сторонах крепости имелись ворота. Внутри теснились полтора десятка строений: солдатские казармы с нарами и печами, комендантский, офицерский и гостевые домики, цейхгаузы, лазарет, гауптвахта, артиллерийский погреб. Они образовывали пять дворов, сомкнутых в концентрический круг.

Ниже крепости над речкой Ольховой находился двор с конюшней, устроенный как редут. Рядом вдоль реки построились дома вроде берегового форштадта.

Перед крепостью на пятьдесят саженей раскинулся плац, служивший также базарной площадью. За плацом протянулись в шеренгу три десятка аккуратных дворов слободы, отделённых от улицы плетнями. В них жили по большей части женатые солдаты или, как их называли, «полусолдаты». Они размещались по две семьи на каждый двор для взаимопомощи. Холостые солдаты помещались в крепостных казармах.

Против бокового бастиона слобода заворачивала в два проулка. В дальнем конце слободы находился кабак. Перед ним по утрам на площади собирался базар, где встречались поселенцы, горцы и приезжие. Продавали и обменивали все, потребное для семьи, для кухни и для хозяйства, а также живность и дрова. Дрова дорогие, потому что их привозили с гор Бештау и Железной, а туда и обратно сто вёрст.

Передохнув после подъёма, полковник двинулся через площадь. Его тут же окружила стайка мальцов разного возраста, полуголых и загорелых до черноты. Старший лет десяти с побелевшей от солнца лохматой головой протянул руку в цыпках и показал кукан с некрупными усачами и форелями¹. Решительно сказал:

- Барин, купи рыбу! Дёшево!
- Купите! – поддержали наперебой остальные.
- Где наловили? – любопытствовал он.
- Да туточки у водопада на Ольховке, где купаемся!

Давеча по дороге в Кисловодск он видел, как на Подкумке рыбу ловили небольшой сеткой, подвешенной к шесту. Здесь её называют саком, а дома у него пауком.

¹ рыбы эндемики *Barbus ciscaucasicus* и *Oncorhynchus caucass* (лат.)

– Чем ловили? – хотел проверить. И неожиданно услышал первобытное:

– Да руками!

Восхитительно! Похвалив детей и отказавшись покупать, полковник пошёл дальше. Купить он не мог: кухарку ещё не нанял

Утром на торге подтвердилось то, что он слышал в Пятигорске. Здесь рыбу и куропаток продают в изобилии, даже живыми, будто их ловят косяками. Но особенно его обрадовало, что вокруг по горам и ущельям бродят во множестве прекрасные охотничьи трофеи.

Шагая по жаре через плац, полковник размечтался: «Поохотимся знатно! Найму коней и проводника, найду припас к ружьям, приглашу князей Хасновых. Даже Осип будет рад – он у меня лошадиник и охотник. Добудем козла-изюбра, а то и кабана-вепря. Так охотились в древней Руси, если верить летописям. В наше время эти звери превратились в редкость.»

Тут он споткнулся, и мечтания прервались. Полковник огляделся. Ласточки носились низко над плацом, негромко щебеча быстрые трели. Жара была им в удовольствие! Он вытер пот с лица и пожелал невольно: «Вернёмся с охоты – попаримся! В крепости, верно, есть банька. Вот и дальний бастион! Перед ним моя халупа. Я пришёл!»

Соглядатаи в горах

Оба черкесских соглядата внимательно осмотрелись. В понижении среди скал раскинулась зеленая поляна, местами заросшая густым кустарником, скрывающим быстрый ручеек. Людей на поляне не было видно.

Спешились. Аслан принялся обихаживать, поить и кормить голодных коней. У адыга кони должны содержаться в наилучшем состоянии.

Али взял бурку и пошёл на край поляны к скальным выступам, нависающим над обрывом. Низко пригнулся, чтобы его не заметили со сторожевой вышки, стоявшей на горке позади источника нарзана. Разложил бурку на скале. Лёг и стал наблюдать за жизнью внизу в Кисловодске.

Кисловодск был как на ладони. Али узнал балаганы, возле которых они недавно торговали. Увидел дорогу в город, дома, дворы, площадку у нарзанного источника, слободу с церковью. базарную площадь, сторожевой пост и крепость.

Её он изучил особенно внимательно. Различил пушки и укрепления. Определил расстояния до ближайших домов. К его досаде, с места, где он находился, не была видна тыльная сторона крепости и едва просматривалась станица на въезде.

Али подсчитал приблизительное количество солдат в гарнизоне. Учел, что одни солдаты живут в крепости, а другие в слободе. Он был человек опытный, и о полусолдатах ему было известно. Похоже, продавец сладостей не лгал об усиленной роте. Это осложняло дело, но не влияло на главную цель нападения – разгромить гарнизон и прославить *Аттехей*¹.

Прежде чем приехать в Кисловодск, Али побывал в нескольких казачьих станицах и убедился, что может сходу захватить любую из них. Его, однако, не устраивало, что будет потеряно много джигитов, а трофеев добыто мало. Он обратил внимание на городки на кавказских водах.

Начал с Кисловодска. С военной точки зрения городок состоял как бы из двух частей. Внизу вокруг источника находились немногие лечебные заведения. Тут же располагались дома, сдаваемые в наём, и ресторация. Сверху их прикрывали крепость со слободой. Солдаты и казаки были в обеих частях городка: внизу на гауптвахте, вверху на сторожевом посту. Больше воинов было в крепости.

Между верхней и нижней частями города текла мелкая речка Ольховая с невысокими берегами. Конные воины могли легко преодолеть её по бродам, которыми пользуются жители.

Как опытный предводитель, он знал, что планировать атаку надо, учитывая расположение противника, и главный удар наносить в слабое место. Вначале ему показалось, что при таком расположении города отряд следует разделить надвое. Одна часть будет блокировать крепость, а другая забирать добычу перед ней. И обобрав, все должны быстро уходить. Так

¹ *Аттехей* – адыгейское название своей родины; образовано из слов «населяющий долину» (*атттех*) и «возле моря» (*хей*) (*адыг.*)

бы он сделал, ища добычу, но не славу!

Он стал прикидывать, как быстро захватить крепость. По ходу нападения противодействие будет оказано прежде всего на сторожевом посту, на гауптвахте и, возможно, в ресторации. Торговец в балаганах сказал, что в ресторации воинов нет, а есть курсовые. Они уедут после сентября, когда лечение закончится. Тогда в ресторации будет пусто.

Внезапно ему в голову пришла простая мысль. Нападём в октябре, когда курсовых мало, и обязательно до восхода солнца, пока все спят, а главный удар нанесем в узкой полосе через двор ресторации. В этом пункте сопротивления не будет, и близкий путь до крепости мы пройдем без задержки.

Организирую всего три группы джигитов. В начале движения поставлю заслон против станицы. Вторая группа продолжит движение и завяжет бой с постом и гауптвахтой. С третьей передовой и самой большей группой буду я сам. Не прерывая движение, быстро проведу группу с фланга через свободный двор ресторации к речке. Переправимся. С ходу возьмём крепость. И город наш! Такой мой план победы.

Он думал: «Этот план будет моим секретом. Силы подсчитаю и распределю позднее, когда придет ясность с составом отряда. Тогда же назначу командиров групп, но задания сообщу им лишь перед самым нападением, чтобы обмануть русскую разведку.

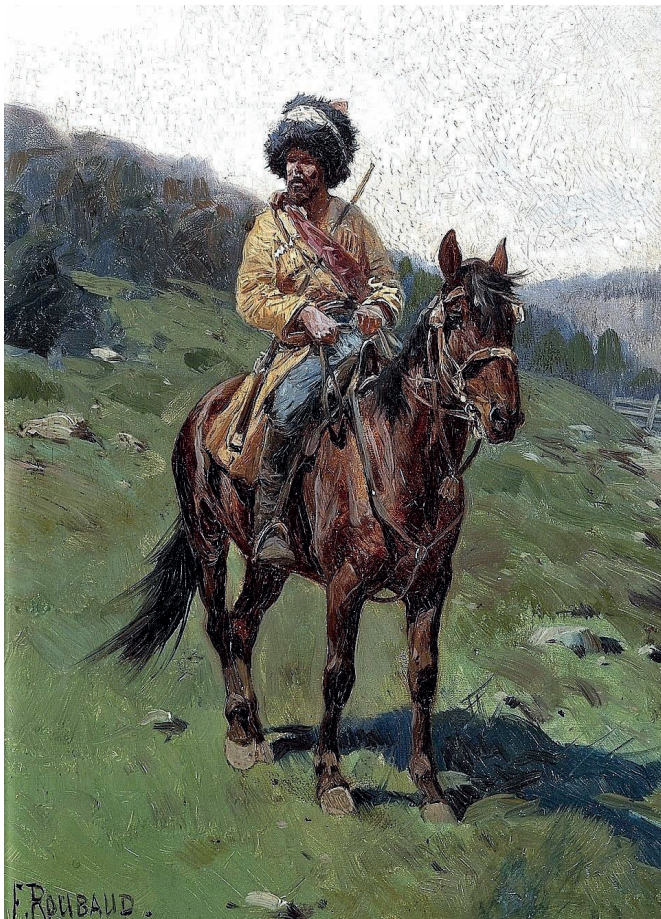
Быстрота исполнения плана – ключ к успеху! Опасности при нападении известны: во-первых, пушки, во-вторых, соседние гарнизоны. Часов через 5 *урьсы*¹ из Пятигорска набросятся на нас, как вороньё, которое хочет отнять добычу у сокола. Я им это не позволю. Все сделаем быстро и победим!

Путь отхода назначу по тропе, поворачивающей от кисловодской дороги к Подкумку. У поворота заслон прикроет тропу от нападения из станицы. Заслон будет стоять, пока отряд не отойдёт. При удаче можно будет захватить станицу во время отхода. Заслон разведает, где удобнее напасть. Станицы не станет, и отряд будет некому преследовать.

Обратный путь отряда – это моя последняя и самая важная

¹ урьс – русский (адыг.)

тайна! Если сохраню секрет, тогда добычу довезём до Аттехея без потерь.»

Казак (Ф.А. Рубо, 1918 г.)

Закончив наблюдение, Али взял валежник, собранный Асланом, наломал высохших веток, подбросил сухой травы и развел костерок под котелком с водой. Следил, чтобы меньше дымило. Заварил чай, купленный у Харлампия.

Неожиданно от Джинала появился вооруженный верховой казак с мокрым мешком у седла. Поздоровались. Пить чай казак отказался. Спросил, кто такие? Али показал свидетельство тифлисского ремесленника и билет для проезда. Казак с трудом прочитал названия бумаг и потребовал объяснить, что они делают в Кисловодске.

Али вежливо ответил с грузинским акцентом, что они торговали с утра разным оружием и деревянными поделками. Но с жильем у них не устроилось, и они решили сделать дневку лошадям.

После найдем жильё и будем снова торговать. Нам обещал помочь торговец Харлампий. Если уважаемый казак пожелает, пусть приведет своих товарищей за покупками. Достанем для них самый лучший товар.

Услышав имя торговца, казак сказал: «Дядя Харлаша! Он поможет!». Больше вопросов не задавал, попрощался и уехал.

Двое адыгов ужинали скромно. Маисовую *пасту*¹ везли из дома в кожаной сумке, хлеб купили на базаре. Свои чуреки даже не доставали – они ещё пригодятся. Путь предстоял неблизкий, и сколько времени потребует дело, они не знали. Продукты надо было беречь. Запивали чаем.

Али видел, что Аслан не понимает допущенное бездействие с казаком. Поэтому пояснил по-товарищески:

– Я отпустил казака живым из-за того, что нас видели и запомнили. Если казак исчезнет, станут искать. И сразу свяжут исчезновение с нами. Зачем нам опасные поиски и лишнее внимание? – Али больше ничего не прибавил.

Аслан понял его намёк. В сторонке забил в землю стержень с пеглём и каждого коня привязал чембуром за заднюю ногу. Молча разложил седла, вьюки и прочее так, чтобы быстро собраться в темноте наошупь.

Положил на вьюк заряженные пистолеты и ружье. Рядом расстелил молитвенный коврик. Снял чувяки, вымыл и вытер лицо и ноги. Помолился. Надел ноговицы и чувяки. Завернулся в бурку. Накинул башлык и лег рядом с оружием, подложив папаху под голову.

¹ *пастэ* – крутая каша (адыг.), чаще называют мамалыгой

Али разбудил его в полночь и, помолившись, лег рядом. Заснул быстро. Проснулся Али затемно, пытаясь забыть тяжелый сон.

Черкес у ручья (Ф.А. Рубо)

Ему приснилось, что он сидит под ярким солнцем на ровной площади, посыпанной белым поблескивающим песком.

Площадь уходит за горизонт. Оттуда веет морской бриз и гладит лицо так приятно, будто он находится на родине.

Ветерок приносит мимолетные чудесные запахи. Сердце Али томит дух нежных роз, веселят фиалки, какие-то незнакомые ароматы возбуждают и радуют. Чудесное пение неведомых птиц ласкает его слух.

Однако ему недосуг разбираться в этих божественных ароматах и песнопениях – всё внимание сосредоточено на парящей в воздухе сверкающей серебряной платформе. Там под сияющим балдахинном с шевелящейся золотой бахромой сидят в ряд боги, похожие на белобородых аксакалов в папах.

Не все боги кажутся ему знакомыми. Некоторые похожи на зверей. Он хорошо видит, как облик то одного, то другого через мгновение становится не одним, а несколькими.

Потом облики сливаются и делаются одним. Из-за этого священное сияние дробится, мелькает и переливается. И не поймешь, один ли это бог во многих лицах или несколько богов в одном лице.

Боги беседуют. Как ни странно, Али не может определить, кто из них начинает – все начинают, и кто заканчивает – все заканчивают, и каждый говорит на своем языке. Али слышит всех сразу и все понимает.

«Как удобно, – подумал Али, – одному можно говорить, будто нескольким. Уверен, в будущем набеге необходимо, чтобы у людей было такое же многоголосое единомыслие.»

Боги обсуждали, будут ли они дальше заниматься его жизнью или предадут Судьбе. Как понял Али, он застал окончание обсуждения.

Бог со звериным лицом сказал:

– Нельзя оставлять человека без поддержки и наставлений, даже если он на самом деле разумный, как божье подобие!

Ему ответили:

– Мы слышали твои слова не раз! Но в Начале Всех Начал было решено поддержать сирых и слабых потому, что богатые и сильные справляются с несчастьями сами и без наших Великих Пророчеств.

Сирым в помощь предусмотрено Провидение,

превосходящее силы *Фатума*¹ и *Кисмета*². Наоборот, благородный Али сам принимает решения и отвечает за них. Таков Великий Закон, как ты знаешь! Все боги, как один, спросили:

– Али магометанин и адыг. Верно?

– Верно! – бог мусульман кивнул, переливаясь.

Сквозь низкий гул Али услышал громкие, звенящие будто колокол, пророческие слова: «Жизнь Али сложна и запутана, но он сильный. Значит, по Закону его жизнь принадлежит Кисмету и Фатуму!»

Сколько времени звучало это странное пророчество в его голове, Али не помнил, но вдруг перед ним явились Кисмет и Судьба, похожие на клубящиеся облака. И он услышал из облаков двуязычное громовое приказание:

– *Къэшъу!* Пляши!

Али поднялся, сорвал с головы папаху и швырнул на песок. Занял позу и стал плясать Священную Лезгинку во имя Искупления. Играли музыканты. Смотрели боги.

Вдруг со всех сторон раздалась пальба. Пули ударили и кусали тело Али, а он плясал, не переставая, как должен поступать настоящий джигит перед аксакалами.

Сияющий бог со звериным обликом проговорил: «Пляшет, как герой, показывающий своё презрение врагу».

Боги ответили: «Это решать не тебе! Ты забыл, что по Великому Закону люди сами решают, герой ли тот, кто пляшет священный танец. Для нас он такой же плясун, как все!»

«Да будет так! Хвала Великому Закону!» – несколько раз пропело божественное многоголосие. Громом ударило раскатистое «*Verum*³!». Земля содрогнулась. Послышалось громовое: «Отчего он дергается?»

Внезапно сновидение исчезло. Аслан тряс его за плечо:

– Ты во сне дергался и стонал. Нам пора!

Просыпался Али с трудом и, почесываясь, долго соображал, кто его кусал и где он находится, так сильно сон потряс его

¹ судьба в древнем Риме (лат.)

² судьба, ниспосланная Аллахом (араб.)

³ Правда! (лат.)

душу. Он понял, что видел вещий сон. Но что сон значил, понять не мог. «Спрошу потом муллу,» – подумал он.

Соглядатаи покинули низину задолго до рассвета. Их следующей целью был Пятигорск.

Али признавался себе, что город ему хочется посмотреть больше из любопытства. Нападение на него было бы опасно – там слишком сильный гарнизон. Но разведка никогда не помешает. Всё в руках ... Тут его мысли прервались: «Ах, чуть не забыл – всё в руках *гуцыл*».

Ведя в поводу навьюченных лошадей, они осторожно выехали на дорогу и внимательно осмотрелись. Для соглядатаев любые встречи таили опасность и днем и ночью, в поселениях и в горах, а сейчас – за каждым поворотом дороги.

Младший всадник сказал, облегченно вздохнув:

– Али, впереди нам светит удача – на дороге, кроме нас, ни экипажей, ни всадников. Проедем незамеченными. Надеюсь, что путь до места будет свободен!

Старший и более опытный ответил, качая головой:

– Не радуйся, Аслан! Правду говорят: «Не найдя брод, не снимай обуви!» Придётся переходить не один брод. Нам ещё ехать и ехать! Будь готов ко всему, пока мы не попадём в Пятигорск!

За станицей Эссентукской на дороге непременно появятся встречные и с ними, Аллах, не допусти, будут вооруженные казаки. Они ездят конной группой, разъезд называется. Как ты понимаешь, для нас они – главная опасность.

Поэтому покинем кисловодскую дорогу и двинемся в объезд Эссентуков. Въедем в Пятигорск как бы со стороны дороги на Владикавказ. Если будут искать, подумают, что мы ехали из Тифлиса через Военно-Грузинскую дорогу.

Путь мне знаком, – на горной тропе, по которой мы едем, четыре года назад мы хорошо поживились. Зарезали ночью пять стороживших казаков и угнали половину эссентукского стада. Тут есть удобная переправа через речку.

Соглядатаи, не доезжая станицы Эссентукской, свернули к

¹ *гуцыл* – судьба (адыг.)

Подкумку. В поисках переправы стали пробираться вдоль берега, заросшего кустарником и камышом. Наконец, нашли широкий разлив потока над россыпью мелких камней.

Аслан спешился и разулся. Чувяки и ноговицы сунул в сумку. Перевёл лошадей. Лошади оскальзывались, но послушно спускались к воде, переходили речку и с трудом влезали на крутой противоположный берег. Слава Аллаху, не пришлось снимать тяжелые вьюки с оружием.

Последним брод преодолел Али, стороживший переправу с пистолетами в расстегнутых седельных кобурах. Маленький караван проехал немного вдоль реки и, приведя себя в порядок, решительно выехал на тропу, поднимающуюся вверх по ровному склону в виду Эссентукской станицы.

Надо было убираться из обжитых мест, как можно скорее. Путники быстро преодолели подъём на увал, и перед ними открылись обширные дали с отдельно стоящими горами.

Разгорался рассвет. В пространстве, контрастно освещённом косыми лучами солнца, раскинулась холмистая равнина, изрезанная извилистыми балками. В них росли кустарники и деревья.

Сияние солнца заслоняли безлесные горы Джуцкая и Болван. Между их темными куполами виднелась невысокая горка Золотого кургана. Сбоку от Болвана в синей дали поднимался освещенный конус Машука. Рядом возвышался темно-зеленый массив сплотившихся гор Бештау и Шелудивой. У подножия Машука раскинулся город Пятигорск.

Али знал эти места, и с удовольствием показывал окрестности своему спутнику. Из-за гряды, соединяющей Машук и Бештау, выглядывали горы Змейка и Развалка. Позади Машука угадывались силуэты острого Кинжала и Лысой горы. Перед Бештау и Машуком холмистое пространство плавно поднималось в сторону Боргустанского хребта. На горизонте выступали две одинокие горы Бык и Верблюд. Внизу у реки располагалась станица Эссентукская.

Маленький вооруженный караван пришел в эту отдалённую местность Кавказа незамеченным. Вдохновленные величием гор и просторов, соглядатаи радовались, что пришли в намеченное место, не испытав никаких существенных

проблем. Мысленно благодарили своих племенных покровителей и Всевышнего за помощь и надеялись на будущие успехи.

ЧАСТЬ II. Курсовые заботы

Курьер в крепости

В самую жару коляска, запряженная четвериком лошадей и сопровождаемая вооруженными казаками, въехала в ворота крепости. Крепость выглядела пустой; гарнизон был на работах, и лишь с удалённого бастиона слышались команды офицера, обучавшего артиллерийский расчёт.

Перед домом на лавочке сидели двое солдат, курили трубочки и рассматривали подъезжающих. Один доверительно и негромко сказал другому:

– Погляди, Петрович! Гнали во всю мочь: кони в мыле, люди в пыли и у всех морды в потеках пота. Господи, воля твоя, повезло им, беднягам, что не в ночь послали. Этот азартный эстляндец потерял бы коней. И коляску разломал бы в щепы.

Другой солдат заметил тихо:

– Лихой ездок; из молодых да ранних!

Прибывший с депешей поручик барон Фон-Мантейфель скинул с плеч пыльную шинель на руки слуги, спрыгнувшему с облучка, стряхнул пыль с колен. Снял кепи, вытер платком лоб и обратился к сидевшему на лавочке:

– Кузьма, доложи майору.

А кучеру приказал:

– Поезжай на конюшню, приведи лошадей в порядок! Осмотри выносную. Доложи. Вымойте с форейтором коляску.

Сопровождавшим казакам сказал:

– Казаки, благодарю за службу! Можете ехать в станицу. Возвращаемся «с петухами». Быть к пяти.

Тут на крыльцо вышел майор, застёгивая сюртук:

– Максим Генрихович! *Ma chérie* вы стали редко радовать меня своими визитами. Превосходно, что приехали! Поохотитесь сегодня? Время есть. Даже отобедать успеете.

– Спасибо! Обойдусь без обеда, а вот чайку выпью с удовольствием, – жара, знаете ли.

Майор согласно кивнул и поспешно приказал денщику:

– Кузьма, мигом долей самовар и подай, как закипит. Кто это с тобой сидел? Петрович? Позови!

Почти сразу явился Петрович. Майор сказал:

– Старший унтер-офицер, смирно! Вам что устав службы не писан? Почему не на отдыхе, когда вам предстоит ночной караул? Людей поручика определить во вторую казарму. Там есть свободная полать. Выдай тюфяки. Не забудь накормить. Скажи об этом на кухне. Самому спать до вечера. Исполнять!

Денщику, принёсшему самовар, приказал:

– Кузьма, закончишь с чаем, ступай со слугой поручика на конюшню! Седлайте и приведите свежих коней. Обождите нас двоих тут, как обычно!

Едва поручик умылся и утерся, майор предложил:

– Для скорости велите вашему слуге помочь Кузьме.

Потом сломал печать на пакете и принялся читать депешу.

Вернулся кучер и доложил поручику:

– Ваше благородие, на правой задней ноге ушиб над бабкой. Похоже, не засекалась, а камнем ударило. Конюх лечит вроде бы правильно, – делает компресс. Сказал, что нужны холодные примочки и долгий покой.

Майор оторвался от чтения депешы и заметил:

– Дело серьёзное! Тебе повезло, что не дышловая. *Mon cher*, коня оставишь у меня на лечение.

И засмеялся:

– Ехать тебе обратно на тройке с бубенцами. Но не на лихой. Ничего, назад можно не спешить.

Поручик согласился:

– Ты прав! Обойдется! Спасибо за одолжение!

Доеду косою упряжкой до Пятигорска за милую душу. Мне спешить без надобности. Ушибленная лошадь дойдет до своей конюшни в поводу.

Тебе известно, что дело это обычное. Везде лечат. Не так знатно, как у тебя, но с ушибом справятся. Да и зачем тебе лишние хлопоты?

Майор парировал:

– Какие могут быть хлопоты между друзьями?

Заварил чай, разлил по стаканам и поинтересовался:

– За сколько ты доехал на этот раз? Обогнал на пари Киселёва? Или опять пробренчалось и ничего не вышло?

Барон огорчённо вздохнул:

– Девяти минут не хватило. Три часа двенадцать минут, не считая перемены коней. В станице не дали лучших, как ни требовал! Ничего, в другой раз верх будет за мной, – пусть Кирилл не выхваляется!

Майор посочувствовал:

– Уверен, что ты обошёл бы его, если бы не повреждение. Думаю, в следующий раз для гонки нужны ногавки¹.

Майор знал, что неспроста весь Пятигорск следил за состязанием поручиков и делал ставки. Полагали, что *british hobby to bet on the race - it's great!*²

В серьёзных мужских разговорах лошади считались темой, лучшей, чем обсуждение погоды и рассказы о сражениях. Быстрыми конями и скорыми переездами гордились. Умения в конном деле скрашивали армейскую жизнь в любое время, даже в боевых условиях, когда было не до праздников, пикников, балов, раутов и прочих удовольствий.

Естественно, женщины были темой, имеющей неоспоримое преимущество над лошадьми. О свойствах дам разных национальностей мнения были составлены давно. Однако о кавказских горянках мнения расходились. Интерес подогревался писателями, изображающими их страстными и покорными красавицами! Возьмите хотя бы Бестужева-Марлинского. Реальность была иной, и это приводило к горячим спорам и домыслам.

Горянки майора не интересовали. Он рассчитывал узнать во всех подробностях, какие новые привлекательные личики из России появились в Пятигорске и придут ли в Кисловодск. Он не скрывал от себя свои matrimониальные намерения.

Думал с невольной досадой:

– Возьмем двух поручиков: эстляндца Максима и

¹ защита, надеваемая на нижнюю часть ног лошади

² британское увлечение делать ставку на гонку - это великолепно! (англ.)

петербуржца Кирилла. При каждом случае бодаются, как козлы, но обзаведутся семьями – остепенятся. Меня, похоже, такое не ждёт. Я одинок, и посватать за меня приличную невесту некому. Барон бесцеремонен, но богат и знатен. Ему знакомы все состоятельные семейства, которые сюда приезжают. Надеюсь, он поможет! Вот и верчусь перед ним ужом.

Но это признание не озлобляло майора и не меняло его доброго нрава. Его в равной степени заботили неудачи знатного барона и несчастья обыкновенного солдата.

Сейчас он искал способ быстро переправить в пятигорский госпиталь рекрута Александра Симонова, разбившего голову и сломавшего ногу на работах. Понимал, что с курьером раненого не перевезти! Поэтому еще утром договорился с Петром Найтаки, собиравшимся везти в пятигорскую ресторацию продукты с казачьим конвоем. Майор был в наилучших отношениях с Петром. Врач в крепости уже подготовил рекрута к отправке.

Барон размеренно пил душистый чай, предвкушая знатное развлечение. Впереди его ждала королевская забава – ружейная охота на фазанов перед заходом солнца. В здешнем краю эти птицы стали редкостью. Их нещадно выбивали местные добытчики, прятавшиеся за переносными полотняными щитами. Фазаны не боялись этих укрытий и попадали под выстрелы.

На днях в камышовых крепях на Подкумке фазанов вновь заметили. Время фазаньих станичек прошло, птицы подросли и кормились самостоятельно. На вечернюю кормёжку спускались с деревьев за час-два до заката солнца.

Правда, они не имели нарядного вида из-за того, что линька не закончилась. Однако уже достигли достаточного веса и добывались легко из-под такой умной собаки, как его Веста.

Допив чай и перекрестившись, поручик сказал:

– Спасибо! Как всегда, прекрасный чай! Я готов.

Майор взглянул на депешу еще раз и сказал:

– В депеше есть приказания для казаков. Придётся ненадолго заехать в станицу.

Они надели кепи, взяли ружья и газырницы и отправились.

Позади денщик вез собаку на седле, а слуга – ягдташ, перекинутый через плечо.

С кисловодской дороги кавалькада свернула к станице.

Станицу защищал ров, заполненный водой, и земляной вал с плотным колючим кустарником наверху. Проехали ворота и уличные рогатки. Дом станичного правления стоял у центральной площади, посреди которой возвышалась деревянная старообрядческая церковь. По легенде её, разобранную, привезли казаки, переведённые из станицы Суворовской.

В комнате правления увидели сидельца и писаря. Писарь за столом что-то подсчитывал на счётах и выводил гусиным пером на листке бумаги. Сиделец, лежавший на лавке, встал по стойке «смирно».

– Здорово, Фома! – обратился майор к писарю – Где атаман?

– Где ж ему быть, ваше высокоблагородие? День кончается, атаман дома хозяйевает, – ответил писарь и приказал сидельцу.

– Проводи!

Атаман встретил офицеров во дворе перед саманной хатой, покрытой камышом. Вид его был совершенно неуставной. Без верхней одежды, в распахнутой рубахе, в домашних портах и чувяках. Руки, лицо и шея загорели до черноты и составляли неожиданный контраст с белым телом. Волосы «в кружок» вместе с сergyой в ухе довершали облик настоящего степняка.

Он, не спеша, прочитал депешу и сказал с апломбом:

– Помните, ещё весной генерал Засс предупреждал, что черкесы собираются сделать набег осенью после полевых работ. Недавно в горах были замечены лазутчики. Уверен, что черкесы действительно готовятся к набегу. Хотят досадить государю, когда он приедет. Умом тронулись! Но от нас не скроются! Оглянуться не успеют, как мы их схватим.

В ответ майор сообщил штабные новости:

– Комендант Петр Петрович Чайковский передает тебе слова генерала Засса. Может появиться известный разбойник Али Хырсыз. По агентурным данным он имеет вид местного жителя или приезжего с востока.

Надобно усилить наблюдение на постах! Казаков добавлять

не стоит, но не помешает напомнить о бдительности.

Пётр Петрович считает, что нельзя допустить, чтобы горцы омрачили государя. Твой наказной атаман Пётр Семёнович согласен с этими соображениями.

Станичный атаман принялся соображать вслух:

– Ты, майор, отлично знаешь, что я рассылаю моих казаков повсюду, на ближние сторожевые посты в Кисловодск и на Клин-Яр, а также на поддержку твоих солдат в дальних постах в Хасауте, в Кич-Малке, на Эшкаконе и Кумбаши. Казаки нужны и на бекетах¹, и в поездках. Хоть разорвись!

Завтра с утра отправлю посыльных. Значит, сниму с работ десяток казаков. Они передадут предупреждение о лазутчиках, да ещё проверят готовность сигнальных вышек с маяками. Регулярные разъезды я тоже не снимаю с дела. Им дам инструкцию побережся.

Мы люди государевы, реестровые. Приходится исполнять приказы. Наш наказной атаман героический генерал Пётр Семёнович Верзилин о казаках не забывает! Передайте ему в Пятигорске, что я исполню всё, как положено!

Атаман дочитал и вернул депешу. Майор ему напомнил:

– Сообщи, пожалуйста, сразу, если твои казаки что-нибудь обнаружат.

– Обнаружат? Нашли несчастных купцов, которые приехали издалека и ночуют в поле потому, что Кисловодск переполнен, и приходится ждать, когда жильё освободится!

Майор насторожился:

– Каких ещё купцов?

– Оружейников из Тифлиса. С неплохими пашками и кинжалами. Сам видел в городе, как они торговали.

– И бумаги проверил?

– В бумагах всё правильно.

– Что-то здесь не так. В Кисловодске всегда найдётся крыша над головой для приезжих!

– Не веришь, сходи сам проверь. Они торгуют в балаганах. На другой день, милости просим, приходи и любуйся.

¹ бекет – пикет, аванпост; от тюркского «укреплять, делать крепким», также пикет соотносят с *piquet* (фр.) – кол, военный пост

Насчет «крыши над головой» скажу, как оно есть. Только что мне передали, что ресторатор Найтаки предлагал начальству пристроить флигель к гостинице. Ему, представляешь, отказали! Вот и получается беспокойство для приезжих. Знаешь, экономия не всегда полезна. Казну надо бы расходовать разумно!

– При чем тут это? – удивился майор. – Это дело не наше. Тут решение принимают старшие начальники.

И подумал с обидой: «За что он меня ругает? Считает, что я недостаточно занимаюсь городом?». Однако по привычке сказал примирительно:

– Ты знаешь, что мой начальник, комендант Пётр Петрович, принял должность недавно. Ведь, не может же он сразу начать строить, даже если по совместительству назначен старшим членом в Строительную комиссию!

Атаман улыбнулся и сказал:

– Что ж, поживем – увидим, какой он старший член!

И, покачав головой, прибавил осуждающе:

– А сам-то ты, Иваныч, что творишь! Опять будешь впустую пушками грохотать, скотину беспокоить. Опять пугливые коровы молоко давать перестанут. А мне объяснять хозяйкам, почему военная необходимость требует, чтобы коровы не давали молоко. Неужели учения артиллеристов должны быть такими шумными?

Когда отъехали, Никанор Иванович не сдержался и выразил свою досаду вслух:

– Пуд соли съели бок о бок. Однако, после того, как казаки прокричали «любо» на сходе и выбрали атаманом, он и воспарил. Извольте радоваться, нос задрал! Ничем его не исправишь. Староверы, они люди упорные! Вера приучила их защищать свои интересы вопреки очевидному. А насчёт коров он зря сказал! Стрельбу-то я устраиваю днём, когда стадо не в станице, а на пастбище.

Отряд охотников выехал из задних ворот на поле в сторону горы Клинь-Яр. Майор задумчиво сказал:

– Люди в народе подобны молекулам в жидкости. Ты, конечно, знаешь, что жить нам позволяет вода! Недаром нарзан целебен.

Обращаясь к барону, майор спросил:

– Каким особым свойством наделена вода? Отвечу. Она растворяет, иначе говоря, удобно помещает одни молекулы межу другими. Так и люди помещаются в обществе.

Но есть люди, чуждые обществу. Их сколько угодно! Они не растворяются, а выпадают в осадок. С ними лучше не иметь дела, а отбросить их, как песок, загрязняющий целебный нарзан. Очень жаль, но это правда!

Майор вздохнул и не прибавил ни слова. Он чувствовал, что не совсем прав. Но досада не позволяла признаться в этом!

Вскоре путники переправились через бурливый Подкумок и оказались на широкой речной пойме, покрытой камнями и ямами с водой, оставшегося от недавнего бурного разлива.

Какое изумительное птичье царство обитало здесь в обильных зарослях кустарника и камыша среди немногих разрозненных деревьев! Всадники то и дело вспугивали крылатых летунов.

Барон принял у слуги свой потертый ягдташ. Пустили собаку. Слуга и денщик привязали коней к кустам и остались ждать.

Охотники скоро убедились, что фазаны были. Но мало. Попался один. Попутно добыли трёх куропаток. Последний выстрел на обратном пути был удачным. Сняли с дерева случайного вяхиря.

Когда они вернулись в крепость, барабанщик пробил вечернюю зорю. Вскоре из ресторации по всему Кисловодску понеслись звуки танцевальной музыки.

Охотники не стали ужинать. Наскоро съели холодной каши, запили чаем. Почистились. Спрыгнулись духами и заторопились на танцы. Барон рассчитывал вернуться ночью, и велел слуге захватить фонарь.

Спускаясь с горы на звуки танцев, обсудили, какие новые семейства приехали на воды, и есть ли интересные девицы на выданье. В ресторации заглянули в окно. Готовясь к танцу, несколько пар вышли на край зала. Поручик заспешил. Приятели вошли. Заплатили за билеты. Лишь дамы ходили на бал бесплатно и с кавалерами.

Барону было не привыкать приглашать партнёршу по

обстоятельствам, а не ангажировать¹ по *агенду*². На водах нравы были свободными.

Бал, танец котильон (Г.Г. Гагарин, 1832 г.)

Он пригласил даму средних лет, испросив разрешение у стоящего рядом диковинного кавалера во фраке со смешными

¹ *пригласить на танец заранее*

² *бальная книжечка*

короткими фалдами. Новомодный фрак совершенно не шёл ему, но зато цвет пышного галстука соответствовал цвету сизого бритого лица.

Объявили немецкий вальс. Обращаясь к даме, барон проговорил: «*Dieser wunderbare Walzer hat schon in meinem Kopf geklungen. Eincharmanter Zufall!*¹».

Не услышав ответа, барон перевёл: «Прекрасный вальс, не кажется ли вам?» И положил руку на крепкую талию. Они закружились, меняя руки по командам дирижера танцев.

Майор вздохнул, поглядел на увлеченно танцевавшего приятеля, и отправился в буфетную. Жажда давно его томила. Там жаждущие не обращали внимание на прохладительные напитки, а приводили себя в нужную кондицию с помощью шампанского.

Пока несколько кавалеров вальсировали, остальные тоже не бездельничали. Некоторые с задумчивым видом сидели по краю зала за зелёными столами и азартно колдовали над картами.

Когда музыка смолкла, барон спросил, не занята ли дама на второй танец². Получил отрицательный ответ и пригласил.

Объявили его любимый экосез. Прыжки ему особенно удавались, и он поразил партнершу стремительными антраша³. Вернув даму диковинному кавалеру и выразив положенную благодарность, барон отправился в буфетную, заполненную игроками и танцорами, устроившими себе приятный перерыв.

Буфетчик и его помощник спешили подать оршад, лимонад, морсы, мороженое и шампанское нескольких сортов.

Майор, сидевший за столом, предложил разгорячённому приятелю место рядом и, пока барон переводил дыхание и наслаждался холодным шипучим напитком, важно сказал:

– Согласись, не зря говорят, что танец – это искусство!

Негромко засмеялся и уточнил:

¹ Этот примечательный вальс уже звучал у меня в голове. Очаровательное совпадение! (немец.)

² По правилам бала разрешалось танцевать два тура подряд; после чего делали перерыв, чтобы танцевать по очереди и не в тесноте.

³ *entrechat* (фр.) – прыжок со скрещиванием ног.

– Искусство вовремя убирать ноги! Партнёршу ты нашёл неплохую, она прекрасно уворачивалась от твоих замечательных антраша. Не испугалась и не потерпела ущерба.

На шутку барон нахмурился и собирался обидеться. Но улыбающийся майор протянул ему бокал вина и начал дружеский спич:

– Твоё появление на здешнем балу произвело фурор. Дамы тебя заметили и часто лорнировали. Отличные умения, показанные тобой, убедили даже меня, скептика, кто из великих философов прав.

Ты, ведь, знаешь, Цицерон не советовал благоразумным людям танцевать, тогда как Платон считал, что танцам надобно учить с детства. Он полагал, что танец прибавляет мудрости. Ты хореографически доказал, что Платон мудрее Цицерона. Я в восхищении!

Поручик допил свой бокал и ответил, улыбаясь:

– Хватит подшучивать!

Доброжелательно спросил:

– Как насчёт того, чтобы показать мудрость танца на деле? Пригласи привлекательную даму и повертись.

Майор вздохнул и ответил:

– *Amicus Plato, sed magis amica veritas!*¹ Сегодня мы достаточно «наплясались» в буераках над Подкумком, чтобы заслужить покой. Мне ещё надобно закончить отчёт для пятигорского коменданта, чтобы наутро отправить. Желаю хорошо повеселиться!

Между тем во дворе стемнело. Майор сказал поручику, что перед крепостью его встретит караульный унтер. И добавил, что гостевой дом подготовлен для ночлега.

В темноте майор вернулся в крепость без происшествий. Привычную дорожку он прошёл бы даже с закрытыми глазами.

Ночная прохлада спустилась с гор. Часовой в распахнутой шинели окликнул майора: «Стой! Кто идёт?» «Командир» – ответил Никанор Иванович. Затем состоялся короткий разговор по уставу: «Скажи пароль? Курск. Что пропуск? Курок. Проходи!» Часовой стал «смирно».

¹ *Платон мне друг, но истина дороже! (лат.)*

«Молодец!» – сказал майор. «Рад стараться, ваше высокоблагородие!» – ответил часовой. Майор напомнил: «Павел, опять шинель нараспашку! Холодно. Застегнись!» «Слушаюсь, Никанор Ваныч!» – улыбнулся солдат.

Майор зашел в караульную и приказал унтер-офицеру, чтобы после одиннадцати встретил у ворот поручика и проводил на ночлег в гостевой дом. Уставший майор отправился спать.

Бал закончился котильоном, в котором кавалер, ведущий первую пару, придумывал новые фигуры. Время от времени все веселились, когда другие танцоры, не расслышав выкрики ведущего, путали объявленные движения кадрили, вальса, польки, мазурки и теряли направление. Танцоры сталкивались и смеялись. Появлялись прекрасные возможности завязать новые знакомства.

Не зря на кисловодском курсе врачи говорили, что смех все болезни лечит, а фунт смеха прибавляет пуд здоровья. Они были хорошие врачи и соблюдали заповеди Гиппократы независимо от платы за лечение.

Поручик не стал толкаться в котильоне. Зашёл в буфет, чтобы выпить бокал шампанского «на дорожку». Часы на стене зала показывали близко к полуночи, когда он покинул ресторанцию. Ожидавший слуга понес впереди фонарь с яркой аргантовой лампой.

Утром, когда офицеры завтракали и пили кофей, унтер доложил, что ночь прошла без происшествий. Вскоре сообщили, что сопровождающие казаки вернулись из станицы с успокаивающим сообщением со сторожевых постов.

Барон Фон-Мантейфель любезно попрощался и отбыл в Пятигорск с охотничьей добычей и пакетом бумаг, приготовленными майором. Но сразу остановил коляску возле базара и послал слугу купить сыра и хлеба в дорогу на всех. Он был по-немецки расчетлив. В походах и в поездках по примеру горцев считал правильным питаться скромно.

Ехали неспешно. Негромко брякали бубенцы, позвякивал колокольчик и в лад ударяли копыта, баюкающие ездока. Курьер скоро заснул. Неспешная езда до Ессентукской продолжалась почти три часа. На остановке поручик размял

ноги. Кони и все остальные немного отдохнули. Чуть меньше времени ушло на путь до Пятигорска. Поручик выспался превосходно.

Отметившись в комендатуре и передав кисловодские бумаги секретарю, поручик Максим Фон-Мантейфель вернулся на квартиру и заплатил десять проигранных червонцев поручику Кириллу Киселеву.

В тот же вечер они устроили пирушку, на которую пригласили дежурного капитана, бывшего свидетелем пари. Слуги организовали стол и неплохо вздремнули, пока офицеры вкушали охотничьи трофеи и горячо спорили, какие пари основательные, а какие нет.

Максим сказал, обгладывая птичью ножку:

– Угадать, справа или слева куропатка попадёт под выстрел, – это не пари. Оно неосновательное, так как цель может выскочить в тылу.

Кирилл возразил:

– Если не с фронта, то надобно спорить сызнова потому, что точное прицеливание во всех случаях выбирается во фронт.

Капитан выступил, как арбитр:

– Кирилл прав, по существу. Ведь птица часто не сразу летит, а бежит перед взлётом. Стрелок туда повернётся и условие «справа или слева» будет исполнено, само собой.

Обилие условий запутало спорщиков. Максим настаивал:

– Неважно! Спорить можно лишь, когда нет условий.

Собеседники с трудом решали, какое пари стоит заключить в другой раз. Выбор был бесконечным, но оппонент легко находил, что пари недостаточно основательное.

Для примера разбирали разные истории. Не забыли знаменитое офицерское пари, в котором князь Гагарин на спор отнёс два фунта чая Наполеону в Кремль. Князя схватили французы. Казалось, что пари проиграно, но тут на шум вышел император и сказал историческую фразу: «Таких людей не победить!» Князя отпустили.

Вспомнили также графа Воронцова, обмишурившегося на таможне с блондами и бриллиантами хитрого помещика. И, конечно, не забыли графа Орлова-Чесменского, устроившего впервые в России скачки с крупным залогом.

Поручики увлеклись и чуть не поссорились. Но капитан снова оказался третьим не лишним. Помирил, и выбор нового пари отложили до другого дня. Капитан рассудил, что ежели голова свежая, то и утро вечера мудренее. Поручики намеривались оспорить это утверждение. Но капитан сказал:

– Респект¹, господа, респект!

Спорщики пожалы друг другу руки и, услышав сигнал утренней зори, поспешили отправиться на службу.

Купеческая сметка

Перед поездкой в Пятигорск Пётр Найтаки встретился с сыном Алексеем в служебной комнате кисловодской гостиницы, чтобы сделать последние наставления:

– Алексей, я заметил, что ты часто беседуешь с Иваном Григорьевичем. Хочу предостеречь тебя. Ганиловский большой хитрован, просто так ничего не делает. Сейчас встретился мне во дворе и рассказал о купеческих обозах, отправляемых из Ставрополя. Мне показалось, что он говорил нарочито откровенно, чтобы выведать, не собираемся ли мы вернуться к прежнему занятию. Не иначе, как беспокоится за нашу добросовестность.

Я было обиделся. Подумал, что он считает меня несерьезным человеком. Даже вспомнил библейскую притчу о человеке, заложившему основание башни и не достроившему её, из-за чего над ним смеялись.² Не показывая, что догадался, стал внимательно слушать.

Рассказывал он вот что. По его сведениям, через десять дней отправляется обоз в Москву за шинельным сукном и другими тканями. А в Туле Пономарёв, знакомый тебе, уже приготовил ружья, пищали, пистолеты, шашки и кинжалы для другого ожидаемого обоза. В Астрахань пойдут обозы за гвоздями и всем, потребным в строительстве.

Любопытную подробность он сообщил – в Георгиевск привезут кровельное железо. Теперь я уверен, что мы скоро

¹ уважение (фр.)

² Лука 14: 27-30

покроем свой дом по всем правилам.

Чтобы Иван Григорьевич забыл о подозрениях, я сменил тему и спросил, правда ли, что в московском обозе будут покупать стеариновые свечи? И лучше ли они восковых?

– Правильно, что перевел разговор. Что он ответил?

– Очень удивился и признался, что хотел вступить в новое купеческое общество по производству этих свечей. Государь назначил попечителем графа Строганова и велел открыть в следующем году в Москве завод по французскому рецепту. Но выяснилось, что московский граф принимал в пайщики исключительно москвичей. Ганиловский получил афронт.

– Дай бог нашему теляти да волка поймати! – заметил Алексей.

– Точно! – улыбнулся Пётр. – Иван Григорьевич от досады проворчал, что прогресс, конечно, не остановить, но стоит убедиться, действительно ли эти свечи меньше копят и дешевле восковых? Думаю, он прав. На другой год закажем пробную партию. Поглядим, какая получится выгода. А сейчас, Алёша, пиши записку Егору. Перешлю её с оказией из Пятигорска в Ставрополь. В записке сообщи про ткани. И пусть закажет проклятушие мясные мельницы. Сказать не могу, какая настырная у нас Прасковья! Надоела мне с этими мельницами!

Переждав смех сына, отец сказал:

– Обозные – наши прежние знакомцы. Привезут, что нам надо, не хуже, чем в прошлый раз. Не станем, Алёша, теряться, а используем всякую возможность без промашки. Но об этом, конечно, не пиши. Бумага терпит не все!

Алексей быстро сказал:

– Будьте уверены, папаша! Сделаю, как надо. Ваши университеты! Не впервой! Касательно завтрашнего праздничного обеда не волнуйтесь, проведем, как договорились, скромно и со вкусом.

Пётр гордился замечательным сыном. Но ничего не сказал. За ширмой стал переодеваться в дорожное. Перед зеркалом привычно расчесал баки.

В зеркале отражалась стена с большим ковром, увешанным оружием, которое у него собралось по случаю, когда он

перебрался из Ставрополя в Кисловодск.

Он взял ножницы и решил подравнять бакенбарды. Жена негромко спросила:

– Какого беса скубишь¹седину из бороды?

Он улыбнулся и сказал со смехом:

– Седина – украшение бороды, а бес в ребро – сила храбреца. Придет время, и они приведут нас с тобой к райскому блаженству!

Алексей сел писать письмо брату, а его отец подумал о занятиях снохи. Она у окна читала эпистолярный добродетельной служанки Памелы, обретшей счастье после многих треволнений со своим господином. Где только такие добродетели находят? Без сомнения, лишь в книжках! Пятигорский купец Челахов за малую плату выдает книги в лавке. Приезжие читают в особой комнате, а местные, которые пользуются доверием, случается и на дом получают.

– Наши девицы увлечены английскими романами, – думал Пётр. – От Ричардсона слезами заливаются. По мнению Никиты Артемьевича чтение вызывает искренние чувства и воспитывает добрый нрав. Он философ и любит приговаривать: «Читаем, эрго победим мировые ложь и зло!»

Однако это не вся правда – вздохнул Петр, – книги источают также потоки соблазнов. Наши читатели завидуют английским, а ещё более французским обычаям. Но, слава богу, отвергают заграничную распущенность нравов, наделавшую в Европе безбожных революций. Разве правильно, когда в бедном люде пробуждается зависть к богатым и знатым? Неудержимая зависть – причина всех бед! Господи, прости наши прегрешения!

Он перекрестил незаметно грудь:

– Благодарю тебя, боже, что невестка, завидуя чужому выдуманному счастью, не забыла о своем семейном долге. Беспокорство о бесплодии Маруси закончилось. Определённо, помогли подаяния и моления.

Когда женщины вернутся в Пятигорск, сотворим молебен о благополучных родах и здравии младенца. Уже условился с

¹ *драть, щипать волосы, перья*

отцом Павлом в Скорбященской церкви. Повитуха при госпитале утверждает, что будет мальчик. Надеюсь, что не ошибется. А там, что бог даст! Интересно, все-таки, кто родится? Надо признаться, мы удачно женили Алексея поговору с таганрогскими сватами! С тех пор он счастлив!

Мысли Петра переключились на предстоящую поездку:

– Хорошо, что перед поездкой я отстоял заутреню в новой слободской деревянной церкви во имя Святителя и Чудотворца Николая, которую построила госпожа Толмачёва рядом с кисловодской крепостью на свои деньги два года назад. Иконы перенесли из батальонной церкви. С божьей помощью я оплатил утварь. Душевно пели слободские солдатки!

Петр тепло попрощался с женой и снохой и вышел на галерею. Открыл боковую дверь и зашел в уборную облегчиться «на дорожку».

Он готов к поездке! На нём привычный суконный чекмень. Вычурные архалуки он не уважал. На ногах мягкие чуваки. Ступни отдохнут от туфель; а то весь день приходится в них топтаться. На плечах новый башлык. На голове папаха из чёрной мерлушки с искрой. Бакенбарды и усы воинственно топорчатся, поражая зрителей своей мощью.

По привычке он все проверил: увязан ли груз, взята ли сумка с едой и кувшин с водой. Пощупал рукой спрятанные, где обычно, заряженные пистолеты. В случае опасности они помогут отбиться от разбойников. Всё-таки сегодня с ним малый конвой, а не солидная воинская охрана!

Он заметил, что жена его провожает. Сноха осталась в доме. Алексей протянул письмо для брата. Петр спросил:

– Прислать Марусе что-нибудь из Пятигорска? Книжку или что по женской части?

Сын сказал:

– Спасибо, ничего! У Маруси личная просьба к Тохтару. Если позволите!

И обратился к бородатому кучеру:

– *Тохтар, атам биягынлай унутургъа боллукъду тау бал сатыб аллыргъа. Сиз муну эсге салыргъа. Болсун му?*¹

¹ Тохтар, папа опять может забыть купить горный мед. Вы ему под-

Кучер почти незаметно улыбнулся в бороду:

– *Хо, болсун айтырма*¹ – и добавил – *Сделама, иншалла*².

Пётр Афанасьевич отдал блокнот со списком заказов сыну и, хотя гордился его умениями, прибавил распоряжения на словах.

Во-первых, он обязательно пришлёт из Пятигорска артиста и афишу, чтобы в другой раз на неделе устроить вечернее представление.

Во-вторых, следует напомнить Реброву, что полковник из столицы Иван Петрович Бежитов придёт нанимать комнату.

В-третьих, вечером слуга полковника, француз, заберёт ужин на троих.

В-четвертых, надобно уделить особенное внимание княжеской чете Хасновых, прибывающей из Пятигорска. Остальное, Алексей, смотри в блокноте. Как обычно.

Оставив распоряжения сыну, Пётр поспешил на кухню, где взял у поварихи Прасковьи Семёновны листок со списком покупок в Пятигорске. На самом деле список не требовался, но Пётр хотел поощрять, а не пресекать старания поварихи.

– Повариха Параня добилась своего, – думал он, читая листок. – Такой уж характер решительный! Обязательно добуду мясную мельницу! Но если она продолжит смотреть в рюмку и перечить по поводу блюд, надо будет заменить её. Нехорошо, что пришлось заставлять готовить фрикадели. Такого больше не должно быть! В другой раз может и отказаться.

Тогда придется переводить сюда кого-то из пятигорских поваров. Не хотелось бы это делать – дорого обойдётся семейное обустройство на новом месте.

Ничего, разберусь без спешки! На всякий случай найму вторую помощницу на кухню после Петра и Павла, но обязательно до Успения. Если найму, то осенью она пригодится на заготовках. Надобно выяснить, почему Прасковья хвалит и предлагает эту свою куму.

скажите. Ладно? (карач.-балкар.)

¹ *Хорошо, скажу! (карач.-балкар.)*

² *Да будет на то воля Аллаха (араб.)*

Но повариха не должна ничего подозревать, решил Петр и сказал поварихе:

– Передай куме Лукерье, что места для нее пока нет. Советую наняться, ежели пожелает, к полковнику стряпухой на лето. Пусть договорится с Жан-Пьером, слугой. Он понимает по-русски.

Выйдя из кухни, Петр внимательно осмотрел колесо у повозки. Поставил ногу на ступицу. Подумал: «Колесо удалось починить. Всё ли ещё сделано?» Уселся рядом с кучером на облучок, покрытый бараньей шкурой, поманил приказчика и, наклонившись к нему, негромко напомнил:

– Илья Дмитрич, не забудь сказать, чтобы засветло наносили воды из речки для уборки после бала. Свечи зря не жгите!

Мысленно остановил себя: «Господи, прости, язык мой – враг мой! Митрич-то – человек заботливый и обязательный: уже успел привезти питьевую воду из слободского колодезя! А для кухни есть родник в парке и речка в двух шагах».

Закончил громко:

– Хорошо, что воды для питья *нониче* достаточно!

Привычно попрощался:

– Счастливо оставаться! – перекрестился. – Господи, благослови!

Скомандовал:

– Трогай!

И повозка покатила со двора. Петра подбрасывали неровности дороги, но это не мешало ему размышлять. Всё сложилось как нельзя лучше. Его поддержал сам Иван Григорьевич Ганиловский.

Пётр Афанасьевич был особенно рад, что в Кисловодске жители стали его друзьями. И даже с благодарностью принимают его услуги. Сейчас, например, попросили передать целебные травы и корни в аптечный магазин.

Также Пётр Афанасьевич умело использует дешевые продукты *naturel* из Кисловодска, чтобы снабжать пятигорскую ресторацию. Сейчас он везёт плетёные корзины с тремя дюжинами живых куропаток, укрытый ящик со льдом и форелью, переложенной крапивой для сохранности.

И ещё доктор из крепости доверил отвезти пострадавшего рекрута Александра Симонова в пятигорский госпиталь. Раненому устроили мягкое ложе в повозке. Второго дня рекрут упал некстати в яму с камнями на дне. Неловкий молодой остолоп! Господи помилуй, сколько забот всем наделал!

По правде, однако, это происшествие было для Петра выгодно потому, что раненого сопровождали казаки. Когда казаки будут возвращаться в Кисловодск, Пётр отправит под их охраной продукты, какие ему приготовили в немецкой колонии Каррас, а также, что важнее, вино, закупленное в Пятигорске.

Кисловодск (по литографии А.А. Тона, 1832-1838 г.г.)
Въездной мост виден у полосатой будки. На входе в парк заметны колодец и галереи. Слева ресторация, наверху крепость, за ней слобода. У ваннных сараев дымчат самовары.

Через сотню сажений повозка достигла сторожевой будки у вьезда. Их ждали конвойные казаки и тележка с раненым.

Казачи поздоровались, и с тележки на повозку осторожно пересадили раненого с повязкой на голове и с ногой в лубках. Пётр Афанасьевич помог устроиться удобнее. Сел на облучок и тронул Тохтара за плечо.

Кучер дернул поводья. Кони пошли. Казачи вскочили в сёдла и поехали, не отставая. Копыта и колёса простучали по мосту, и Кисловодск остался позади. В Пятигорске они будут поздним вечером.

Перевозками обыкновенно занимался приказчик. Эту заботу Петр брал на себя редко. Но приходилось! Ещё в прошлом году он убедился, что обе гостиницы нельзя оставлять надолго без надежного надзора. Слишком большое хозяйство! Он понял главное: – «Не красна изба углами, а славна пирогами». «Моей «избе», – думал Пётр, – важно иметь и то и другое. Гости всё помнят и возвращаются туда, где понравилось. Реноме лучших ресторанов на Водах надо поддерживать, не пропуская ни дня».

Мысли его вернулись к сыновьям. Он стал вспоминать их предложения:

– Сын Егор только что прислал записку из Ставрополя. Сообщает, чтобы ждали следующего важного гостя и подготовили приём.

Ответную записку Егору от Алёши отправлю с извозчиком, который завтра повезёт постояльца в Ставрополь. Сделаю приписку и спрошу, всё ли ладно у него, особенно в гостинице. Только помягче, чтобы не обидеть, а то он очень самолюбив. Ревнует в душе к брату. Считает, что мне следует любить и уважать его больше, чем брата. Спорят, как в детстве. Странно, но временами я вижу в них прежних детей!

Егор посчитал, что выгоднее самим делать соленья-варенья, колбасы и всякие деликатесы. Можно сушить фрукты для компота или, как говорят местные, для взвара. И правильно! Как блюда отпускаем на вынос, так заготовки будем продавать на сторону, в армию и в госпитали. А со временем заводик сделаем. Надо подумать.

Алёша тоже хорош! Обращает мало внимания на выбор вин. Напомню обязательно, что от вина доход наибольший! Лучше доход от тифлисского. Хорошее и недорогое, особенно

привлекательное для курсовой молодёжи. Обер-офицеры тоже пьют с удовольствием после надоевшего армейского чихиря, а то и бузы!

Ребровское вино закупать пока не буду. Мы запасли достаточно. Где это видано, платить полтора целковых за бутылку, когда тифлисское вино в два раза дешевле? Ребров поднял цену, как стал императорским поставщиком.

Ассигнации не берёт, а требует серебро и золото, будто горский князь! Как откажешь предводителю ставропольского дворянства? При обмене ассигнаций на золото приходится проценты терять. Предупрежу сына, чтобы остерегся.

Опытные люди капитал пускают в немедленный оборот, а не запирают в бутылках. Деньги выпускают в дело, будто стаю голубей гоняют. Денежки за денежками летают. И, будто голубочки, слетаются вместе. С ними и доход прилетает.

Привычная дорога

Пётр не любил ничемных размышлений, которые сами собой приходили к нему в долгой дороге. Он предпочитал наблюдать за новыми землями и людьми, будто настоящий путешественник. По купеческой привычке дорожный опыт запоминался крепко. Это помогало водить обозы.

Теперь дорога стала несравнимо короче, и поэтому пустые размышления почти исчезли. Внимание Петра обратилось на календарь. Он держал в памяти: и праздники, и постные, и скоромные дни. Будучи членом приходского совета, мог в любой момент сообщить о службах не хуже батюшки.

Он с удовольствием перечислил в уме основные торжества: «25 июня мы с Алексеем удачно отпраздновали день рождения государя. Как никак, а ему сорок лет исполнилось. В кисловодскую ресторацию собрались достойные люди. На обеде в складчину подавали особые блюда. Вина были лучшие. Для кисловодских жителей и местных горцев в парке были выставлены столы с благотворительными закусками, десертами, горячим чай-кофе и холодным морсом. Вечером зажгли иллюминацию и устроили танцы. Играл оркестр из крепости. В Пятигорске тоже был торжественный обед, а

вечером – бал с иллюминацией и фейерверком.

В ресторации болтали, что государь в этом году, скорее всего, не приедет. Император занимается чугушкой в Царском Селе. Называется «железная дорога». Велел австрийскому инженеру фон Герстнеру сделать колею в шесть футов, чуть шире, чем за границей. В Россию теперь не поедут без спроса. Не будут возбуждать людей. И без того народ боится, что под действием шума и пара перестанут нестись куры и передохнет скот, а пассажиры заболели вследствие быстрого бега паровика. Хлопот прибавится, и государю будет не до Кавказа.

1 июля будет день рождения государыни. В Кисловодске состоится литургия во здравие. После молебна будет устроен обед в ресторации и салют в крепости. Делами в ресторации займется Алёша. Будет набираться опыта.

10 августа в Кисловодске в день святого Лаврентия покровителя ресторации наметили разметку участков на бульваре для состоятельных и благонадёжных жителей. Приедет Строительная комиссия и её новый старший член Пётр Петрович Чайковский¹. Он теперь наш арендодатель.

По слухам, в комиссии будет архитектор Иоганн Карлович Бернардацци. Возможно, он привезет своего болезного брата Иосифа. Они составили план кисловодского бульвара на 200 саженей с липами и тополями через один. Будут наблюдать, как под руководством главного садовника англичанина Людвиг Джерсея размечают и сажают бульвар солдаты третьего Кавказского линейного батальона, усиленная рота и штаб которого стоят в Кисловодске.

Участки на бульваре уже проданы приглашённым лицам по 10 копеек за квадратную сажень. Избранным лицам предложили строить дома по правилам архитектуры. Если покупатель не построится в три года, то участок отберут в казну и деньги не вернут. Из тринадцати приглашённых заранее оплатили хорунжая Обухова, священник Смыслов и генеральша Мерлини. Генеральша Екатерина Ивановна, как всегда, скачет впереди всех, будто конь лихой!»

¹ *георгиевский кавалер дядя композитора П.И. Чайковского, назначен на должность с 16 июля 1836 года; дослужился до генерал-майора*

Петра не пригласили, и ему досадно, что в комиссии не заметили многочисленных перемен, которые он сделал в ресторациях. Конечно, Петр знал, что его досада – занятие пустое. Он понимал свое истинное положение в обществе. Он был всего лишь купец третьей гильдии, и никаким боком не входил в общественный круг людей, которым дозволялось жить в Кисловодске на главной улице. Хорошо ещё, что ему продали участок на окраине Пятигорска!

Отложив сомнения, он все равно решил обратиться к Строительной комиссии по поводу улучшения кисловодской ресторации и увеличения доходов. Стал обдумывать, что сказать во время обеда: «За прошлый сезон выяснилось, что нужен жилой флигель. Курсовых-то приезжает много. Им некуда поместиться. Постояльцы из-за нашей дороговизны переезжают к Реброву. Флигели у него переполнены. Прибыль больше нашей, хотя суточная плата меньше. Нам еще нужна новая кухня, –ведь в прежнюю кухню не поставит вторую печь, чтобы можно было кормить больше народа и давать заказы на дом».

Таковы были планы Петра. Но мы полагаем, а господь располагает! Покровитель ресторации Святой Лаврентий не помог. С комиссией Пётр говорил, но без успеха. Ему сказали, что не могут дать деньги в этом году. А что случится на другой год, не знают. Бульвар заложили 12 августа, и комиссия уехала в Пятигорск. Теперь придётся ехать за ней вслед с прежней просьбой. Пётр утешил себя заповедью «ищите, да обрящите!»

Закончив с планами, Пётр переключился на дорожное окружение. При виде ярко освещенных склонов гор вокруг дороги, он подумал:

«На последней неделе ни капли с неба. Поэтому в Подкумке воды течет немного. Бывает, что вслед за ливнем, упавшим в горах, переправа становится внезапно опасной. Приходится ждать, когда спадёт поток. Хорошо, что в этот раз переправа прошла без затруднений».

За речкой началась много раз езженная дорога. Мысли Петра обратились на неё:

«Это отнюдь не шутка трястись на повозке сорок вёрст по неровным взгорьям, даже если дорога главная и хорошо

накатанная. Бывало, что переворачивались. Но в овраги не падали, не разбивали экипаж и не рвали упряжь, как недавно курьер, торопившийся из Пятигорска. Гнал невообразимо!

Само собой разумеется, всё изнашивается! В нашей последней поездке тоже случилось повреждение. Слава богу, наш экипаж починен, дорога привычная и Тохтар Заурович – надёжный кучер».

Он взглянул на соседа. Они кунаки и давно дружат домами. Пожилой Тохтар – карачаевец, человек смелый, себе на уме и, пожалуй, лучше всех в горах знает коней. Они понимают его без слов. Кони ладные, настоящие карачаи, и горы их родина.

Поездки стали короче, чем в Москву или в сам Петербург. Где только они не побывали! Пуд соли вместе съели! С горцами, чей скот скупали и кого солью снабжали, давно покумились. Потом родились сыновья и поездки стали короче.

Он трогает кучера за плечо и говорит:

– Тенгим¹, что там Маруся хотела?

Тохтар помнил доверительную просьбу Алексея и придумал заранее, как отвечать:

– Она спрашивала про маткино пчелиное молоко.

– Отлично! – обрадовался Пётр. – Когда будем покупать горный мед, возьмём и с молочком. Немного, чтобы не испортился. Молочко улучшает сон, и сноха будет отлично отдыхать. Бабки уверяют, что молочко спасает от выкидышей. Великолепно! Обязательно возьмём!

Говоря это, Пётр догадался о хитрости друга. Однако беспокоило Петра другое – он чувствовал, что в последнее время Тохтар находится в постоянном напряжении. Не в таком сильном, когда глаза красные, а движения порывистые, как в бешеном танце или в бою.

Он помнил его страшный вид в стычках с грабителями! Сейчас друга гложет что-то иное. Неужели вернулось состояние, которое было у него после убийства отца? Прошло достаточно времени, и, казалось, пора успокоиться. Послежу за ним и выясню, что происходит теперь.

Позади осталась пойма Подкумка, заросшая кустарником,

¹ Друг мой (карач.-балкар.)

камышом и разрозненными деревьями. Путники выехали на пригорок. По дороге, проложенной выше бурлящей реки, проехали через сужение гор на холмистый простор степи, по которому тёплый ветер гнал к горизонту зеленые волны ковыля и трав.

Вдали поднимался огромный синезеленый лакколлит¹ Бештау, окружённый меньшими горами. Рядом покоился конус Машука. В удалении виднелись горы Болван², Джуцкая и Шелудивая³.

Главные и побочные грунтовые дороги района
Кавказских минеральных вод (1840 г.)

Перед суровым молчанием могучих гор ничтожными казались дорожные звуки: звяканье сбруи, фыркание коней,

¹ купол вязкой вулканической магмы, не прорвавшей слою земли

² сейчас называют Юца и Джуца вместо прежних Болван и Джуцкая.

³ гора, скрытая полностью шахтёрами, поселенными в начале ядерной эпохи в закрытый город Лермонтов под Пятигорском.

мерные удары подков, поскрипывание повозки, слабое постукивание колёс и шуршание гравия. Жужжали надоедливые мухи. Стрекотали кузнечики. Напуганные, взлетали, ударили в лудей, в повозку, в коней и падали на дорогу.

Поблизости бил перепел. Пронзительно резко крикнула пустельга. Трепеща крыльями, повисла над жертвой. Слепой крот не заметил, что покинул чернозем, набросанный на кротовину, и чёрная шкурка стала видна на примятой природоной траве. Жить ему осталось недолго.

Пётр оглядел молчаливых спутников и, желая отвлечь их мысли от прежних забот, особо громко сказал сидящему рядом:

– Слушай, Заурыч! Какую чудную песню мы пели в прошлый раз, «Чёрный ворон, что ты вьёшься надо мной?»! У тебя отличный голос! Запевай, дорогой, а я и братцы казаки тебе подпоём.

И обратился к старшему:

– Помнишь, Григорий Михалыч, давеча мы хорошо пели?

Казак ответил:

– Да, песня хорошая, но, токмо что отъехав, давай не будем играть про смерть; лучше начнём с грустной песни «Вот на пути село большое...». Истинно, эта песня всем по душе.

Пётр доволен. Ещё в прошлом году он уверился, что станичные уважают его любовь к пению.

Запели жалостливо. Чувствуется, что компания давно спелась. С песней привычный путь короче и летний день не долог. Половина пути осталась позади.

Дорога пересекла ручьи, впадающие слева в Подкумок. У ручья Бугунта путники проехали станицу Эссентукскую, основанную казаками, которых генерал Ермолов перевел из станицы Александровская в Волгский полк, чтобы укрепить линию.

Эссентукская станица богатая, с двумя деревянными церквями: Никольской православной и Покровской старообрядческой. Никольскую, говорят, построил тот же архитектор Бернардацци, что и царский дом в Кисловодске, а Покровскую казаки привезли разобранную с собой.

Замечу, что в 1870 году она сгорела. Сейчас стоит новая. Правительство часто сердится на старообрядцев, и церковь,

бывает, закрывают. Тогда упорные казаки молятся дома.

Несмотря на сложности, станица развивается. С дороги видно, как недавно переведённые из Малороссии казаки с семьями, спешно строят двадцать две хаты на окраине.

Вскоре путники остановились у берега Подкумка на знакомой зелёной лужайке. Лошадей распрягли. С молитвой выпили по стопке водки и поужинали «чем бог послал». Запили колодезной водой, согревшейся в кувшине.

Дали отдохнуть лошадям и поехали дальше, распевая время от времени про атаманов, царевен и про всякую всячину.

Раненый, вдруг ободрившись, затянул дрожащим голосом:

– Гляжу как безумный на чёрную шаль, /и хладную душу терзает печаль. /И хладную душу терзает печаль. /Когда легковерен и молод я был, /младую гречанку я страстно любил. /Младую гречанку я страстно любил», – он запомнил романс, услышанный во время концерта в ресторации.

Все оживились, а Пётр поспешил заметить:

– Про коварную гречанку мы тоже поём!

И квинтет, достаточно спевшийся, продолжил:

– Прелестная дева ласкала меня; но скоро я дожил до черного дня... Дружно допели до конца и заулыбались.

Они пели любимые песни, и дорога привычно убегала назад. Наконец, ветер принес запах серы. Петь перестали, и кони пошли резвее. Почуяли знакомый дух уездного городка Пятигорска, что пристроился к Горячей горе, отрогу Машука.

За многие тысячелетия отрог спрессовался из отложений горячей целебной воды. Потоки воды попрежнему струились по белым и розовым натёкам, которые по мере наслоения уплотнялись в пористый камень травертин¹, легкий для обработки.

Городок имел регулярный вид. Несколько крупных казенных домов – госпиталь, галереи, ваннные здания – были каменные. Обывательские дома числом две-три сотни – деревянные. В Солдатской слободке встречалось много саманных и турлучных домишек. Городок был переполнен больными и ранеными. Они пили и купались в минеральной

¹ известковый туф

воде, лечились в госпитале или по домам. Здесь находилась медицинская база Кавказского корпуса.

Когда путники достигли Пятигорска, день уже заканчивался. Пётр отпустил казаков ночевать в станицу. Пётр и Тохтар въехали через растворённые ворота на мощёный двор гостиницы, окружённый сараями, флигелями и конюшней. Встречавшие работники разгрузили повозку.

Однако это было не всё. Надобно было отвезти раненного Александра Симонова в солдатское отделение госпиталя.

Центр Пятигорска и гостиница (Дж. Бернардацци, 1834 г.)

В бывшей Оборонной казарме, где располагалось отделение, дежурил штаб-лекарь Иван Ефремович Дроздов, помощник главного врача. Он и Пётр Найтаки были добрыми соседями на Бульваре. Когда Пётр брал участок под строительство дома, супруга доктора Мария Николаевна обживала на другой стороне улицы дом, купленный год назад у архитектора Мясникова.

В госпитале соседи поздоровались по-свойски и поделились последними новостями. Иван Ефремович прочитал записку

кисловодского врача. Осмотрел раненого и, успокоил, устроив на ночлег.

Спросил, есть ли у Петра войлок для защиты ноги солдата? Объяснил, сколько требуется. Петр сказал, что утром купит и пришлет без задержки.

Доктор попрощался с Петром, садившимся на повозку, передал ответную записку в кисловодскую крепость и сказал на словах, что рекрут пробудет у них на лечении не меньше месяца. Пётр и Тохтар возвращались из госпиталя в гостиницу в сумерках.

Пешеходов на улицах уже не было. Редкие приподнявшиеся экипажи и всадники спешили по домам. На сумеречном небе ещё был виден трёхцветный флаг, развивающийся на флагштоке на крыше. Во дворе гостиницы путешественников встретил работник. Вместе с ним Тохтар занялся лошадьми, а Пётр прошел в дом.

Часы на церковной колокольне пробили десять, когда они вышли из гостиницы. Вечерняя музыка на Бульваре уже не играла. Стояла ночная тишина. Светили масляные фонари на столбах. В их тусклом свете Пётр и кунак направились к отдалённому жилью Найтаки.

Посередине Бульвара между рядами молодых липок шла ровная пешеходная дорожка, посыпанная хрящом. Ночью он особенно громко хрустел под ногами.

Пётр остановился перед церковью иконы Божьей матери всех скорбящих радость, в просторечии именуемой Скорбященской. Повернувшись лицом к храму, перекрестился и поклонился. Тохтар давно привык к набожности Петра и уважал его за это. Так же и Пётр уважал Тохтара, мусульманина, за преданность своей вере.

Наконец, кунаки добрались до последнего жилого дома. Следующим на этой линии строился дом Петра. Временным жильём служил сарайчик.

За дворовым участком угадывался темный склон горы Машук. На другой стороне улицы виднелись купальня у Сабанеевского источника и жилые дома. За ними поднимался отрог Горячей горы.

В сарайчике Тохтар зажгёт свечу, а Пётр выставил на стол

принесённый ужин. Пока ужинали, Пётр размышлял о дальнейшей постройке дома.

До рождения внука осталось сделать много: дом надобно накрыть крышей, настелить пол, утеплить двери и остеклить окна. Строительный материал и даже листы железа привезли из Георгиевска, когда завозили материал для острога.

Вид Пятигорска с Горячей горы (А.А. Тон, 1832 г.)

Слева — ванный домик, вдали — длинная казарма госпиталя, внизу справа — дома у склона Машука.

Не зря я пожертвовал на острог так много денег! — думал Пётр. — Нам в благодарность предложили земельный участок для дома. Я и сыновья мечтали построить дом в Пятигорске. Мы приняли во внимание три разумных соображения.

Во-первых, благородное пожертвование на острог улучшит нашу жизнь в Пятигорске и покажет всем, что мы не чужаки, а заботимся о городе. Во-вторых, необходимо иметь своё жильё для семьи и не тратиться на съём чужого. В-третьих, ежели нам

откажут когда-либо в аренде казенных гостиниц, придется уезжать из Пятигорска. Построенный дом можно будет продать с выгодой.

Дальнейшее сложилось не менее замечательно. В июне утвердили план города. Слава богу, государь не повелел переменить разметку, сделанную под жилую застройку, а Государственный Совет не отменил льготы по казённым и подушным податям для жителей. Может быть, льготы продлят для Пятигорска лет на десять, как предлагает генерал-лейтенант Вельяминов?

Эти размышления радовали сердце и согревали душу Петра. Он вспомнил о скромности и одернул себя. Повторил на память слова Евангелия «*Кто возвышает себя, тот унижен будет*¹», прошептал покаянную молитву Богородице, перекрестился и стал думать о текущих делах:

– Закончу строить новое жильё к рождению внука. А пока беременная Маруся и моя супруга проживут в Кисловодске вместе с Алексеем. В тесноте, да не в обиде!

На зиму дрова уже закуплены, напилены, наколоты и сложены под навес. Сейчас печник кладёт печи. Следующей весной оштукатурю стены и поклею шпалеры. Ещё разобью огород и поставлю плетень для защиты от скотины, что пасётся на городской окраине позади нашего участка. Хорошо, что при ресторации есть конюшня и каретный сарай. Возле дома их можно пока не строить.

Особой заботой для Петра стала мебель.

– Если найду на Успенской ярмарке, поторгуюсь! – подумал Петр. – А не куплю, закажу немцам в Шотландке, как доктор Дроздов. С немцами сговориться непросто, с ними не поторгуешься как на базаре. Зато они мастера и столярничают не хуже столичных! Отличную мебель поставили для рестораций. Но, если судить строго, ей далеко до французской.

В сарайчике друзья помолились, кланяясь в пол. Один по-христиански, другой по-магометански. Совершив по несколько поклонов, оба устроились на лежаках спать.

Завтра обоим вставать до открытия ресторации, Петру идти

¹ *Евангелия от Матфея, глава 23, стих 12*

в ресторацию и посылать записку Егору в Ставрополь. Тохтару отправляться в Кисловодск с нагруженной повозкой.

Пятигорский госпиталь

Было бы здоровье – остальное приложится.
Поговорка

В пятигорском госпитале шла налаженная жизнь. Излечение было её целью. Все привыкли, что праздничные дни не отличались от будничных. Начинались и заканчивались дни в установленном госпитальном порядке.

Чуть свет в дежурку пришли за дежурным фельдшером. Фельдшер сказал: «Жди приёма!» И ушёл. Александр остался один. Он выспался. Больная нога беспокоила, но не сильно.

Александр, не мешкая, намотал подсохшую портянку на здоровую ногу и натянул сапог. Потом старательно сложил солдатское одеяло и положил под подушку в изголовье кушетки. Портянку, что подстилал под поршень¹, убрал в мешок.

Взял костыли и выбрался на двор. Сел на лавочку у двери, осторожно вытянул большую ногу и стал ждать.

Госпитальное отделение для нижних чинов помещалось в бывшей Оборонной казарме на Горячей горе. Длинное одноэтажное здание с небольшими окнами было разделено на помещения для нужд госпиталя.

С горы было отлично видно, как внизу по регулярному городку Пятигорску ходили люди, вились столбики дыма над домами, ездили экипажи и всадники.

Слышался бой городских часов. Под лучами солнца кое где сверкали извилистые рукава речки Подкумок. У речки раскинулась станица. Там тоже виднелись люди, экипажи и всадники.

От станицы пологими ступенями поднимались вдаль горные увалы, покрытые побуревшей травой. На них одиноко возвышалось несколько конических гор. Чем дальше, тем

¹ кусок толстой кожи, стянутый ремешком вокруг стопы

сильнее увалы насыщались цветом синего неба. На горизонте из посиневшего подножия вырастал гребень белоснежных гор, украшенный на дальнем краю двуглавым Эльбрусом.

Солнце приятно согрело солдата. Вернувшийся фельдшер строго спросил:

– Что ты тут делаешь? Тебе нельзя двигаться, пока не разрешит доктор! Вон там отхожее место и умывальня – показал рукой, – но тебе самому идти туда нельзя. Я пришлю кого-нибудь помочь. С кухни принесут поесть, не то останешься голодным до обеда. Жди, не отлучаясь!

Александр продолжал ждать. Через некоторое время пришёл пожилой санитар с едой. Александр сходил с ним в отхожее место. Умылся. Ели вместе, курили и смотрели, как подъехала пролётка с доктором. Санитар сказал то же, что и фельдшер: «Жди!». И ушёл. Александр снова стал ждать.

Двор пятигорского госпиталя был местом бойким. Появлялись и уходили посетители, Иногда въезжали и выезжали экипажи. Сновал персонал, исключительно мужской.

Было близко к обеду, когда другой санитар, молодой и по виду жидок, повёл Александра «на диагноз» к главному доктору Якову Фёдоровичу Реброву.

– Это что родной брат кисловодского Реброва? – спросил Александр.

– Точно! – ответил санитар. – Но ты не обращай внимание на его суровость, он доктор добрый.

У Якова Фёдоровича Реброва Александр увидел доктора Дроздова Ивана Ефремовича и фельдшера Михайла Назарыча, знакомых с вечера. Фельдшер разбинтовал голову Александра. Суровый Яков Фёдорович прочитал кисловодскую записку и похмыкал, поглядывая на Александра. Записку передал Ивану Ефремовичу. Медики осмотрели рану. Заметно было, что оба остались довольны.

– Чистая! – сказал Иван Ефремович.

– Отличная! – прибавил суровый Яков Фёдорович.

Он долго разглядывал через ручное зеркальце глаза Александра и заключил:

– Нормально! Без патологии.

Потом велел показать язык, закрыть глаза и вытянуть руки. Затем растопырить пальцы, сжать в кулаки и пальцем указать нос. Александр указал на собственный нос потому, что язык то он высовывал свой.

Яков Фёдорович спросил:

– Тошнило после падения?

– Нет, – сказал Александр.

– Когда последний раз болела голова?

Александр ответил, что не помнит. Тогда спросил Иван Ефремович:

– А вчера болела?

Александр ответил честно, что не болела и не могла болеть, так как на привале они пил мало вина. Доктора дружно рассмеялись.

Приказано было снять лонгет. Санитар, жидок на вид, размотал повязку и снял лубки.

Яков Фёдорович и Иван Ефремович по очереди осматривали опухшую ногу, гладили и слегка надавливали с разных сторон, чуть двигали стопу и суставы, нажимали легонько на пятку, каждый раз спрашивая, не больно ли где. Александр решил, что они искали, где больше всего болит, но помочь им не мог, о чём и сказал. Иван Ефремович ответил:

– Не волнуйся, всё хорошо!

Затем доктора поговорили на медицинской тарабарщине про каких-то Фибулу, Фибью и ихнюю Физию. Оба довольные, решили, что это вред ли.

После пришли к согласию, что в Кисловодске и здесь у них в Пятигорске мнения одинаковые – фрактура неполная. Можно ставить абазинскую повязку с пропиткой клейстером, а ревизию делать через неделю. Фельдшер всё записал.

Главный доктор Яков Фёдорович обратился к своему помощнику Ивану Ефремовичу:

– Возвратимся к нашей дискуссии. Конечно, свежая баранья шкура, высохнув, создаст необходимую жесткость. Липовые лубки ставятся сразу, но они непрочные и неудобные. Ты прав, абазинский бандаж – наиболее щадящий. Итак, ставим? А войлок есть?

Иван Ефремович ответил:

– Я вчера говорил с Петром Найтаки. Он, на ночь глядя, привёз этого раненого. Я объяснил ему, что нам требуется, и утром он прислал человека с войлоком. Палочки, о которых мы говорили, уже давно готовы. Я послал за ними.

Главный доктор улыбнулся, и сказал фельдшеру:

– Отлично! Запиши: провести курс Александровских ванн по результату, – и, улыбнувшись снова, пояснил, – естественно, добавь, что после снятия повязки.

Сделавшись серьёзным, сказал Александру, что, если он не хочет ужасным образом потерять ногу, то неделю должен оставаться в палате, никуда не ходить и ногу беречь. Ни в коем случае не нагружать, не ударять и не мочить!

В это время фельдшер и санитар осторожно мыли и вытирали ногу, а потом резали и сшивали на ноге войлок. Пропитали его жидким составом и объяснили: «Не бойся, это клейстер!». Потом приложили палочки и стали бинтовать.

Александр решил спросить:

– Скоро я вылечусь?

– Ишь, какой прыткий! – удивился врач. – Наверное, забноба ждёт?

Александр покраснел, а врач сделал вид, что не заметил, и продолжил:

– Если поведёшь себя осмотрительно, тогда месяца через два разрешим бегать, а станешь баловаться, то через все четыре! Лечиться по приказу – дело серьёзнейшее! А сейчас, батенька, будь любезен, сиди спокойно и не двигай ногой!

Заглянув в записку ещё раз, главный спросил:

– Тут приписано, что ты, дружок, грамотный. Так ли?

Александр сказал, что арифметике тоже умеет.

– О! – удивился врач. – Откуда?

Александр ответил коротко: «Был мальчиком при барчуке. Но свою историю рассказывать не стал.

Врач не расспрашивал – он знал о мальчиках для битья – открыл обложку и подвинул книгу к Александру:

– Читай!

Александр стал складывать в уме слоги и читать название книги, невольно делая паузу перед каждым трудным словом:

– Сокращенная анатомия или руководство к познанию

строения человеческого тела для обучающихся врачебной науке...

– Достаточно! Молодец! Умеешь читать. И писать тоже умеешь?

– Умею. В Кисловодске я писал солдатам письма.

– Хорошо! Будешь писать в больнице тоже. Нам поможешь, и мы тебя вылечим скорее.

– Но мне нечем писать. Ни пера, ни чернил и неоткуда взять бумагу!

– Вот тебе ручка с металлическим пером. Наверное, таким пером ты ещё не писал? Сильно не нажимай! Ничего, будешь писать – научишься.

И главный доктор обратился к фельдшеру:

– Назарыч, нальёшь ему склянку чернил! Бумагу и конверты выдавай, когда спросит. Плату за них записывай в книгу, как обычно.

Назарыч, бинтуя ногу, пошутил:

– Саша, теперь смотри, чтобы мыши не съели клейстер вместе с ногой, – и добавил строго, – перо береги, вещь дорогая!

Иван Ефремович спросил Якова Фёдоровича:

– Определяем во вторую палату?

– Точно!

Посмотрел список, лежащий на столе, поставил в нем пометку и пояснил:

– Есть место! Иван Ефремович сделай милость проследи, чтобы выполнили всё, как надо, и, как только подсушат, отправь во вторую палату. Да, ты знаешь! Назарыч, голубчик, не забудь забинтовать голову!

И не задерживайтесь оба, пожалуйста! Надо приготовиться к новой партии раненых. Скоро привезут. Опять ночь не спать! Ещё нас ждет чудесный вечер с пьяными, пострадавшими в преддверии праздника. Что-то ещё будет!

День заканчивался, и после высушивания повязки знакомый санитар привёл Александра в назначенную палату. Её обитатели, видимо, уже знали всё.

Один солдатик с прибинтованной рукой, приплясывая, выступил вперёд и сказал:

– Смотрите, какой храбрый воин по имени Саша прибыл к нам! Он раньше не бывал в госпиталях. Приветствуем его с починном. Споем для него наше дружеское приветствие.

Продолжая плясать, вдруг пропел пронзительным дискантом:

– Братцы, бабы будут наши,
Увидав штаны на Саше.

И завершил куплетец знакомым припевом:

– Люли, люли стояло!
Люли, люли стояло!

Жги! Жги! – закричал в восторге другой раненый. И вся компания, сидящая на постелях, стала дружно подпевать, притопывать и прихлопывать, будто собирались пуститься в пляс за своим солистом:

– Рады будут милочки
Войлочной подстилочке.

Припев

Придут серенькие мышки
Прогрызут ему штанишки.

Припев

Скажут: «Миленький дружок,
Видим сладенький сучок!»

Припев

«Ой-ёй-ей, – захнычет Саша. –
Что за жизнь такая наша?»

Припев

Не хочу никак я, братцы,
Со зверюшками сражаться!»

В конце куплета солдатик как бы нечаянно пропел неприличное слово. Слушатели захохотали, забыли петь припев, и повалились в койки, в восторге дрыгая кто ногами, а кто руками, у кого что уцелело.

Пожилой санитар, принёсший тюфяк с подушкой, одеяло и постельное, возмутился всердцах:

– Оборзели, пропердоли убогие? Жеребцы непутевые! Не можете без сальностей? У вас что, мозги воспалились? На человека кидаетесь!

Донельзя возмущённый, санитар произнес воспитательную

тираду и заключил:

– Что вы запоёте, коли он письма для вас писать не станет?

Александр поспешил заверить, что он со всем своим удовольствием напишет письма. Этим ещё больше развеселил страдальцев.

– А он писатель! – проговорил кто-то и все рассмеялись.

Пока раненые смеялись, санитар велел:

– Свой мешок сдашь мне. Оставь только то, что тебе потребуется в палате. Что не потребуется – одёжу, сапог и прочее – сложи в мешок, чтобы сдать на сохранение.

Покажи, написана ли фамилия, – взглянул и одобрил. – Я снесу каптёрщику. Получишь назад, когда выпишут.

Новичку кровать определили у двери. Санитар помог постелить. После забрал вещмешок.

Александр узнал, что в госпитале спать – милое дело: забот нет нисколечки, только врач каждый день в одно время обходит и строго проверяет, все ли на месте и живы ли ещё.

Другой важный обычай – не забывать спрашивать «судно, утку и попить» при крайней нужде, когда встать сам не можешь.

«За лечением пожрать – никогда не забывать!» складно прибавил кто-то. Оставленный в покое Александр подумал: «После узнаю, что такое «судно и утка». Это точно что-то особенное. Спрошу сейчас – непременно станут смеяться!» Принесли ужин. Артельщиком был Степан, солдат постарше. Он проговорил молитву и перекрестил горшок с едой. Все сказали: «Аминь!» и вслед за артельщиком стали черпать по очереди гречневую кашу, приправленную постным маслом.

У Саши имелась деревянная ложка и медная кружка. Выпили по кружке чая, закусывая сухарём. Сказав благодарственную, вышли на двор покурить.

Старший позвал: «Черке-е-с! Черке-е-сик!» Из-под крыльца вылез крупный щенок, завилял хвостом и попытался лизнуть руку дающему. Для щенка в миску положили остаток каши. В другую миску налили воды.

Посидели на лавочках, покурили, повозились со щенком. Сходили в отхожее место. Помыли горшок из-под каши и руки в умывальне.

Двигать ногой с толстенным лонгетом было очень неудобно. Справиться с костылями помог Матвей, солдатик певец и плясун. Он сказал:

– Саша, готовься! На обед тебе дадут хаш. Ужас, какой противный! Но от него кости хорошо срстаются. Ты пробовал?

Саша был на него обижен и сказал только:

– Да. Это горячий холодец.

Приставучий Матвей всё-таки спросил, откуда Саша в армию попал. Оказалось, что Саша заволгский, а Матвей черниговский.

Вернулись в палату и, помолвившись, легли спать. В углу перед иконой горела лампада. Артельщик проворчал: «Не напасёшься!» - и задул свечу.

Так Александр Симонов впервые оказался в госпитале для нижних чинов. Впереди был долгий месяц лечения. В госпитале ему нравилось. Было покойно: ни тебе караулов, ни стрельб, ни учений и никакой работы. Особенно нравилось, что не унижали и не наказывали.

Он скучал по своей милой и доброй Аннушке. Посылал письма поварихе Прасковье Семёновне, знающей грамоту. Заранее договорился, что она будет читать письма Анне. Письма, сложенные пополам наподобие почтового конверта, надписывал «Кисловодск в ресторацию Найтаки Прасковье Семеновне госпоже Милоедовой» с припиской «для Анны».

Он писал: «Здравствуйте, дорогая Анна! Пишет Вам Александр Михайлович Симонов. Спешу сообщить, что у меня всё хорошо. Врачи нашли трещину в кости ноги. Она заживёт не скоро. Они говорят, что через целых два месяца. Я тебя всё равно не забуду. Ты не переживай и не ссорься с Ксеньей, ради Христа. Она хорошая и только болтает ерунду. У меня всё слава богу. Еда хорошая и работы нет никакой. Желаю тебе того же. Жди следующее письмо. Передай привет ...».

Дальше на весь лист и оборот шёл длинный список с приветами кисловодским обитателям, кого он мог вспомнить. Он привык так делать потому, что в деревнях, откуда были солдаты, считалось не по-людски ничего не приписать родичам и друзьям.

Солдатские письма на почту носил фельдшер Назарыч. За

гривенник он согласился относить попутно в пятигорскую ресторацию письма, написанные для Анны. Оттуда передадут с оказией в Кисловодск для Прасковьи.

Прасковья читала письма Анне. Анна попросила показать, где написано слово «Александр». Вечером после молитвы она находила это место на листочке, гладила его пальцем и целовала. Ложась на печную лежанку, убирала под подушку.

Писать дорогим металлическим пером Александр приноровился, но всё равно получалось коряво. Гусиным пером было как-то сподручнее. В чтении писем он особенно поднаторел. Мог разобрать, если было написано непонятно. Угадывал, наверное! Раненые перестали дразнить его и даже благодарили – кто даст яблоко, кто огурец, а кто и сладкую конфекту. Табачком тоже одаривали. Он стал для всех необходим.

В конце лета стояла жара. Однажды вечером все вышли во двор и смотрели, как горел край Пятигорска. Сушь стояла и ветер поднялся, из-за чего пожар не смогли остановить, и за ночь выгорело 26 домов, всё больше хибарки бедных людей. Госпитальные волновались и сочувствовали несчастным. Отчего пожар случился, так и не узнали. Пожарная команда посчитала, что из-за неосторожного обращения с огнем. В России пожары были обыкновенным делом.

Один ефрейтор, для которого Александр писал письма в деревню, стал ему настоящим другом. Известно, дружба и любовь приходят ниоткуда и без причины. Но лишь ум может подсказать, настоящие ли они! Ум Александра был расположен к дружбе.

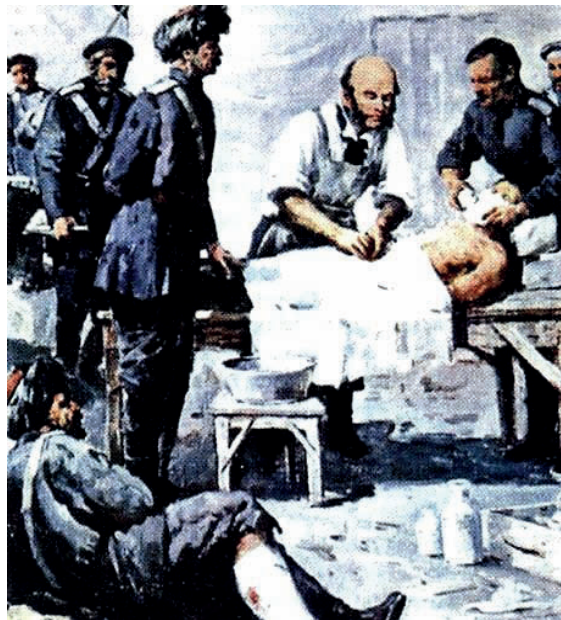
Случай был слишком безнадёжным. Его новый друг лежал в гнойной палате, где выздоравливали редко. Отсюда почти всех отправляли на погост. Часовня при госпитале была прекрасно устроена для отпевания.

На повторной операции другу отрезали ногу, чтобы остановить антонов огонь. Это было ужасно: крик и стоны слышались из операционной даже во дворе! Но гадина гангрена продолжилась! Доктора никак не могли с ней справиться.

Уверен, читатель-медик, что вам доводилось испытывать ледяное чувство безысходности, когда вы знаете, что спасать

человека можно, только мучая его.

Когда вы сравните этот ужас, так сказать, с удобствами современной хирургии, вы, без сомнения, поймёте душевное облечение, которое испытали врачи на Кавказе, когда увидели операции под эфирным наркозом, проведённые перед ними в 1847 году Николаем Ивановичем Пироговым.

Николай Иванович Пирогов оперирует на Кавказе раненого, усыпленного эфиром (неизвестный художник)

Вскоре врачи повсюду делали резекции под эфирной анестезией, применяли йодную настойку и крахмальные повязки. Уровень полевой хирургии сразу необыкновенно повысился. Она спасала даже тяжелых раненых. Госпитали приблизили к местам сражений, чтобы спасти ещё больше несчастных.

Когда Александр узнал об успехах хирургии, он заплакал и вспомнил друга. Как-то вечером позвали к другу. В палате

стояла вонь гниющего мяса. Священник за ширмой закончил соборовать умирающего и велел Александру подойти: «Зовёт!»

Александр наклонился. Лицо друга горело. Он говорил с трудом, часто прерываясь:

– В трёх случаях действует тайное заклинание: в бою и в любви. Я проверил – всё правда! Будь уверен! Только в бою мне не повезло. Второй раз оно не подействовало.

– Заклинание... – он замолчал, восстанавливая дыхание, и продолжил – Сказанные все слова не действуют. Силу в опасности им дают добрые люди. – Я знаю..., – он опять замолчал от приступа боли.

Помолчал и, хрипло дыша, продолжил:

– Кто умирает, передаёт заклинание доброму человеку. Бывает, что владетель вдруг умирает, не оставив... – он снова замолк. Пришёл в себя и зашепел сбивчивым шёпотом:

– Спасибо, Саша, что пришел. Целуй Николая Угодника. Он твой, – показал глазами на иконку на груди. – Передашь секрет хорошему человеку, когда будешь умирать сам! Наклонись поближе. Да исполнится по божьей воле!

Александр был уверен, что это был бред. Наклонился к другу. Перекрестил его, взял и поцеловал иконку. Умирающий прошептал что-то. И затих. Потрясённый Александр смотрел в бледнеющее лицо друга. Закрыл ему глаза.

Он не раз вспоминал его последние слова. Почему друг объяснил только два случая из трёх, в которых действуют заветные слова?

Какой случай был третьим, Александр не мог догадаться. Но иконку, перекрестившись, надел на себя и носил на груди рядом с нательным крестиком.

Той же осенью подарок друга спас любимую Аннушку. Александр был уверен в этом потому, что произошел совершенно неожиданный и невероятный случай, который переменил всю его дальнейшую жизнь.

Вечер в Кисловодске

В Кисловодске нарзанный неофит полковник Иван Петрович Бежитов заканчивал первый день без происшествий.

После обеда отдохнул в снятом домике.

Затем неспешно спустился вниз к прогулочной площадке у входа в парк. У камня перед гротом, встретил, как условились, шурина троюродного брата.

Шурин прежде был страстным охотником. Теперь иное. Заболев, забросил охоту. Стал необыкновенно докучлив и приставал ко всем с рассказами о своих былых удачах.

Чтобы направить его мысли на неопасную стезю, Иван Петрович рассказал «бородатый» охотничий анекдот. Бежит Заяц по лесу, а навстречу ему хромает полевой Заяц. Лесной спрашивает полевого: «Бедненький! Охотники подстрелили?» «Нет, – отвечает раненый, – наступили».

Улыбнувшись, шурин откликнулся восточной шуткой. Байбак¹ сидит у норы и наблюдает, как идет облава на верблюдов. Мимо бежит заяц: «Спасайся! – кричит байбак, – а то схватят! Доказывай после, что не верблюд!» Полковник на это ответил старинной басней. Молодой заяц расстраивался: «Обидно то, что меня косым называют!» Решил стать как все. «Не туда смотришь!» – сказал Орел и, не заморачиваясь, схватил новатора. Мораль – всему своё время и место.

Полковник и шурин не стали обсуждать преимущества разносторонних взглядов, а продолжили анекдотическую прогулку. Иногда они сбивались на детские сказки о зайцах. Тогда им становилось почти по-детски весело, и они не заметили, как завершили *promenade cinq fois*, назначенный врачом. Наконец, перед ними появился колодец нарзана.

Принялись пить целебную воду. В перерывах разговоры продолжились. Довольный успешным завершением прогулки, полковник вспоминал персидский поход и Дениса Васильевича Давыдова. Генерал и поэт в памятной ермолке², простецкий в обращении, рассказывал, каким образом лечились на Водах, когда здесь ещё не было цивилизации. Жили в шалашах и в калмыцких кибитках. Нарзан, за которым пробирались по дорожке из грязных камней, черпали донцем разбитой бутылки.

¹ полевой сурок

² круглая шапочка, прилегающая к голове

Шурин сообщил, что Дениса Васильевича отправили в отставку генерал-лейтенантом. В свете злословили, будто Давыдов «качает-валяет» чаши с аракой¹ в своей симбирской деревне. Собеседники решили, что это ложь, которую пустили гулять по свету из зависти.

Шурин поинтересовался:

– Любопытная у тебя трость! Даже с арабской надписью. Это персидский трофей?

И бесцеремонно спросил:

– Дай-ка взглянуть.

Полковник подал и объяснил:

– Нет, эта трость не из похода. Утром купил в балаганах за речкой. Там были ещё более украшенные. С резными рукоятками.

Шурин заинтересовался:

– У кого ты купил? Я не видел!

– У грузина, который продавал оружие.

– Грузина не было, – сообщил шурин. – Посмотрю завтра. Жаль, что сегодня я проспал всё на свете!

Помолчал, расстроенный, и спросил:

– Знаешь, что тут написано?

Полковник сказал:

– Как будто стихотворение Хафиза: «Равны перед богом и гуляка и постник, но лучше найти тарикат в добрых делах».

И пояснил:

– Странный попался купец, – всё знает, даже персидского поэта Мухамада Хафиза из Шираза! Объяснил, что тарикат – это путь искреннего поиска бога. Читал мне надпись, знаешь ли, по-арабски!

Шурин предположил:

– Возможно, этот купец – член или учитель религиозного братства тариката Их у суфитов множество. Одно помогает Шамилю дисциплинировать мюридов.

– Видел я мусульманских святых людей, – поддержал разговор полковник, – называются дервиши. По внешности и по сути похожи на наших блаженных или нищих отшельников.

¹ самогон (перен.), восточная водка

Они не безумцы, а умные и знающие проповедники.

Шурин поучительно заметил:

– 600 лет назад при Хафизе, скажу тебе, братств тариката не было, а были школы – наставник и ученики, для которых слово тарикат, действительно, означал личный путь служения богу. Стать праведным человеком одному без поддержки было трудно. Поэтому к гулякам в раннем магометанском обществе относились терпимее, чем в современном мире.

Слушая всё это, полковник думал о собеседнике:

– Толстый проповедующий философ на прогулке. Для полноты картины не хватает хитона и сандалий, – чуть было не сказал для смеха.

Собеседник заметил молчание полковника и, озабоченный, закончил свою познавательную речь:

– При Хафизе путь к богу был короче и прямее, а религиозные вожди мягче и мудрее. Поэт призывал не отказываться от земных радостей и сам не отказывался от них.

Зазвонил колокол, – подошло время купания, и полковник с радостью отправился принимать ванну.

Крыша ванного сарая выступала на столбиках впереди и прикрывала входы на случай непогоды. Полковник предъявил билет. Служитель открыл номер.

За входом полковник обнаружил кушетку с чистой простыней. По-солдатски быстро разделся, отодвинул занавеску и сошёл по ступеням к овальной деревянной ванне, опущенной вровень с полом. Служитель уже выложил ванну белой простыней и наполнил тёплым «разводным» нарзаном.

Полковник погрузился в тёплую воду. Его кожу тут же покрыли пузырьки газа. Разгорячённому телу было непередаваемо приятно.

Довольные возгласы курсовых слышались через суконные перегородки, разделявшие номера. В отдалении кто-то капризно выговаривал служителю, что вода холоднее, чем у него в домашней ванне.

Полковник расслабленно думал, что здесь лечат, а не моются. Было покойно. Шло время и, наконец, показалось, что газа в нарзане стало слишком мало. Напрасно один немец собирается тратить газ от нарзана, чтобы насыщать молоко и

делать лекарство. Он стал обдумывать эту затею.

Тут служитель оповестил об окончании сеанса. Полковник вытерся простыней и оделся. Когда он покинул сарай, донесся звон колокола.

Наступил вечер. Чувствовалась прохлада в воздухе.

Утомлённый прогулкой и купанием, полковник неспешно шагал по прохладе домой и наблюдал, как сытая скотина возвращалась с горных пастбищ. Животные направлялись к своим домам, и слободские хозяйки, ласково приговаривая, впускали их во дворы.

Проехали два вооружённых пастуха. Поводы свисали, нужды в них не было, кони хорошо знали дорогу домой. У переднего поперёк седла лежала косуля. Чудеса! В Кисловодске дичь добывают даже пастухи!

Призывая хозяек на улицу, пастух играл на дудке бесконечную мелодию песни «Во саду ли, в огороде». Длинный кнут чертил пыль дороги. У заднего пастуха тренькала в лад балалайка, а из седельной торбы бляела голова ягнёнка. Натуральные Орфеи с ружьями!

Следом солидно прошагал крупный кобель кавказской породы, восхитивший полковника грубым экстерьером. «Такой сторож, точно, возьмёт волка!» – подумал удивлённый полковник.

Барабан в крепости пробил вечернюю зорю. Откликнулся колокол ресторации. Солнце зашло за гору. Однако небо над Кисловодском продолжало светиться. Наступили сумерки – время приготовлений к ночному покою! Птицы затихли. Из пещер и лесов бесшумно полетели летучие мыши.

Померк сияющий Эльбрус. Над сгущающейся тьмой появились бледная луна и первые звёзды.

Лицо полковника погладили последние дуновения дневного тепла. На бал Иван Петрович не пошёл. Здесь не было нужды сопровождать жену и дочерей, да и сами танцы не вызывали у него восхищения.

Он был достаточно стар и видел жизнь такой, какая она есть. Под гром оркестра раскрывались и людские пороки, и благородство. Ещё в Пятигорске он убедился, что курсовые пьют шампанское без меры и пляшут неопишимо. Польские

танцы ни на что не похожи, а контрдансы давно забыты!

Голова у танцоров кружится от этих шумных вальсов, увлѣкших всю Европу и соблаздивших Россию после Венского конгресса. Вернутся не вприпрыжку, как деревенские австрийцы. Неприлично обнимаются. Радуются для вида.

А галоп! На то они и немцы, чтобы придумывать обезьянны «ужимки и прыжки». Он подумал, что даже кадрили лучше галоп! Не исключено, что в будущем всё переменится и нельзя будет отличить, кто скачет, – обезьяна или человек.

Признаться, приятнее видеть танцы местных жителей, особенно лезгинку, зажигательную как гопак или барыня и даже трепак. Но местные своё не ценят! Будут завидовать чужеземным пляскам, и подражать им, увлечѣнные текучей модой. Бессовестное и бесстыдное обезьянничанье заставляет забыть родные развлечения на радость пришлым!

Полковник расстроился от горьких мыслей и, входя в свою хибарку, твёрдо решил не думать о танцах.

Вымыл руки и умылся над тазом под стружкой воды, сливаемой из кувшина преданным Осипом.

Облачился в поданный зелёный шелковый халат со шнурами. Привычно подпоясался и надел вязаные следки. Щѣточкой расчесал перед зеркальцем усы. Причесал волосы и надел ночной колпак.

Сел к столу и принялся, не откладывая, строчить письмо домой. Приходилось торопиться, так как экстрепочта уходила из Пятигорска в субботу.

Осип почистил господское платье, устроил постели и достал ночную вазу.

В этот момент Жан-Пьер принёс еду из ресторации. Осип поставил котелок с бараниной на спиртовку. Нарезал ломтями хлеб. Выставил на стол перед барином приготовленную закуску. Подал стакан любимого бордоского медка. На тарелку положил баранины ровно столько, сколько барин мог пожелать. Полковник сказал: «Спасибо!».

К чаю Осип положил кусок пирога и стал набивать трубочку домашним табаком. Спросил, как только барин закончил кружку: «Ещё чаю, ваше высокоблагородие?» В ответ услышал: «Не стоит, дружок!» Значит, барин сыт и пришёл в

добрый настрой. Егор принял салфетку, которой утирался барин, и подал разожжённую трубочку.

Покурив и помолвившись, полковник отправился спать. Он, как все, «ложился с курами, а вставал с петухами». Ворча на неудобства, расположился на походной кровати и вскоре уснул.

Слуги доели баранину. К пирогу выпили по два стакана чая. Набили и выкурили, не спеша и молча, свои трубочки. Осип убрал посуду, стараясь не греметь.

Жан-Пьер прикрыл крышкой походную чернильницу господина, вытер и спрятал в пенал бронзовое перо и палочку.

Увидел на столе письмо. Он практиковался в чтении по-русски на рукописном и печатном. Успехов было мало, но он не отступал.

Листок на столе он прочитал с трудом. И понял сочувственно, что автор описывает томление души:

«Вокруг меня край невообразимой красоты. Едва взгляну я на эту картину, какое-то грустное чувство гнетёт и расширяет сердце. Мысль о тебе сливается с ним и, будто во сне, убегает от меня твой образ.

В какой прекрасной гармонии был бы твой несравненный облик среди этой сказочной природы и какое бы земное блаженство испытал я? Ах, почему тебя нет здесь! О бесценная, добрая, ангельская душа! Один взор твой – и я исцелён! Как счастлив я буду, излеченный, приветствовать тебя от сердца»¹.

Повернувшись на красный угол и крестясь на икону правой рукой вправо², Жан-Пьер стал на колени и пробормотал молитву на латыни.

Разделся, затушил свечу и устроился на постели на полу. Осип, лежавший рядом, отодвинулся. Ему предстояло встать раньше всех и делать завтрак.

¹ по повести А.А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек».

² Во время молитвы бог у христиан находится справа. При крестном знаменнии правая рука взмахивает в конце по-разному: у католиков – направо, у православных – налево. Полагают, что эти движения несут в себе сакральный смысл: бог, что во мне, обращается к миру или бог извне направляется в меня.

Жан-Пьер мечтал, как отнесёт после завтрака вымытый котелок на кухню ресторации и станет оказывать поварихе внимание и осыпать французскими комплиментами.

Готовясь к романтической встрече, он пробормотал:

– *Quelle belle aux yeux bleus blondinotchka! Dois-je faire connaissance!*¹.

Шёпотом перевел и пояснил Осипу свое намерение.

– Э, – ответил, усмехнувшись, Осип, – у тебя ничего не выйдет. Твой французский котелок не знает здешних обычаев. Первое дело – это никто не знакомится без подарков, второе – лишь невежи возвращают пустым то, что было наполнено.

Перед тобой Кавказ, а не Франция. Тут за презент благодарят не словами, а бакшишем! Вот и будет твоей башке кавказский афронт!

Барин проснулся и внятно произнёс:

– Спать, а то пошлю на конюшню!

Осип захрапел, а Жан-Пьер долго думал, что положить в котелок, и не понимал, почему Осип путал голову с котелком. Наконец, вспомнилась поговорка *la nuit porte conseil*². По-русски звучит тоже неплохо: «утро вечера мудренее».

Успокоившись, Жан-Пьер уснул и увидел во сне, что он преподносит в котелке букет цветов красавице-поварихе, и та, удивленная, улыбается ему поощрительно.

Конец первого дня

В кухне натрудившаяся повариха Прасковья получила меню на завтра от Алексея Петровича, оставшегося за хозяина. Она прочитала и мысленно одобрила.

Когда он ушёл, налила винца, выпила, попрощалась с Анной и отправилась домой, подхватив на коромысло два ведра помоев для свиней.

Измученная помощница Анна перемыла, вытерла и убрала посуду, столовые приборы, горшки, кастрюли и сковородки.

¹ *Какая прелестная голубоглазая блондиночка! Я должен познакомиться!*
(фр.)

² *ночь – врата решения* (фр., букв.)

Выстирала и развесила полотенца и тряпки. Выставила грязную воду за порог. Подмела пол.

Убедилась, что очаг и печь потухли и задвижки дымоходов выдвинуты. Теперь не угорим! Поправила фитиль и долила деревянное масло в лампаду. В ночник залила для пробы новое масло, которое недавно начали делать из семян подсолнухов. «Какая с ним вкусная вареная картошка с солью!» – подумала она.

Закончила наливать мутно-жёлтое ароматное масло и посмотрела на брата, крепко спящего на печи: «А братик любит картофель! Дует на пальчики, когда чистит горячие клубни, и приговаривает, что у толстячков жгучие мундирчики. Клубень с наростами в виде круглых головки и ручек кажется ему чудесной живностью!

А ещё ему любо играть всякими палочками да верёвочками. Предложу вставить палочки в ровную картофелину, наподобие ручек и ножек, и пусть додумывает сам, что за игрушка получилась!

Как я люблю своего братика! И он меня тоже! Если видит, что мне трудно, поддерживает, как взрослый. Скажет: «Тримайся, сестричка!¹» И старается помочь, приговаривая мамиными словами: «Нічого, разом ми впораємося!²» Ах, мой милый братик, как я тебя люблю!»

Занимаясь привычными вечерними делами, Анна размышляла не просто так. Покойная матушка советовала обдумывать прошедший день, чтобы в молитве не досаждать всеу господу. Помощница зажгла ночник, потушила шандал и стала на колени. Земными поклонами помянула родителей. Шёпотом пожелала благополучия родным. Покаялась и пообещала помириться с горничной Ксеньей.

Закончила мольбы к богу, заботливо подвинула брата и улеглась рядом. Сказку рассказывать не стала: брат не проснулся и шум бала его не разбудил.

Она лежала и никак не могла успокоиться: «Но Ксения не

¹ *Держись, сестричка!* (укр.)

² *Ничего, вместе мы справимся!* (укр.)

права! А Сашенька – справный солдат и стреляет лучше других. Даже Нефёдыч хвалил его за то, что песни хорошо поёт! Заслушаешься!

Дружочку не повезло. Стоял над ямой, выкопанной для отхожего места. Край, возьми, и обвались! Миленький и полетел. Ловко так, – головой стукнулся о камни, а повредил ногу! Голова оказалась крепче ноги. Опухоль на ноге болит.

Повезли горемычного в лазарет. Как доктор сказал? А, помню! На конвульсию! Помоги, мать божия! «Богородица, дева, радуйся! Благословенна ты в женах», – закончив шептать молитву, успокоилась и заснула, будто провалилась в небытие.

Пространство перед фасадом гостиницы и возле лестницы освещали ряды плошек с горевшим маслом. Громовая музыка военного оркестра разносилась по горам из раскрытых окон и дверей. Зал ресторации сиял множеством горящих свечей.

Господа и госпожи забыли советы докторов ложиться спать до одиннадцати. Причёсанные, в вечерних нарядах, в пудре и в аромате французских духов они расположились по краям зала и в буфетной. Танцевали в середине зала. Танцоров направлял словами дирижёр танцев.

Не обращая на него внимания, отдельные разгоряченные танцоры выходили на балкон насладиться прохладой или спускались в темноту парка в поисках уединения вдвоём. Низкого сословия поселенцы и курсовые вместе со слугами и служанками заглядывали в окна и обсуждали господское развлечение.

По милости господ они бывали в самом зале на представлениях, которые устраивали приезжие артисты. Но сейчас особые господские манеры и наряды представляли чрезвычайный интерес. Такова природа зевак: они с восхищением и завистью глазуют на недоступное и необычное.

В одиннадцать, когда свечи почти догорели, распорядитель объявил, что бал закрыт. Все знали курсовые порядки и, не возражая, отправились на ночлег.

Возникли привычные проблемы. В Кисловодске не было уличного освещения. Кое-где тускло светились окна. Найти тропинки помогала луна и слуги с масляными фонарями.

Господа, увлечённые разговорами, оступались. Кавалеры ругались. Дамы вскрикивали. В подворотнях лаяли собаки.

Музыканты с инструментами и капельмейстер вернулись молчаливым строем в крепость. Им было проще, чем курсовым, – они свой путь освоили давно.

Когда посетители ушли, Алексей Петрович разложил блокноты и стал записывать в книгу дневной оборот. Буфетчик привёл в порядок буфет.

Усталая обслуга вымыла полы в зале, на балконе, галерейке и в отхожем месте. Грязную воду и отхожую жидкость вылили в речку и сполоснули бадьи. Расставили столы и стулья. Заменяли скатерти, салфетки и полотенца. Убрали огарки, почистили светильники и вставили новые свечи. Закрыли окна. Затушили лампы. Попрощались и ушли.

С балкона ресторации Алексей Петрович Найтаки смотрел на красоту ночного Кисловодска. Благословенный покой разлился по кисловодской котловине и по горам. Высоко в черном небе стояла полная светлая луна, окружённая мерцающими точками бесчисленных ярких звёзд. Холодный свет лился с небес на Кисловодск, но не мог преодолеть черноты ущелий. Часовые прокричали протяжное «Слушай!»

В темной низине негромко шумела текущая вода. Волнами вздымались деревья парка, и по склону горы в обманчивом лунном свете беззвучно плыли белые домики слободы, будто корабли в кильватерном строю.

Наверху, в крепости, одно окно слабо светилось. То Никанор Иванович опять припозднился.

Алексей Петрович вздохнул, погладил бакенбарды и подумал: «Мать и Маруся, верно, уже спят. Мать и отец сделают всё, чтобы Маруся родила без происшествий. Могу на них во всем положиться! Помолюсь и лягу! В пять открывать ресторацию. Днём буду ждать Хасновых и встречать любезно. Хорошо, что станичные привезли козлов, освежевали и положили на холод».

Он закрыл и запер парадную дверь. На сон осталось меньше четырёх часов.

Пришла ночная тишина. Полковник Иван Петрович

Бежитов смотрел второй утренний сон.

Его офицеры, как живые, сидели за столом и покойный майор, прозванный Астрономом, говорил прощальный тост перед выступлением отряда:

– Древние греки смутно представляли себе Арктику и медведей и поэтому созвездие Большую Медведицу называли Арктосом, то есть мифическим «северным медведем».

Наши чумаки видят на небе телегу вместо медведя и бесконечный Чумацкий тракт через всё небо вместо Млечного пути¹. Каждому видится своё!

Для нас созвездие никакая не медведица и не телега, а любезный сердцу ковш для вина. Не правда, ли? Офицеры, уже осоловевшие, дружно подтвердили: «Истинно, правда!».

Майор указал пустой кружкой на небо:

– Боги благословляют воинов на питиё, и мы не огорчаем богов потому, что не заядлые винопийцы, а знаем меру! Небесные заступники нашего отечества юные страстотерпцы князя Борис и Глеб благосклонно смотрят на нас с Луны. Верно, друзья?

Все посмотрели на полную луну, покрытую знакомыми пятнами, и сказали: «Верно!» Последовало заключение:

– Ощувив небесное одобрение, нальём последний ковш, чтобы, наконец, согреться и поблагодарить Аллаха, что на суровом Кавказе не бывает арктических морозов!

Оратор разлил остаток напитка из котла. Показывая черпаком на созвездия, нечаянно окропил влагой небеса и всех, кто подвернулся под руку:

– Отправляясь в дорогу, поместим пять заветных ковшей над Большой Медведицей. Аккуратно друг на друга, чтобы не потревожить созвездие Дракона. И увидим Полярную звезду. Вот она, любезная, сидит на краю пятого ковша! Подобно мудрому и верному Ментору помогает найти правильные пути в теперешнем мраке, упавшем на отечество!

Все уловили намек на альманах «Полярная звезда» и декабрьское дело 25-го года: когда повесили пятерых

¹ под крики «цоб-цобе» везли на волах в больших крепких фурах зерно и другое в Крым, продавали, а обратно вывозили соль, рыбу и прочее.

зачинщиков бунта, с которыми многие из присутствующих сдвигали ковши! Сегодня исполнилось горю десять лет.

Завладев общим вниманием, майор поднял кружку:

– Пришло время, друзья! Кавказская экспедиция не ждёт. За отечество и за нашу путеводную звезду!

Дружно выпили. Майор знал, что наливать неполные кружки – плохая примета перед боем. Выплеснул остаток из котла на землю и проговорил: «Родимая, с небом мы поговорили. Прими и ты приношение от воинов, идущих в бой! Сохрани нас и помилуй!»

Полковник привязывает карту к местности:

– Точно, ёксель-моксель! Отличные были ковши, кивер набекрень!

Высылает вперед дозор и зовёт лучшего трубача. После певучего сигнала «под штандарты» начинает распоряжаться, украшая команды вторым русским языком, чтобы вселить бодрость в подчинённых.

Командует:

– Садись! – и оглядывает садившихся в сёдла. – Сущие сонные кентавры, туды твою в качель!

Дождался, когда сели:

– В колонну по два! Не зевай! Рысью! – и после паузы – Марш!

Гремит барабан. Походная рысь радует вороного Бурана! Когда отряд пошёл на рысях, полковник приказывает: «Песню! Запевай!». Кентавры дружно грянули о воинской судьбе: «Песни гусарские лихо поются...». И окончательно проснувшись, пропели пророческие слова: «И, может быть, завтра уж бранное поле украсится новым холмом». Повторили пропетое и продолжили песню. Пророчество сбылось, и завтра многие погибли.

Старый воин, покрытый боевыми шрамами, смотрит второй утренний сон о былом, о покойных друзьях-гусарах и любимых конях, слышит бряцанье оружия под топот коней, отдаёт шенкеля и чувствует всем телом привычный аллюр.

Полковник Иван Петрович Бежитов сладко похрапывает в снятой слободской лачужке. Он доволен первым курсовым днём. В Кисловодске было так спокойно, что ему казалось,

будто войны больше нет. Она – лишь сон, преходящий и скоро забываемый.

Схватка у водополя

Оглядевшись, черкесы Али и Аслан двинулись в сторону горы Болван по краю зелёной лощины, где мог быть родник. Скоро его нашли, но там три вооружённых казака поили отару овец.

Черкесы переглянулись и поняли друг друга. Никто не должен был даже думать, что они побывали в этом краю. Нельзя было, чтобы догадались, что они разведчики. Должны считать, что они простые торговцы, которым нужно лишь одно – продать с выгодой товар в городах. Ещё лучше будет, если сочтут, что в этом краю их не было совсем.

Не допустимо было рисковать жизнями старинных кунаков в окрестных аулах, где они находили помощь и прятались в случае необходимости. В прошлый раз, когда они напали на Эссентукскую, Али убедился, как важно иметь хотя бы одного друга, хорошо знающего окрестности.

Для Али и Аслана это означало – свидетелей их встречи у водополя не должно остаться! У них не было никаких сомнений, что с ними поступят так же, если они замешкаются. Оба заранее сговорились, что в случаях, когда быстрота решала всё, действовать начинал Аслан, а разрешающий сигнал подавал Али. Аслан был сильным бойцом, а Али – опытным.

Не задерживаясь, они направились прямо к казакам. Двое казаков были верхами. Третий, спешенный, черпал воду ведром из родника и выливал её в деревянную поилку, куда мордами уткнулись овцы. Казак прекратил своё занятие и внимательно посмотрел на подъезжавших незнакомцев.

Али спешился и подошёл. Поздоровались. Казак спросил:

– Кто такие? Куда путь держите?

– Мы купцы из Тифлиса, урядник. Торгуем грузинским и всяким другим оружием с разрешения начальства. Нам настоятельно посоветовали отвезти товар в отдалённую Нальчикскую крепость. Начальник сказал, что оружие купят там за хорошую цену. Мы надеемся заработать.

Сначала хотели продавать в Пятигорске. Ты, конечно, знаешь, там хороший базар. Но начальство посоветовало Нальчик. Что тут поделаешь? Хотя и говорят, что купцы – люди вольные, но это неправда: мы, как и вы, люди подконтрольные. Приходится слушаться начальников. Рассердятся – не разрешат торговать, а нам без этого нельзя. Кто будет кормить наши семьи? Не впроголодь же сидеть маленьким нашим деткам?

Казаку, похоже, надоели почти непонятные разглагольствования грузинского торговца, произносимые с сильнейшим акцентом, и он грубо спросил:

– А проездный лист есть?

– Канечна, началник. Сычас дасатану! Не извол волнаватца! У нас бумаг бывает завсегда в парядкэ, – Али полез сначала левой рукой за пазуху чохи будто в поисках и наблюдал краем глаза, как Аслан подъезжает, приближаясь к верховым казакам. Затем стал шарить правой рукой, как-бы разыскивая и приговаривая с громкой досадой по-русски и по-грузински. Грузинские слова были сигналом:

– Где ж он? *Ме месмис!*¹. Панэмаю! Ищу! *Ар арис дро!*² Чтоб тебя, провалился. Тут был. Где же? Да где же он? Спешу, спешу! Он застрял. *Ахла!*³

Аслан уже приблизился к казакам. Прогредел пистолетный выстрел, и Али провёл быстрое атакующее движение.

Кинжал у него был не длинный, и повернут на поясе, как у всех горцев, рукоятью к правой руке, но конец ножен Али не подвешивал к поясу, и он болтался свободный. Поэтому ножны поворачивались и не мешали быстро вынимать оружие любой рукой.

Али быстро вынул правую руку из-за пазухи и двинулся прямо на казака. Но вдруг выхватил кинжал левой рукой и уколол, исполнив за одно движение четверть оборота телом и короткий шаг вправо.

Казак увидел быстрое движение правой руки из-за пазухи и

¹ *Я понимаю! (груз.)*

² □ *Нет времени! (груз.)*

³ *Сейчас (груз.)*

привычно ударил кинжалом перед собой. Не попал. А лезвие противника беспрепятственно проникло ему под поднятую правую руку в живот.

Как известно, в горах укол кинжалом в поединке позорит джигита, но против русских укол не считался бесчестным действием.

Казак охнул и согнулся. Али вытащил кинжал, переброшил его в правую руку и со всей силой ударил казака по шее. Тот свалился, не издав ни звука.

Третий казак сорвал с плеча ружьё и стал его наводить.

Аслан был певцом и голос у него был мощный. Он, не теряя ни мгновения, изо всех сил прокричал боевой клич *хей!*¹ и швырнул свою папаху прямо в морду лошади казака.

Лошадь отпрянула. Грянул выстрел, и пуля пролетела мимо. Этот рискованный и отлаженный приём у горца был успешен не впервые.

Казак, яростно ругаясь, швырнул ружьё, повернул лошадь и помчался прочь, вытаскивая пашку.

Аслан сбросил повод вьючной лошади с луки седла, ударил своего скакуна пятками и поводом. Тот сразу пошёл в широкий намёт.

Говорили, что Аслан знает колдовские заклинания, а некоторые верили, что он колдун. На скачках ему достаточно было наклониться к уху своего Мийцара и что-то прошептать, как конь прибавлял ход и, бывало, выигрывал.

Когда Аслана спрашивали, что он говорит коню, он шутил: «Я ему говорю: «Прибавь, а то шкуру сдери!» Он мне верит и делает, как я скажу. Попробуй и ты со своим конём. Если он поверит, то исполнит приказ из последних сил.

Важно убедить животное, чтобы оно поверило человеку. Нужно быть красноречивым. Вот для этого я сочиняю речитативы к священным танцам, которые понимают даже кони». Слушатели смеялись, хотя не знали, шутит поэт или говорит всерьёз.

Аслан наклонился к голове коня и прошептал. Конь понёсся бешеным карьером. Меньше, чем через две сотни

¹ боевой клич черкесов (адыг.)

саженей, он догнал казака.

Казак начал прижиматься к Аслану, готовя смертельный удар шашкой. Когда она пошла на замах, Аслан пригнулся и выстрелил из второго седельного пистолета.

Кто кого? (Ф.А. Рубо, 1905 г.)

Рука казака упала и выронила шашку, повисшую на темляке. В следующее мгновение кинжал Аслана сбросил казака на землю. Аслан подъехал, спешился и добил противника. Сел на коня и поехал искать шапку.

Когда Аслан вернулся, Али увидел разрез на рукаве черкески, ниже которого всё пропиталось кровью.

– Э, да тебя зацепила казачья шашка – сказал он. – Подожди, сейчас остановлю кровотечение. И крепко по рукаву обвязал руку поясным ремнем.

Наполнил кувшин родниковой водой, дал попить раненому, нашёл в стаде курдючного барана, взвалил на круп вedomой лошади и привязал арканом.

Собирать оружие с убитых казаков не стали, но Али отрезал подол от рубахи убитого и сделал поддерживающую перевязь для руки раненого. Потом перезарядил пистолеты. Сели в сёдла и поехали по следу, оставленному стадом. Надо было убираться с места стычки и запутать след.

Переправились через небольшой ручей, немного проехали и остановились. Али сказал: «Баран, без сомнения, пригодится». И зарезал барана.

На тряпочку сложил рулон холстинного бинта, иглу, кожаный мешочек соли, кувшинчик, коробочку с бальзамом и нож. Отрезал у лошади семь волос из гривы. Помог Аслану снять черкеску и рубаху. Осмотрел обильно кровоточащую рану.

Понял, как оперировать. Во время операции человек для него не отличался от барана: тело почти такое же, только шерсти нет, сидит на задних лапах и морда приплюснута не с боков, а спереди. В обоих случаях Али действовал точно.

У барана вырезал курдюк и отделил полоску курдючного сала. Срезал большой кусок шкуры с живота. Протер пальцы, нож и кожу тряпочкой, смоченной бесцветной жидкостью из кувшинчика. Очистил рассечение человеческого тела. Потом полоску сала поместил в рану вместе с турундой, скрученной из тряпочки, посыпанной солью.

Тщательно протерев иглу и конский волос жидкостью из кувшинчика, пришил лоскут тела. Сверху своё шитьё обильно обмазал бальзамом из коробочки. Обмазанное место завернул в ещё теплую баранью кожу и забинтовал, приговаривая: «Будем молить Всемилостивого одобрить наше лечение».

Аслан терпел и молчал. Лишь бледное лицо покрылось

испаринной от страшной боли.¹

Али убрал лечебную шурумбурду. Ничего не оставил на месте операции. Барана спрягал под берегом. Скинул в воду даже навоз.

Помог Аслану сесть на лошадь. Ехали долго. Ручеек расширился в речушку. Остановились.

Али зашил рукава черкески и бешмета Аслана. Постирал и разложил на кусте сушиться. Обмыл и напоил лошадей. Дал кукурузы и привязал, боясь, что их сманят местные лошади. Неподалёку пасся косяк, но пастуха не было. Кони и горцы не боялись волков.

Адыги костёр не разводили. Сказали «*Бисмиллях!*²» и поели сырого курдючного сала. Они знали о его целебных свойствах и приятном вкусе! Часть отложили на завтра. Выпили родниковой воды из кувшина. Совершили *ишу*³.

Звёзды сверкали ярко. На спокойном ночном небе они были видны чётко. Перед тем, как лечь спать, Али показал Аслану, где будет находиться в полночь линия, соединяющая аль Киблах⁴ со звёздами Дубхе и Мерак⁵. Ему помогли ориентиры на горизонте.

Вчера он заметил, где находилась эта линия после заката. Сегодня присмотрелся, где исчезала с рассветом. Измерил смещение с помощью металлических накладок на своём поясе. Привычно положил пояс и обнаженный кинжал рядом с собой.

По сделанным наблюдениям среднее положение линии определялось легко. В ясную погоду оно указывало на полночь. При непогоде приходилось полагаться на собственное ощущение времени.

Показывая звёздное правило на небе, он незаметно учил молодого Аслана определять время суток и своё положение на

¹ способ лечения ран, засвидетельствованный Н.И. Пироговым (*Отчёт о путешествии по Кавказу, С.-Петербург, 1849*).

² *Именем Аллаха!* (араб.)

³ молитва, последняя за день

⁴ Полярная звезда. По ней определяют направление на Киблу (Мекку)

⁵ звёзды α и β ковша созвездия Большая Медведица

земле, а не только находить направление на святыни Мекки. Учить практически – этот способ учения, как известно, наилучший.

Первым лёг спать Али. Завернулся в бурку и велел разбудить себя в полночь. Правда, в этом не было необходимости, Али умел просыпаться в любое выбранное время.

Он проснулся и некоторое время незаметно наблюдал за молодым товарищем. Тот, постанывая от боли, поддерживал здоровой рукой раненую и монотонно раскачивался, рассматривая звёздное небо.

Когда Али стал подниматься, Аслан уже не раскачивался. Звездная линия на небе указывала на полночь. Глаза привыкли к темноте и Али внимательно оглядел местность. Всё было, как прежде. Ничего подозрительного! Он завернулся в бурку и, подогнув колени, сел сторожить.

Его товарищ заснул не сразу и во сне стонал. Али знал, что рука опухнет. Если опухоль начнет уменьшаться на третий день, то всё будет хорошо.

Но, если это не произойдёт, придётся отрезать руку. Кому инвалид будет нужен? Ему не быть музыкантом, который восхищает людей, но в каждом доме он останется желанным *хафизом*. Али относился к ранениям философически, как человек, для которого война – это дело, приносящее не только доход, но и убыток. Среди издержек были ранения. Они мешали делу, отнимая бойцов.

Али вздохнул и велел себе: «Не буду думать о плохом, но стану при каждом намазе усердно молить Всевышнего о помощи другу. Возложу надежды на Великого и Милосердного.»

Помолившись, Али продолжил размышлять: «Смерть – штука странная. То есть, все знают, что она придёт, однако, когда и как случится, точно известно одному *кисмету*¹.

Люди убивают не просто так. Ведь сила богов бесконечна, и они могли бы отнимать жизнь, когда пожелают. Может быть, есть причины, из-за которых верховный Тха доверяет отдельным людям убивать других людей? Вот и мне он поручил

¹ судьба, ниспосланная Аллахом (араб.)

это делать потому, что я защищаю его народ и уничтожаю всякого, кто мешает планам бога.

Значит, когда мы убиваем, верховный бог адыгов Тха нас одобряет. Надо признать, что человеческому разуму намерения богов понять не дано. И нет смысла им перечить! Пусть всё идёт, как шло. Не будем перечить небесной воле. Аллах Непобедимый поможет нам.

А как ловко мы разделали этих казаков! Пусть теперь празднуют на том свете и встречают своего императора. Его бы туда тоже отправить. Жаль, что Аслана зацепило! Как говорят русские: «Замах рублёвый, а удар ...». Тут Али мысленно произнес крепкое русское словцо.

Тихо засмеялся: «А какое стадо мы могли бы угнать! И лошадей и оружие добыть. Но сейчас нам не с руки заниматься этим. Надо делать, что задумали. Придёт время для другого раза, угоним больше, чем одного барана, и казаков перебьём столько, что обрадуем все неотомщенные души джигитов!»

Так или приблизительно так оправдывал Али свои очередные убийства, обращаясь к богам, в которых он верил. Правда, он мог и вовсе не оправдываться, а просто без рассуждений считать убийства делом праведным. Ведь он был опытный законченный разбойник и умный человек. Но не мудрее законов истории для времени, в котором он жил.

Сверху светила холодная Луна, и сверкали равнодушные звёзды. Мы люди именно потому, что смотрим на звезды. Смотрят ли звезды на нас? Так ли они равнодушны к людским злодеяниям, как нам кажется?

Наступила особенная тишина, предваряющая близкий рассвет. Слышно стало, как шумит вода в реке, да переминаются и фыркают дремлющие кони.

Али проснулся задолго до рассвета. Напоил и оседлал коней. Прикрепил вьюки. Разбудил раненого.

Они отправились в сторону Нальчикской крепости, но не в крепость, а неподалёку. Горы были рядом, и Али был уверен, что сможет скрыться у давнего кунака на столько дней, сколько потребуется на поправку Аслана. Заехать к кунаку, однако, пришлось бы независимо от ранения, так как необходимо было спрятать оружие в расчете на продолжение торговли.

Кунак отвел пришлых знакомцев в дальнюю заброшенную кошару. Оставил еду на первое время. Обещал прийти через неделю.

Чтобы меньше находиться вне укрытия, Али лишь по ночам ходил за водой и накашивал травы для коней. Высматривал окрестности. Иногда пас коней, если было тихо. Прошло полтора месяца. Воспаление спало, шов раны затянулся и рубец стал сухим. Аслан понемногу разминал и упражнял раненую руку.

Местные пастухи, пришедшие к водопою, нашли убитых. Убитые казаки были кабардинцами из аула на Малке-реке. В ауле подозревали абазин. Называли один здешний род, с которым были давно в ссоре.

Опасаясь кровавой междоусобицы, люди стали жаловаться русским властям. Посланные властями казаки абазины нашли в воде труп зарезанного барана, объединенного чекалками¹. О лечении курдючным салом они знали и предположили, что погибшие ранили убийц. Стали искать недавно раненных, но таких не нашли. Соглядатаи давно были перепрятаны у другого кунака.

ЧАСТЬ III. Развлечения на курсе

Сборы на охоту

Бездействие угнетало полковника. Он успел узнать многое о здешней охоте. Тут, оказывается, есть волки, зайцы, олени, медведи и другая живность, на которую охотятся у него в родном краю, но также встречаются туры, шакалы, зубры. Мех редких леопардов ценится особенно высоко. На мясо добывают кабанов и косуль или, по-здешнему, горных коз.

Время шло, а охотничья партия никак не собиралась. Он не винил князя и даже сочувствовал ему, так как хорошо понимал причину. В Кисловодске все уже знали, что на другой день после вселения в гостиницу княгиня Хаснова обнаружила, что в комнатах нечисто и стоит дурной запах. Потом объявила, что

¹ шакалами

на южной стороне дома невыносимо жарко. Иван Григорьевич Ганиловский оказал любезность и поменялся с княгиней комнатами.

Перемена комнат не помогла, ей было плохо. На публике заявила: «*Bien sûr, partout sauvagerie et manque de civilisation! Nous vivons dans un lieu tout grossier et vulgaire. Les montagnes, les seigneurs, les serviteurs c'est toute les racailles!*¹».

Да ещё звон клятого колокола, видите ли, её измучил. Утром своим дурацким брэнчанием не даёт спать. Осудила всех: «Как будто люди нуждаются в глупом напоминании, для чего они приехали к нарзану?»

Полковник Иван Петрович Бежитов усмехнулся своим мыслям: «Что с женщиной делает болезнь? Где хвалёная светская сдержанность? Куда девалась терпимость, обязательная для *comme il faut*²?»

Представляю, что она скажет о выступлении артистов в зале ресторации, которое обещают скоро устроить. По поводу шумного бала она разгневется так, что подумать страшно!»

Прошло несколько дней, и, наконец, услужливый Пётр Найтаки помог Хасновым переехать по соседству в тихий бельэтаж к Реброву. Утром князь встретил полковника на променаде и пригласил к себе на ужин обсудить планы охоты.

Когда полковник пришёл к Хасновым, он нашёл удивительную перемену. Нарзанное лечение показало всю свою силу. Княгиня Елизавета Федоровна ожила.

– Представляете, – рассказывала она, – мы занимали знаменитую комнату в ресторации. Сторож, солдатский ветеран, рассказал князю, что лет десять назад, как ему говорили, в этой комнате жил сам поэт Пушкин: «Такой, знаете, азартный! Проиграл сразу десять тысяч!»

На что полковник, читавший пушкинскую книгу о путешествии в Арзрум и не забывший недавнюю несносность княгини, сказал грубовато: – Точно, только не десять лет назад, а всего лишь семь по дороге с турецкой войны.

¹ Конечно, кругом дикость и отсутствие цивилизации! Мы живём в грубом и пошлом месте. Горы, лекари, слуги – все сволочи! (фр.)

² как должно (букв.); соответствие правилам приличия (перен., фр.)

Князь благодушно пояснил:

– Правильно, в свете тогда сплетничали про его карточное *фиаско* с ветеранами наполеоновских войн, вроде бы нечистых на руку.

Знаешь, Лизонька, после победы над Бонапартом все радовались жизни. Тогда много играли. И по-крупному тоже, – обьяснил он молодой княгине.

Подали ужин. Откуда-то долетел запах кофе.

– Хотя бы обошлось без кофея на ночь, – понадеялся полковник про себя. Но уйти не посмел.

Князь посмотрел на жену, улыбнулся и начал расспрашивать о подготовке к охоте:

– Нашёл ли ты, Иван Петрович, подходящую лошадку?

– Комендант крепости майор Никанор Иванович обещал проводников, а также пороху с пулями и лошадей на выбор. За деньги, конечно! По всему видно, что он заядлый охотник. Тут же пожелал присоединиться к нашей компании. Зовёт в крепость выверить ружья и пригнать заряды.

– Ты говорил, что лошади у него не для охоты. Что теперь?

– Вы правы! Я их видел. Они вовсе не для настоящей охоты. Будет не охота, а расстройство! О лошадях скажу без экивоков. Ход у них будто у раков в проруби! – Полковник чуть не сказал неприличное слово. – Совсем отчаялся! Не знаю, где искать. Разве что у коменданта в Пятигорске? Ваша светлость, не представите ли меня Петру Петровичу ради такого дела?

Он имел в виду временного коменданта укреплений на Водах полковника Чайковского, старшего члена Строительной комиссии. Его возможности на Водах были почти безграничными. Майора Никанора Ивановича называли «комендантом» номинально, как старшего начальника на территории, защищаемой крепостью. Фактическим же начальником был Пётр Петрович.

– Полковник прав – сказала княгиня. – Надобно что-то делать, не откладывая.

– Посмотрю, – сказал князь. Он явно имел что-то в виду.

Охотники, как знатоки, с удовольствием поговорили о ружьях, привезённых обоими, об осечках, о порохе и заряде, о кремне, о боевой пружине и прочих тонкостях, улучшающих

попадание в цель. О пристрелке, решили охотники, можно не беспокоиться. На это всякое ущелье годится. Согласились, что комендант дал понять, что с ним следует согласовать место стрельбы возле крепости. Наверное, не хочет тревожить часовых и пикеты?

Внезапно князь предложил приступить к делу:

– Не договоришься ли ты с майором о совместной пристрелке? Я считаю, что его можно пригласить в нашу партию.

Князь будто забыл, что полковник не нашел лошадь. Что бы это значило? Князь и полковник, были основательными людьми и считали недопустимым легкомысленное отношение к такому серьёзному делу, как выбор охотников и лошадей.

Слуга подал кофий с шартрезом, редким даже в столице. Глотая понемногу на ночь, полковник не мог понять, почему князя перестали интересовать лошади. Когда полковник пришел в полное недоумение и окончательно растерялся, князь, сказал, попивая свой кофий:

– Дружище Иван Петрович, вижу, расстроил я тебя расспросами о лошадях. Хочу обрадовать! Как ты посмотришь, если я предложу тебе испробовать карачаевского жеребца, что я купил у азиатов третьего дни вместе с черкесским седлом? Оно вдвое легче армейского. Если понравится, возьми коня и седло на охоту!

Наступила пауза. Княгиня улыбалась.

Полковник восхитился сюрпризу:

– Ты, Андрей Мстиславич, всегда найдешь, чем обрадовать! Скажу по пословице: не дорог подарок, дорого внимание.

Благодарю сердечно! Искренне признаю, что ты истинный знаток лошадей, и уверен, что коня купил превосходного. Эти карачаи впрямь родились для охоты в здешних краях.

Они, конечно, не такие быстрые, как надо бы для скачки в поле, но выносливые и ловкие, с крепкими ногами, а их копытам в горах сносу нет даже без подков. Надеюсь, что конь к стрельбе приучен.

А то, что они по своей природе предпочитают не рысь, а иноходь и галоп, – так это охота, а не строй и не поход.

Выездка в этих краях особенная. Я знаю, что карачаи не

выносят шпор, а нагайку терпят только с нежной лопаткой на конце, как у мухобойки. Но это всё никакие не сложности, когда знаешь, как подойти к коню.

Здесьние наездники – народ мудрый, считают, что треба лошадей любить и нагайкой не лупити! Они не дикари, вроде некоторых, которые полагают: коли не бьёшь – значит не любишь быстро ездить.

Полковник, несомненно, порицал какого-то беспардонного наездника с тяжёлой нагайкой. Увлёкшись, прибавил к начатому панегирику множество прочувствованных слов:

– Не говори, что преданный конь служит всаднику, как собака. Конь для всякого умного человека – друг! Ему можно вверить свою жизнь.

От века в век для любимых коней отводили лучшие пастбища и давали лучших кобылиц. Жеребят обучали и берегли как младших членов семьи. Взрослых лошадей не унижали, насильно объезжая через силу принуждения, а постепенно приучали к седлу с детства. Временами давали необходимую свободу. Так, естественная селекция и тысячелетняя дружба с человеком вывела породу карачаев.

Тут полковник подтвердил подозрения князя по поводу особой разумности местных коней:

– Бывает, что в благодарность за заботу и доброту конь сообщает всаднику, что ждёт впереди в дороге. Споткнётся при выезде из дома, значит, не советует ехать. Бьёт копытом – ждёт дальняя дорога. Станет всхрапывать днём или, особенно ночью, да ещё поводить ушами – берегись, он чует опасность.

В ночной темноте найдёт путь и не даст упасть в пропасть. Если идёт охотно, тогда и ты будь спокоен. Коли ты заблудился или, хуже того, ранен, довезёт до дома. Друг тебя не подведёт!

– Да, батенька, ты тысячу раз прав! Будто стихами говоришь! – от души расхохотался растроганный князь, – Ясное дело – старый гусар! Вместе с мужем смеялась княгиня. Полковник не удержался и от души поддержал их смех.

Когда все успокоились, княгиня попрощалась, пожелала охотникам «ни пуха, ни пера» и вышла.

– Все гусары имеют слабость к лошадям, – признался полковник. – А вы, князь, дали мне испытать редкостное

удовольствие. Сердечная благодарность вашей светлости!

Полковник обещал, не откладывая, пригласить коменданта присоединиться к компании и узнать у него, можно ли в крепости приготовить заряды и где пристрелять ружья. И сразу договориться о проводнике и лошадях для слуг.

Тем временем на дворе стемнело, и луна принялась бороться с мраком. Пока княжеский кучер седлал одолженного коня, князь и полковник, довольные друг другом, докурили трубочки, стоя под освещенным окном особняка.

Как только кучер привёл тёмно-гнедого красавца, друзья пожали руки и расстались. Полковник принял повод, похлопал по холке коня и передал повод Жан-Пьеру. Ночью не стоило ехать на незнакомом коне, даже если доверенный слуга понесёт впереди фонарь.

Всё получилось так, как было задумано. Комендант пригласил охотников в крепость на пристрелку ружей. Позавтракав, князь и полковник отправились в крепость с ружьями, своими зарядами и слугами. Там их ждали оседланные кони и майор со своими солдатами.

По дороге в горы разговаривали об охоте на Кавказе. Князь спросил коменданта:

– Никанор Иванович мне рассказывали, что сейчас все казаки на Кавказе стреляют на лошади с левой руки, а не так, как армейские. Как они это делают?

– Они переняли это у горцев, – начал своё объяснение комендант, – ружье берут левой рукой за цевьё ближе к середине веса и прижимают приклад к плечу. Правая рука удерживает повод и нажимает пальцем на курок при выстреле.

Конечная поза напоминает позу скрипача. Хороший стрелок так же, как скрипач, долго выучивается. Отличные стрелки бывают столь же редки, как и виртуозы среди скрипачей.

Вы спросите, в чем преимущество стрельбы с левой руки перед правой? Отвечу. Вставлять на скаку заряд в ствол свободной правой рукой удобнее, чем левой. Поэтому следующий выстрел делается скорее.

Кавалькада добралась до подходящего ущелья. Высмотрели в качестве мишени светлый камень на склоне. Меткий стрелок

поставил высокие сошки и начал стрелять по камню, а слуги чистили стволы и заряжали. После нескольких выстрелов солдат сказал, что прицелы выставлены правильно, припиливать не надобно.

Осталось пригнать заряды. На склоне было хорошо видно, куда ударяла пуля, разбрасывая осколки камня. Заряды, приготовленные полковником, посылали пулю выше цели. Затем сделали по выстрелу из каждого ружья зарядами, приготовленными в крепости. Попадания были тоже выше, но ближе к цели. Заряды признали пригодными для охоты. По предложению майора согласились заряды чуть ослабить. Майор взял эту заботу на себя. Все участники согласились довериться ему, поскольку убедились в его возможностях.

Полковник пожелал испытать стрельбу на скаку. Отъехав и развернувшись, он пустил своего *маштака*¹. Карачай перешел в галоп почти сразу с шага. Полковник выстрелил, как положено по уставу, – влево не над головой лошади. Маштак чуть вздрогнул, но с шага не сбился и не запаниковал.

Полковник сменил ружьё на другое и повторил упражнение. Результат были тот же. Спешился и, довольный, угостил лошадь морковкой. Он брал морковки с собой, чтобы приручить новую лошадь.

Остальные похвалили лошадь и полковника, но сами не стали упражняться – они были уверены в себе и своих лошадях. Полковник взглянул на князя и хотел выразить свою благодарность за прекрасную лошадь. Но князь покрутил головой, и полковник промолчал.

По дороге в крепость обсуждали результаты и пришли к выводу, что дело было не в порохе и заряде. Скорее всего, попадание выше мишени обусловлено тем, что горный воздух оказывает меньшее сопротивление пуле, чем воздух в долине.

– Думаю, что немного не так, – возразил князь. – В этой местности высота гор умеренная. Скорее дело в том, что у новых ружей ствол глаже, а по ровному стволу пуля разгоняется скорее.

Никто не стал спорить с князем, хотя тема для всех

¹ *приземистый крепныш*

охотников была наиважнейшей. Несомненно, отдали должное учености князя. Решили – ему виднее! Авторитет князя доказывал его правоту.

Конная охота

Удача приходит не одна
Редкая поговорка

На другой день затемно собрались на плацу у Жантемировских крепостных ворот. Комендант, облаченный в поношенный козий ергак¹, представил двух проводников.

Один по виду урядник, а другой просто казак, были одеты в выдавшую виды, но всё ещё крепкую казачью одежду. Каждый имел кинжал или большой нож на поясе сзади, а у седла притороченную сумку с охотничьим припасом.

На пароконной повозке сидел солдат. Две собаки были на поводках. Комендант, опасаясь сглазить удачу, неохотно объяснил, что денщика и повозку взяли на всякий случай и в поездке они не помешают.

А о собаках сказал, что они натасканные ищейки. Не очень казистые на вид, но достанут всякого зверя в лесной чаще и в камышах и голосом обозначат. Одну звать Пестрак. Услыхав кличку, пестро-черный ублюдок беспородной собаки и легавой поднял башку. Другой ищейкой была кудлатая дворняжка по кличке Рябка. Она завиляла обрубком хвоста.

Едва заметная то ли дорога, то ли тропа тянулась по волнистым холмам над ущельем, прикрытым клубами тумана. Холмы становились всё выше и выше.

Небо светлело. Слева над холмами показались первые солнечные лучи. Туман, клубившийся в ущелье, рассеялся, и открылись скалистые обрывы, уходящие вниз к бурной речке.

Волны холмов, по которым путники поднимались, густо покрывала подсыхая невысокая трава с приятным запахом. Местами виднелись выходы скал, украшенные отдельными кустами. В низинах кустарник переходил в лес.

¹ *кожан коротким мехом наружу*

Партия двигалась по-охотничьи неспешно и без шума. На траве копыт почти не было слышно. Колеса на смазанных жиром осях не скрипели.

Полковник собирался спросить майора, смальцем или каким другим жиром заменяют здесь колёсный дёготь, чтобы не пугать зверя запахом, но забыл, увлечённый охотничьим азартом.

Солнце поднялось. Комендант то и дело прикладывал к глазу подзорную трубу, разглядывая дали. Потом негромко скомандовал казакам и солдату остановиться у ближних кустов и быть в готовности.

Подъезжавшим князю и полковнику знаками и шепотом предложил спешиться и тихо-тихо подняться к куче каменных глыб, что виднелась на склоне впереди саженьях в двадцати. Оставили коней, захватили ружья и подсошки.

Урядник, вел их, время от времени жестом останавливая. Наконец, продвинулись вперёд и приготовились, укрытые камнями.

Перед ними в полусотне саженьей паслось стадо в двадцать-тридцать голов. Два козла бодались. Шёл гон.

Беззвучно установили сошки и приготовили ружья. Полковник достал манок и посвистел. Козлы подняли головы. Полковник посвистел ещё раз и один из козлов побежал к ним, остановился и стал поворачивать. Комендант зашептал князю: «Веди, веди!» Выстрелы прогремели. Козёл упал в траву. Стадо понеслось прочь и скрылось за гребнем холма.

– С полем! – сказал комендант и вместе со стрелками пошёл к трофею. – Рога прямые без сучков. Первогодок. Попали крепко: один в шею, другой разбил лопатки. К удаче!

Солдат потащил козла к повозке.

Урядник спросил коменданта:

– Забегаем, Никанор Иванович, как условились?

– Забегаем, Григорий Михайлович, – ответил комендант.

Казачи, не опуская собак с сёдел, «побежали» на конях по тропе вперёд и скрылись за поворотом. Стрелявшие прочистили ружья и зарядили.

Солдат кучер, надрезав шею у козла, пустил кровь и принялся потрошить, негромко приговаривая:

– Чекалкам и воронам будет что пожрать. Всё же божи твари живые! Им, как всем кругом, радостно угощаться на дармовщинку. Пусть пируют и веселятся! Глядишь, звериные боги помогут нам с добычей, как было давеча.

Князь достал трубочку и кисет. Суеверный солдат, отирая нож о шкуру и не меняя голоса, рассудительно сказал:

– Не стоит, ваша светлость. Здешние козы, как собаки, враз почуют хоть с ветра, хоть с подветра. Только их и видели.

И положил козла на повозку:

– Хорош! Больше пудика потянет!

Конная охота с преследованием под
Кисловодском в 19 веке (фотомонтаж)

Охотники сидели в тени кустов. Комендант сказал:

– Скоро полдень. Косули уйдут отдыхать в лесную тень, чтобы переваривать съеденное утром. Нам пора. Надо застать их в поле. Сытые они бегают плохо!

Все сели на коней и, оставив солдата с повозкой, поехали вслед стаду. Солнце припекало. Коз видно не было. Повернули влево к леску в балке. Комендант негромко сказал: «Не шумите! Птиц не тревожьте!»

Затаились в кустах, держа ружья наготове. Послышался

далёкий выстрел. На верху холма показалось стадо бегущих коз. Когда оно приблизилось, комендант негромко скомандовал: «Цельтесь! Пли!». Выстрелили и спешно зарядили.

«За мной!» – закричал комендант. Все поскакали вперед. *Маштак* шёл в гору в разгон, прибавляя почти до полного галопа. «Добрый конь!» – подумал полковник. Цель двигалась влево. Конь взлетел. Выстрел. Гусар умел стрелять на скаку.

Вдруг из-за гребня холма показались казаки. Козы кинулись в россыпь. Комендант закричал: «Отсекай от леса!»

Животные были рядом. Началась гоньба и разрозненная пальба. Офицеры стреляли с правой руки, а казаки – с левой. Казаки зарядили и выстрелили ещё раз.

Надо быть отличным стрелком и наездником, чтобы попасть на бегу. Это была настоящая джигитовка! Урядник снова попал. Коза перевернулась через голову и покатилась по траве.

Козы падали, но большая часть стада прорвалась через засаду и скрылась в зарослях. За ними, лая, умчались собаки.

Полковник забыл о своей одышке. *Маштак* часто дышал, но вспотел не сильно. Для отличного коня скачка была недолгой. Подъехали казаки. Подали полковнику потерянную шляпу.

Оставив коней, казак и полковник побежали в лес на злобный лай собак. Продирались с трудом.

Березы, рябины, осины, другие деревья были мельче, чем в России. Но они смешались с лещиной, колючим терновником, кизилом и боярышником. Дикий виноград, хмельник и плющ перевили эту древесную смесь. Чаща стала бы непроходимой, если бы её регулярно не объедали и не прореживали животные.

Полковник отстал. Впереди заверещало раненое животное. Когда полковник добрался, косуля с раной в боку и с надрезанной шеей лежала бездыханная, высунув язык, а рядом, так же вывалив языки, часто дышали собаки. Казак и полковник взяли козу за ноги и потащили из леса.

Можно было возвращаться. Четырех коз и одного козла поволокли по траве на арканах, привязанных к сёдлам.

Майор подъехал к уряднику и стал тихо ему выговаривать.

Полковник расслышал только слово «спешили». Скоро встретили повозку на тропе. Добычу отвязали, и стали дружно потрошить. Тем временем майор поехал на вершину холма, чтобы оглядеть округу в трубу.

Туши положили на повозку, и урядник предложил полковнику делить добычу по охотничьему обычаю. Полковник отвернулся и, не видя, какую козу определяли, указывал на стрелка.

Вторую козу полковник получил по жребию, вытянув наощупь тёмный камень, положенный в шляпу вместе со светлыми. Солдат накрыл добычу тряпкой от мух и солнца.

Возвратился майор. Расположились завтракать. Запив завтрак водой, угостили друг друга табачком, рецепты которого не стеснялись нахваливать. Набили трубочки и закурили все, кроме станичников, по-видимому, староверов. Собаки жрали потроха. Солдат достал из повозки лоханку и вылил в неё остаток воды. Собаки жадно лакали.

Солнце припекало во всю. Партия отправилась домой. На обратном пути довольные охотники наперебой вспоминали недавние эпизоды и, забыв о сословном недоверии, дружелюбно обращались друг к другу, будто случилось братство по оружию. Все хвалили ловкость урядника. Князь глубокомысленно заметил, что гнать на охоте зверя – первое дело и короли во все века делали это с удовольствием.

Урядник смело возразил ему:

– Так-то оно так, может быть это, действительно, по-королевски гнать одного косоного или серого и даже рогатого громадной сворой алчущих псов и скакать впереди бессчётной свиты? Только оно – не настоящая охота. Обыкновенное развлечение и баловство!

Наступила многозначительная пауза, как бывает, когда высказано резко отличное суждение. Естественная мысль казака-старовера была воспринята будто банальность, недостойная малейшего внимания.

Князь обратился к майору и переменял тему разговора:

– Удивительно, что такие большие стада косуль пасутся близко к людскому жилью!

– Это что! – объяснил комендант. – Как мне рассказывали,

лет десять тому назад жители гоняли диких козлов со двора, когда они вечерами приходили за домашними козами, возвращавшимися с выпаса.

В парке сторожа, случалось, добывали козлятину. Вокруг публичного сада даже выставили плетень, чтобы горные козы не поедали молодые посадки по утрам и вечерам! Плетень огорожи сохранили, но это от домашней скотины.

– Олени и туры тоже приходили? – спросил князь.

– Рогачи часто появлялись на соседних горках. Да и ланки с оленятами. Теперь не то – добыть удаётся лишь в удалении.

– А что про туры? Какие у них замечательные рога! Говорят, что здешние туры самые крупные на Кавказе.

– Это правда! С ними не сравнятся туры ни в Черкесии, ни в Дагестане, ни в Чечне. Вы видели, что наши горные косули тоже крупные. Вот только в горном Карачае и в Кабарде охотиться стало небезопасно!

– Война?

– Война, ваша светлость, война! В дальние горы на охоту ни-ни. Вблизи тоже бережёмся, в одиночку или вдвоём не ходим и оружие непременно носим. Пять лет как горцы с запада совсем от рук отбились. В горах бродят толпы черкесских абреков.

Вы, верно, слыхали, что под Ессентукской недавно убили казаков. На защиту выдвинулся отряд генерала фон Засса Григория Христофоровича. В прошлом году его назначили командующим Кубанской линии. Разбойники теперь в страхе. Засс, как до него Алексей Петрович Ермолов, никому ничего не прощает, всё знает и справедливо карает не по нашим, а по татарским правилам, которые им понятнее!

Полковник вмешался:

– А, вспомнил! Остзейский барон Засс среднего росточка с длинными русыми усами и плутоватыми глазами. Он ещё в турецкую кампанию отличился.

Князь заметил про себя, что барон, наоборот, был не плутоват, но, скорее, хитёр и будто с загадкой в поведении, а лицо и глаза были у барона, как у настоящего рыцаря. И роста он был высокого. Но князь ничего не сказал. Его больше волновала охота на тура, нежели обсуждение командующего. И

князь вернулся к прежней теме:

– Это верно, что выходов в горы на туров нет?

– Точно так! Однако, не волнуйтесь! Здесь у нас надёжная защита. – заверил комендант.

И вернулся к своим проблемам:

– Вы, наверное, заметили, ваша светлость, что при кисловодской штаб-квартире войска достаточно? Два года назад третий батальон Тенгинского полка, что стоял в Кисловодске, переименовали в Кавказский батальон.

Прежде на курсовое время гарнизон усиливали двумя ротами солдат, эскадронами драгун и сотней казаков. Теперь солдаты мне оставлены на весь год. Заметьте, зимой тут не повоюешь, но солдат оставили! Кроме Кисловодска батальон занимает четыре сторожевых поста в горах.

На Кавказе, как только снег ложится, войска всех родов, как медведи, барсуки и всякие байбаки, впадают в спячку. Чтобы с удовольствием снабжать солдат довольствием, простите за дрянной каламбур, я начинаю готовиться к зиме с лета! Покосом занимаюсь. Держу лошадей и всякую скотину. Охота, как и рыбалка, дают неплохую прибавку к нашему рациону.

Садики, огородики, коровки, козочки имеют семейные солдаты. Значит, и себя и семью снабжают продовольствием сами. Да ещё имеют доход от курсовых. Жильё-то летом сдают, а сами живут в сараях. Семейных у меня большинство. Жёны ещё и вяжут и рукоделием занимаются. Их работы тоже покупают курсовые.

Представляете, ваша светлость, какая экономия выходит. Только муку, зерно и крупы, как и спирт, мы не производим, а закупаем. Ещё у меня в штаб-квартире есть всякие мастера: кузнец, повар, плотники, каменщики, скорняк, шорник, портной. Какие хотите, все работы делаем сами!

Можете представить себе, зимой у меня солдаттики одеты в свои полушубки и тулупы. Вот только пока валенки да шляпы не валяем, хотя шерсть легко можем иметь в немеренном количестве.

Взволнованный сложностью собственных задач, майор перешёл на разъяснение, как живётся здесь народу:

– Центральный Кавказ – это вам не Альпы! Разнообразиие

здесь необыкновенное. Теснины, водопады, ледники и самые высокие крутые горы – не то, что в Европе. Речек множество. Есть пустыни. Есть леса, но всё больше богатейшие луга. На них пасутся бесчисленные лошади, овцы и другой скот местных.

Вы сами, ваша светлость, видели отару, которую пасли собаки, и любовались на косяк кобыл и жеребят, ведомых жеребцом. Летом скотина вольно бродит по горам и пастухи, живущие в полевых кошах, навещают её. На зиму пастухи спускают живность с гор вниз в долины, где снега меньше.

Большая часть скота принадлежит немногим знатным старшинам. Это главное богатство их семейств. Они охотно продают свою живность, меняют и скупают. Простой народ служит знати и очень беден: имеет мало скота и плохое жильё.

К русским относятся по-разному. Некоторые русских ненавидят, но все уважают силу, власть и деньги. И, хотя вблизи Кисловодска тихо, гарнизон неустанно держу в готовности. Знаю, что творится кругом. Есть казачьи дозоры, есть наблюдательные посты и укреплённые пикеты.

Комендант был, несомненно, толковым хозяином и умелым командиром. Пока комендант объяснял с увлечением местные порядки, полковник догадался, что князю не терпится раскрыть, «что на сердце лежит». И он вмешался в разговор:

– Жаль, что туров не добыть и рогов не видать!

Комендант поспешил сообщить:

– Рога привозят на базар. Можно даже выбрать. Если не найдутся, поручу купить у татар. Только скажите!

Довольный князь любезно сказал коменданту:

– Благодарю! Давно хочу украсить свой каминный зал. Пусть торговец зайдёт на усадьбу Реброва. Куплю, не мешкая, ежели будут подходящие рога.

Комендант обещал:

– Не стоит благодарности, ваша светлость! И не беспокойтесь! Это сущие пустяки. Устрою в ближайшее воскресенье.

Поговорили о здешних обычаях, из-за которых горцы украшают рогами алтари языческих покровителей охоты. Там рога – всем рогам рога!

Увидев крепость, комендант скомандовал денщику:

– Кузьма, развезёшь добычу по домам.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие! – ответил солдат.

Полковник Иван Петрович обратился к князю и коменданту:

– Господа, первый выход на охоту нашей партии надобно завершить достойно. Приглашаю ко мне завтра в семь пополудни на скромный ужин. Ваша светлость, надеюсь, что вы и Елизавета Фёдоровна окажете мне честь и придёте по-соседски! Никанор Иванович, не откажите!

Полковник чувствовал себя замечательно. Теперь он был занят интересным делом. Были забыты никчемные разговоры и натужные развлечения. Пустое времяпрепровождение закончилось. Исчезло раздражение от неустройства быта и глупости слуг.

Он был чрезвычайно доволен. Рутинная болезнь перестала угнетать его. Жизнь получила яркую цель и явный смысл. Полковник занялся любимой охотой. Не простой, как у всех, а редкостной, которой можно гордиться и рассказами о которой можно удивлять соседей и друзей.

Полковник будто попал в стародавние времена, ещё до царствования Романовых. Тогда бояре и дворяне поголовно увлекались благородной охотой, но такую замечательную, какая ему встретилась в горах Кавказа, даже они не видывали.

Вечером у Ивана Петровича в номере собрались гости. Задержавшийся Никанор Иванович был встречен веселыми шутками.

«Извините, господа! – сказал он – Служба!» Продолжая оправдываться, достал из сумки бутылку, выставил деревянные стопки, инкрустированные медью и насечкой.

Наливая напиток, заверил, что его ерофеич – особое лечебное средство. Не единожды перегнанный и настоянный на травах Кавказа почти без заморских ингредиентов, он поставил бы на ноги графа Орлова в два раза скорее смеси, приготовленной когда-то цирюльником Ерофеем.

Сотрапезники задохнулись от душисто-горького золотого напитка и потянулись за нарезанным овечьим сыром. Сыр был наисвежайший!

Пока закусывали, комендант объявил, что дарит стопки на память о Кавказе. Они сработаны из местной ольхи, держат

влагу и, как видите, формой напоминают античные скифосы. У него умельцы в крепости делают не только деревянные ложки и бирюльки. Гости восхищались и благодарили дарителя, не забывая глотать сыр.

Когда гости перешли к лавашу, купленному на базаре, и закускам, принесённым из ресторации, Никанор Иванович продолжил:

– Чувствуете, господа, как ерофеич возбуждает аппетит?

Вкушающие гости закивали головами, и комендант прибавил к своей устной сигнатуре патриотические слова:

– Ерофеич целебен по-кавказски и до и после еды! Это вам не какие-то чужеземные *absinthe ou apéritif et digestif en français*¹! Предлагаю повторить!» Предложение одобрили. Скифосы наполнили снова. Выпили.

На столе уже стояло большое блюдо с запечёнными в тесте маринованными козлиными ляжками, которые тут же нарезали ломтями.

Мясо было удивительно нежным и вкусным. Для любителей острого к мясу прилагался местный соус, называемый *тузлук*². Все кивнули, вдумчиво жуя и глотая мясо, приправленное острым соусом. Достоинства кухарки оценили должным образом.

Пока слуги меняли тарелки, состоялась короткая дискуссия о сходстве и различии горских кинжалов и греческих мечей *ксифосов*, о которых вспомнили по созвучию со скифосами.

Все согласились с князем, коллекционирующим холодное оружие, в чем он признался. Князь пояснил, что из этих видов колющего и рубящего оружия кинжал несколько короче, форма его не листообразная и в бою он дополняет длинную рубящую саблю. Выводы делайте сами!

Упоминание майора об анаграмме «скифос – ксифос» не показалось интересным. В компании не нашлось любителей заумных буриме, да и княгиня Елизавета справедливо заметила, что по-гречески всё пишется не сообразно со старославянским. Княгиня тут же поблагодарила хозяина и

¹ абсент или аперитив и дигестив по-французски (фр.)

² чесночный соус с пряностями и травами на айране

попрощалась с гостями. Покидая общество, отказалась от провожатого под тем предлогом, что живет в главном доме в этой самой усадьбе.

После ухода княгини слуги Осип и Жан-Пьер подали мясо на ребрышках с картофелем и положили в тарелки. Пиршество продолжилось. Как объяснил полковник, стряпуха готовила в казанах, как делают в походах. Блюдо вызвало всеобщее восхищение. На Кавказе оно было редкостью. Его настоящее время ещё придёт!

Основательно удовлетворив аппетит, все отказались от ерофеича, предложенного вместо *digestif*, и, оправдываясь, согласились с мнением, что французское вино не портит вкуса местных блюд.

Выпив по полному стакану, новые камарады принялись увлечённо выяснять, чем местная охота отличается от правильной, которую они устраивают в своих имениях. Горячась под обильное вино, вспоминали гончих, легавых и борзых и сравнивали со здешними ищейками и зверовыми.

Разумеется, осетинский пирог от Найтаки и копчёный окорок от князя не мешали дискуссии. Кахетинское после французских вин доказало родство с кавказской кухней. Когда сменили свечи, выяснилось, что собрание желает, не откладывая, устроить охоту на кабанов в камышах на Подкумке.

Разошлись под утро. Теперь полковник, князь и комендант при малейшей возможности бросали всё и уезжали охотиться. Полковник забыл, что он собирался идти на перепелов.

Увлечённый охотой на копытных, он оставил променады и прогулки по окрестностям. Ванны перенёс на вечерние сеансы, заплатив некую мзду. Иногда даже пропускал купания в нарзане, жертвуя здоровьем ради увлечения.

Своего отрицательного отношения к здешним балам не переменил до самого конца курса. Уезжая домой в имение, поблагодарил князя и вернул одолженного коня.

Перед отъездом щедро пообщался с капитанармусом из крепости. Узнал рецепт кавказского ерофеича и захватил пару-тройку бутылок домой для дальнейшего изучения.

Дома его рисунки и рассказы, подтверждённые внешним

видом загорелого, поздоровевшего и похудевшего рассказчика, произвели фурор.

События на Кавказской войне интересовали всех. Про войну узнавали из газет и из рассказов воевавших родственников. Сочувствовали «Кавказскому пленнику» Пушкина и знали стихи вступления: «Где пасмурный Бешту, пустынный величавый, аулов и полей властитель пятиглавый, был новый для меня Парнас», а некоторые даже успели прочитать «Путешествие в Арзрум» в первом номере нового журнала «Современник». Удивлялись разнообразной горной природе и изобилию дичи, странным нарядам и обычаям горцев, красоте горняков.

Аплодировали лезгинке, которую им показал полковник. Взмахивая рукавами черкески, Иван Петрович быстро семеня на цыпочках вокруг дочки, накинувшей кружевную шаль и подражавшей плывущему шагу девушки с Кавказа. Супруга Авдотья Гавриловна играла танцевальную мелодию на рояле. Зрители били ладошами ритм вместо барабана.

В собирании народных танцев и обычаев полковник не был одинок. Присутствующие согласились, что народное искусство привлекает всеобщее внимание.

Дамы увлекались народностью. Щеголяли друг перед другом якобы крестьянскими платьями. Вошли в моду сарафаны и кокошники. Они прекрасно сочетались с малым числом украшений.

«Теперь дам не спутаешь с новогодними елками, введёнными в обиход императором, чтобы порадовать свою супругу немку», – сказал полковник. Присутствующие с готовностью засмеялись.

Рисунки полковника разглядывали и удивлялись, как всё устроено. Собранных изумляло, что коллекция целебных вод в одной местности излечивает разные болезни. Не могли вспомнить подобное в Европе.

Когда слышали, что хозяин с женой через год-два снова поедет в Пятигорск, некоторые гости решили тоже полечиться кавказской водой. Лечение водами становилось общей модой. Не пустой, а очень полезной для здоровья.

Раут у генеральши

В Кисловодске в светлом мезонине дома Реброва княгиня Елизавета Фёдоровна занималась утренним туалетом, когда князь Андрей сообщил:

– Заходил майор Никанор Иванович и передал записку для тебя. Екатерина Ивановна Мерлини приглашает нас на вечерний раут у неё дома в 6 часов пополудни. Читай! – И подал записку жене. – Майор советует пойти. Говорит, что не пожалеем! Будет не журфикс, а прием в нашу честь.

Она прочитала, и князь настойчиво продолжил:

– Приглашены также знакомые тебе майор Никанор Иванович, полковник Иван Петрович и ещё графиня Екатерина Алексеевна Урлова. Три пары составляются.

Княгиня поспешно перехватила речь мужа:

– Знаю, что графиня знакома с Мерлини после курса в Пятигорске. Муж её, как тебе известно, чрезвычайно занят в столице. Из уважения к графине пойти стоит.

Князь улынулся и хотел подтрунить над склонностью жены к визитам:

– В Кисловодске дом генеральши единственный, где устраивают приёмы. Посему выбора у нас нет.

Но вовремя передумал шутить, и жена продолжила рассказ:

– Майор рассказывал много любопытного. Екатерина Ивановна весьма экстравагантная дама. Овдовела три года назад. Её покойный муж генерал-лейтенант Станислав Демьянович Мерлини был из довоенных поляков Преображенского полка. Неплохо командовал 22-й дивизией Кавказского корпуса. Последние годы болел, и они жили в Пятигорске. Из дома не выезжали.

Я сказала майору, что её, бедную, несомненно, измучили заботы о больном, и теперь она отдыхает.

– Трудно сказать, ответил мне майор. Дом у неё регулярно полон гостей, а если нет их, так и её нет тоже. Она сдаёт несколько домов над Ольховой, но главный дом имеет в Пятигорске.

Муж её был коллекционером и собрал обширную картинную галерею. Неплохая итальянская и всякая другая

живопись. Генеральша рада всякому, кто приходит смотреть. Ещё у неё нередко бывает большая игра в вист или преферанс для гостей. Она и сама не прочь составить партию.

Майор советовал, если она пригласит на *partie de plaisir*¹, не отказываться! Она приветлива, не пожалеем. Кроме того, в здешних краях вряд ли найдешь лучшую хозяйку!

– Ты говоришь, будто нашла чудо! – засмеялся князь.

Однако поправился и после паузы пояснил жене:

– Ты же знаешь, что в этой глуши хорошая живопись – редкость! Вокруг примитивное народное искусство. *My soul, like yours, craves for true beauty and honest hospitality.*²

Он непатриотично произнес чужеземные слова, чтобы угодить жене. Она засмеялась, а он продолжал:

– Майор утверждал, что приемы генеральши превосходят верзилинские, где дочки на выданье.

– Хватит об одинокой вдове! Нам пора, и мы не одни, – поторопила княгиня.

Их ждали слуги, готовые сопровождать.

Когда курсовой день подошел к концу и процедуры закончились, Хасновы в сопровождении настойчивого майора отправились к генеральше Мерлини. Её дом стоял за речкой Ольховой в ряду схожих домов, сдаваемых в наем. Это были небольшие четырехстенные срубы из деревянных плах под тесовыми крышами.

Дом генеральши по сравнению с соседними был увеличен за счёт пристройки и расширенной галереи перед входной дверью. На галерею вели ступеньки. Стены были оштукатурены и покрашены в желтое. Галерея – в белое. Ставни и крыша зеленые. Двор с конюшней, сараями и летней кухней был огорожен невысокой побеленной каменной стеной с зелёными деревянными воротами и калиткой. Ограда выступала вперед за красную линию, нарушая строй домов.

– Как я рада дорогим гостям! – оживленно проговорила хозяйка, спускаясь во двор по ступеням галереи. – Не могу

¹ вечеринка (фр.)

² Моя душа, как и ваша, жаждет истинной красоты и искреннего гостеприимства. (англ.)

передать словами мою радость!

Она была одета в лиловое шёлковое платье простонародного вида с белой кружевной оторочкой. На жемчужном ожерелье выделялись серебряный *фермуар*¹ и серьги в древнеславянском стиле. Было заметно, что хозяйка старается произвести впечатление.

– Не чаяла принять вас, уважаемые Елизавета Фёдоровна и Андрей Мстиславич, в моей лачуге! Как я рада встретить вас прежде, чем уеду в Пятигорск! Пожалуйте за мной!

Бодро поднималась по лестнице, приговаривая:

– Спасибо, Никанор Иванович, что привёл. Я очень рада! Вижу, представляться нет надобности. Все знакомы между собой. Теперь вы и мне оказали этот приятный почёт.

Проведя гостей по галерее к открытой входной двери, Екатерина Ивановна обернулась и, пропуская вперед, сказала:

– Заходите, дорогие гости, в дом!

Передняя комната представляла собой светлую гостиную. В задней части дома, похоже, находились спальня хозяйки и комната служанки.

Стены гостиной были оклеены светло-серыми шпалерами, разрисованными полевыми цветочками. Пол чистый, дощатый. Потолок окрашен в нежно-голубое. В красном углу на полочках киота стояли темные иконы в серебряных и бронзовых окладах, лежали книги в потёртых кожаных переплётках и светила подвесная лампада. У двери висела вешалка для верхней одежды, и лежал коврик для обуви.

Мебель была из ореха. Стены украшали живописные полотна в рамах из красного дерева. Они изображали лошадей и горные пейзажи. В середине выступал конный портрет генерала в парадной форме с оружием и наградами.

Под портретом стояло кожаное кресло, а под пейзажами красовались китайские черно-лаковые полочки в перламутровых цветочках. На полочках стояли восточные керамические и резные божки, слоники и другие безделушки. В простенке на стене висело зеркало, под ним стояло канапе².

¹ *fermoir* (фр.) – застёжка

² *canapé* (фр.) – небольшой диван, софа; маленький бутерброд

У стены раскинулась оттоманка. На ковре, висящем на стене над оттоманкой, теснились шашки и кинжалы, по виду побывавшие в деле. Между ними выделялись пистолет, ружье и газырица. В одном углу находился сложенный ломберный стол, в другом – комод.

На обеденном столе, выдвинутом в середину гостиной, на белой скатерти были выставлены вазы с конфетами, печеньем, блюдо с розанчиками и пирожками. Середину стола украшал пышный пирог и четыре разноцветных хрустальных графинчика.

Нетрудно было догадаться по насыщенному цвету, что они были с наливками: вишневой, сливовой, абрикосовой и малиновой. Графинчик с водкой соседствовал с блюдом, заполненным канапе. Там на маленькие гренки были пришпилены деревянными шпажками наборы из ломтиков красной и белой рыбы, мяса, колбас, сыров, раковых шеек, селедок, яиц и так далее и тому подобное.

Среди этого бесконечного разнообразия мелькали маслины и виноградины, дольки лимона, огурцов, припущенных корений и листки зелени. Не была забыта икра всяких видов.

По кругу располагались шесть кувертов, составленных из хрустальных рюмок, мелких тарелок, салфеток и прочего.

На отдельном небольшом столе жостовский поднос ожидал прибытия самовара, чтобы, наконец, началось заваривание и настаивание чая. Тут же были вазочки с медом, вареньем, сахарница с наколотым сахаром и щипчиками для него, молочник, стопка ложечек и чайничек.

Пока господа рассматривали картины, слуга подал хозяйке лаковую коробку с чайным листом и спросил:

– Ваше высокоблагородие, нести самовар?

– Неси, Палыч, неси! – ответила хозяйка. – У меня по-простому, господа, всё полезно и целебно. Не будем откладывать! *Je vous invite à vous asseoir à la table!*¹ Садитесь, где кому удобно, да наливайте, что кому угодно!

Дождавшись, когда все расселись, scomандовала:

– *Votre Grâce, lisez la prière! Messieurs, buvez en l'honneur*

¹ Я приглашаю вас сесть за стол! (фр.)

*des dames! S'il vous plaît prendre des collations.*¹. Закуски домашние, наилучшие! А пока вы заняты, я займусь заваркой.

Исполняя приказания, князь и майор налили дамам наливки, какую кто пожелал, свою укрепили водкой. Закусили не одним канаше, взятым на свои тарелки.

Готова заварку, генеральша решительно спросила:

– Никанор Иванович, почему вы, любезный, не пригласили полковника Ивана Петровича? Что случилось? Я передала ему записку заранее, ещё вчера.

– Он уехал сегодня рано утром.

– Как уехал? Я знала, что он собирался в дорогу, но не думала, что так скоро. Какая досада! Жаль, что не встретились и не поговорили перед отъездом. Всё-таки он давно знал моего Станислава Демьяныча. Ещё до персидского похода. Значит, князь Андрей, ваши большие охоты закончились?

– Да! Полковник был настоящий охотник: прекрасный наездник, меткий стрелок и отличный товарищ. А лошади, какого поискать! Пожелаем ему благополучной дороги.

Господа наполнили рюмки. Выпили.

– Будем охотиться на пернатых – сказал майор. – Близится осень – самое время приступить.

Князь улыбнулся и переменял тему, неинтересную для дам:

– А ещё полковник кроме охоты и лошадей увлекался фольклором. Собирал танцы. Он говорил, что уже нашел несколько разных лезгинок. По нотам напевал и объяснял, почему чеченская строгая, а у наших черкесов суховатая, но чёткая. Всё не мог найти грузинскую, украшенную. Говорил, что съездил бы в Грузию, если бы не болезнь.

Поставив на конфорку самовара чайник, Екатерина Ивановна вздохнула и сказала:

– Мой покойный муж тоже увлекался местным фольклором. Князь, не знаете ли вы адрес полковника? Напишу ему, тем более что он хотел приехать с супругой в будущем.

Князь поспешил ответить:

¹ *Ваше светлость, прочитайте молитву! Господа, пейте в честь дам! Пожалуйста, возьмите закуску. (фр.)*

– Адрес есть. Я вам пришлю.

Княгиня сказала:

– А помните, у нас грузины торговали оружием? Надо было бы полковнику поспрашивать у них о лезгинке.

– Он хотел. Но эти грузины на другой день исчезли, и больше их никто не видел. Так он сказал, – пояснил князь.

Майор заметил:

– Любопытный танец. Весь Кавказ его танцует, а уж казаки увлечены невероятно! Впрочем, ничего нет удивительного – в наше время горцев часто принимают в казачьи полки. Этот танец, можно сказать, родной для новых казаков.

Хозяйка развила музыкальную тему:

– Скажу вам, что полковник был не единственный меломан. В Ставрополе поселился на церковном послушании регент при Свято-Троицком соборе Александр Александрович Алябьев. В Пятигорске он лечился от тюремных болезней. Его государь лишил прав и состояния за убийство карточного шулера. Верно, вы слышали об этом недоказанном случае? На Кавказе Алябьев собирал народную музыку как композитор.

Княгиня откликнулась:

– Мы слышали. Все знают его и Козлова романс «Соловей мой, соловей». Его пели даже в опере в Большом театре. В салонах его тоже охотно исполняют. Он такой выразительный!

Князь Андрей многозначительно посмотрел на жену и сказал:

– Лиза, душенька, спой нам!

Обернулся и, взяв гитару с канапе, спросил хозяйку:

– Екатерина Ивановна, позвольте?

И, услышав разрешение, сказал майору:

– Никанор Иванович, сыграй сегодня, как вчера. Ты замечательно это делал!

Майор проверил настрой гитары. Княгиня пела с удовольствием и с чувством: «Соловей мой, соловей, го-о-лосистый со-о-ловей!». Все аплодировали, кричали «браво»:

– Превосходное пение! Какая песня! Небесные звуки!

Графиня, воздев руки, произнесла восторженно:

– *Bravissimo! Questo è il vero bel canto italiano.*¹

Все замолкли. Растроганная хозяйка промолвила: – *Mon Dieu! Magnifique voix!*² *Bellissimo!*³ – и, тяжело вздохнув, стала рассказывать:

– Помню, ещё был жив Станислав Демьяныч. Но уже сильно болел. Поэтому в 1832 году в день коронации государя мы не были на празднестве, на котором отличился Алябьев. Друзья нам рассказывали.

В Кисловодске устроили великий *байрам*⁴. Собрались все. Съехались триста горских старшин и *узденей*⁵. Приехало начальство из Пятигорска. В начале большой хор и музыканты исполнили торжественный полонез, сочинённый Александром Александровичем к случаю. Пели весёлые песни и танцевали. Конечно, состязались в лезгинке! Устроили скачки и угощение.

Уверена, что если вы посмотрите у Алябьева партитуры опер или музыку к спектаклям, то лезгинку там найдёте. Из романсов мне нравится «Вечерний звон», особенно, как его поёт Никанор Иванович.

Никанор Иванович, не споете ли нам? Уверена, гости наши ещё не слышали вас! И не откажутся послушать!

Княгиня, обычно бледная, но сейчас порозовевшая после пения, смущенно поддержала просьбу хозяйки. Видимо, заранее полагала, что обрекает слушателей на музыкальные мучения.

Майор вздохнул и запел. Пока он пел – и хорошо пел, с чувством, – хозяйка, растроганная до слёз, сняла кукольную бабу-грелку с заварочного чайника.

За окнами потемнело. Служанка зажгла свечи в шандалах на столе и комодe и сменила посуду на чайную. Хозяйка поставила чайник на стол.

¹ *Брависимо! Это настоящий итальянский бельканто. (итал.)*

² *Боже мой! Великолепный голос! (фр.)*

³ *Очень красиво! (итал.)*

⁴ *праздник (тюрк.)*

⁵ *В Кабарде и на Западном Кавказе дворянин, прислуживающий князю. В Дагестане свободный поселенец общинник.*

Князь и княгиня очень хвалили певца. Однако о том, что меланхолический романс им не понравился, они тактично умолчали. В отличие от «Соловья» в нем не было искры страсти. Чувствовалось, что меланхолия, как бы её ни просила русская душа, была неуместна в доме энергичной вдовы.

Хозяйка пригласила гостей к чаепитию. Чай и пирог с вишнями произвели сильное впечатление, в чём гости признались чистосердечно, а майор не удержался и сообщил, что чай – настоящий цветочный прямо от купца Боткина из Москвы. Хозяйка налила им по второй чашке и предложила попробовать пирожки с вишней.

После спросила княгиню, какие красивые места они осмотрели в Кисловодске. Похвалила за то, что гости съездили на Кольцо-гору. Заметила, что могли бы добраться верхом на дальние синие горы Джинала. Виды оттуда завораживающие! Стоит пройти пешком и посмотреть близкий водопад на Ольховой, ежели найдется часа два свободного времени. Идти надо от променада, а можно из слободы.

Пока гости пили чай и ели вкуснейшее угощение, хозяйка нахваливала красоту Медового водопада, расположенного под Кисловодском. Он доступен для всадников и экипажей, и поездка туда интересна. Очень советовала побывать и огорчалась, что не сможет присоединиться к ним.

Она собирается в Пятигорск. Необходимо присмотреть за осенними работами, иначе эти бестолковые работники оставят дом без запасов на следующий год. Она вернётся в Кисловодск лишь в конце сезона, чтобы здесь подготовить всё к зиме.

Князь ей посочувствовал, а княгиня подумала: «Хорошо, что эта говорливая особа не поедет на водопад вместе с нами!»

Прощаясь под луной и звёздным небом с дорогими гостями, Екатерина Ивановна сказала:

– В следующий раз жду вас всех в Пятигорске! В любое время буду рада принять вас. У меня всё по-простому. Можете приходите в любое время. Но удобнее всего в вечернее, и пораньше. Только известите заранее, чтобы я смогла быть дома. Надеюсь, мы встретимся снова, и я буду счастлива оказать вам настоящее кавказское гостеприимство!

Никанор Иванович, простившись, ушёл. Слуга с фонарём

проводил княжескую чету через мостик над шумной Ольховой, провел мимо колодца нарзана, булькающего в темноте, сопроводил в гору и оставил у порога ребровского дома. Готовясь ко сну, княгиня сказала мужу, улыбаясь:

– Хорошо, что ответный раут устраивать не надобно! Не состязаться же в кавказском хлебосольстве. На курсе врачи не советуют тревогодие, и я согласна с ними!

На её простодушное замечание князь ответил откровенно:

– Почему это французские канапЭ, едва объешься, ассоциируются с египетскими канОпами? Понаследили везде языком эти чертовы французы!

Всё у тебя юмор солдатский! – возмутилась княгиня. Он не ответил. Видимо, обиделся. Тогда она, замолила свой грешок, и получила от него обещание, что они увидят водопады, когда она пожелает, и он устроит пикник, какой она захочет.

Поездка на водопад

Княгиня Елизавета Федоровна считала, что пикник следует провести обязательно на английский манер. По её мнению, они лучше французских и немецких.

Но она была не права! Первооткрыватели пикников устраивали складчину, а её забавы с друзьями оплачивал муж. Он не стал спорить с женой, срочно забыл двусмысленное *riquer piquer* и, как настоящий патриот, сказал:

– В заграничных пикниках они поют «правь Британия морями», а мы на это ответим «гром победы раздавайся».¹

И пропел куплет и припев екатерининского гимна российской империи:

– Гром победы раздавайся! / Веселися, храбрый росс!/
Звучной славой украшайся./ Магомета ты потрёс!// Славься
сим, Екатерина! / Славься, нежная к нам мать!

Допев, сказал с чувством:

– Дорогая, заверяю тебя, у нас пикник будет намного лучше, чем у британцев!»

Первой в поездку позвали графиню Урлову. Графиня не

¹ старинные патриотические песни 1740 и 1791 г.г., соответственно

думала отказываться. Наоборот, была рада побывать *sul vero Caucaso naturale*¹ вместе с любезным семейством.

Пригласили также коменданта кисловодской крепости майора Никанора Ивановича, с которым князь хорошо сошёлся на охоте. Сразу исчезли сложности с лошадьми и повозками.

Майор обещал наилучшую охрану – двух знакомых по охоте казаков и вооружённых кучеров-солдат к двум телегам из крепости. Посоветовал князю непременно взять оружие, а себя, младшего по званию, предложил в начальники экспедиции. Всё-таки ему здешние места не в новинку! Князь согласился.

Ресторатора Петра Найтаки намерение князя устроить пикник обрадовало. Могла получиться репетиция отдыха на природе, который задумал устроить для императора Пётр Петрович Чайковский новый директор Строительной комиссии. Он говорил, что государя привлекает необычное, и Найтаки рассчитывал провести императорский пикник интересно. Предстоящие хлопоты были удачей, обещавшей внимание государя и благоприятное будущее.

Князь Андрей решил совместить пикник с поездкой на водопад. Он не сомневался, что обязан увидеть эту природную редкость собственными глазами.

Княгиня пожелала, чтобы на пикнике играли восточную музыку. Пётр сказал, что на примете есть и барабанщик, и зурнист. Для полного ансамбля он поищет домриста.

Составили меню. От ягод, фруктов и арбуза отказались. Пётр не удивился. Он знал, что так делали, чтобы исключить неудобства, испытываемые желудком вследствие сильного действия нарзана.

Князь сказал, что вино у него своё и он передаст бутылки Петру. Но настаивал на покупке местной запеканки. Княгиня высказала сомнение. В ответ князь сообщил, что после трудной поездки рюмочка запеканки будет полезна, а людям стаканчик придаст бодрости и настроения. Он сам её пробовал, и она ему понравилась.

Пётр заверил, что запеканка будет наилучшая. Он не зря в прошлый сезон знакомился с местной обстановкой, когда

¹ на настоящем природном Кавказе (итал.)

начал заниматься ресторацией. Искал поставщиков и узнал, где делают запеканку хорошо. Теперь это знание пригодилось.

Князь оплатил всё вперёд. Петр был доволен. Исчезла нужда рисковать своими деньгами.

Княгиня меню одобрила, но огорчилась, когда узнала, что до водопада добираются в экипажах объездным путём и что столь далекая поездка в военное время опасна. Лучше ехать верхом на лошадях по короткому пути через ущелье вдоль реки.

Она не боялась путешествовать верхом, однако, выразила беспокойство по поводу сёдел. Дамское седло для гор не годилось, а черкесским, удобным для мужчин, дамы не пользовались. Княгиня Лиза решила надеть мужские панталоны под юбку.

Князь Андрей одобрил её решение:

– Ты, голубушка, едешь верхом так превосходно, что никакой наряд тебе не помешает. Во всяких нарядах ты хороша! Да и графиня, хотя в возрасте, тоже неплохая наездница.

И заботливо прибавил:

– Лазать по горам в длинной амазонке было бы не с руки. Поступим разумно. Для движения по пересечённой местности одежду выберем самую удобную.

Наконец, хлопоты закончились, и пришёл назначенный день. Выехали пораньше по холодку. Не доезжая до казачьей станицы, переправились через речку Берёзовую. Перевалили невысокую холмистую гряду водораздела и оказались в неширокой долине. По её каменистому дну бежала речка Аликоновка. Вскоре долина превратилась в неглубокое ущелье, по-местному, «балку».

Малоезженная дорога или, правильнее назвать, тропа извивалась между горами камней и пересекала каменистое русло по легко проходимым бродам. Причудливые скалистые края балки то сужались, то расширялись, пока не привели к зелёной поляне, окруженной кустарником и редкими деревьями.

Здесь отряд разделился. Пётр, солдаты и слуги остались, чтобы обустроить бивак. Майор приказал солдатам слушаться

Петра. Господа двинулись дальше по дну балки.

Впереди ехали настороже князь и майор, вооруженные пистолетами, ружьями, шашками и кинжалами. За ними двигались дамы. Замыкали группу, чуть отстав, два казака. Заряженные ружья расцехлили.

Перед всадниками открылось выгоревшее под солнцем пустынное пространство между скальных стен, осыпей и упавших камней. Ветер стих и стал ощущаться солнечный жар. Ближе к левой стене балки бежала быстрая речка. Монотонный шум потока воды заглушал стук копыт.

Графиня сказала:

– Странное место! – Внезапно остановилась, огляделась и покачала головой, будто чему-то удивилась.

Княгиня не расслышала приятельницу, однако заметила, что та остановилась. Подъехала ближе и громко спросила:

– Катиш, что ты сказала?

Графиня, напрягая голос, призналась:

– *Betsy, ce désert de montagne m'a rappelé Nevsky. En été, c'est le même désert. Les maisons sont comme des rochers locaux et la perspective est sans équipages, sans piétons ni cavaliers.*

Je ne peux pas oublier les habitudes urbaines même dans le lointain Caucase. Cette année, j'ai reçu peu de traitement à cause de mon Sergey Semenovitch. Vous savez qu'il travaille beaucoup tout l'été.¹

Княгиня Елизавета, перекивая шум реки, согласилась:

– Ты права, дорогая. Твоему умному супругу не мешало бы отдохнуть. Должность его трудна, а дела, тебе ведомо, могут измучить даже крепкого человека! Хорошо, что ты о нём заботишься и поддерживаешь. Жаль, что он не приехал.

Приблизились сопровождавшие казаки. Обе собеседницы

¹ *Бетси, эта горная пустыня напомнила мне Невский. Летом это та же пустыня. Дома похожи на здешние скалы, а перспектива без экипажей, без пешеходов и всадников.*

Не могу забыть городские привычки даже на далеком Кавказе! В этом году я мало лечилась из-за моего Сергея Семеновича. Вы знаете, он много работает все лето. (фр.)

поспешили догнать уехавших вперед князя и майора, перешли на французский и с увлечением стали делиться светскими сплетнями.

Княгиня сказала:

– Ты заметила верно, что это место похоже на летний Невский! Так же величественно и просторно. Город пуст летом, почти как эти скалы.

Весной, едва погода теплеет, императорский двор переезжает в Царское. Все тянутся за ними, как птички перелётные. В пригороде дачи переполняются. Общество торопится на природу!

В это время замечательные пикники проводятся! – воскликнула графиня. – Помнишь тот с танцами и цыганами, который был у нас в прошлом году на Иванов день?

Тут княгиня перешла к главному:

– Где сейчас император? Здешние жители его ждут, не дождутся.

Графиня охотно сообщила, что узнала от мужа:

– Напрасно ждут. В этом году, наверное, он не поедет на юг. Император Николай Павлович только что вернулся из поездки в Казань. Там шли такие дожди, что дорогу, приготовленную для его проезда, развезло – не проехать. Ему и свите пришлось спускаться из Нижнего по Волге на срочно переделанном грузовом пароходе.

– А что в Казани? Всё ли удалось осмотреть?

– Город государю понравился. Ты же знаешь, что он в своих поездках по России, заботясь о народе, всегда интересуется состоянием медицины. В Казани осмотрел университетскую клинику. Когда не обнаружил там больных, удивился, что у богоугодного заведения бывают каникулы. У бога то нет перерывов! Государь оценил новое ученое слово в медицине по заслугам. Говорят, попало кому надо и как следует!

Княгиня, узнав, что хотела, переменяла тему:

– Скажи, в свете всё ещё говорят о спектакле «Ревизор» в Александринке? Он мне очень понравился. Было так смешно!

Наш государь прекрасно разбирается в сатире. Он смеялся и после сказал: «Всем досталось, а мне более всех!» В близком кругу государыня уверяла, что в домашнем спектакле ему

особенно удавалась комедийная роль квартального надзирателя.

Графиня с готовностью рассказала, что слышала:

– Автор этого наисмешнейшего сочинения Николай Васильевич Гоголь-Яновский, оказывается, чудная личность. Представляешь, после спектакля не вышел на поклон! Артисты, видите ли, не поняли его пьесу и неправильно играли.

Как можно? Всем и государю было удовольствие, а ему нет! Право слово, чудак! А ведь пьеса, по правде сказать, лучше мольеровых!

Говорят, что он из среднепоместных Полтавской губернии. Но высокомерие такое, будто у важного лица! Верно, в предки гонористые поляки затесались. Разобидевшись на театр, уехал в Германию. Представляешь себе!

Милая, конечно ты слышала, что в этом году в «Современнике» будет напечатана его сатира под названием «Нос»? Вроде нос какого-то майора гуляет по Петербургу. И нос имеет высокий чин! Статский советник! Каково? Похоже, что автор насмотрелся на собственный нос! Ты знаешь, он у него весьма длинен.

Княгиня вернула разговор к главной теме:

– Скажи, что было после возвращения государя?

Графиня продолжила:

– После того, как я уехала, в Гатчине он занялся большими военными маневрами. Да ты, верно, сама читала в газетах! Войска с весны переместились из столичных казарм в летние лагерь. Как всегда, маневры при государе проходят отлично!

И услышала новый вопрос:

– А как поживают твои подопечные кавалергарды?

Графиня ответила, перекивая шум речки:

– Молодцы кавалергарды ея императорского величества расположились, как обычно, на Васильевском острове. Они в наилучшей боевой форме, и радуют свою царственную попечительницу Александру Фёдоровну.

Княгиня улыбнулась и спросила:

– Как там боевая форма у шалопая красавчика Жоржа Дантеса? Он по-прежнему волочится за госпожой Пушкиной?

– Откуда ты знаешь? Тебя же не было в столице!

– Э, кто на Кавказских Водах не знает, что делается в столицах? Скажи мне, чем нынче заняты серьёзные умы?

Графиня стала громко рассказывать:

– Скажу самое интересное. Пушкины сняли не по чину дачу на Васильевском. Представляешь, пятнадцать комнат! Александр вывез туда Натали с детьми. И вопреки приличию поселил там же своячениц Александрин и Катрин.

Видать, Гончаровы после сомнительного замужества младшей торопятся найти женихов для оставшихся старших дочерей. Что скажешь? Бывает! Не их вина! Обе-то сестры долгонько невестятся, потому как не богаты и не красавицы. В обществе полагают, что вряд ли что у них сладится!

Рассказчица перевела дух и продолжила:

– На даче весь полк перебивал. Без конца приёмы. Танцы, шум и гулянья. Говорят, что Жорж увлёкся хозяйкой. Заметно, что Натали он тоже нравится. По томному виду определяют, что она влюблена, но, я слышала, ей неможется после четвёртых родов.

А новорожденную-то, представляешь, тоже назвали Наташкой. Второй Сашка у них уже есть, да ещё Машка и Гришка.

Ты не поверишь, оказывается, все знают, что этим летом от Жоржа без ума Катерина, сестра Натали. Я удивляюсь, какие надежды она питает при сестре-красавице?

А сам съёмщик дачи, наш знаменитый поэт и любимчик императора камергер Пушкин, всё ездит в город по делам. Деньги достаёт. Кругом расходы! Весь в долгах! За всю родню расплачивается.

Помнишь, как он выкупил под вексель у Энгельгардтов скандального братца Льва. Представляешь, братец не заплатил за полгода проживания в гостинице на Невском и сидел сиднем, не выходя за порог. Боялся, что выкинут на улицу и обратно не пустят! Как настоящий Хлестаков из «Ревизора»!

Опять же Пушкину двух своячениц содержать надо. Спасибо ещё, что жену опекает на свой счёт тётка фрейлина Загряжская

А дома у него такие шашни творятся! Будешь тут мрачнеть, когда Жорж везде болтает, что приезжает к Екатерине, а сам

тайком ухаживает за Натальей.

Княгиня согласилась:

– Помнишь, каким мрачным был Александр Сергеевич, когда прошлой зимой на балах скромница Натали, наряженная благодаря заботе тётки фрейлины, краснела и глазки опускала перед расфуфыренным французским петушком, а тот вёл себя нагло и развязно настолько, что все это заметили.

Внезапно князь Андрей выпалил по-русски:

– Ох, бабы, бабы! Разве можно ожидать разумного поведения от вас, когда дело касается чувств. Прямо с ума посходили! Как же! Кгасавчик, фганцуз, танцог да ещё багон! Поганец и больше ничего! Сплошное г...!

Какой он барон? Все знают, за какие заслуги старый вертопрах посланник Геккern усыновил парижского курсантишку. Прости, господи!

Неприлично такое говорить при дамах! Но того вы не предвидите, что всё это плохо кончится! Или из любопытства вы хотите увидеть гадкий конец г...юка? Пушкин-то дуэлист известный, спуску не даст.

Поберечь бы благоверных! Где найдёте других дураков, которые полюбят вас со всеми вашими причудами? Прощения прошу! Вырвалось, знаете ли!

Князь запыхтел и послал лошадь вперёд. Поражённые внезапной тирадой князя, дамы замолчали.

Комендант, возглавлявший отряд, едва удержался, чтобы не обернуться. Делал вид, что ничего не слышит.

Он будто бы искал конский повод, который вроде бы потерял, но не мог подхватить, как не исхитрялся, потому, что конь не шёл ровно. Сам же майор незаметными наклонами и шенкелями понуждал коня сбиваться с шага.

До водопада кавалькада продвигалась молча. Когда ущелье сужалось, они поднимались по склону выше бурной речки. Когда ущелье расширялось, спускались к воде. Тропа то и дело исчезала. Заметно было, что её редко топтали люди и скотина.

Броды преодолевались без затруднений, подковы не скользили по камням, чистым от водной зелени. Опытные всадники знали, что при переправе нельзя смотреть на быструю воду. Перед глазами старались иметь неподвижный

предмет.

Путь показался длиннее, чем предполагали. Ущелье продолжало суживаться и углубляться. С правой стороны наверху поднялась огромная скала.

Майор сказал:

– Почти приехали. Эту скалу за её высоту называют Орлиной. Она служит ориентиром у водопада. Слышите шум падающей воды? Шесть вёрст пути остались позади.

Всадники продвинулись вперёд и увидели, как слева со скал в речку падает толстая струя воды. Чуть дальше по речке среди нагромождений огромных камней виднелись водопады меньшей высоты, но более мощные.

Поражённый видом, князь воскликнул:

– Красота! Сюда бы Гавриилу Романовича Державина, если бы он давно не помер. Как звучно он воспел бы здешние красоты и кавказские победы в одах! Наши великие старики умели восхищаться красотами и героями в полный голос.

Графиня с чувством произнесла:

– Шуми, шуми, о водопад!
Касаяся странам воздушным,
Увеселяй и слух, и взгляд
Твоим стремленьем светлым, звучным
И в поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!
Живи! – и тучи пробегали
Чтоб редко по водам твоим,
В умах тебя не затмевали
Разжжённый гром и чёрный дым;
Чтоб был вблизи, вдали любезен
Ты всем; сколь дивен, столь полезен.

– Bravo, bravissimo, Гаврила Романыч! – похвалил князь графиню.

Графиня заключила свою декламацию моралью:

– Тайны и красоты природы открываются поэтам!

А княгиня восхитилась:

– Памятные строфы! Как мило, как чудесно!

Проехать к водопадам на лошадях через нагромождение камней было невозможно. Оставили лошадей казакам и осто-

рожно вошли в расщелину, поддерживая дам. Спуск к воде оказался несложным.

Снизу водопад производил внушительное впечатление. Летящий с высоты девяти саженей и распадающийся в воздухе на мощные струи поток прозрачной воды окружали клубы мелких брызг. Низвергающиеся струи непрерывно били в бурлящее ложе реки, покрытое облаком тумана. Грохот стоял оглушительный.

Медовый водопад в Ореховой балке и Орлиная скала
(фотомонтаж, В. А. Богданов)

Рядом зеленели кусты и трава. Цветы всё украшали. От буйства природы и мерцания летящего потока кружилась голова и тело будто покачивало.

Князь зачерпнул ладонью воду. Галантно стал на колени и поднёс открытую ладонь с водой княгине, изобразив покаяние. Майор и графиня рассмеялись.

Княгиня со склоненной головкой и лукавым взором положила на ладонь князя букетик полевых цветов, который она держала в руке. Графиня и майор аплодировали

состоявшемуся благословению семейного счастья цветами и водой.

Настроение прибывших улучшилось, и размолвка была оставлена. Князь прокричал:

– Давайте попробуем, насколько сладки эти воды.

Сполоснули руки, и попили из ладоней. Ледяная вода показалась приятной на вкус, но вовсе не мёдовой, как они думали. Спросили майора почему.

Майор рассказал, перекивая грохот:

– В расселинах скал возле водопада когда-то часто находили гнёзда диких пчёл. Пчёлы то ли вымерзли, то ли их варварски извели, когда добывали мёд. Пчёл нет, но осталось красивое название Медовый водопад.

Уловив внимание слушателей, майор принял вид *чичероне* и, указывая на падающую воду, продолжил, не переводя дыхания, поэтический рассказ:

– Перед вами низвергается мощный поток воды потому, что в горах прошли дожди. Можно сказать, что нам повезло наблюдать поток в его наилучшем природном виде.

В сильные дожди получается нечто невообразимое, мощное и шумное. Природа обнаруживает свою страшную силу, чтобы люди не забывали своё место на земле. Я не советую никому спускаться сюда в такое время. Бурлящий поток всё ломает и перемалывает так, что скалы дрожат.

Но, если с небес поступает мало воды, что обычно бывает в середине лета, водопад утрачивает грозный вид, становясь обманчиво тихим и ласковым.

Зимой он едва журчит и неспешно творит причудливые наледи и огромные сосульки, сверкающие под лучами солнца. Они тают, и от капли мокрая ледяная гора переливается цветами радуги.

Княгиня лукаво спросила *чичероне*:

– Майор, разве зимой вы тут тоже бываете? Что здесь делать, водопад-то останавливается, не правда ли?

Майор не обиделся и объяснил, что зимой они наезжают сюда, чтобы охотиться. Князь, перекивая водопад, стал пытать майора про зимнюю охоту на Кавказе.

Но княгиня поспешила прервать их беседу, напомнив, что

пора возвращаться на пикник. Верно замечено, что *a picnic is the best hunting for the ladies*¹.

Полюбовавшись играющими струями текущей воды, путешественники пошли к оставленным лошадям.

Казаки указали на двух всадников на верху горы. Всадники были неподвижны и, кажется, наблюдали. Подняться к ним по крутому склону было невозможно, и казаки помчались в объезд.

Князь и комендант осмотрели пистолеты. Казаки вернулись ни с чем, соглядатаи успели скрыться.

На обратном пути все внимательно вглядывались в окружающие горы, но больше никого не заметили.

Кисловодский пикник

До возвращения господ было много времени. Тем не менее, Пётр, по своей привычке, не мешкал и принялся распределять людей по работам.

Однако прежде осмотрел свои пистолеты и заставил солдат вспомнить об оружии. Заряженные ружья выставили пирамидой и приготовили запасные заряды. В горах оружие надобно всегда иметь под рукой.

Ему помогал Кузьма денщик коменданта, и солдаты исполняли приказания быстро.

Одному солдату велел взять оружие и отправиться дозорным наверх по ближнему склону. Отдав приказ, Пётр отошёл, чтобы не слышать возражений.

Солдат недовольно проворчал, что ездят тут всякие шпаки² и без нужды гоняют людей. Но полез исполнять. Пётр не переживал из-за глупых слов, дело делалось.

Кучер Тохтар отвёл на лужок и стреножил ездовых лошадей. Слуга князя, денщик майора и солдат кучер первой телеги загнали в тень кустов повозку с едой, привезённой из ресторации.

Сняли с телеги связанного барана. Им занялся денщик. Со

¹ пикник - лучшая охота для дам (англ.)

² не военные (презр.)

второй телеги сгрузили дрова, расставили походные треноги на кострище, сложили костры и повесили казаны.

Слуга князя принёс вёдра с чистой водой, которую привезли с собой из ресторации, учитывая, что речную воду не будет времени отстаивать.

Хотя она в речке текучая и питьевая, и дождевые осадки её не замутили, но Пётр к воде относился очень строго. Даже в ресторации следил, чтобы колодезную отстаивали. Не дай бог, если узнает, что этого не сделали и у посетителей песок может заскрипеть на зубах. Чистота на кухне была его слабостью.

У костров командовала Лукерья, новая повариха. Она позвала Петра Афанасьевича ради самой важной заботы.

Пётр достал из носимого непромокаемого кожаного мешочка кремь, кресало и трутницу. Высек искру на сухой трут и раздул огонёк. От кусочка трута запалил пучок сухой травы и растопку костра. Перенёс огонь на второй костёр.

Слуга и солдат установили стол для поварихи. Слуга остался следить за огнём, а солдат отправился собирать хвост, так как дров могло не хватить. Девушки, приехавшие с господами, помогали поварихе готовить плов и баранину.

Тохтар и музыканты принесли из подводы военную палатку. Разложили её в подходящем месте, указанном Петром. Затем на угловых стойках подняли и растянули тент, дающий тень от яркого солнца.

Рядом устроили небольшую загородку для дам. Разложили в тени ковры и подушки для отдохновения. Собрали разборные столы, взятые из крепости. Расставили привезённые стулья.

Солдаты принесли нарезанных веток и позвали девушек, освободившихся от приготовления еды. Пересмеиваясь и перешучиваясь, они украсили стойки палатки ветками и повесили зелёные гирлянды.

Пётр отнёс бутылки и кувшины к речке и разместил в воде, чтобы охладить.

Накрыл белыми скатертями столы. На обеденном столе разложил простую сервировку.

Господа вернулись почти в то время, когда их ждал Пётр. Лошадей у них приняли кучер Тохтар и денщик Кузьма. Не

расседывали, а лишь привязали к деревьям, ослабив подпруги.

Казаки использовали ту же природную коновязь. Коней также не рассёдывали. Размяв ноги, затёкшие от долгой езды в седле, устроились отдыхать на расстеленных бурках. Ружья положили подле себя.

Пётр доложил коменданту, что всё спокойно, на горе выставлен дозорный, и пришла пора его сменить. Майор послал сменщика.

Князь и комендант сходили в кусты туда, «куда царь ходит пешком». Вернулись, сняли и аккуратно положили рядом оружие. Обнажились до пояса.

Слуга и денщик облили смеющихся господ ледяной водой из речки и растёрли рушниками. Весёлые князь и комендант надели чистые рубахи. Причесали мокрые волосы и усы перед зеркальцем. Их сложенная в армейском порядке одежда была увенчана *casquette en français*¹ князя и *kpis de l'infanterie*² коменданта. В загородке девушки переодели барынь *en rustique de style russe*³.

Оживленные господа сели за стол. На тарелках их ждали нарезанные сочная говяжья шейка и свиной окорок «со слезой». К ним прилагались уксус, горчица, хрен и малосольные огурцы. Их поддерживала квашеная капуста на меду.

Салатницы заполняли солёные грибочки, светлая продельная белужья икра и свежее сливочное масло в каплях ледяной воды. Не забыт был швейцарский сыр, нарезанный листочками. Тёплый хлеб прибавлял свой сытный аромат к резким запахам закусок.

Но главная гордость Петра помещалась в кокотницах. В ресторации кокот из куропаток с шампиньонами томили в русской печи. Готовили по торжественным случаям, хотя могли бы делать каждый день, ведь на лугах под Кисловодском куропатки и грибы имелись в изобилии.

Отставной солдат Нефёдыч, работавший при ресторации

¹ каскетка по-французски (фр.)

² пехотная фуражка (фр.)

³ в деревенском русском стиле (фр.)

сторожем и дворником, натаскал свою дворняжку на поиск грибов и теперь торговал добычей на базаре. Он брался поставлять также в ресторацию, сколько потребуется.

Но кокот не стал дежурным блюдом в ресторации потому, что нелегко было найти опытных работников для кухни. Пётр надеялся, что за один-два курсовых сезона новая повараха наберётся опыта, и со временем меню удастся расширить.

В ресторации гости отмечали необыкновенный вкус его кисловодского кокота. На похвалы он отвечал: «Мы на Кавказе тоже не лыком шиты!»

Пикник (этюд, Репин И. Е., 1890 г.)

Пётр не скрывал секретов кухни от любопытных. Однако, когда говорили, что кокот полезен, он улыбался и произносил: «Полезен, но в меру!» Потому что ему тут же приходила на ум скабрзная шутка ресторанных подавальщиков.

Он никому её не рассказывал, чтобы не подорвать доверие к блюду и кухне. И был прав: подавальщики объясняли в крепких выражениях, что кокот – еда, полезная для лечения пиписок. Не зная языка, решили, что тупым лягушатникам

«хвантазии не хватило». Мол, от больших чувств назвали полезную еду как мужскую пиписку. А нам ихние *kokot* или *cocotte*, «как написать три буквы на песке»!

На сервировочном столе в запотевших кувшинах стояла чистая вода. Холодные графины были заполнены квасом и запеканкой.

Шамбертен, любимое вино Наполеона, и розовый креман хранились в темных бутылках. Бутылки кремана, как полагалось, ожидали в ведёрке со льдом.

Князь Андрей руководил застольем. Негромко проговорил перед трапезой молитву «Отче наш...». Сотрапезники перекрестились вслед за ним.

Господ обслуживал Пётр. Взялся первым делом за графин с запеканкой. Госпожи спросили холодной воды. Квас они пить не стали. Закуске оказали должное внимание.

После закуски принесли и поставили на раздаточный стол казаны с варёной бараниной и татарским пловом или, как выразился князь, «с пищей восточных кочевников». К баранине шли тёплые кукурузные лепешки.

– Что это? – спросил князь.

Пётр знал главное правило ресторанного обслуживания – всеми способами возбуждать аппетит клиента. Чтобы поощрить аппетит князя, он объяснил:

– *Нартюх гыржын* или, по-нашему сказать, чурек из маисовой муки. Настоящий карачаевский хлеб, испечённый по-походному в горячей золе.

Он умолчал, что хлеб испекли сначала в печи, а в золе лишь допекали, чтобы придать «походный» вид.

Князь Андрей отломил кусок, пожевал, усмехнулся про себя и подумал: «Необычный хлеб и очень вкусный! Много же в нас сохранилось азиатчины!» Голодный после прогулки и возбуждённый аппетитными закусками, князь перешёл к главной части походного обеда и принялся старательно проверять, как бургундское сочетается с горячими кавказскими блюдами. Ему показалось, что он никогда не ел ничего вкуснее. Подумал, что простой кавказский плов «от кочевников» намного лучше, чем модные в обществе итальянские и даже лучшие неаполитанские макарони с пармезаном.

На десерт было подано холодное бланманже и ледяной шипучий креман, приятные в жару.

Пётр Афанасьевич попросил прощения, что отвлекает, и сказал:

– Господа, у меня есть необыкновенное сообщение. Поляна, где мы находимся, знаменита в этом краю.

Вы видите, что скала перед вами похожа на старинный замок, над разрушенными стенами которого возвышается остаток массивного *донжона*. У этой необычной природной декорации годы назад произошла романтическая история. Её расскажет мой друг и кунак Тохтар Заурович. Он поведает вам эту повесть о трогательной любви так, как её рассказывают местные жители. Конечно, коли вы пожелаете послушать!

Все пожелали. Тохтар вышел вперед и начал:

– *Аллахны игилигинден*¹. Недавно в этих горах молодой *чагъар* по имени Хасан пас овец местного *бия*. По-нашему *чагъар* значит иногородний, а *бием* называют князя. Начальники *урус* называют князя *старшиной*.

Хасан был хороший человек, храбрый и добрый, но несчастный, потому что полюбил бийскую дочь. Она была скромна, приветлива и прекрасна, как гурия рая. Он терял разум, когда видел её.

Мужественный и красивый Хасан нравился женщинам. Скажу вам откровенно, что женщины Карачая и Балкарии пользуются свободой и уважением почти такими, какие даются урусским женщинам.

Аллах предусмотрел это, чтобы наши женщины могли совершать добрые дела. Кроме сохранения домашнего очага и рождения детей, они ещё спасают мужчин.

Да, да! Поверьте! Джигиты народ горячий и, бывает, ссорятся насмерть. Неважно, по пустякам или по делу.

Братоубийство останавливает женщина. Она спешит бросить платок, когда обнажаются кинжалы. Хотя платок не обязательно бросать. Бывает достаточно слова. Вот какой силой обладают наши женщины над джигитами!

Нашему маленькому народу это помогает сохраниться. Ради

¹ По божьей милости (карач.-балкар.)

этой силы женщина должна вести себя осмотрительно даже, когда мужчина ей нравится.

Однако продолжу. Случилась история страшнее ссоры и поединка, потому что *бийче кыыз*...

Он приостановился:

– Как сказать порусски? Да, спасибо, Афанасич! *Княжна* была молода и легкомысленна.

Тут князь Андрей прервал рассказчика и сказал:

– Точно! Юные княжны бывают очень неразумными. – Посмотрел на княгиню, улыбнулся и вздохнул.

Тохтар продолжил:

– Верно! Княжна и пастух встречались тайно на этой красивой поляне. У нас подобное считается неприличным. Все осуждают. Княжне нельзя выходить из дома без разрешения, а надо ткать красивые ткани и шить одежды для отца и братьев.

А пастуху, принятому в наш народ из пришлых, очень позорно нарушать обычай и выступать против княжеского рода.

Наш бий, конечно, тоже так считал. Но об этих встречах он не знал, как и все мы. Влюбленные хорошо прятались от чужих глаз.

Тут приехал сын другого князя, привёз калым или, как у нас говорят, «плату за кровь». Семьи сговорились о браке год назад.

Княжич не нравился княжне с самого детства. Но князь считал, что в замужестве дочка... Как это у русы говорят? Да, спасибо, Афанасич, «стерпится – слюбится». Назначили день скорой свадьбы.

Княжна не смела отказываться и должна была идти за нелюбимого. Спасение было в бегстве. Побежала княжна на поляну, где вы сейчас находитесь, чтобы встретиться с пастухом.

Просила спасти её. Сказала, что согласна даже на похищение. У неё и приданое готово и деньги отложены, чтобы заплатить эфенди¹ за благословенную запись о браке.

Но за ней следили по приказу отца. Всегда так делается

¹ почтительное название духовного лица или чиновника (тур.)

перед свадьбой, чтобы чего нехорошего не случилось. Например, похитили бы невесту не те люди или не там, где говорились.

Поскакали слуги князя по следу и погнали молодых по горам, будто непослушную скотину, которую всю жизнь гонял Хасан. Видит молодёжь, что им не спастись. Полезли на самый верх скалы. Слуги, конечно, за ними.

Спрашивает храбрый пастух княжну:

– Любишь ли ты меня?

– Люблю, – отвечает, – навсегда!

– Нет нам спасения – говорит пастух. – Отдадимся на волю Аллаха – я прыгну первым, а ты за мной.

И прыгнул. Увидела княжна разбившегося возлюбленного и замерла от ужаса. Слуги схватили её и отвели к отцу.

Тело нашли и похоронили. Злые языки говорили, что слуги князя убили пастуха. Но народ не обвинял слуг. Аллах убивать не позволяет! Следуя Корану, князь приказал бы схватить и судить, а не убивать! И не убили бы, а лишь навечно изгнали виновного.

Через некоторое время люди узнали правду от проговорившейся служанки княжны. Храбрый пастух был влюблён так сильно, что прыгнул первым, а княжне оставил свободный выбор, как поступить.

Многие жалели пастуха и порицали княжну, погубившую того, кто так сильно её любил, хотя был не прав. С тех пор скалу, на которую вы смотрите и где погиб пастух, люди стали называть Замком коварства и любви, а речку Аликоновкой.

Из семьи Аликоновых был несчастный *джашкай*¹. *Джигитни аты ёльмейди!* Так у нас говорят: «Имя героя не умирает!»

Имя княжны люди как бы забыли. Иногда нарочно называют как-нибудь, но это всё неправда. Имя князя, её мужа, тоже не имеет значения, и я о нём умолчу. Да ниспошлёт Аллах милость погибшему от любви! *Аллахым айыб этмесин!*²

Тохтар замолк. Молчали и слушатели.

¹ сынок (карач. - балкар.)

² Прости меня, господи! (карач. - балкар.)

Пётр Афанасьевич сказал, показывая рукой на причудливые скалы:

– Господа, посмотрите на эти скалы! Местные жители верят, что в них обитают духи.

Взгляните вон на ту скалу внимательно! Видите, что она похожа на профиль человеческого лица? Говорят, в этом профиле запечатлен образ молодого пастуха, когда его несчастную душу принимал и судил Всевышний.

Все посмотрели, но не удивились. Они прежде повидали много чудес. Продолжали молчать.

Наконец княгиня Елизавета сказала:

– Какой грустный случай! И какой бедный сюжет! Ничего романтического нет, ведь тут отсутствует красота свободных чувств, – заключила она.

Майор Никанор Иванович поддержал её:

– Ваша светлость правильно сказали о чувствах! Настоящую любовь они возвышают. Безграничная верность в любви доказывает это.

Но давайте разберёмся в сути дела. В любовных коллизиях, кого бы они ни касались, хоть горцев, хоть наших деревенских, да и кого угодно, есть всего четыре сюжета для любовных пар.

Первый счастливый – долго жить обоим, пока не помрут, как говорится, «в один день». Второй сюжет несчастный – умереть сразу обоим в начале истории. Оба случая не интересны. А интересно становится, когда кто-то (он или она) умрёт первым, а другой – вторым. Тут и случается настоящая коллизия счастья и несчастья!

Княгиня и графиня рассмеялись. Княгиня сказала:

– Вы, Никанор Иванович, невозможны. Препарируете любовные истории, будто разбираете сражения и оцениваете потери. Так делает истинный военный!

Князь перебил с усмешкой:

– Душа моя, что касается любви, то нам надобно, во-первых, вспомнить любовные треугольники, четырёхугольники и прочие фигуры, вроде той, о которой столько говорилось во время нашей недавней поездки, – он не мог забыть светскую сплетню о любви кавалергарда к замужней даме, рассказанную на водопадах.

Графиня тоже помнила размолвку и возразила с показным негодованием:

– Князь, или по-местному *бий*, не смейте уводить нас в сторону геометрически! Так мы не дойдём до главного.

Я думаю, что наша история о влюблённых лишена интересных подробностей. И поэтому она настолько скучна, насколько бывает скучной сама жизнь, и, следовательно, эта история может быть познавательной, но не может быть интересной.

Сравните, например, наш кавказский сюжет с шекспировской любовью Ромео и Джульетты в итальянской Вероне. Не правда ли, похоже! Один умирает прежде другого, но театральная пьеса рассказывает не о том.

Она представляет необыкновенные времена, героев, нравы и характеры. Все действия на сцене пронизаны высокими чувствами и страстями. Вот что интересно зрителю!

Никанор Иванович поспешил галантно остановить начинающийся *piqué*¹:

– О, милые дамы! Одни вы можете правильно судить, где истинная любовь, а где лёгкое кокетство!

Вам интересен путь к счастью, но победа или поражение вас волнуют меньше. Любовные пертурбации – ваш конёк! В них нет вам равных!

Господа допили игристое вино, согревшееся в бокалах, и доели оплывшее бланманже. Пётр счёл момент подходящим, чтобы объявить выступление певицы:

– Кавказские песни о любви споёт Лукерья, наша лучшая певица. Она ещё и прекрасная кулинарка, блюда которой вы отведали только что.

Князь перебил:

– Блюда превосходные! Надеюсь певица не хуже!

Пётр продолжил, чтобы отвести грубость князя:

– Мы с Тохтаром будем подпевать. Если песню уже слыхали, то скажите. Мы споём другую.

Музыканты заиграли по-восточному. Солдат, бивший в кавказский барабан, был из музыкантов кисловодской кре-

¹ обмен колкостями, пикировка (фр.)

пости. Из Пятигорска привезли ловкого домриста вместе с искусным трубачом на дудке, называемой сарнаем.

В крепости трио сыгралось под надзором капельмейстера. Получился ориент ансамбль.

Стучал барабан. Его дробь пронзал тягучий звук сарная. Мелодию нежно поддерживало тремоло одинокой домры.

Две домры были бы лучше, но нашелся лишь один приличный игрец! Сарнай умолк и сильный женский голос запел:

– Как по горкам по горам белый лебедь летал, лебёдушку выкликал ...

Трио певцов вместе с трио музыкантов исполнили несколько душевных казачьих песен. Господа внимали, не прерывая. Напротив, аплодировали. Солдаты, слуги и казаки приблизились к певцам и тоже хлопали в ладоши.

К Петру пришло вдохновение, как от пения во время купеческих поездок. Когда закончили очередную песню, он переждал аплодисменты и обратился к публике:

– Друзья, теперь припевы песен пойте вместе с нами.

Лукерья спела вместе с хором шуточную «Пчёлочка золотая...» и, наконец, затянула величальную «Чарочка моя серебряная...». Хор поддерживал солистку с энтузиазмом. Выпевая имя каждого гостя, певица подавала рюмашку запеканки на блюде. Пётр наливал новую.

Господа были в восторге. В прежних застольях они не раз слышали величальную песню цыган, но казачью, несомненно, слышали впервые. Пикник в горах и повторенная величальная запомнились им навсегда. Казачьи песни были удивительно хороши даже в любительском исполнении!

Закончился концерт, и стол сервировали для чаепития. Когда Пётр ставил розетки с мёдом, графиня спросила:

– Этот мёд с Медового водопада?

– Нет, ваше сиятельство. Но такому мёду не зазорно получить также особое название. Он вобрал в себя редкую целебную силу кавказских горных трав. Недаром так плодovitы здешние животные, поедающие траву круглый год.

Графиня взяла ложечкой немножко мёда, осторожно лизнула и вежливо похвалила:

– Прекрасный и ароматный! Откуда он?

Пётр пояснил:

– Этим летом его получили пятигорские пчеловоды. Под Кисловодском тоже скоро станем брать.

Чай из самовара пили долго. Уделили внимание мёду, дорогим вареньям на сахаре, вишневому и абрикосовому, а также бисквиту и сладким фруктовым пирожкам. Птифур и конфеты остались нетронутыми.

Князь ходил к речке, освежил лицо и руки. Обтёрся, улёгся в сторонке на ковёр, положил голову на свёрнутый плед, прикрыл лицо платком и заснул.

Слуги выпили по чарке пожалованной князем запеканки. По расчёту хватило всем! Закусили тем, что осталось. И устроились отдыхать, найдя тень под повозками и возле кустов.

Казаки и Тохтар не пили вино, так как одни были старообрядцами, а другой магометанином, но от плова, свежей баранины и хлебного кваса не отказались.

Графиня расспрашивала Петра о кухне. Выясняла, какие блюда считаются полезными на курсе.

Пётр сказал:

– Мы работаем под наблюдением врачей. Наш главный доктор находится в Пятигорске. Случается, что больному назначают особые блюда. Тогда мы их делаем. Обычно, однако, готовим традиционные русские блюда. Для этого у нас на кухне имеется русская печь. Уже замечено, что при лечении нарзаном русская кухня полезна.

Петр и графиня принялись сравнивать русскую и кавказскую кухню с французской и английской. Обсудили поданный кокот. Петр сказал:

– Вы правы, ваше сиятельство, можно оставить шампиньоны вместо белых. но добавить порошок сушеных белых. Вкус блюда обогатится. Полученное блюдо будет отлично выглядеть в меню ресторации!

Графиня посоветовала:

– Подавайте его горячим и назовите «жюльен Найтаки».

Продолжила тему, вспомнив традиционное горячее швейцарское сырное блюдо *fondue*, вкус которого можно оттенять грибами. Разговор стал интересным.

Пётр спросил разрешение и стал делать записи карандашом в карманный блокнот. Иногда переспрашивал графиню. При этом Пётр не терял из вида все, что происходило вокруг. Ему привычно было заниматься одновременно несколькими делами. Он видел заботливость кучера.

Кучер Тохтар позвал солдата музыканта, и они двинулись к лошадям, которых донимали бзыки¹. В дальнем углу поляны стреноженные лошади усердно махали хвостами и дёргали гривами. Требовалось перевести страдальцев туда, где ветерок отгонял кусачих насекомых.

В это время княгиня по-свойски предложила майору танцевать. Майор позвал музыкантов. Те совещались недолго, и пара стала вальсировать. Непривычно звучал вальс, исполняемый на горских инструментах.

Тохтар, покинутый солдатом музыкантом, продолжал один перегонять лошадей. Тёплое чувство согрело душу Петра. У него не было никаких замечаний к работавшим людям. Все заметно старались. Он подумал:

– Я был прав, когда сказал им перед поездкой под самым большим секретом, что они все вместе и каждый в отдельности готовятся к пикнику с государем. И чтобы об этом не болтали!

Место было непригодным для танцев, каменистым и неровным. Танцоры остановились. Пётр взял на заметку, что придётся всё расчистить и выровнять к следующему пикнику. Музыка смолкла, и Пётр услышал, как княгиня спросила:

– Продолжим танец на балу в ресторации?

– Благодарю, ваша светлость! С полным удовольствием ангажирую вас! – ответил майор. Оба вернулись к столу попить. После обеда стало довольно жарко.

Графиня, наблюдавшая танцы, тихо сказала подруге:

– Бетси, душенька, не сочти, что завидую. Ты у нас *la femme étoncée*², пока князь почивает. Берегись своевольничать! Ты знаешь, он ревнив! Не посмотрит на твою красоту и назовёт Лизеттой, как кобылу Петра Великого! Будет тебе эмансипе!

Между тем Пётр ещё раз убедился, что новая повариха

¹ слепни и оводы

² женщина, стремящаяся к равноправию с мужчинами (фр.)

годится для ресторации. Она без напоминания мыла посуду в речке, а девушки драили казаны песком.

Потом девушки уложили казаны в повозку, а повариха принялась вытирать и убирать посуду и сервировку в корзины. Сложила скатерти, полотенца, салфетки и тряпки.

Закончив с уборкой, девушки поспешили к барыням, которые давно звали их с нетерпением. Покорно выслушав строгие внушения, помогли господам устроиться на коврах для отдыха. После, присев в изголовьях, принялись отгонять мух. Наступило затишье. Господа спали, слуги дремали.

К вечеру посвежело. Господа, полежав на коврах и отдохнув, переоделись в обычное платье, сели на лошадей и уехали в сопровождении казаков.

Слуги и солдаты, не мешкая, убрали всё и уложили в повозку и в телеги. Увязали груз. Под контролем Петра ничего не забыли, даже мусор, даже палки и гирлянды от навеса. На будущее надобно было оставить чистую поляну. Пётр заставил всё убрать, хотя солдат, ходивший в дозор с оговорками, опять ворчал, но уже негромко, помня, какое внушение вне очереди он получил от майора.

Залили водой тлеющие угли. Солдаты взяли оружие. И обоз поспешил вдогон господам потому, что уже приблизились кисловодские сумерки.

Солнце было готово скрыться за Боргустанским хребтом. Кучера усердно погоняли лошадей, зная, что в горах темнеет быстро. Оставшись с малой охраной, они торопились вернуться засветло. Недаром пословица напоминает, что тати не жнут, и ночи ждут! Все знали, что возле города бродит особенно много абреков.

Трясаясь и подпрыгивая на облучке, Пётр радовался успешному пикнику, хотя устал, как никогда прежде. Теперь он знал точно, чем заинтересовать императора. Мог правильно подготовить развлечение на природе. Он был уверен, что сделает его незабываемым, когда бы ни приказали.

Ещё он задумал показать джигитовку. На поляне места достаточно, а найти отличных наездников в станицах не составит труда.

Казаки проделывают замечательные трюки в стрельбе и

выездке! Государь, несомненно, будет удивлен.

Возвращение кунака

Князь, никогда прежде не хваливший Петра, поблагодарил за прекрасный пикник и закончил глубокомысленно: «*Top dieu est dans les détails*»¹.

Пётр были доволен, и отпустил Тохтара съездить на три дня на семейный праздник, но сказал, что пришлёт за ним, едва придет известие о приезде государя.

Последнее время Тохтар бывал редко в *атауле*² Марá из-за дальности расстояния. Но пропустить праздник *бешикге салыу*³ было недопустимо. Тохтар с женой Фатимой, сыном и дочкой везли подарки.

К середине дня они добрались до перевала. Перед ними открылась незабываемая картина. В синем безоблачном небе сиял громадный Эльбрус. Внизу виднелась обширная зеленая долина, покрытая холмами, лесами, полянами и ручьями. Русские офицеры говорили, что это кавказский Шварцвальд, но Тохтар считал, что его родина бесконечно лучше заграницы.

Предстоял спуск по рискованному серпантину. Тохтар передал вожжи и кнут юному сыну Джамбулату. Он приучал его к самостоятельности. Но жене и дочери приказал пройти пешком. Сам по привычке пошел впереди, как велел обычай. Как только они въехали в открытые ворота отчего дома, отовсюду сбежались, крича и радуясь, дети. Фатима стала наделять их сладостями.

Пока продолжалась радостная суматоха, подошли братья старший Хазрет и младший Тувай. Здороваясь, обнялись с Тохтаром по горскому обычаю. Справились о дороге, о самочувствии и делах. Потом распрягли лошадей и откатили повозку в угол двора. Тувай повёл коней за узды к коновязи.

На краю большого двора стоял длинный дом. Перед домом

¹ *Твой бог в деталях (фр.)*

² *поселение или его часть, где живут близкие родственники, у которых общий предок и собственность на землю*

³ *этнический тюркский обряд; первое пеленание младенца (карач.)*

располагалась летняя кухня. Фатима, захватив мешок с подарками, направилась туда. Там хлопотали женщины. Они радостно зашумели.

Рядом был сложен запас дров и кизяка. Под навесом мужчины разделявали мясо.

Внизу двора кони стояли у коновязи и у повозок. На дальней стороне двора находились погреб, сарай для коней и скота, а также ворота для выхода в сад и огород. В одном из сараев размещался хозяйственный инвентарь. В углу двора виднелся сеновал.

Отчий дом был похож на *Blockhaus*¹. Он был приземист, сложен из сосновых стволов с замазанными щелями и маленькими окнами. Под каменный фундамент отец положил кусочек священного камня *Карчи*² Двускатную крышу покрывал аршинный слой земли с порослью травы. Из трубы, обмазанной глиной, поднимался легкий дымок.

Тувай ушёл с конями, а Тохтар и старший брат отправились к дому. По пути Тохтар передал брату деньги. На заработок Тохтара семья восстанавливала отару после угона черкесами.

Дверь дома украшал и охранял резной солярный оберег – круг с двумя перекрещенными лучами. Брат открыл дверь и вошёл. За ним, привычно пригибаясь, прошёл Тохтар в помещение, знакомое с детства. Это была комната старшего брата, главы дома, а до него отца.

В главной комнате горел очаг, похожий на камин. Потолок подпирали деревянные столбы. К столбу был прибит «на счастье» череп отцовского коня. На покрытых глиной и побеленных стенах висело оружие.

У задней стены на длинном диване, покрытом *кийз*³, сидели седобородые дядья и сваты. Они ждали, когда проснётся младенец и можно будет приступить к церемонии.

¹ *Blockhaus* – блокгауз; небольшое деревянное укрепление (нем.)

² Чёрный камень из магмы вулкана Эльбруса вблизи аула Карт-Джурт. По легенде в конце XII века на нём сидел Къарча родоначальник карачаевцев и балкарцев. Он привёл из Золотой Орды людей, которые перемешались с местными жителями.

³ войлочный ковёр (карач.- балкар.)

Поздоровавшись со старцами, Тохтар разоружился. Но с кинжалом на поясе, как все, не расстался. Брат аккуратно поставил в угол его ружьё и положил пистолет.

Подарки лежали на топчане, где раньше спал отец, а после него стал спать брат. Тохтар открыл мешок, вынул и положил на топчан отрез байки для детских пелёнок, пояснив, что он куплен в Пятигорске по заказу дядьёв.

Потом вынул ползунки, шапочку и пинетки и сказал, что вязаные вещи были сделаны руками жены и невестки хозяина Найтаки. Они желают здоровья малышу и его матери.

В конце показа положил кинжальчик и рассказал, что купил у заезжего мастера грузина в Пятигорске. «*Къамачыкъ*¹ сделан хорошо, – оценили старики, – и подойдёт будущему джигиту».

Старший брат, выслушав рассказ, спросил:

– Тебе не показался тот грузин странным?

Слова брата удивили Тохтара:

– Нет, не показался. Умелый оружейник из Грузии с прекрасным оружием. Что ты хочешь сказать?

Брат ответил:

– Пастух из Учкулана, перегонявший баранов на пятигорский базар, останавливался на обратном пути у нас, и он уверял, что будто бы видел на базаре абрека Али Хырсыза, переодетого в грузинского оружейника, и вроде бы с ним был ещё один человек. Я расспросил, как оружейник выглядел. Пастух описал похожего человека, но с другой бородой

Тохтар задумчиво проговорил:

– Странно! Зачем он явился? Встречу, отомщу! Если бы не проклятые черкесы, отец праздновал бы сейчас с нами!

Женщины внесли люльку и проснувшегося ребёнка. От детского крика мужчины смолкли. Хозяйка мать Тохтара выразила радость, что все собрались. Спросила стариков:

– Почтеннейшие, как вы предлагаете назвать малыша?

Хотя все знали имя давно, но хранили его как бы в тайне, молчали и ждали, что скажет старший дядя.

– Мне снилось, – сказал дядя, – что я лежу на перевале

¹ *къама* – кинжал, *къамачыкъ* – кинжальчик (карач.-балкар.)

Хасаука и *сал болургъа*¹. Сон о смерти заставил меня вспомнить сражение, которое открыло нам дорогу в новую жизнь. Защищая ворота в Старый Карачай, ополчение карачаевцев храбро билось целый день, хотя нас было меньше нападавших русских войск. Многие ополченцы погибли, и мы потерпели поражение².

На следующий день наш предводитель *олийз* Ислам Крымшамхалов сдался генералу Эммануэлю и спас нас от разорения. Мы отказались от договора с османами и стали подданными русского императора. Твой муж Заур и сыновья, как и все присутствующие, остались живы.

Бий Ислам защищает нас до сих пор. Недавно он, старик, вместе с людьми перебил в горах банду абреков цебельдинцев, захвативших трёх мальчиков и стадо скота.

Я думаю, что нашему малышу надо дать славное имя Ислам. Пожелаем ему вырасти храбрым и мудрым, как уважаемый *таубий*⁴. *Джазака-Ллаху Хайран! Субханаху ва Та'алья*⁵.

Хозяйка сказала *инша Аллах* и положила спеленатого малыша на руки старого дяди. Тот пошептал молитву на ухо ребёнку. Имя было дано.

Пока шла церемония, в деревянную люльку, украшенную оберегом из волчьих когтей, пустили кошку, на счастье.

Следуя обряду, мать обратилась к *келинни анасы*:

– Дорогая, может быть, ты перепеленаешь ребёнка?

Про себя Тохтар подумал:

– *Келинни анасы* переводится «мать невестки», а по-русски «сватья».

¹ умер (букв. стал трупом) (карач.)

² Бой 20.10 (1.11) 1828 г. между русскими войсками генерала Георгия Эммануэля и карачаевским ополчением во главе с князем Исламом Крымшамхаловым на перевале Хасаука. 1653 солдата и офицера при десяти пушках против примерно 500 горцев бились более 12 часов.

³ умный, учёный, эрудит (карач.- балкар.)

⁴ горный князь (карач.)

⁵ Да воздаст тебе Аллах благом! Свят Он и Велик. (араб.)

Прозвучал отказ, предусмотренный обычаем:

– Нет, милая, сделать это мы просим тебя.

Дядя вернул ребёнка матери Тохтара. Привычными движениями старушка распеленала внука, вытерла попку и посыпала целебным порошком из трав.

Устроила подгузник. Положила ребёнка на новую пелёнку, быстро запеленала, завернула в одеяло и опустила в люльку, прогнав кошку.

Тохтар подумал: «Похоже, что Тувай позаботился о зубе волка на шею сына. Сын будет носить оберег не хуже других». Малыш молчал, даже не хныкал.

Все заулыбались: «Видно, имя ему понравилось!» Старушка глянула на *келин* (по-русски «невестку», – подумал Тохтар). *Келин* пошла к люльке, чтобы дать грудь малышу.

Мать пригласила присутствующих:

– *Стол артына олтуругуз!*¹

Перед домом были постелены *кийизы* для сиденья и расставлены столики *тепси*². Когда мужчины сели по старшинству, их обошли с полотенцем, тазиком и кувшином теплой воды для омовения рук. Женщины, живущие в отцовском доме, принесли чуреки, мамалыгу, тузлук. Хлеб ножом не резали, а ломали руками и на землю не роняли.

Все по традиции уважительно угостились вкусным и нежным курдючным салом. Младший брат раздал варёную баранину, разделанную на куски согласно старшинству едоков.

Главным блюдом были горячие *хычины*, которые ели, привычно держа руками. Поев, мыли и вытирали жирные руки.

В заключение пили чай с мёдом. Курили и беседовали о том, что волновало: об окончании стрижки овец и покоса; об уборке урожая и перекочёвке животных с гор в долину, пока нет снега; о нападении волков; о делении стад для стойлового и вольного содержания и об иных важных общих делах. Женщины и дети праздновали отдельно в другом конце двора.

Тохтар ушёл отдыхать рано. Завтра чуть свет вставать и

¹ *Садитесь, пожалуйста, за стол! (карач.)*

² *низкий круглый трехногий столик (карач.)*

идти с братьями на кладбище проведать отца. Затем он возьмёт на повозку барана и другие подарки и поспешит в Кисловодск, чтобы не подводить Петра Афанасьевича. Надобно сообщить, что появилась черкесская разведка.

Кунак просил, чтобы я не мешкал в этом случае. Хорошо, что дети и Фатима остаются в Марé по просьбе матери. Через месяц Хазрет привезёт их обратно.

Праздник карачаевцев (Раев Г.И. 1908 г.)

Раздеваясь и ложась в приготовленную постель, он думал, что дядя, рассказывая о выборе имени племянника, мог бы сказать о потерях на войне. Но в семье избегали вспоминать вслух об этом, щадя чувства матери, очень любившей погибшего отца.

Война длится так долго, что, наверное, малыш Ислам успеет вырасти и обнажит кинжал, как и мы, в настоящем бою. Помоги ему, Аллах, и помилуй!

Доносился шум со двора. Там веселилась молодёжь. Вошла мать, села рядом, взяла за руку, вздохнула и пожелала доброй ночи. Возложив опасения на бога и ни о чём не беспокоясь, Тохтар сладко уснул, как в детстве.

Его баюкала тихая колыбельная. Было слышно, как в соседней комнате нежную песню напевала *келин* своему сыну, названному мужественным именем Ислам: «*Белляу, белляу, белляу, бёлейим | Сени насыблы болуб а кёрейим.*¹»

Ранним утром Тохтар ехал по дороге в Кисловодск. Он вспоминал, как погиб отец, и мечтал отомстить черкесам. Конечно, абрек вряд ли задержался в Пятигорске, но, возможно, удастся что-то узнать.

Рядом в повозке лежало расчехлённое заряженное ружьё, а на поясе висел отцовский кинжал, который он взял у брата Хазрета. Проклятый черкес не уйдёт от него!

После того, как произошло замирение с русскими, черкесы вместе с османами стали говорить всем племенам, что карачаевцы предатели. Свою вину перекладывали на невиновных.

В 32-году банда черкесов убила казачьих пастухов и угнала стадо в Эссентукской станице. По дороге они вышли на кош, где отец с соседом пасли овец атаула.

Черкесы схватили пастухов и зарезали, как баранов, потому что опасались, что они их выдадут. Отару угнали. Люди говорили, что главным у черкесов был Али Хырсыз.

Теперь он узнает, какова месть карачаевца! Разбойнику не поможет волшебная кольчуга, которую он получил от злых горных духов, продав душу шайтану.

Исполню святой завет «правда и справедливость сильнее демонов». Хороший заряд пороха и серебряная пуля мне помогут. Аллаху акбар!

Только предупреджу кунака Петра, чтобы не ждал меня и пока управлялся один. Пётр Афанасьевич помнит моего отца и знает бедственное положение моего семейства. Он поймёт. И Тохтар стал вспоминать, как он подружился с Петром.

Дело было рядовое. Двадцать лет назад, когда Тохтар был молодым и несемейным, они с отцом искали работу. А Пётр в это время добывал соль из соленого озера недалеко от Медвеженского хутора, чтобы обменивать её на камень для постройки казарм в Александровской крепости в Усть-

¹ *Баю, баюшки, бай, бай | Полный счастья, засыпай. (перев. с карач.)*

Лабинске. Срочность была большая.

Удачное было начало! Как все, я ломал камень на Лабе, а отец и другие возили его вдоль Лабы на арбах и волах в крепость. Отец большую часть соли, получаемой от Петра, выгодно менял на овец.

Когда заданное количество камня добыли, отец попросил Петра найти работу для меня, чтобы я мог собрать калым за мою Фатиму. Пётр спросил отца, что я умею делать. Отец сказал, что я люблю лошадей. Это правда!

Пётр взял меня к себе кучером в дальние поездки. Казна хорошо платила за снабжение армии. Где мы только не бывали! Добирались до Сам-Петербурга и на Урале были. Через какие приключения прошли – не хватит времени рассказывать! Не раз бились с разбойниками!

Выручали друг друга. Тогда-то и подружились домами: русские говорят «покумились», а по-нашему стали кунаками. Теперь пришло время снова выручать друг друга. Неужели *тенгим* меня не поймёт?

Занятый мыслями, он почти забыл следить за окружением.

Внезапно ударил раскатистый гром. В потемневших горах, покрытых клубящимися чёрными тучами, засверкали яркие молнии. Раз за разом оглушительный грохот разносился над кисловодской котловиной. Порывы ветра поднимали пыль над дорогой.

Тохтар поспешно убрал ружье в чехол, надел и замотал башлык. Начался грозовой ливень. Поливаемая сверху повозка преодолела брод через Подкумок. Река пока ещё не успела переполниться. На гравийной дороге грязь на колёса почти не намазывалась.

Когда Тохтар подъехал к ресторации, водопад с небес внезапно прекратился. Дождь был недолгий, но промочил насквозь.

Во дворе ресторации люди занимались обычными делами. С Тохтаром обменялись приветствиями. Кто-то заметил ему, что на кухне можно обсушиться. Появился Пётр Афанасьевич. Поздоровались за руку и по привычке обнялись

– Какой ты мокрый! Пойдем ко мне! Расскажешь!

Они счистили грязь с обуви о железную скобу у порога. В

комнате Пётр спросил, как здоровье мамы и братьев. Поинтересовался, как прошёл праздник. Имя Ислам ему понравилось. Спросил, из-за чего Тохтар вернулся, ведь они договорились встретиться на другой день.

Тохтар сказал:

– Ты знаешь, как погиб отец. Так вот, люди сказали, что на пятигорском базаре видели Али Хырсыза. Кони отдохнут чуток, и я погоню в Пятигорск.

– Так, – сказал Пётр, – понимаю! Дело серьёзное.

Он расспросил подробности и таким образом немного успокоил кунака. Сказал:

Надо собираться в дорогу. Только давай возьмём коней и повозку Митрича. Плохо, если твои кони не дойдут. Ехать-то нам в ночь. Пока пойди и переоденься, а я всё приготовлю, – Петр знал, что у друга в конюшне было, во что переодеться.

Поиски абрека

Тохтар ушёл, а Пётр Афанасьевич позвал Митрича и приказал найти и привести Ксеню. Передал Митричу дела в ресторации и рассказал о перемене повозок.

Ксении велел бежать в станицу и сообщить своему дяде станичному атаману, что Пётр просит снарядить двух казаков для охраны поездки в Пятигорск этой ночью. Пусть ждут перед станицей.

С Митричем проверили повозку и запрягли коней. Пётр принес оружие и ночной фонарь. Вернулся Тохтар с оружием, и они отправились.

Дорогу до Эссентукской проехали засветло. Кони отдохнули за станицей уже в сумерках. От Эссентукской ехали в темноте. Грязи не было. Гравий, укрывавший дорогу, защищал от этого.

Накатанная дорога была светлее, чем окружение, но плохо различалась, когда тучи закрывали свет луны. Поэтому ехали медленнее, чем хотели. Добрались до Пятигорска за полночь. Город спокойно спал.

На въезде в город были остановлены казачьим патрулем, но старший узнал Петра Афанасьевича и пропустил, не вызывая караульного начальника. Найтаковские бакенбарды были

хорошо различимы даже ночью!

Рано утром вооружённые Пётр Афанасьевич и Тохтар Заурович делали покупки для ресторации на пятигорском базаре. Они обошли все ряды.

Петр прикрывал мешком пистолет в корзине, а Тохтар то и дело брался за рукоять кинжала. На расспросы им сказали, что грузина никто не видел третий день.

Когда они складывали покупки в повозку. Пётр видел, каким раздосадованным был Тохтар. Учитывая расстроенные чувства кунака, сказал:

– Скорее всего, абрека уже и след простыл. Я пойду к коменданту Пятигорска. Возможно, что-то узнаю.

А ты поспеши в ресторацию и приготовься в дорогу. Поторапливайся! В Кисловодске нас ждут с нетерпением. По дороге передам тебе все, что узнаю об этом Хырсызе!

Петр должен был рассказать о ложном торговце директору Строительной комиссии, временно исполнявшему обязанности военного коменданта. Знал, что тот находится в присутствии. Там по распоряжению командующего барона Розена спешно обновляли карту города, чтобы послать на утверждение императору.

По пути к коменданту Пётр Афанасьевич здоровался со знакомыми, идущими навстречу. Иногда останавливался и разговаривал. Это мало задерживало его. Он думал: «На базаре нет лука порея и шалота. Придётся посылать в Каррас к колонидам. У этих немцев найдётся всякая овощ».

Тут его мысль прервал очередной встречный:

– Здравствуйте, любезный Пётр Афанасьевич! Как здоровье? Как сыновья? Супруга?

Услышав короткий ответ от вежливого Петра, продолжил:

– Очень рад за вас!

В свою очередь Пётр задал положенные вопросы и выслушал ответные слова «Благодарю!» «Спасибо. Окончив ритуал, продолжил свой путь.

Убрав дежурную улыбку, Пётр вернулся к прежним размышлениям: «Попробуем сварить овощной соус, предложенный графиней Урловой для форели. По словам повара, он готовил похожий не единожды. Выйдет ли в этот

раз, проверим! А если повар будет занят выше головы, то я и сам приготовлю пробное блюдо. Делать самому всегда полезно. Мой авторитет не будет потерян, а прибавится.»

Пётр понимал, что необходимо улучшать или хотя бы изменять меню, чтобы интерес посетителей не ослабевал. В этот раз он собирался попробовать ввести форель «по-женевски» к блюдам, подаваемым *à la carte*. Его не смущало, что блюдо было из хорошо известной книжки знаменитого Корделли «Новейший и совершенный парижский повар...».

Если правильно приготовить соус, то рыба получится особенно вкусной. Петр был уверен, что его ждет успех. В свежих форелях и овощах не было недостатка. Во время пикника Пётр узнал рецепт от графини с любопытными поправками. Расходы на блюдо были умеренными.

На Большой Средней улице Петра окликнули. Он обернулся, и увидел полковника Петра Петровича, взмахами руки приглашающего к себе в пароконную коляску.

«Легко на помине, – подумал Пётр. – Мне сегодня не повезло с покупками и поисками, зато везёт с начальством! Ну, что ж, поедем, коли мой арендодатель приглашает, хотя до присутствия осталось пройти два шага!»

Когда Пётр сел рядом, полковник воскликнул:

– Пётр Афанасьевич, ты меня опять удивил!

Пётр насторожился: «Почему называет по имени с отчеством! Как-то не по-дружески? Что произошло?»

Полковник Пётр Петрович продолжал:

– Твой пикник сразил княгиню Елизавету и графиню Екатерину. Вернувшись из Кисловодска, графиня во всех гостиных рассказывает о пикнике и восхищается, как романтично расстался с жизнью кавказский Ромео. Все растроганы. Молодец, Пётр!

Пришли-ка мне слова песен, которые вы пели на пикнике. Велю стряпчему переписать красиво. Он у меня редкий каллиграф! Подарю дамам и тебе передам тоже, чтобы на концерте государь мог разобрать, о чем вы поёте.

И полковник рассмеялся. Пётр выслушал своего покровителя, засмеялся в ответ и почтительно ответил:

– Ваше высокоблагородие, сегодня же напишу и пришлю.

Спасибо за столь лестную похвалу!

Сразу продолжил серьезно:

– Только, знаете ли вы, не оставляет меня одно сомнение, которым я обязан с вами поделиться.

– В чём дело? – заинтересовался полковник.

Пётр сказал:

– Рад, что пикник, который мы готовим государю, понравился дамам. Однако, смею напомнить, прошу прощения, что государь не дама, а мужчина. Для него надобно прибавить что-то мужественное. Например, показать настоящую казачью джигитовку.

– Э, Пётр! Ты хватил не туда. Всё испортишь! Будет перебор. Ведь, согласишься, в каждой станице или ауле, где государь задержится, ему покажут конные умения: и выездку, и джигитовку, и рубку, и стрельбу. Зачем нам быть, как все?

Коляска остановилась у дома в Нижнем переулке, который занимала Строительная комиссия. Вошли. В зальце их ждал секретарь комиссии Снесарёв.

За конторкой сидел стряпчий и писал бумаги, а за большим столом чертёжники и инженер-полковник Баумер рисовали карту. Их не стали отвлекать приветствиями.

Пока направлялись в кабинет, секретарь докладывал негромко начальнику. Петр Афанасьевич шёл следом за ними. По пути увидел карту со знакомыми очертаниями города.

В это время Пётр Петрович отдал распоряжения секретарю и, когда тот вышел, обратился к Петру Афанасьевичу.

Полковника не смущали ни внешний вид Петра, ни его мощные бакенбарды. Наоборот, их живописность ему даже нравилась. Он находил оригинальным, что большие греческие бакенбарды отца и сыновей-близнецов были устроены «как под копирку». Наедине посмеивался над тем, что посетители принимают сыновей за Петра.

Как-то однажды решил и сам пошутить. Сказал Алексею:

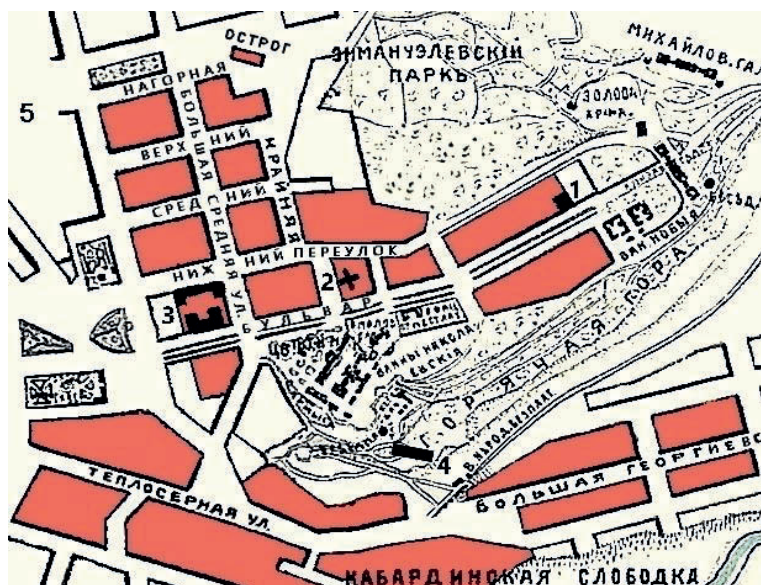
– Пётр, ты сегодня как бы помолодел! Или ты уже не Пётр? Признавайся по секрету, что с тобой произошло? Где целебный источник, воду которого ты пьёшь, чтобы молодеть?

Предполагаемый Петр, а на самом деле Алексей, ответил:

– Ваше высокоблагородие! Ничего не произошло.

Минеральную воду я, как все местные, не пью. Вы же видели, что у себя в доме я её не держу. Нет у нас желаниа, вы уж извините! Да и вы не пьете, как я заметил. Она местным, известно, не помогает. В отличие от полугарной.

Тут они оба рассмеялись. Недавно познакомившись с Петром, полковник быстро оценил редкую старательность и личное дружелюбие ресторатора. Публика, плохо знавшая Петра, видела одну услужливость, помноженную на деловую хватку, – черту, обычную для купечества, – но не видела истинного человеческого характера.

Пятигорск в 30-е годы XIX века
(реконструкция по схеме Г.Г. Москвич, Практический
путеводитель по Кавказу, 1913): 1 – усадьба Найтаки,
2 – церковь, 3 – гостиница, 4 – госпиталь, 5 – базар.

И неудивительно! Пётр, действительно, оделял дружбой исключительно тех людей, к которым был особо расположен. Улыбнувшись, полковник сказал:

– Вижу, тебя интересует карта. После того, как Пятигорск по указу 1830 года стал уездным городом, потребовалась новая карта. Прежняя, составленная Бернардацци, устарела. В новой мы улучшили идею этих архитекторов и запланировали просторные жилые кварталы.

Но командующий Розен посчитал, что обширное пространство будет трудно защищать в случае нападения. Обороняемую площадь сократили и предусмотрели фортификации. Придётся теснить дома и застраивать все свободное пространство, почти как в столице. Будем жить поблизости друг от друга. В тесноте, да не в обиде!

Скоро закончим рисовать копии карты и отправим медицинскому департаменту при Министерстве внутренних дел. Он, как ты знаешь, руководит нами и даёт средства на развитие города и на лечебные заведения.

Департамент представит карту императору на его собственноручную подпись. Дальше Пятигорск будем строить по утверждённой императором карте, а не как попало.

Познакомив Петра Афанасьевича с городским будущим, Пётр Петрович вернулся к прежней теме разговора:

– Пётр, скажи по правде, ты согласен забыть джигитовку?

– Согласен. Вы правы! Забуду!

Петр счёл, что подошел момент сообщить начальнику главное, ради чего пришел:

– Для вас, ваше высочордие, есть важное и срочное сообщение. Дружественные горцы передали, что распознали на пятигорском базаре известного разбойника Хырсыза со спутником. Сказали, что он вроде бы скрывается под видом торговца оружием из Грузии.

Сегодня Тохтар и я искали его, но, извините, не нашли! Думаю, завтра с утра пораньше надобно поискать.

Полковник вздохнул:

– А... Так вот почему ты с пистолетом ходишь!

Мы тоже подозревали, что в городе побывал черкесский лазутчик. Торговец не пришёл в управу на запись и скрылся под шумок, когда случился пожар на окраине города. Так что дальше можешь не искать его. Теперь это моя забота.

Оказывается, что у нас побывал сам Хырсыз. Черкесам не

хватает рассказов армянских и прочих купцов.

Недаром генерал Засс предупреждал о большом набеге осенью. Черкесы давно на город точат зубы. Пусть попробуют съест! Мы готовы. Подавятся! Запомнят надолго.

Своему агенту передай благодарность, пусть и дальше будет бдительным. Ты подготовился в Кисловодске?

Пётр ответил:

– Да! Буду ждать ваш сигнал о приезде императора. Всё сделаю в наилучшем виде! Будьте уверены! Ежели что потребуется ещё, сообщите моему Алексею. Он тут же передаст!

Пётр отправился в гостиницу. Спускаясь по Большой Средней улице, он продолжал размышлять о текущем меню. Его привлекала идея добавить к блюдам антреме¹. Решал, стоит ли заняться этим всерьёз.

Оба сына поддержат его. Он был уверен, что они непременно прибавят что-нибудь интересное от себя. Надобно посоветоваться также с поварами. Согласятся – приготовим пробы. Алёша обязательно придумает для особенных блюд красивое название на французский лад. Так разнообразим меню. Своими мыслями Пётр управлял не хуже, чем делами. С божьей помощью у него всё получалось, как бы, само собой.

Он повернул на Бульвар. Входя в ворота ресторации, решил, что завтра сходит к заутрене и поблагодарит господа за удавшийся пикник и за спасение кунака от смертельной стычки на базаре. Неизвестно, чем бы закончилось столкновение, если бы проклятый черкес не пропал. Буду смиренно молить господу о дальнейшей помощи.

В гостинице Пётр быстро написал слова песен для Петра Петровича и отправил листок с мальчиком. Проверая в повозке продукты, заготовленные для Кисловодска, сообщил кунаку вкратце, что сказал комендант о черкесском лазутчике, и передал награду от лица императора. Прибавил утешительное «сколько веревочке не виться, а конец непременно будет».

В конце дня Пётр и Тохтар вернулись под охраной казачьего конвоя в Кисловодск.

¹ от *entre mets* – между блюд (фр.); лёгкий десерт – тирог, каша, овощное, сыр или даже сладкое – между любимыми основными блюдами.

ЧАСТЬ IV. Отражение набега

Дальняя разведка

Осенним утром 1252 года *хиджры*¹ (1836 года от рождества Христова) в дремучем лесу на черноморском побережье Западного Кавказа двигался небольшой отряд черкесских всадников.

Кони изредка всхрапывали. Подковы ударяли о камни. Звякал металл, когда сталкивались оружие и сбруя.

Огромные буки накрывали высоким зелёным пологом дорогу, проложенную между замшелыми глыбами камня и упавшими стволами деревьев. Обвитые лианами светло-серые стволы выступали из полумрака подобно украшенной колоннаде старой мечети.

Лучи солнца падали через ветви, как через просветы в куполе, а мхи и лишайники на каменных глыбах вспыхивали разными оттенками зеленого цвета. Негромко шумела листва под дуновением морского бриза, освежающего лица всадников. Берег моря был неподалеку.

Впереди ехали двое: *пцы* и *орк*². Позади них двигалась, чуть отстав, группа *нукеров*³.

На спокойном обветренном лице *пцы* выделялась длинная клинообразная седая борода. Пронзительные светло-серые глаза выглядывали из глубоких морщин. Голову венчала белая чалма из турецкой шали на мохнатой шапке.

Статный *орк* ехал слева от старца. Он был под большой мохнатой папахой. Его загорелое гордое лицо красили каштановая борода и длинные усы. Карие глаза смотрели на мир со смешанным выражением искренности и хитрости, скрывааемых скромным видом.

Темную добротную одежду всадников украшал полинялый серебряный галун. Это был общепринятый стиль благородных

¹ от переселения Пророка в Медину (араб.)

² *пцы* – князь; *орк* – дворянин (адыг.)

³ *нукер* – телохранитель, слуга, товарищ, дружинник (тат.)

черкесских джигитов.

По торжественным случаям, будто перед боем, знатные джигиты не надевали лучшие одежды. Но от толпы их отличало другое. На оружии сверкала богатая инкрустация, искусная резьба и драгоценные камни. Золотые цепочки, протянутые к газырям, и отличные кони с дорогими подседельными попонами подтверждали высокий статус всадников.

Пцы и *орк* ехали уже несколько часов и коротали время в неспешной и доверительной беседе. Темой была, конечно, война с русскими.

Не то, чтобы беседующие хотели найти способ, как устранить причину войны. Они понимали бессмысленность этого намерения. И не то, чтобы они хотели открыть древнюю тайну войн между людьми. Ничего такого! Просто тема войны была для них не проходящей болью, а философический разговор ослаблял душевные страдания.

Разбирая причины войны, благородные джигиты сравнивали невоенные обычаи урысов и адыгов потому, что гордились своими самобытными привычками, а военных успехов почти не имели, несмотря на отчаянную храбрость и безусловную народную поддержку.

Их радовали братские отношения между адыгами, которые не зависели от положения и богатства, глубокое уважение к старикам, взаимопомощь, переходящую в щедрое гостеприимство, скрытность брачной жизни, а также привлечение лучших семей к воспитанию детей.

Семьи, даже беднейших адыгов, нельзя было разрушать, и надо было помогать с калымом, если женятся. В долг, конечно, ради поддержания закона и порядка.

Они отметили особо, что адыгов, даже подневольных, нельзя было продавать без их согласия, как делают проклятые *моски*¹ со своими крепостными. Урысы лгут всему свету, что у них нет рабства, а нас презирают за то, что мы держим невольников!

Старый адыг сказал:

¹ *обиходное название русских, видимо, от «Московского княжества»*

– В чём отличие обычаев я покажу на примере. Старик и молодой стоят перед речкой. Урыс видит, что речка опасная. Долго раздумывает и оглядывает кругом, ищет, нет ли поблизости брода.

Переправа (Ф.А. Рубо, 1889 г.)

Почешет затылок, потом махнет рукой и проговорит «была-не была». Наконец, вздохнув, берёт повод и переводит лошадей со стариком на другой берег.

Воспитанный адыг поступает иначе. Спешивается, почтительно спрашивает разрешение у старика и, чтобы того не замочили брызги воды, поднимает на плечи и переносит. Уважать старость для него почётно! Потом уверенно переводит лошадей.

Добавлю, что нарты сделали бы лучше. Они перенесли бы на своих плечах старика с лошадьё. И не потому, что были могучими силачами. Они считали это за честь.

Наши обычаи доведены до совершенства народным опытом. Лучше, полагаю, некуда! Они древние. Адыги помнят свои обычаи с детства. И передают своим детям через воспитание в лучших семьях, которым доверяют своих мальчиков.

Искренне и на собственном многолетнем опыте говорю, что *аталык* – глава воспитывающей семьи – это больше, чем личный учитель и воспитатель. Он закладывает невероятно доверительный союз между семьями, даже удаленными. Так объединяется весь народ. В единстве – наша сила!

Возьми также наш *гьузгудэгъазэ*¹! Народ мудро сохранил его. У русских обычаями занимаются назначенные чиновники. Понаписали законов, но народ плохо их знает. Чувствуешь разницу? Также судьи назначают наказание по-разному. Наши по *алконуну*² или, по-турецки сказать, следуя *шариату*, то есть по божьим заповедям. А враги наши по законам, придуманным людьми. Результат очевиден и не может быть иным. Из-за ошибок в придуманных законах творится зло: осуждаются невинные и прощаются виновные. Лишь божьи законы безошибочны и насаждают добро!

Старик замолк. Его собеседник выждал почтительную паузу и, не дождавшись других мудрых слов старца, спросил:

– Не правда ли, что народы при всех различиях,

¹ *разворот в пути (адыг.): 1) адыг, встретив путника, не знающего пути в аул, сопровождает его с левой стороны из уважения, пока тот не достигнет аула или пока не отпустит; путник благодарит; 2) встретив князя или старшину, сопровождает его всюду, куда бы тот и свита не ехали, пока не отпустят.*

² *[правильный] путь, образ действий; закон (араб.)*

волей-неволей, уживаются друг с другом и редко воют?

Старый адыг согласился, но добавил печально:

– Думаю, что военные обычаи и сноровка придают видимый смысл злым свойствам людей. Но, по своей сути, война – это божье наказание за первородный грех. Отняв бессмертие, боги позволили людям убивать друг друга. И это будет продолжаться до Судного дня, когда все мы получим по заслугам нашим, и побеждённые, и победители.

Из почтения к старику орк промолчал. Негромкий лесной шум перебивали лишь удары копыт и позвякивание оружия.

Пщы засмеялся по-доброму, взглянул внимательно на спутника и проговорил:

– Кажется, ты хитришь, как греческий Улисс? Следуешь примете «не стричься и не бриться перед сражением».

Орк ответил:

– Я решил, что позову цирюльника перед походом и сделаю это ради уверенности товарищей, а не из-за предрассудков или волнения женщин. Для друзей требуется привычный вид.

С вашего разрешения добавлю об одежде. Некоторые занавивают платье до дыр, чтобы целое не досталось врагу. Я же просто не хочу срамиться, когда Азраил взмахнёт сверкающими крылами и примет мою смятенную душу.

Уверен, что нукеры подберут мое брэнное тело и отвезут на родину, чтобы ангелы смерти помогли судить меня по небесному *алконуну* как доброго и верующего мусульманина!

Потом, помолчав, признался:

– Однако, ты угадал. Хитрость есть. Старшины, которые нас ждут, меня прежнего не видели. Пусть и дальше не знают моего настоящего облика. Урысы требуют моей выдачи. Пусть ищут человека с рыжей бородицей! После похода спросить будет не с кого, даже для подлой мести.

Старик согласился:

– Ты прав! Таинственность твоя растёт. Утверждают ещё, что твою кольчугу заколдовали духи гор, и она непробиваема.

Бородатый адыг усмехнулся:

– Ах, если бы такое было возможно! Невежи в кузнечном деле не знают, что такое панцирная кольчуга. Но пистолетная пуля её, точно, не пробивает. Проверено на телёнке.

Старик вздохнул:

– Невежи пугают ложь с правдой. Для нашего дела это бывает полезно.

Недавно распространился слух, что генерал Засс ненавидит тебя за то, что ты украл его дочь и полгода учил адыгейскому языку, обычаям и вышивке золотой нитью. А выгучив, вернул отца в целости, чтобы напомнить о благородстве.

Когда ты её вернул, тебя не убили, потому что дочь пригрозила покончить с собой. Все тобой восхищаются! Веселятся и говорят, что благодаря твоим особым стараниям и умениям дочь стала для отца толмачом.

Оба рассмеялись. Старик заключил:

– Весёлую историю придумали! Люди утверждают, что именно поэтому генерал-шайтан обзывает тебя разбойником, мечтает отомстить и обещает щедро заплатить предателям.

Почтительный слушатель заметил:

– Некоторые старшины ищут выгоду для себя и мечтают помириться с русскими. На хасэ хотели совсем отказаться от малых набегов. Мы им не позволим чернить всех, кто стоит за народную войну. За нами вера народа. Ложь не спасёт трусов!

Старик *пцы* спросил, чтобы переменить тему:

– Али, расскажи, как ты в разведке продержался столько времени и близко подобрался к дальним урысам. Ведь разведчик должен знать, что разведываешь долго – скоро попадёшься. Не прекратишь разведывать во-время – попадёшься непременно!

Али согласился:

– Ты прав, мудрый мой дядя Керендук! Я нарушил правила и нас двоих едва не схватили.

Спасало то, что мы появились в новых местах неожиданно и ненадолго. И скрывались в горах у кунака, пока выздоравливал мой помощник. Я взял с собой в поездку Аслана Семеза. Ты его знаешь. Он хорошего черкесского рода.

Особых хитростей мы не применяли. Так распорядилась судьба. По воле Всевышнего она благоприятствовала нам.

Али гордо улыбнулся:

– Скажу ещё, что я, как всегда, не думал ни минуты, что враги глупее, чем они есть на самом деле! Помнил, что почетно

иметь врагом умного человека.

А ещё я помнил, как ты советовал мне изображать мастеровитого оружейника, торгующего своими поделками. Спасибо за торговое свидетельство ремесленника, купленное в Тифлисе! Оно помогло.

Также мне помог покойный *аталык* Хуцэ. Если бы не он, я бы не смог сойти у врагов за ремесленника и торговца. Даже бог *Тлеши*¹ не спас бы!

Хуцэ, как тебе известно, отлично разбирался в оружии. Чинил не хуже настоящего кузнеца! Он обучил меня этому. У *аталыка* были знакомые мастера. У одного из друзей абхазов я купил оружие, а у другого поделки из самшита.

Поэтому в разведке меня принимали за настоящего оружейника. Даже советовались о выборе оружия и починке.

Да и помощник у меня удачно подходил для нашего дела. Он имел обманчивый вид увальня и неряхи грузина, однако я убедился, что он крепкий и сильный парень, находчивый и быстрый джигит. А как воин особенно ловок в мгновенных стычках.

Впрочем, тебе известно, что у него есть недостатки – не любит думать о последствиях своих поступков, и любит играть на *шычепцыне*². Удивительно, сколько песен знает. Да, ты его слышал не раз!

Али засмеялся, а дядя заметил:

– Ему все благодарны. Люди говорят, что он придумывает благозвучные речитативы к *уджам*³.

Прекрасные слова мы поём в *Шибле эдж*:

– *Элле, Элле, мы все разом тебе пляшем,*

*Элле, Элле, дерево Тхашага обтанцовываем.*⁴

Али сказал, вздохнув:

– Да, пришлось в разведке и танцевать, и таиться!

¹ бог покровитель оружейных мастеров (адыг.)

² *шыкIэпцын* - адыгская двухструнная скрипка (адыг.)

³ *удж* – хоровод пар; *Шибле эдж* - ритуальный танец, посвящённый богу грома, молнии и дождя *Шибле* (адыг.).

⁴ *Кадыр Натхо, Черкесская история, с.55.*

Дядя Керендук улыбнулся и спросил:

– Верно, ты хорошо исполнял роль опытного *сатыушч*¹?

Али ответил:

– Следуя твоим верным советам, пришлось потрудиться!

Расскажу по порядку.

Начали мы с Кисловодска. Действительно, кое-что продали. Я заметил, что на Водах стало совсем не так, как прежде, когда мы помогали несчастным пятигорским черкесам, которые восстали против предателей биев.

Тогда в аулах вокруг Бештау были убийства, голод, грязь, беспорядок. Неизвестно за какой грех в тех краях началась *эмина*², и мы уехали. Да! Ты там тоже был!

Какая ужасная эта болезнь *эмина*, божье наказание! Человек харкает кровью и на третий день умирает. Болезнь не выбирает никого, а косит всех подряд.

Умирала семьями. И дети, и старики, слабые и сильные. Одно было спасение – бежать.

А эти проклятые шайтаны урысы нарочно поставили воинские кордонны и не выпускали никого. Ты знаешь, что они, исчадья ада, хотели и хотят. Они добиваются, чтобы наши люди умерли поскорее и освободили земли для них.

Умерших страдальцев хоронили не по-людски, а сваливали в общие ямы. Ничего, мы припомним все злодеяния и будем мстить, – повысил он голос. Извини, дядя, я не сдержался!

Сейчас иное. Куда ни поедешь, всюду видно, как всё украсилось в ожидании царя. Беды забыли, будто прежней разрухи никогда не было!

Мы с Асланом заехали в несколько станиц. Торговали неудачно. Народ там, как, впрочем, и у нас, доверяет лишь тем чужакам, кто имеет известного поручителя.

В случайной стычке Аслан был ранен. Да я тебе рассказывал, каким молодцом он себя проявил и как нас задержало его ранение. Повторять не стану.

А вот в пятигорской оплошке я тебе тогда не признался, хотя должен был. Но не хотелось при людях откровенничать.

¹ *сатыуш* – купец (адыг.)

² *мор, чума, холера* (карач.-балкар.)

Сейчас, когда мы одни, расскажу откровенно. Будешь знать всё!

Рану Аслана мы с божьей помощью подлечили. В Пятигорске в первый день нашей удачной торговли полицейский, обходивший продавцов, взял с нас базарную плату, отметил наше свидетельство и приказал зайти к полицмейстеру, чтобы нас там записали.

Заметь, не к приставу, а сразу к полицмейстеру! Это было подозрительно. Торговавший оружием на базаре русский сказал, что нам надобно будет получить особое разрешение на продажу. У нас, мол, слишком много оружия. Мои подозрения усилились.

Урыс предложил купить всю нашу партию товара. Но я сделал вид, что не решаюсь продавать, и мы хорошо поторговались. Довольный урыс купил наши выюки вместе с лошадьми и даже заплатил за палки. Это было кстати, так как разведывать дальше я не собирался.

На другой день мы решили не испытывать судьбу и не торопиться с посещением полицмейстера, а отправились на край города к дому, где жили.

Накануне мы сняли для жилья сарай у сапожника, починявшего обувь на базаре. Оказалось, что это был сарай для скота, а по-русски хлев. Жена уехала к родственникам. Одинокий он опасался пускать нас в дом. Но мы ему заплатили вперед, и он решился. Но в дом все равно не пустил.

Когда мы вернулись с базара и стали собираться в дорогу, пришёл пьяный сапожник и стал ругаться, почему мы не сходили в управу.

Почему уезжаем, не записавшись? Надзиратель на базаре грозился оштрафовать его и даже посадить в холодную за то, что пускает в дом негодных людей.

Десятский теперь озлится на него, дурака, из жалости взявшего к себе на постой неверных.

Этот невежа-сапожник не извинился, что поселил гостей в хлев, а бесстыдно поносил нас по-всякому. Невозможно передать его пьяные слова!

Долго молчавший горячий Аслан не стерпел оскорблений и стукнул его по башке.

Ударил крепко, и тот упал замертво. Что было делать?

Мы снесли тело в хлев и забрали деньги, которые заплатили. Оседлали коней и поспешили со двора.

Но двинулись не через улицу, где наш отъезд могли бы увидеть, а прямо по полю позади двора. Переправились через неглубокую речку Подкумок и, наконец, оглянулись.

Признаюсь, когда мы уезжали, я поджёг соломенную крышу сарая, чтобы уничтожить следы. Когда мы оглянулись, то увидели, что вслед за сараем загорелся дом, ветер-то был сильный.

Дело шло к ночи. Быстро темнело. Загорались другие дома. Ветер вздымал и уносил снопы искр. Урысам стало не до нас, и никто за нами не гнался.

Миля через две мы с радостью увидели, что Пятигорск горел, будто захваченный урысами адыгейский аул. Подножие горы и округу освещали впечатляющие отблески мстительного пламени.

О возвращении я не буду рассказывать. Это неинтересно!

Во время переправы через Лабу нас увидели казаки и обстреляли. Меня ранило, и конь мой прекрасный Алас погиб.

Спас он меня, как спас нарта Уразмака его конь, тёзка моего. Но увы, моему Аласу не было суждено обмануть стража страны мёртвых.

Не будет мне прощения за то, что я подрезал ему хвост и гриву, чтобы он походил на русского коня. Теперь в *джаннате*¹ он бродит смешной для других коней! Он меня любил и не заслуживает такого отношения на том свете. При этих словах голос Али задрожал. Глубоко вздохнув, он замолчал.

Чтобы отвлечь племянника от грустного воспоминания, дядя поторопился сказать:

– Мы почти приехали.

И добавил ободряюще.

– Хватит тебе водить разведки. В этот раз поведёшь настоящий боевой отряд. Тысяча джигитов — не то, что десяток или сотня! Если наш поход удастся, то ты, несомненно, убедишь *хасэ* доверить тебе крупные силы.

Глядишь, сбудутся твои мечты, и ты сможешь превратить

¹ рай (араб.)

эти силы в настоящую армию, подчиненную твоему полководческому гению. В этом деле всегда рассчитывай на меня, как прежде на *аталыка* Хуцэ.

Совещание черкесов

Всадники преодолели подъём на высокое плато возле впадения реки Шахе в Чёрное море. Наверху была конечная цель их долгой поездки через заросшие лесами сравнительно невысокие горы Западного Кавказа.

Перед ними раскинулся *Таганк*. Так называли обширный луг с редкими дубами, которые сам адыгейский бог *Шибле* отметил ударами молний. Это было священное место для народных собраний, а также для празднеств, церемоний и молений племени убыхов. По старинному обычаю заповедная роща убыхов *Таганк* была также признанным местом для военных совещаний.

Сегодня собравшиеся вожди ждали хаджи Керендука Догомукова старшину из знатного рода Берсеков и его названного племянника Али, получившего в народе прозвище Хырсыз, то есть Разбойник. Чтобы скрасить время ожидания, один из старшин играл на *апешине*¹ незатейливую мелодию и напевал однообразный речитатив.

Едва хаджи и племянник появились, все встали и ждали, что скажет старший. Старый хаджи Керендук опоздал, как обычно. Он делал это намеренно, чтобы люди не забыли его высокое положение. Из почтения к старости высокомерие ему прощали. Хаджи поздоровался, произнеся короткое: «*Умафа шу!*²».

Извинился за опоздание и, разрешая сесть, уверенно сказал слово, похожее на «*шукатысьх*³» с ударением в конце. Замечено всеми, что выговорить слово «садитесь», как надо, могут лишь природные адыги!

Прибывших встретили с удовольствием князя и старшины

¹ *Апэшыне* – адыгская балалайка

² *Умафэ шу!* – Моё почтение! Добрый день! Здравствуй! (адыг.)

³ *Шъукъэтысьх!* – Садитесь! (адыг.)

соседних племён бисленеев, шапсугов, садзей и абадзехов¹. Они давно задумали это сделать. Хватило времени закончить полевые работы, убрать урожай и собрать подати. А теперь пришло естественное время для набегов. Воинственные черкесские вожди, усевшиеся на *Таганке* под священным деревом, были в прекрасном настроении.

Совещание в священной роще вблизи аула Соче
(Дж.С. Белл, 1840 г.)

Встретившиеся неспешно обменялись новостями и передали приветы и сообщения от знакомых. Когда закончили разговоры, подошло время намаза. Все без возражений

¹ У адыгов было много племён. Нередко упоминают 12 племён по числу звездочек на зелёном знамени адыгов, подаренном англичанами: абадзехи, бесленеевцы, бжедуги, егеруковцы, темиргоевцы, мамхеги, махашевцы, натухайцы, жанеевцы, кабардинцы, шапсуги и хатукаевцы. Современники находили намного больше племён, например, называли маленькое племя садзей в районе Сочи и большое племя убыхов, жившее севернее современного Сочи (последний носитель языка убыхов умер в 60-х годах 20 века).

согласились продолжить встречу после молитвы.

Мулла в белой чалме и белых одеждах, исполнив вместе со всеми *зухр*¹, приступил к краткой проповеди:

– В семьдесят второй суре Корана сказано, едва Мухаммед, *Салла-л-Лаху алейхи ва салам*², начал молиться, демоны окружили его и слушали.

Таким же способом демоны кружили вокруг Посланника Аллаха, *алейхи салам*, во время откровений. С тех пор существуют джины мусульмане. Есть они также среди иудеев и христиан. Джины, подобно неверным, нападают на правоверных, хотят подчинить себе наши души и, хуже того, всеми способами мешают нам исполнить дела, угодные Аллаху.

Познайте святыя слова, которыми пророк Мухаммед, *алейхи ва салам*, сказал женщине, обратившейся к нему с жалобами на бесчинства джиннов:

«Если ты будешь терпелива в борьбе своей, то предстанешь в Судный День пред Аллахом безгрешной и не будет тебе наказания».

Это значит, что для нас, истинно верующих в Спасителя, также откроется рай за борьбу против джинов. Каждому найдется путь по велению Прощающего! Кто терпеливо борется с наваждениями демонов, тот испытает райское блаженство.

И мулла восхвалил Всевышнего. Все произнесли: «Аминь!»

После молебна расселись под деревом один против другого. Образовался привычный *хасэ*, похожий на застолье без стола. По факту, столом была святая земля *Тагапка*.

Когда устроились, хаджи Керендук спросил, не будет ли кто против, если он возьмёт на себя обязанности *тамада*.

Хасэ оживилось. Они знали, что у черкесов *тамада* был просто свёкор, у кабардинцев – глава застолья, только у них, адыгов, всё правильно – тамада станет мудрым жрецом.

Дождавшись спокойствия, хаджи Керендук сказал:

– Братья! Разговор нам предстоит серьезный. Будем

¹ *полдневная молитва (араб.)*

² *Да благословит его Аллах и приветствует (араб.)*

говорить на *такобза*¹, чтобы утаить сказанное от непосвящённых. Вы не зря приехали издалека, оставив дела и заботы. Здесь мы встретились под сенью этого святого дерева, отмеченного крестом с крючьями для мяса жертвенных животных! *Псатха*² дерева поможет нам во всем.

Мнение каждого присутствующего будет услышано. Если должное решение будет принято, одобренные составят наказ *раису*³, передадут ему джигитов и, когда придёт время, присоединятся сами по желанию.

Большому общенародному *хасэ*, собиравшемуся весной, мы обещали устроить поход и отомстить генералу-демону Зассу.

Храбрый князь бесленеев Айтек Каноков, которого мы рады видеть среди нас, рассказал тогда, как в прошлом году проклятый Засс перешел Кубань, разорил и сжёг аулы, убил стариков, женщин и детей, уничтожил урожай и угнал скот. Души погибших взывают к мщению!

Все выхватили кинжалы и стали кричать «Кровь за кровь!» и другие негодующие слова. Некоторые вскочили.

Хаджи Керендук махнул рукой, успокаивая собравшихся, и продолжил:

– В этом году Засс на отнятой земле строит крепости и прокладывает просеки и дороги. Захватывает джигитов, чтобы менять на пленных урысов. Этот демон бесчинствует с востока. С запада генерал Вельяминов в мае опять выводил своё войско и отбирал земли у натухайцев и шапсугов. Призовём богов и уничтожим демонов, которые кружат вокруг нас!

Хаджи замолк. В печальной тишине князь бесленеев Айтек Каноков негромко проговорил:

– Доля наша горькая и нетрудно будет предположить, что этой осенью демоны опять нападут с востока и запада, чтобы устроить нам голод и разруху.

Раздался общий крик: «Уничтожим Шайтана царя и его

¹ тайный язык, на котором могло говорить дворянское и княжеское сословия; остальным черкесам знать его запрещалось

² бог души; *псэ* – душа и *тхъа* – бог (адыг.).

³ *раис* – глава (араб.), военный начальник (турец.).

демонов! Прикуём их ко льдам Эльбруса!»

Хаджи Керендук снова успокоил всех и продолжил речь:

– Братья! На весеннем собрании *раисом* избрали моего племянника Али, прославленного джигита.

Вы слышали, что он получил ранение, когда разведывал москов за линией и выбирал место и время нападения. Всевышний оказал ему милость! Он излечился и может сам рассказать обо всем, что дала разведка. После скажет, как исполнить волю *хасэ*.

Слава его велика! Урысы пугают детей его именем. Скоро их самих и проклятого царя мы испугаем насмерть! Слушайте, что скажет раис Али, прославленный адыгэбатыр!

Али начал среди общего внимания:

– *Уимафэ шу!* Уважаемые братья, благодарю за доверие! Сначала расскажу, что я узнал. В рассказе добавлю также сведения, разведанные другими храбрыми людьми. Спасибо им! Они благосклонно поделились знаниями со мной.

Этой осенью урысы ждут императора. Однако, когда он придет, точно не известно. Говорят, что это случится до осенней распутицы. Он поедет с большим воинским конвоем по дороге между Владикавказом и Ставрополем.

Урысы подтянули туда войско. Кордоны ослаблены, но усилена разведка. Они боятся нападения. Помнят силу, которую мы показали в год императорской коронации.

Заставим их снова почувствовать, что истинные хозяева Кавказа – это адыгэхэр!

Все дружно поддержали:

– Пусть шайтан страшится храбрых адыгов! Аллах акбар!

Переждав крики, Али продолжил:

– Для похода всё складывается удачно. За дырявой охранной линией урысы достаточно беспечны. Об этом, братья, я говорил вам раньше и теперь убедился снова. Плохо и редко проверяют даже торговцев на базаре! Народ, ничего не опасаясь, отовсюду съезжается, чтобы увидеть императора. Значит, собирается богатая добыча и много пленных для наших джигитов. Хватит на всех!

Все одобрительно зашумели.

– Со всем уважением напомним присутствующим, –

продолжил Али, – что вы доверили мне выбрать время и место нападения. Всё подготовлено и продумано. Я рассчитываю незаметно пробраться через кордон, что устроен урысами вдоль реки Лаба. Там есть хорошие лесистые места.

Проверены переправы через Уруп и Кубань. К тому же в канун зимы эти реки, как вы знаете, сильно мелеют и во многих местах позволяют без труда переправиться вброд всаднику.

Для быстроты пойдём одвуконь и налегке. Напоминаю, что скорый поход будет дальний, поэтому прошу всех участников обратить особое внимание на подготовку коней.

Об этом мы договорились заранее, и я понимаю, что мог бы не напоминать, поскольку вы все, благослови вас боже, люди надёжные и ответственные!

Все одобрительно закивали.

– После совещания сообщу каждому, кто присоединится, где и когда мы соберемся.

Совершив нападение, вернёмся другим путём, чтобы сбить с толку преследователей. Пленных привезем на заводных лошадях, – закончил Али.

– Мы внимали! Аллах нам поможет! – сказали все.

Старшина шапсугов – самого многочисленного племени – Ислам Тхаушев нарушил правила и, опережая стариков, поспешил сказать:

– Наши джигиты – лучшие конники на свете и твой план они, без сомнения, выполнят. Но в этом плане забыто главное. Ты, брат, не сказал, когда и куда ударит отряд. Не зная цели, я не могу рисковать джигитами.

Скажи, племянник, тебя учили, что ум хорошо, а два лучше? Ты должен сообщить мне, хотя бы на ухо, то, о чём спрашиваю. Влиятельный Али-бей, пославший меня, желает того же.

Ответ орка Али был прост и обдуман заранее:

– Помнишь, мы договорились о тайне? Если я скажу одному, а не всем, то найдутся обиженные, и мне придётся сказать каждому. Поверьте, я вас всех уважаю! И также уважаю нашу общую тайну!

Сказанное слово – что пуля, выпущенная из ружья¹. Куда улетит наша тайна? Никто не знает!

Вот ты говоришь о почтенном Али-бее. Ему ты обязательно расскажешь. Теперь посчитай сам. Будут знать трое. Люди верно говорят: «Тайна, известная троим, – уже не тайна»².

Кому ещё? Любопытных много и слухи разлетаются быстро. Вы все знаете, что урысские разведчики не дремлют. Что будет, когда они узнают о нашем плане?

Ислам Тхаушев сказал с обидой:

– Подобно присутствующим, я не робкий *пцытл*³, но ответственный человек и свой страх оставил с Аллахом.

Своё мнение поддержу твердой рукой! Первое – он поднял правую руку и покачал указательным пальцем – на *хасэ* не заставляли идти в большой поход и лишь советовали избегать мелких набегов. Второе – он подвигал в воздухе всеми пальцами руки – забыто братство адыгов.

И теперь главное, – я кладу руку на рукоять кинжала – мой кинжал сообщает мне, что опытный воин, вроде тебя, Али Хырсыза, не должен нарушать *орк Хабзэ*⁴!

Как свободный человек, я говорю тебе, что после таких нарушений идти в поход нельзя! Свой кинжал дважды не вынимаю, свое слово дважды не произношу.⁵

Все схватились за рукояти кинжалов, но старшина абадзехов Гасан Бидхев поспешил сказать:

– Братья, успокойтесь! Нельзя отказываться от договорённостей. Слава адыгов вырастает из согласия и доверия. В единстве наша сила, в раздоре слабость!

Мы верим Али Хырсызу и братьям убыхам. Боги благоприятствуют их начинаниям. Предприятие опасное.

¹ *Жэм къыдэкIыгъэ псалъэрэ ихончым кыкIыгъэ цэрэ. (адыг. послов.)*

² *Нэбгырищы ашIэрэр шгъэфэн. (адыг. послов.)*

³ *пцылIы – невольник, раб (адыг.)*

⁴ *Хабзэ – неписанные традиционные законы взаимных отношений, поведения и мировоззрения, строгие в адыгском обществе; уоркъ Хабзэ – кодекс чести адыгейского дворянства*

⁵ *Сикъамэ тIо кысхырэн, сигущылэ тIо слорэн. (адыг. послов.)*

Император будет рядом. Если моски узнают о наших намерениях, они устроят нам такую встречу, что ни один джигит не вернётся!

Дальше все говорили по порядку. Хаджи, видя это позволил всем высказаться. Шапсут Ислам остался в одиночестве, остальные поддержали секрет Али. За секретность громче всех ратовал князь разорённых бесленеев.

Тамада хаджи Керендук поднял руку, призывая к вниманию. Все сразу замолчали.

Чтобы предотвратить дальнейшую ссору, он сказал:

– Окончательно определились участники похода. Это хорошо! Благодарю всех, кто поддержал наше решение!

Возражавших благодарю за участие в совещании. Надеюсь, что вы передумаете и присоединитесь позднее. Время ещё есть, и все будут вам рады».

Пока шло совещание, один из нукеров, что постарше, взял на себя роль помощника жреца и тамада Керендук посвятил богам привезённых молодых барашков. Нукеры быстро разделали животных для торжественной трапезы, головы повесили на крючья креста и украсили цветами. В роще не допускалась никакая работа. Поэтому мясо жарили вне *Тагапка*. И давно уже сварили котёл пшённой *пасты*.

Исполняя положенные действия жреца, хаджи Керендук опрыскал жертвенные головы питьём и положил немного еды на землю, смоченную кровью. Прошептал мольбы к богам *Тагапка* и сказал собравшимся:

– Уверен, что нас ждёт успех с храбрым и удачливым Али защитником веры, чести и народа.

Перед священными жертвами скажем вслух слова клятвы, которые адыги возносят богам, вступая в битву:

– Всемогущий *Тха*¹ и все *псатхи Тагапка*, услышьте нас!

Сидящий хор с воодушевлением произнёс речитатив:

– Враги отняли наших жен и детей, сожгли аулы, уничтожили отары и стада, разорили наш *Аттехей*. Отомстим врагам! Кровь за кровь! Смерть за смерть! *Мардж*²! *Мардж*!

¹ *тхьэ* – бог (адыг.), *Тхьэ* – создатель всего, чей дух рассеян повсюду

² *Мардж*! – *Вперёд!* (адыг.)

С воодушевлением спели мольбу к верховному богу:

*Тха! Царствующий свыше,
Защити нас в борьбе.
Закатывающееся солнце расплеснет
Над морем свою кровавую красноту;
Прежде чем его луч взлетит,
Он блеснет на врага, убийственный.
Отомсти, отомсти за наши смерти!
Настал час кары!*

*Тха поддерживает нас!*¹

Нукеры подали жертвенные кукурузные лепешки *жъамэ*. Затем принесли на низких деревянных столиках с короткими ножками густую *пасту*, окруженную кусками жареного мяса, и расставили посередине.

Компания неспешно и с удовольствием поела, облизывая пальцы. Выпила приятный напиток *цхьу*, известный татарам, как *йогурт*. Одни его присаливали, другие перчили, третьи добавляли мёд – кому что нравилось.

Во время трапезы спрашивали Али, что он видел в разведке. Обсуждали сказанное. Сравнивали с тем, что было прежде. Али узнал много полезного для себя. В сторонке нукеры заканчивали обедать.

Старшины стали прощаться. Одни сказали *Шэча тызаочух*² другие произнесли кратко *Хъярча*³

Вставая, Али охнул и пошёл, прихрамывая. Прощаясь, обнимал каждого и шептал на ухо время и место общего сбора отрядов.

Дядя, увидев, что он прихрамывает, спросил:

– Что, рана беспокоит?

Али не выносил жалости к себе и сказал:

– Нет, просто отсидел раненную ногу.

Дядя сказал:

– Видишь, я прав. Ты, кажется, поспешил с походом. Давай-ка, предложим вместо тебя другого *раиса*. Предполагаю,

¹ *Кадыр Натхо, с.189*

² *Шшукгэ тызэюкгэх!* – До свиданья! (адыг.)

³ *Хъяркгэ!* – Пока! (адыг.)

наши старшины согласятся с этим?

Волнуясь, Али перебил:

– А кто защитит народ и отомстит захватчикам? Демонов становится всё больше на земле и на море. Надо спешить. Но не все жалуют закон победы – если обдумал и решил, то не медли и действуй быстро. Хватит совещаться! Промедление смерти подобно!

Дядя спокойно сказал:

– Али, не горячись! Пора тебе было бы привыкнуть, что у нас нет единства. Приходится преодолевать разногласия, подобные сегодняшнему. Поясню только для тебя, что произошло. Я узнал, что доверенные люди шапсугов ведут переговоры с урысами. Надеются, что приедет император и пощадит их, то есть, оставит жить на прежних местах и сохранит законы предков.

Поэтому старшина Ислам не идёт за тобой. Они не понимают, что цель императора неизменна – усмирить навсегда горские народы или истребить непокорных. Будем верить, что шапсуги ещё одумаются и вернуться.

И скажу ещё. Обратил ли ты внимание, что садзы на совещании промолчали? Думаю, они откажутся в последний момент.

Племя небольшое и у них едва затих конфликт из-за пастбищ с убыхами, живущими в ауле Сочи. Они побоятся отпустить своих джигитов.

Али кивнул:

– Ты прав! Наше несчастье в том, что у нас нет единства. Ссоримся и тычем растопыренными пальцами во врага вместо того, чтобы бить всей рукой. Он резко махнул рукой, будто в ней был кинжал.

Помолчал, наблюдая, как нукеры на краю рощи возьмётся с пушкой. Решительно произнёс:

– Я давно говорю, что нужна настоящая армия! Собрал же войско в Чечне имам Шамиль. Так говорили урысы на базаре.

Дядя вздохнул:

– У нас такое не сделать. Князья опасаются выбрать

*сераскира*¹ и потерять власть навсегда. Никакой вождь не объединит *Аттехей*.

Все разругаются, потому что согласие с мнением соперника принимают за слабость. Хорошо ещё, если не изрубят друг друга.

Видел, что случилось на совещании? И грустно заключил:

– Наша жалкая судьба определена богами!

Али лихо сдвинул папаху на затылок и сказал:

– Ты слышал, что Посланник Аллаха, *алейхи ва салам*, советовал в Коране не прекращать борьбу с джинами, чтобы попасть в эдем?

Продадим пленных – добудем деньги на пушки. Ты же сам говорил, что англичане обещали прислать корабль с пушками и порохом. Вот тогда и побеседуем с царём урысов как надо!

И показал на нукеров, занимавшихся возле *Тагапка* пушкой:

– Видишь, наши люди становятся артиллеристами. Научим их, и они будут делать все, как в армии! Тогда победим!

Посмотрел еще немного, вздохнул и сказал:

– Зови джигитов, пусть седлают. И поедем.

На выезде из роцци их ждали знакомые турецкие купцы Эмин-Аге-Язычи Дигсабах-оглу и Гуссейн Сулейман-оглы. Поздоровались.

Гуссейн напомнил черкесам:

– Уважаемые мудрый *бей* и храбрый *раис*! Вы, конечно, знаете, что согласно необязательному к исполнению и негласно секретному запрету повелителя, да не будут прерываться дни его драгоценного здоровья, нашу торговлю в Трапезунде поддерживает благословенный *сераскир* Осман-паша.

Он ждёт невольников от вас, уважаемые. Заказал прислать красивого мальчика лет 15. Надеюсь, вы, уважаемые, понимаете, что ваше и наше благополучие зависит от благосклонности трапезундского *сераскира*?

Эмин-аге-Язычи прибавил:

– Смеею напомнить храброму Али, что самый выгодный

¹ заместитель Великого визиря и командующий войском

товар – казаки. Я всех куплю! За одного дам сто *курушей*¹, вдвое и втрое по сравнению с прочими невольниками.

Мы будем ждать вас с нетерпением. Желаю удачи в походе!

Едва черкесы скрылись, купец Гуссейн сказал купцу Эмину:

– Хитёр же ты, Эмин! Судьбу пленных определяет князь, но ты помнишь шапсугскую поговорку, что после *атальяка* «племянник для дяди – то же, что хан для своего народа»!

А цена казака в Стамбуле раз в десять выше, чем названная тобой! Десятикратный хитрец! Купцы рассмеялись.

Два черкеса, пщы и орк, ехали домой. Молчали. Старик задумчиво сказал:

– Купцы знают о походе, будут знать и урысы. Скрывать время и место нападения – верное решение! Без сомнения!

Роща опустела. Береговой бриз сдувал лёгкий пепел с потухшего кострища и шелестел листвой огромного дуба, едва поворачивая и покачивая тяжелый висящий крест с головами трёх баранов и венками цветов.

То были следы смешения религиозных верований адыгов. Вслед за крещением, полученным от Византии, язычники приняли ислам от Крымского ханства. Прежние и новые обряды исполнялись небрежно, потому что люди хранили верность богам предков. Народ поклонялся природным явлениям, камням и деревьям, как по сию пору делают друиды.

Кровавое солнце, в черкесском толковании бог *Тыгъэ*, нырнул в иссине-черное море. Зелёный луч из-за горизонта последний раз осветил небо. Бледный брат *Мазэ*, бог Луны, понял, что пора скрываться за дождевыми тучами, присланными сердитым *Шибле*. Предстояла тёмная ненастная ночь с громом и молниями.

Купцы и доверенные лица совершили *магриб*² на берегу моря. Поприветствовали стороны света, ангелов-хранителей, джинов и присутствующих, проговорив направо и налево «*Ассалямю аляйкум уа рахматуллах*»³.

¹ *серебряная монета, её начал чеканить Сулейман II в 1687 г.*

² *молитва после заката солнца (араб.)*

³ *Мир вам и милосердие Аллаха (араб.)*

И под покровом ненастья и темноты приступили к привычному делу – заморской торговле. Из *Аттехея* вывозили мёд, воск, кожи, рыбу, серебряную руду, скот, коней и древесину. Ввозили соль, готовые ткани, предметы роскоши, прекрасные доспехи, много пороха и оружия.

Но еще до войны самой доходной была работорговля. Она была отлично налажена и взаимовыгодна для черкесов и турок. Турецкий невольничий рынок был известен всему Востоку. На небольших турецких и черкесских каботажных судах торговцы и доверенные люди проникали через редкий заслон русских парусных крейсеров и отправляли в рабство мужчин, женщин и детей. Несколько тысяч в год на десятках судов. Однако самих черкесов не продавали, опасаясь кровной мести.

Во время войны жуткая торговля людьми приносила невообразимую прибыль. Она необыкновенно поддерживала борьбу против русских. Поэтому контрабандисты упорно не бросали своё бесчеловечное занятие, хотя точно знали, что урысы убьют их, если поймают.

Крестины внука

Пётр оставался в Кисловодске безвыездно. И понимал, что происходит досадная накладка. Вместо того, чтобы участвовать в крещении первого внука, он ждет императора. Невозможно было отказать коменданту Петру Петровичу Чайковскому. «Что бы ни случилось – говорил тот, – надобно как можно лучше принять государя и свиту, которая будет с ним».

Пётр был виноват сам. Не отказался от назначенного сорокового дня. Не стал переносить день крещения, чтобы избежать ненужных пересудов среди прихожан. Боялся навредить семье, ведь они пока ещё новички в этом городе. Вот и получилась досада – он сидит в Кисловодске, а в это время крестят его внучонка в Пятигорске.

Пётр размышлял:

– Решили назвать малыша Григорием. Имя хорошее и на Кавказе распространённое. Барон генерал Григорий Владимирович Розен здесь всем командует, а на нашем участке воюет храбрый генерал барон Григорий Христофорович Засс.

Впрочем, имя мы выбирали не из совпадений с генералами и баронами, – усмехнулся Пётр, – просто, батюшка Павел нашел, что в Святцах на сороковой день рождения указаны вместе святые Григорий, Алексей, Мария, да ещё и Пётр.

Редкое слияние имён произошло! Алексей и Мария – так зовут родителей Григория. По всему видно, с именем внука случилось волшебство, – повеселел новоиспечённый дед.

В ресторации наступил перерыв между обедом и ужином, когда из Пятигорска приехал Алексей. Сын поспешил к отцу с подробным отчётом, пока выпрягали лошадей.

– Во-первых, – сказал он – отчитаюсь перед тобой, как идёт строительство дома. Я уверен, что к зиме дом будет готов.

Железную крышу почти закончили и уже прибили покрашенные водосборные желоба, водосточные трубы и сделали на печной трубе красивый конёк. Кровельщики сказали, что ещё день-два, и они начнут красить всю кровлю.

Под углы крыши я поставил со стороны двора пожарные бочки для сбора дождевой воды. Теперь от дождя и пожара, избави нас, господи, мы защищены. Когда вернёшься, сразу освятим дом.

– Какой конёк сделали на трубе? – спросил Петр.

– Над дымоходом на укрытии от дождя укрепили флюгер. Предлагали сделать в виде лошадки или повторить петушок, как у соседа. Но я выбрал красивый кораблик.

– Это правильно! Нашей фамилии лучше подходит, – согласился Пётр.

Алексей продолжил:

– Не терпится рассказать тебе о крестинах. Прервали послеобеденный сон сыночка. Батюшка Павел совершил обряд в нашей церкви Всех скорбящих радость.

Восприемником был наш Егор. А крёстной матерью, как ты знаешь, захотела стать Мария Николаевна, супруга Ивана Ефремовича Дроздова твоего друга.

Добрые у Гриши крёстные появились! Со временем они будут приобщать Гришу к церкви и помогать в жизни, если потребуется.

После святого погружения в купель сын расплакался и

долго не мог успокоиться на руках у ласкающей его и нежно уговаривающей Маруси. Обычно при купании он не плачет.

Когда Маруся вынесла его из церкви, он затих. Мне показалось, что он был рад солнечному свету. Я спросил его:

– Гришенька, солнышко, посмотри какой замечательный день стоит. Ты рад погулять с мамочкой?

Церковь иконы Божией матери Всех скорбящих радость в Пятигорске (кадр фильма «Мери», Грузия-Фильм, 1926)

Папа, послушай, он посмотрел на меня и заулыбался довольный. Похоже, Гришеньке не нравится шум и темнота. В церкви-то дымный сумрак стоял! Шумно было, да ещё и пели громко. Раньше я как-то не обращал на это внимание.

В других храмах поют чувствительно, а у нас солдаты глотки драли изо всей мочи. И регент не мог их пыл сдержать. Признаюсь, я им приплатил. Вот они и старались.

Пётр подумал:

– Сынок, сынок! Что ты болтаешь?

Но сказал, доверительно посмеиваясь:

– Сынок! Похоже, никак не отойдешь от празднования. Подожди чуток.

Вышел и через минуту вернулся с двумя рюмками запеканки. Они чокнулись, выпили и поцеловались. Алексей увлечённо продолжал рассказывать, а Петр радовался:

– Папа, представляешь, какой удивительный малыш?

Расскажу тебе, как его перепеленовывали недавно. Слово какое заковыристое! Знаю, неправильно выговорил! Пере-пелены-вали! Короче говоря, срочно меняли мокрое на сухое. Из одежды осталась одна распашонка.

Сынок не обращал внимания на суету и продолжал спать. Ты знаешь, он спит почти всё время. Просыпается лишь, когда Маруся берёт его, чтобы дать грудь! Во сне он подвигал ручками и ножками, будто разминал их.

Едва он перестал двигать ручками-ножками, я протянул к нему руку, чтобы поправить распашонку. Конечно, медленно и осторожно. И тут, спящий, он схватил меня маленькой ручкой за большой палец. Представляешь, сделал это с закрытыми глазами! Удивительно, как он почувствовал, что я собираюсь прикоснуться к нему?

Скажу тебе, папа, одному – за ним необыкновенно интересно наблюдать. Да времени всё нет. Когда он родился, было много работы. Одна подготовка к приему императора чего стоит!

Хорошо, что ты помог с врачами во время Марусиных родов. Что бы она без тебя делала со своими болезнями?

Пётр спросил о другом:

– А кто пришёл отметить крестины?

– Повезло, что курсовых в Пятигорске осталось немного. Поэтому работники, свободные от обслуживания, побывали в церкви и пришли к нам домой. Они опередили всех.

После пришел твой покровитель Пётр Петрович с супругой. Они принесли погремушки и деньги в подарок. Сказали, что сейчас наступают решающие дни, после которых станет понятно, приедет государь или совсем не приедет в этом году.

Ещё были Егор с Верой. За домом в Ставрополе присматривает бабка, Верина мать.

Конечно, пришёл твой друг Дроздов с Марией Николаевной. Потом отец Павел и Челахов с женой. Знакомые греки были недолго. Из ресторации принесли торт. Столы накрыли во дворе, благо погода была хорошая. Посидели чудесно. На подарок собрали больше ста рублей.

Пётр выслушал отчёт и сказал:

– Это правильно, что расходы на крестины окупилась!

Тут ему вспомнилось смешное и он сказал:

– По части хватания за палец ты в своё время был решительнее, чем твой сынок. Хватался сразу двумя руками, а потом держал очень крепко. Сразу показывал характер.

Не сомневаюсь, что ты будешь превосходным родителем, если будешь чаще протягивать ему руки. Пусть Бог поможет тебе и Марусе! Мы тоже поможем, чем можем!

Пётр засмеялся. Лицо его перестало быть мрачным. Отец и сын глядели друг на друга и широко улыбались.

В кисловодской ресторации в этот день ужинать пришло всего несколько курсовых. Сезон закончился, и ужин был недолгим. Гостиница закрылась и колокол перестал призывать на ванны. Но Пётр продлил работу на два дня по просьбе этих задержавшихся господ.

После ужина работники собрались в ресторации, чтобы поздравить счастливых Петра и Алексея. В буфетной сдвинули и быстро сервировали общий стол. Зажгли свечи в шандалах. Горничная Ксения поставила в середину сладкий фруктовый пирог, испечённый дома её мамой.

Лукерья разрежала пирог, Анна подала мёд, конфекты и печенье. Митрич достал и открыл две бутылки портвейна. Нефёдыч внёс со двора пышущий жаром самовар.

Из крепости зашел майор с рекрутом Александром. Майор поздравил обоих Найтаки. Из рук рекрута принял и передал в подарок деревянную лошадку на колесиках, сделанную солдатами в крепости. По словам майора, лошадку разрисовал «яблоками» и украсил хвостом и гривой из настоящего конского волоса выдумщик Александр.

Пока все рассматривали и восхищались детской игрушкой и хвалили Александра, Прасковья попросила Петра Алексеевича простить её и принять назад. Клятвенно обещала «ни капли не

братъ в рот на работе».

Пётр сказал ей:

– Садись за стол. Мы тебе рады! Но после поговорим.

Затем Петр раздал каждому по куску пирога. Благословил с молитвой трапезу. Торжественное чаепитие в честь Гришутки, родителей и деда с бабкой началось. Присутствующие поздравляли Алексея. Он благодарил.

Как только все успокоились, Пётр сказал:

– Некоторые из вас, как вы знаете, останутся ждать императора и будут вместе со мной готовить дом к зиме.

Как только из Пятигорска сообщат, что можно не ждать, закончим работы и тогда я сделаю окончательный расчет. А сейчас у нас общая судьба – надеяться на необыкновенную встречу с государем.

Все примолкли, задумавшись. А Ксения, прерывая молчание, начала по своему обыкновению рассказывать байку-талалайку, чтобы изменить настроение друзей:

– Людьми верно замечено, что судьба бывает общей, а особенные встречи личными. Впрочем, и наоборот. Жил на одном хуторе молодой казак с серьгами в ушах, то есть последний в роду. И была с ним одна дряхлая и немощная нянька.

Утром прибежали мальчишки и передали казаку, что атаман посля обедни собирает круг. Будет поход.

В станице молодой казак бывал редко, – хватало работы и в поле и дома. Он отложил дела и по дороге на сбор заглянул в кабак чуток отдохнуть. Нельзя сказать, что он был большой любитель выпить. Просто ему вдруг захотелось винца с неведомой силой.

Войдя в кабак, казак перекрестился на угол и огляделся. В зале было пусто. Сидел один фигуристый дед без руки и с серьгами в ушах. Дед показался знакомым. Но казак не мог вспомнить, где встречал его раньше, и решил угостить.

– Дед, не возражаешь? – спросил молодой, подал старику стопку полугарного и сел рядом.

– Сидай, милый, сидай! – ласково согласился дед.

Услышав ласку в голосе, казак решился спросить:

– Дедусь мы с тобой встречались?

– Угадал! Я судьбина твоя, а друзья кличут меня Рок!

– Рок, никто не знает своей судьбы! – молодой подумал, что старик шутит. Выпил свою рюмку. Дед сумно сказал:

– Предвещаю! Ты пойдёшь спроть круга и встретишь положенную тебе судьбу.

И, действительно, атаман объявил на круге, что посылает отряд на выручку окруженного черкесами поста. Пост может не выстоять. Тогда казаки окажутся одни против большой партии разбойников. «Есть охотники?» – спросил он.

Никто не испугался, все шагнули вперед. Атаман сказал: «Начну с молодых неженатых». Указал насекомой на молодого казака с серьгами, последнего в роду:

– Хлопец, тебе оставаться в станице по воле круга.

Все казаки прокричали «любо».

– Нет, – вскричал молодой, – я не брошу товарищей!

Отобранные казаки отправились вершки в бой. Ночью скрытно подкрались и кинулись разом. Постовые их поддержали, и враги разбежались. Во время атаки молодой казак был, как велено, при уряднике в арьергарде, но пуля – дура. Вдарила в руку. Руку отрезали напрочь. Стал он инвалидом. Бедствовал, не женился, и ненька его вмерла.

Тут Ксения замолчала и вздохнула:

– Не могу продолжать. Грустно. Придумайте сами конец!

Наступила неловкая пауза. Все задумались.

Сторож Нёфёдыч, уже «под мухой», рассудил:

– Ученые люди говорят, что судьба человека зависит от его характера. Но в случае с молодым было не так! Характер был золотой, а судьба хуже некуда. Это называется парадокс, – заключил он глубокомысленно.

Митрич промолвил задумчиво:

– У малого выхода не было. Он пошел против судьбы!»

Тохтар рассудил категорически:

– Не мог казак бросить товарищей, каялся бы всю жизнь. Он был честным до конца!

Кухарка Прасковья высказалась в сердцах:

– По кабакам не надо ходить! Тады судьба будет доброй планидой!

Раздался смех. Едва он прекратился, Петр Афанасьевич

назидательно сказал:

– Уповай на господу. Он укажет верный путь. Суеверие до добра не доведет!

Долго молчавший Алексей определил:

– Старец Рок не был предсказателем. Он сообщил то, что известно каждому, – казаки выбирают волю и предсказание не могло быть никаким иным.

Все шумно согласились. Нефёдыч поторопился сказать:

– Нальёмте-ка ещё дворянского портвейна. Иначе не разберемся в перипетиях жизни.

Слушая суждения друзей, Ксения не сказала ни слова. Она не смогла прогнать уныние ни у кого. «Какое несчастье! – невольно подумала она. – Получился невеселый конец. Горько мне, что Александр ни словом не откликнулся!»

Налили еще. Радость от рождения сына не оставила Алексея Петровича. Он решительно взял гитару и спел «курсовой гимн». Так он называл французские куплеты «Прощай вино в начале мая, а в октябре прощай любовь».

Анна тоже решила подбодрить компанию и спела новый романс «Что мне жить и тужить», услышанный Александром в госпитале. Ко всеобщему удивлению у Анны обнаружился отличный голос! Все хлопали.

Петру её пение показалось простоватым. Он всё ещё искал сильных солистов для хора, которым рассчитывал удивить императора. Пока она пела, он думал:

– Петь может. Что значит молодость? Всё нипочем! И кружится, взмахивая платочком. И ничто её не заботит. Для неё свет в окошке – это любовь и милый дружок. А ведь ей сироте не просто живётся!

Петру пришла новая мысль, которую он решил запомнить:

– Интересно, хорошо ли получится, если на пикнике для императора пение сопроводить народными танцами?

Посиделки закончились вразнобой.

Счастливые Анна и Александр, которому майор разрешил задержаться, продолжили встречу на лавочке в опустелом парке. От холода парочка накрылась лоскутным одеялом, шепталась и целовалась. Поцелуи были жаркими. Им было что обсудить. Они были уверены, что будущее сулит им

необыкновенное и единственное в мире счастье.

Их невинную любовь все давно заметили. У майора, мечтавшего о собственной женитьбе, она вызывала особенное сочувствие. Увидят ли влюбленные счастье? Впереди их ждало страшное испытание.

Набег на Кисловодск

Наши деды – славные победы!
Песня суворовских солдат

С окончанием курсового сезона кисловодский гарнизон готовился к зиме. Провизию и фураж уже запасли, даже с небольшим избытком на непредвиденный случай. Особая солдатская команда заканчивала заготовку и подвозку дров с горы Бештау в крепость и в слободу. Команда подпоручика Фёдорова доделывала ремонтные работы на самоварах для нарзана. Оставались ещё работы по парку и бульвару. Всё велось по налаженному армейскому распорядку и у майора Никанора Ивановича командира кисловодской крепости нашлось, наконец, время для охоты с собакой.

Рано утром 24 сентября (6 октября по новому стилю) 1836 года он отправился в близлежащее урочище. Кисловодск еще не проснулся, когда майор поднимался верхом к вершинам синего Джинала. Легавая впереди радостно принохивалась, подпрыгивала и виляла репицей. Позади дремал, покачиваясь в седле, денщик Кузьма со съестным припасом.

В небе над Джинальским хребтом мерцало величественное созвездие божественного охотника Ориона. Майор подумал: «Скоро звёздный охотник скроется из глаз», – и прибавил вслух: «*Sit lux! Homo sapiens erit antiqua venator. Astra, benedic mihi!*¹». Мысленно засмеялся над своим неловким обращением к легендарному охотнику, оглядел открывающееся урочище и объяснил самому себе, предвкушая удачу:

– Буду охотиться по небесному благоволению согласно

¹ *Да будет свет! Homo sapiens делается древним охотником. Звезды, благословите меня! (лат.)*

врождённому инстинкту. Боги послали подходящую погоду – бабье лето. Трава полегла и Весте будет удобно челночить. Перепела отлетели на зимовку. Куропатки нажировали. Чтобы не сглазить успех, скажу, не хвастая: «Птицы мне хватит!»

Майор погладил подсумок на поясе:

– Достаточно зарядов с дробью найдётся. И пули тоже есть на всякий случай. В Кисловодске стреляют все. Добро бы метко! Ничего! Научатся со временем. Закончу осенние работы, найду дело для моих солдатусек на стрельбище.

В раннем полусвете всё замерло в ожидании солнца. В тишине глухо и мерно ударяли копыта коней. Слышалось позвякивание сбруи. Заря осветила облака, собравшиеся над горами Кабан и Большое седло. И, как-бы сопровождая свет, раздался тихий странный шум. Майор с любопытством обернулся и вздрогнул. В первых лучах солнечного света перед ним открылась поразительная картина – огромный отряд конницы переправлялся через Подкумок.

Майор крикнул денщику: «Кузьма, возвращаемся!» Повернул рывком коня, позвал собаку: «Веста, ко мне!». И поскакал назад.

С Крестовой горы было отчетливо видно, как несколько всадников гонятся за одним. Остальное войско неумолимо направлялось вслед за ними.

– Накаркал я, – думал на ходу майор. – Дело нашлось само! Как могли пикеты не заметить такой огромной партии горцев?

Было видно, как люди выскакивали из домов и в панике бежали в крепость. Донесли крики от въезда в город. Там разбойники грабили дома и хватали пленных.

Поток конницы влился в город, вытаптывая бульвар. И неуклонно продвигался вперед. Когда передние всадники въехали на нарзанную площадку, домик гауптвахты окутался порохом дымом.

Майор подумал:

– Это дежурный наряд начал простреливать открытую пространство, чтобы не дать нападавшим переправиться через брод на Ольховой и сходу выйти к слободе. – Без сомнения, выстрелы гауптвахты повернут черкесов к ресторации, и под её прикрытием они продолжат движение. Надобно спешить!

Торопливо спускаясь к ресторации, он знал, что там были надёжные люди. Особенно он надеялся на работников из отставных солдат. В сложившейся ситуации они могли ненадолго задержать конницу. Сейчас всё решало время, пока пушки крепости не начнут палить! Нападавших много и спасение было в пушках. Он был уверен, что офицеры крепости не замешкаются.

Набег конницы (Ф.А.Рубо, 1890г,
фрагмент панорамы «Штурм аула Ахульго»)

Во дворе у ваннх сараев солдаты из команды подпоручика Фёдорова устанавливали крышки на самоварах, когда мимо ворот промчался верховой казак, громко крича: «Тревога! Нападение! Черкесы! Спасайтесь!».

Продолжая кричать, казак переправился через брод и поскакал по берегу к воротам казачьего сторожевого поста, видневшегося на горке. Его нагоняли всадники. «Хей! Хей!» – слышалось боевое гиканье черкесов. На казачьем посту

раздались одиночные выстрелы и вскоре пальба усилилась.

В команде Федорова солдаты были безоружны. В открытые ворота вбежали двое вооруженных. Это была смена караульных: престарелый унтер-офицер и молодой рекрут. Они направлялись к шлагбауму на въезде в город. Караул держали там в ожидании посещения императора.

– Силантий-дружок, – сказал подпоручик унтеру, – беги что есть мочи к Реброву и поднимай тревогу!

А рекруту приказал: «Молнией в ресторацию! Пусть бьют в колокол и спасаются!»

Своим солдатам он велел бежать изо всех сил в крепость. В крепости забил «тревогу» барабан. Когда пробежали мимо стреляющей гауптвахты, им крикнули, чтобы прислали подмогу.

Вскоре убежавшие были на другой стороне речки. Прибавили ходу и, поднявшись на крутой косогор, скрылись в воротах крепости. Едва держащийся на ногах, и задыхающийся старый подпоручик прибежал последним на ближний бастион, обращённый в сторону нарзанного колодца.

Он окинул взглядом окрестности и сразу увидел, что противник находится в секторе бастиона. Артиллеристы уже развернули орудие в нужном направлении. На других бастионах, судя по всему, противник наблюдался плохо, и там стрельба могла задержаться. Солдаты с заряженными ружьями были в готовности у бойниц на эскарпах.

Старший фейерверкер¹ доложил, что картечь не достанет до горящего поста и поэтому зарядили ядром. Подпоручик проверил прицельную дистанцию.

– Вот молодец, – подумал он о фейерверкере, – точно исполнил наставления.

Гауптвахта располагается на безопасном удалении от настильной траектории. Ребятюшки, сейчас поможем, как следует! Но точка прицеливания оказалась, к его досаде, в стороне от всадников, крутившихся перед гауптвахтой.

По правилам, составленным императором Павлом ещё в

¹ чин в артиллерии, как старший унтер-офицер в пехоте или старший урядник у казаков

Гатчине, первый выстрел делается как можно скорее, даже если прицел плох. Офицер не стал перенацеливать. Наконец, прибежали с огнём. Второй номер зажёл фитиль пальника.

Подпоручик снял прицел. По команде «Орудие, пали!» все отодвинулись от пушки, номер стряхнул пепел, раздул губами и поднёс пальник к скорострельной трубке¹.

Вперед вылетела мощная струя пламени. Ядро улетело. Ударил мощный протяжный грохот и орудие откатилось.

Дым скрыл цель. Позади барбета села на землю женщина. Прижимая плачущего младенца, закричала охрипшим голосом:

– Ратуйте, люди добрые!»

Женщины стали её успокаивать:

– Не бойся! Наши отобьются! Не бийся!

Рекрут Александр Симонов мгновенно взбежал по лестнице на входной балкон ресторации. С балкона было видно, как на горке за речкой Берёзовой горит казачий пост.

Ему открыли дверь. Он прокричал, что сторожевой пост горит и разбойники грабят дома.

В зале хозяин Петр и слуги в одежде для ремонтных работ заряжали ружья и пистолеты, сложенные на столах. Майор, его начальник, смотрел в окно. Александр вытянулся и спросил: «Ваше высокоблагородие, разрешите доложить?» – и, получив разрешение, доложил, что подпоручик Федоров сказал, чтобы звонили в колокол, а сам с командой благополучно отбыл в крепость.

Пётр послал приказчика Митрича бить набат.

Майор заметил, что прибежавший рекрут не растерялся. Доложил по форме. Подтвердил именно то, что было видно из фасадного окна. Майор приказал: «Рекрут, прими на себя команду у заднего входа. Отвечаешь, как военный человек за оборону с тыла. Исполнять!»

У заднего входа в ресторацию готовились двое: кучер Тохтар с кинжалом на поясе и сторож старик Нефёдыч с саблей

¹ вставляемая в запальное отверстие тростниковая трубка с чашечкой, набитые пороховой мякотью

на перевязи. Ружья стояли у подоконника.

Старик уступил место Александру, а сам встал сбоку окна, чтобы хорошо видеть въезд во двор. Поварёнок, брат Анны, с обнажённым кинжалом в руке подошёл с другой стороны окна, выглянул и сказал:

– Командир Саша, я готов к бою!

Внезапно раздался мощный гудящий гром пушечного выстрела. Со стороны фасада дома слышались ружейные выстрелы, и набат смолк. С последним ударом колокола во двор въехали вооружённые всадники.

В сверкающем низком шлеме, украшенном красным флажком, в красной куртке, наброшенной на кольчугу, в красных ноговицах и чувыках угадывался бий. Его гордое лицо украшали короткая чёрная борода и усы. Позади него всадник держал зелёное знамя.

Нефёдыч негромко напомнил:

– Без команды не стрелять! Целить!

Александр наводил ружьё и шептал тайное заклинание, завещанное покойным другом.

Кучер Тохтар поднял ружьё. Мирному карачаевцу ещё дед завещал ненавидеть грабителей и конокрадов черкесов. Вдруг он догадался! Перед ним был сам Хырсыз. Отец погиб от его рук. Тохтар внятно проговорил:

– *Аллах болушун!*¹

Тут открылась дверь кухни и на двор вышла помощница поварихи с ведром. За работой она не обратила внимания на частую пальбу и колокольный звон, но громовой выстрел пушки встревожил её. Увидела черкесов, бросила ведро и кинулась назад. Дверь захлопнулась. Ведро загремело, и всадники остановились.

Бий засмеялся и один из нукеров поехал к кухне. Неожиданно поварёнок влез на подоконник, спрыгнул на галерейку и с криком «*Не займай, проклятий! Анночка, тримайся, сестричка! Тримайся!*»² и что есть силы побежал к кухне, размахивая кинжалом.

¹ *Да поможет бог! (карач. - балкар.)*

² *Не трогай, проклятый! Анночка, держись, сестрёнка! Держись! (укр.)*

Ветеран Нефедыч отдал команду, как заведено в армии, начав протяжно и резко закончив:
– Целься! Пли!

Черкесский князь (по Ж.В. Адам, 1830 г.)

В пороховом дыму стрелки разглядели, что конь у кухни вздыбился и повалился. Черкес спрыгнул с коня на землю. Бий покачнулся и начал падать с седла. Рядом нукер подхватил его и закричал:

– *Ар уага!*¹

Спешенный черкес помог удержать раненого, вскочил на его коня и что есть силы закричал:

– *Щэр раисым тефаг!*»².

Всадники мгновенно разрядили ружья по окнам ресторации.

Пули ударили в стены. Обороняющиеся, укрывшись за подоконниками, поспешно заряжали ружья.

Всадники повернули и поехали со двора. Нефёдыч выстрелил вслед. Мальчишка отчаянно стучал кинжалом в дверь кухни и истошно кричал: «Нюся! Нюся! Це я!

Тохтар тихо и удовлетворённо сказал:

– *Аллах, бек сау болугуз!*³

Совершил короткую *дуа*⁴ Всевышнему словами любимой суры «Корова»:

– *Раббана такаббаль мина иннака анта ас-сами уль – алим*».⁵ – И собрав мысли, воздевая руки на уровень плеч, произнес – *Уа туб аляйна, иннака анта т-тауабу р-рахим*.⁶

Случилось чудо! Он очень надеялся, что Али Хырсыз ему встретится, и страшился упустить шанс. Сегодня шанс пришёл по воле Аллаха. Обращаясь с мысленной мольбой к Всевышнему, он, как чувствовал, нашел заряд, давно носимый в крайнем газыре у сердца. Это был увеличенный заряд с серебряной пулей против заговоренной брони.

– Спасибо тебе, боже! – Вспомнилось ему, как отец советовал положиться на Хранителя. – Спасибо тебе, папа!

Подпоручик, видя готовность артиллеристов, скомандовал:

¹ *Ар уагъэ! – Он ранен! (адыг.)*

² *Щэр раисым тефаг! – Раис поражён пулей! (адыг.)*

³ *Аллах, большое спасибо тебе! (карач.- балкар.)*

⁴ *в исламе мольба (араб.)*

⁵ *Господи наш, прими это, Ты – Все слышащий и Все знающий (сура аль-Бакара, аят– 127) (араб.)*

⁶ *и прими наше покаяние, Воистину, Ты – Принимающий покаяние, Милосердный (сура аль-Бакара, аят– 128) (араб.)*

– Бань орудие!

Тут на бастион въехала охлюпкой на коне местная жительница генеральская вдова Мерлини с саблей на боку. Не замечая, что показывает белые исподние панталоны, она размахивала нагайкой и кричала:

– Старая крыса, стреляй гранатами вперед неприятеля, а когда разрыв снаряда остановит толпу, валяй картечью.

Артиллеристы даже не подали вида, что слышали. Обмакнули банник¹ в баклагу² с уксусной водой, стряхнули и пробанили ствол.

А старик подпоручик ответил:

– Слушаю, матушка, ваше превосходительство!

Он был в подчинении у её мужа в прошлом, и привык, что генеральша всегда вмешивается во всё подряд. Сейчас она говорила дело. Картечь хорошо действует против толпы!

Подпоручик приказал:

– Орудие! Заряжай с гранатой!

Канониры³ первый и второй действовали точно, как часы. Споро заложили и прибили в стволе новый заряд, поданный гантлангером из стоящего позади зарядного ящика.

Два других канонира протравником⁴ пробили протравочное отверстие и по команде вставили скорострельную трубку. Каждый номер знал свой манёвр. Недаром подпоручик Фёдоров обучал своих артиллеристов по новейшему уставу Маркевича.

Быстро и дружно накатали орудие.

Отстранив канонира, подпоручик поставил прицел и стал целить в сторону въезда в город. Не видя за дымом, он по памяти уверенно вертел левой рукой винт подъёмного клина под стволом и жёстами правой руки командовал четырьмя гантлангерами⁵.

¹ утолщение со щёткой на длинном древке для чистки ствола

² деревянное ведро

³ звание ниже бомбардира (ефрейтора)

⁴ заострённая толстая проволока, на тупом конце загнута в кольцо

⁵ младший артиллерийский чин (подносчик, физическая сила)

Они поворачивали тяжёлый лафет гандшпугами и правилами¹. Канониры удерживали колесо.

Вдруг дикие вопли покрыли шум сражения. Дым рассеялся и внезапно открылось, что враги отступили и были уже далеко.

Всё стало ясно! Облегчённо вздохнув, подпоручик перекрестился и сказал: «Слава богу!» Затем громко похвалили орудийный расчёт:

– Молодцы, братцы! Всем по чарке водки!

В ответ раздалось дружное:

– Рады стараться, ваше благородие!

Генеральша прокричала, подняв нагайку:

– Вот как надо бить разбойников! Со мной не пропадёте, ребятушки! Отслужим благодарственный молебен нашей победе, и каждому будет щедрый подарок!

Услышав нестройный ответ, подпоручик сказал:

– Отставить! Разве так кричат «ура»? По команде, дружно, – и махнул рукой.

Артиллеристы и зрители прокричали громкое УРА.

Подпоручик, промурыжив время для надёжности, наконец, отдал команду к разряжанию.

Противник исчез, и барабанщик крепости пробил «Отбой».

Последние команды «Чистить ствол после стрельбы» и «Клади принадлежность» артиллерийский расчёт выполнял со смехом, весело уточняя, кому что почистить и чью принадлежность куда положить.

Напряжение спало. В крепости радовались неожиданному спасению. Жители расходились по домам, оживлённо обмениваясь впечатлениями.

Когда раздались вопли черкесов, майор Никанор Иванович и ресторатор Пётр Афанасьевич побежали с ружьями в руках к заднему входу, чтобы помочь.

В окно, открытое на двор, они увидели бьющуюся на земле жалко ржущую осёдланную лошадь. Кони волновались у коновязи. Лаяли собаки. Посреди двора валялось пустое ведро.

¹ прочные палки, используемые как рычаги при повороте орудия: гандшпуги – для станины, правила – для опорной подушки лафета

Анна помощница поварахи обнимала плачущего поварёнка с кинжалом. Нефёдыч вышел во двор. К его ногам прижалась дрожащая собачка.

Майор спросил, что произошло. Вставший от окна Тохтар погладил неспешно усы и спокойно ответил:

– Заезжал Хырсыз.

Александр стал восторженно рассказывать, как Тохтар подстрелил бия. Вдруг майор жёстко приказал:

– Молчать! Это не театр! Поговорим после.

Ружейные выстрелы прекратились, и крики толпы удалились. После короткого молчания донеслось далекое торжествующее «ура».

Майор понял, что нападение отбито. Чувствуя, как спадает внутреннее напряжение, негромко проговорил Петру:

– Смотри-ка, твой кучер подстрелил знаменитого Али Хырсыза! Ловко жажнул! Мы гадали, где чёртов разбойник прячется. И вдруг, извольте радоваться, он сам явился во всей красе! Как говорят на театре, закончил жизнь, поражая зрителей! Ты скажешь, что он лишь ранен? Только не после такого стрелка, как Тохтар. Он отправил его туда, где ему быть должно, – в ад.

И неожиданно спросил:

– Есть комната с запором?

– Буфетная, – ответил Пётр.

– Тохтар, оставайся на страже! Нефёдыч, Александр и все, кто стоит здесь. Ты, и ты, и ты. За мной! – приказал майор. – Запри дверь! – сказал он Петру Афанасьевичу.

В тёмной комнате с закрытыми ставнями они едва различали друг друга. Майор строго произнёс:

– Тихо! Слушайте внимательно! Вы все храбрецы! Не испугались супостатов! Вам слава!

Но с этого дня вы никому ни единого слова не скажете о том, что Тохтар стрелял в бия. Если бий умрёт, Тохтар и весь его род станут для черкесов кровниками и желанными предметами охоты. За знатного черкеса не примут даже щедрый выкуп. Кто бы ни спрашивал, отвечайте: «Не знаем, не видели!». Не проговоритесь! Не опозорьте славы храбрецов, не будьте предателями, пособниками врага!

Все молчали.

– Понятно? – жестко переспросил майор. – Клянитесь перед всеми нами и перед господом, что будете молчать!

Все зашумели. Майор громко повторил:

– Понятно? Клянитесь, как перед господом!

– Клянёмся! – ответили Нефёдыч, Александр и слуги. И перекрестились.

Пётр Афанасьевич тоже поклялся и сказал:

– Если проговоритесь, мы с майором, прости господи, отводя беду, скажем, что вы придумали всё со страху. Тогда бог вам судья! Вас будут считать лжецами, пустомелями, хвастунами, клеветниками. К тому же ещё и трусами. Никанор Иванович, верно, я говорю?

– Точно! – ответил майор. – У меня есть новость. Скажу её всем. Александр Симонов, с сего дня тебя никто не смеет называть «рекрутом», все должны говорить с уважением «солдат». Будешь хорошо служить, можешь даже жениться.

Раздался одобрительный смех. Майор закончил:

– Сейчас тебе отпуск, солдат. В крепость вернёшься к вечерней поверке.

Александр стал смиренно и, не показывая радости, чётко ответил:

– Рад стараться, ваше высокоблагородие!

Когда все вышли из буфетной, майор обратился к Петру и сказал, чтобы он зашёл в крепость обсудить, как отметить победу. Прибавил, чтобы не позабыл сообщить своему кучеру Тохтару, о чём договорились молчать. И вышел.

Ждущий во дворе денщик отвязал и повёл в конюшню лошадей, на которых они утром выезжали охотиться. Легавая бежала впереди, гордо подняв репицу, будто возвращалась с охоты. Наверное, чувствовала спокойствие своего хозяина, для которого случившееся всего час назад было просто рядовым делом на этой непредсказуемой войне.

Пётр Афанасьевич отпустил слуг и предупредил, чтобы все были на другой день с утра чистые, как стёклышки.

Позвал Тохтара и признался ему, что очевидцы превосходного выстрела поклялись молчать о том, что он ранил разбойника.

«Если выстрел смертельный, пусть помрёт, как собака», – сказал Афанасьевич. – Прости господи! Этот человек продал душу дьяволу и не заслуживает очищающей мести. Незачем злодейскому роду устраивать кровников из тебя и родных. Слишком много чести! Прими мой совет, *тенгим*. Молчи, будто ничего не было!

Тохтар не сказал ни слова, и непонятно было согласен он или нет. Пётр понимал, что другу будет непросто принять решение. Надо идти против горских условностей и унижать себя перед родными. Петра волновало, какое решение примет Тохтар. Их отношения были по-мужски уважительными, и Петр чувствовал, что ничего больше сделать не может.

Не услышав согласия, Пётр велел Тохтару успокоить раненную лошадь, а потом снять седло и сбрую. Кучер взял пистолет со стола и вышел. Со двора послышался выстрел. Ржание прекратилось.

Пётр стал думать:

– Пророк Моисей не оставил заповеди «не лги», но всё равно лгать, да ещё заставляя людей так поступать – тяжкий грех! Даже вынужденно, даже ради спасения жизни или в случае военной хитрости! Его тревожило, простит ли церковь его сознательный грех или отец Павел наложит на него епитимью. Ради друга он перенесёт любое божье наказание!

Пётр посмотрел на стенные часы. Битва заняла не более половины - трех четвертей часа. Дольше она не длилась! Пришёл Митрич. Петр запер ресторацию, и они пошли в крепость.

Александр помог Тохтару снять седло и сбрую с убитой лошади и остался ждать Анну. Стал размышлять о заклинании:

– Оно защищает всех вокруг, и противника, и животных. Допускает ранение, иначе говоря, не даёт умереть сразу. Можно было бы назвать его «не убий», как по заповеди. Но, похоже, что все обстоит не так просто, – спасённый тоже умирает, но после. А что, если он получает нечто ужаснее смерти?

Александр решил больше никогда не применять заклинание. Лучше не связываться с нечистой силой. До добра это не доведёт. Яснее ясного, что Аннушку спасли хорошие люди, и заклинание здесь ни при чем! Он вспомнил друга, достал

заветную иконку и перекрестился, моля святого Николая простить невольное заблуждение.

После нападения

Нефёдыч, уходя из ресторации домой, по привычке заглянул на кухню. Не постучав, отворил дверь. Она не скрипнула, и он застал Анну и Александра врасплох.

Счастливая Анна с заплаканными глазами и с улыбкой на губах смотрела, как Александр правой рукой брал пирожок, кусал его белыми зубами и клал назад, жевал и запивал чаем, ещё кусал, жевал и глотал, а из левой руки не выпускал её руку. Казалось, она удивлялась прикосновениям рук и быстрому исчезновению пирожков.

– Вижу беспорядок в войсках! – пошутил Нефёдыч. – Новый солдат вкусно празднует победу, а о ветеране забыли!

Анна засмеялась, пригласила его к столу и налила чаю.

– Голубонька! – сказал он, – Ради победы надо бы что-нибудь погорячее.

Пошуйкай-ка горилки в тайничке. Прасковья – я знаю – прятала там склянку для бодрости, пока хозяин не прогнал её, а Лукерье это ни к чему. Она другая, и держит бутылочку лишь для важных гостей, таких, как я.

Улыбающаяся Анна принесла и поставила бутылку на стол. Нефёдыч налил полстакана. Сегодня Анна готова была кормить и поить весь белый свет.

Дед снял свою заношенную шляпу, и Анна подумала:

– *Це не капелюх, а ганьба! Впевнена, Саша буде не проти, якщо я запропоную купити кашкет або капелюх для діда».*¹

– Другое дело! – сказал довольный Нефёдыч. – Спасибо!

– Мне не надо. – поспешил сказать Александр, – Не хочется огорчать ротного в такой день.

– Правильно! – согласился Нефёдыч и, крякнув, выпил. – Старайся служить честно! Видишь ты, милая, парень этот – бедовый солдат. И брат твой тоже храбрый парнишка!

¹ *Это не шляпа, а позор! Уверена, Саша будет не против, если я предложу купить фуражку или шляпу для деда. (укр.)*

Как он кинулся защищать тебя! Черкесу было трудов-то – схватить его одной левой и утащить? Господь спас! Он пожалел тебя за доброту! Скажу тебе, что братик твой сегодня заново родился.

У Анны потекли слёзы. Старик укусил пирожок, пожевал беззубым ртом, глотнул чай и рассудительно пояснил:

– Хороший мальчонка растёт. Храбрец. Убежал смотреть, что случилось после боя. Пуцай смотрит! Всё хочет знать про Александр Василича Суворова. Дед, – говорит, – расскажи, как ты молодой вместе с Суворовым воевал.

Я рассказываю. А он снова спрашивает:

– Дед, он точно мальчишек в бабки обыграл?

– Точно! – отвечаю. – Скажу вам сейчас о том, что ему не скажу – он не поймёт. Мал ещё! Надеюсь, что вы поймёте!

– Что такое? – спросил удивленный Александр.

Нефёдыч пояснил:

– «Бог нас водит – он нам генерал!» – говорил Суворов. Ежели вспоминать бесчисленные победы Александра Василича, то поймем, что ему, славному полководцу, это было виднее всех на свете!

Однако мне, старому дураку, думается, что на Кавказской войне мы зависим от другого – нас водит судьба.

Кавказ – такое место на Земле, где по неведомой божьей воле встречаются христианский фатум и магометанский кисмет, – парочка, что дружит без границ и ненавидит без предела! Как они договорятся, так и будет, и нет у них божьего милосердия.

Понял я это ещё совсем зелёным солдатом. Мне было тогда 16 лет, хотя выглядел я на все 18, таким был крепким. Не то, что сейчас, поверьте старику!

Наша рота бутырцев стояла в *фельдшанце*¹ возле переправы через реку Ея в землях ногайской орды. Как раз тогда Александр Васильевич Суворов по приказанию светлейшего Потёмкина и по велению великой Екатерины занялся переселением ногайцев на просторные земли, что раскинулись у реки Урал.

¹ земляное полевое укрепление с пушками в 17-18 в.в. (нем.)

Реку государыня Екатерина повелела называть Урал вместо Яик, дабы даже старые названия не напоминали ей о смутьяне Пугачёве. В те самые степи она и велела переселить ногаев подальше от османских подстрекателей.

А цари или царицы, им что? Для них, известное дело, исполняй или жестоко накажут! Ордынцы ослушались, перебили русский отряд, что их сопровождал, и повернули назад.

Судьба их была решена! Дело-то происходило на Кавказе. Здесь властвуют высшие силы.

Пока дед разглагольствовал о прошлом, Александр смотрел на Анну. И она казалась ему такой милой и несчастной, что хотелось гладить её кудряшки и говорить что-нибудь ласковое. Но в присутствии Нефёдыча он не смел выразить свои чувства.

С тех пор, как после госпиталя Александр был радостно встречен Анной, всё вокруг переменялось. Он чувствовал бесконечное счастье.

Командиров считал прекрасными, хотя и строгими людьми, исполнял все приказания со старанием. Надеялся, что об этом услышит Анна и не будет строга к нему. Так трудно объяснить с ней!

Он вздрогнул, вспомнив недавний бой:

– Какой ужас, что на неё напал конный черкес!

Вздыхая, Александр не может выразить словами, как он рад видеть её, такую красивую, живую и невредимую.

Счастливым мыслям Александра мешали длинные рассуждения Нефёдыча. И он перебил старика:

– Дед, мы уже слышали, что вы не отбились бы ни картечью, ни залпами ружейного огня от такой огромной толпы ногайцев при втором штурме, если бы не прискакали на помощь драгуны владимирцы, и за ними не прибежали роты Бутырского полка во главе с самим полковником Телегиным.

Мы знаем, что в этом упорном сражении погибло много наших, а ногаев ещё больше. И ты был ранен первый раз.

– Правильно, – сказал Нефёдыч, – но ты не слышал главное. Ихний *мурза*¹ Канакай командовал нападением всё

¹ *господин, наследный старшина, князь (тюрк.)*

время и был застрелен в голову при окончании разгрома канакаевцев, а наш Хырсыз был подстрелен в самом начале нападения. Кто это определил? Как ни кismet с фатумом?

Ты скажешь, что это дело случая! А что такое случай, как ни эта чёртова парочка. Согласись, судьба Кисловодска – остаться спасённым городом, а не разорённым окончательно!

– Ну, ты и завернул, Нефёдыч. Трезвому не понять! – сказал Александр, пораженный логикой старого солдата. И чтобы пьяненький Нефёдыч не сболтнул о выстреле Тохтара, сменил тему разговора:

– Хватит мудрствовать! Ты скажи лучше, не встретился ли тебе наш поварёнок? Аннушка беспокоится о брате.

Нефёдыч был хорошо знаком с обычаями слободских мальчишек. И сообщил:

– Уверен, твой братик и его приятели облазуют поле боя и отправятся купаться под водопад на Ольховке. Бабье лето пришло и тепло держится, но горная вода стала ещё холоднее, чем всегда. Илья-пророк давно купанье уволок! Сходите-ка вдвоем на водопад и прогоните мальцов оттуда.

Анна встревожилась. Даже слёзы исчезли.

– *Вірно, дидусь! Він хлопчик ніжний, зовсім незагартованої на відміну від цих хлопчаків. Треба поквалитися!*¹

Александр попытался успокоить её:

– Аннушка, не тревожься! Господь не допустит, чтобы в иордани простудился рождённый в рубашке. Есть примета – повторно крещёный будет жить долго. Недаром зимой все погружаются в прорубь на крещение господне. Водопад будет твоему братику крещенской купелью.

Анна, услышав о зимнем купании, ещё больше затревожилась. Нефёдыч прошептал молитву и поблагодарил:

– Спасибо, милочка! Я пошёл. Утро нонича выдалось тяжкое. Надобно чуток отдохнуть. Вечером мне караулить.

Вдруг дед захохотал и сквозь смех сказал во весь голос:

– Охреть! Один выстрел и джигиты разбежались!

Надел шляпу и вышел, громко напевая:

¹ *Верно, дедушка! Он у меня мальчик нежный, совсем незакалённый в отличие от этих мальчишек. Надо поторопиться! (укр.)*

– Солдатушки, браво, ребятушки, где же ваши детки? Наши детки – пули, ядра метки. Вот где наши детки.

Домой его вела, оглядываясь, собачонка. Он допел песню и сказал ей: «Жучка, не трясись! Твой дед позади. С победой!»

Анна накрыла еду рушником, сняла передник, надела чувяки, заперла кухню и поспешила за Александром.

Он закинул ружьё за плечо и взял её за руку. Она не отняла. Под ногами у них шуршали опавшие листья, над головами покачивались оголившиеся ветви деревьев.

Под лучами остывшего осеннего солнца они долго шли по опустелому променаду, прижимаясь друг к другу, будто испуганные дети. Оба были одиноки в этом суровом мире. Души их тянулись друг к другу, и сердца бились часто. Было и радостно, и грустно в одно и то же время.

Осенний холод – предвестник суровой зимы – они не замечали. Даже не думали о скором будущем, когда закончится сезон, и ресторация закроется. Тогда они будут встречаться редко и лишь случайно. Спасенные в бою, они жили сегодняшним счастьем. Души их будто слились. Руки чувствовали одна другую.

Но выйдя из парка на тропинку, ведущую к водопаду, влюблённые разняли руки. Анна пошла позади. Оба сделали вид, что у них нет ничего общего. Сплетни им были ни к чему!

На водопаде они не нашли никого. Домой вернулись через базарную площадь, надеясь там увидеть мальчишек. Анна молчала. Александр не решился заговорить тоже.

В начале парка недалеко от ресторации солдаты сгребали опавшие листья в кучи и жгли. Поднимались клубы дыма.

Домой братик пришёл вечером, закопчённый, провонявший дымом пожара и измазанный углем, как сапог трубочиста. С пожарища принёс грязного мокрого котёнка.

Анна облегчённо вздохнула и улыбнулась котёнку. Брат был цел. Позже она узнала, что слободские, страшась слухов о бродячих черкесах, запретили мальчишкам ходить далеко.

Анна велела братику снять одежду и стать в таз.

Сестра мыла брата, как родная мать, тёплой водой, оставшейся от работ, а он рассказывал ей по-украински о своих дневных делах.

Её он слушался и на людях пользовался русским языком, чтобы не выделяться. Но дома говорил на *рідній мові*. Ему вспоминались покойные родители. Сестра радовалась – братик, как и она, приучался чисто говорить на двух языках.

Жаль, что в пятигорское училище братику не попасть, – не берут бедных на казённый кошт. Но Саша уже научил его азбуке. Читать и писать он тоже научит!

Водопад на речке Ольховой
(Р.Р. Голике и А.И. Вильборг, 1902-1903 г.г.)

– Мы пошли к горке *допомогти пораненим і подивитися на убитых, а там їх не було. Ось як!*¹ – рассказывал брат. – Тільки усе конями потоптано.

И скло в викнах розбити, и стенци кулями побити. Коляня, що Горепечкин, выковыривал кулю зи стени.

Тут нас погнажи.

На пожарище, що за речкою на горке, никого не було. Коляня говорить: «Добре! Гляньте-ка, сколько всего горит!

¹ *помочь раненым и поглядеть на убитых, а там их не было. Вот как!*
(укр.)

Ну, мы снесли горелые палки в кучу и устроили костер, какого никто не видел. Даже когда казаки на горке сигнал зажигали.

Мы маршировали навколо и писню спивали, якую ты нас вчила: *«Ой на горі та й жєнці жнуть, / ой на горі та й жєнці жнуть, / а попід горою, ярм-долиною / козаки йдуть. / Геї, долиною, геї, / широкою, козаки йдуть.*¹

Майор отправил рапорты с конными гонцами генералу Зассу в Прочный Окоп и полковнику Чайковскому в Пятигорск. Ресторатору Петру предложил подготовить торжественный ужин на третий день, чтобы в складчину помянуть погибших и отметить победу. Было названо число приглашённых.

Пётр предложил меню. Договорились о цене блюд и о вине. Вывесили объявление. Предстояло сделать много.

За вином и прочим Митрич и Тохтар отправились в Пятигорск. Завтра должны будут привезти.

На другой день в обеих церквах, слободской и станичной, горевали и молились о спасении угнанных в плен. Совершили отпевание и похоронили жертв нападения: казаков, сгоревших на посту, и поручицу Шатилову, изрубленную в своём доме потому, что её не смогли пленить из-за чрезмерной полноты.

Тело казака-калмыка, поднявшего тревогу и погибшего у ворот сторожевого поста, забрали родственники. Он погиб, как герой, — подняв тревогу, спас многих.

На третий день солдаты получили подарки от жителей после благодарственной утрени. Для солдатских артелей был устроен праздничный обед. Налили по чарке, было мясо, каша и наваристые щи, а к чаю – печенье из ресторации. Жители, пришедшие в крепость, пели и плясали с музыкантами оркестра и солдатами. Кабак не закрывали.

Из Пятигорска прибыл комендант укреплений на водах полковник Пётр Петрович Чайковский. В ресторации на торжественном ужине поздравил офицеров и достойных горожан.

Пели с воодушевлением новый российский гимн «Боже

¹ *Ой, на горе и жєнцы жнут, / Ой, на горе и жєнцы жнут, / А под горой, ярм-долиной / Казаки идут. / Эй, долиной, эй, / Широкой, казаки идут.*
(укр. песня сечевых казаков)

царя храни». Пётр и слуги тоже радовались и пели. Они сбражались, как все, но о них за столом не говорили. Не по чину!

Вспоминали случаи, очевидцами которых были. Никто не думал искать спасителя Кисловодска. Когда подпоручик Фёдоров признался, что решительный выстрел получился мимо, шутили над ним и артиллеристами.

Восхищались генеральшей Мерлини. Через несколько месяцев она показала всем золотой фермуар к ожерелью. Золото украшали бриллианты и георгиевский крест. По словам генеральши, этим фермуаром её наградил государь.

Можно представить себе, как был поражен государь, узнав о подвиге генеральской вдовы, которая стреляла из пушки по горцам и одним выстрелом огромный набег остановила.

Торжественный ужин закончился хорошо. Полковник благодарил Петра. Сказал, что он превзошел себя.

– Я был прав, – думал Пётр, – что назначил Лукерью новой поварихой, несмотря на сомнения Алексея. Теперь я совершенно уверен, что Лукерья примет Прасковью как помощницу, и ссориться они не будут. Как ни как, обе свахи. А семейные связи много значат в наше время! Хорошо они справились с прошедшими хлопотами.

Полковник Чайковский и майор сидели в домике майора и обсуждали нападение, которое случилось третьего дни назад.

– Видит бог – сказал полковник – мы сделали всё, как следует. Поспешное отступление противника, несомненно, объясняется отличными действиями артиллеристов.

Больших потерь не случилось. Генерал посчитает, что это нападение было обычным на сторожевой линии. Офицерам наград и наказаний не последует. Впрочем, я представил в рапорте список нижних чинов, заслуживающих награждения. Надеюсь, что года не пройдет, как придут эти награды.

Майор помнил тайную договорённость в ресторации о выстреле Тохтара, и поэтому изменил направление разговора:

– Держу пари, генерал прикажет служить дальше государю и отечеству, как положено!

Сошлись во мнении, что подготовка к зиме успешна и что восстановительные работы солдаты сделают быстро. Очистят

площадку у нарзанного колодца, восстановят разметку бульвара, заделают и закрасят следы пуль на стенах домов. Уберут следы поста, сгоревшего на Казачьей горке.

Так завершилось нападение черкесов на Кисловодск.

На долгой Кавказской войне было много такого, о чём помнят до сих пор – большие жертвы с обеих сторон и славные подвиги, известные в подробностях. Были и полузабытые случаи. Один из них – уникальная оборона Кисловодска!

Наверное, в мире нет ни одной крепости, с таким успехом промахнувшейся по врагу единственный раз за всю свою историю. Эта крепость – кисловодская!

В чем была настоящая причина бегства врага, сообщили агенты, которых командующий Засс содержал среди горцев. Али Хырсыз, предводитель набега убыхов и абадзехов, был ранен пулей и впал в беспамятство. Руководить было некому. Черкесов охватило общее отчаяние. В неведении, что делать, они отступили в сторону вершин Эшкакона. Надеялись, что предводитель очнётся, но через несколько вёрст обнаружили, что он умер, и решили уходить. Эшкаконский пост Красивый пропустил черкесов, не смея пикнуть.

Зато стало понятно движение разбойников к реке Аксаут. В ущелье реки генерал Засс устроил засаду в выгодной позиции. Черкесы прорвались ценой больших потерь. Пленные казаки были освобождены.

Это нападение не было последним. В мае 1843 года казаки отразили набег на район Кавказских вод трех тысяч всадников.

Со временем Александр Симонов взял в жёны Аннушку и стал полусолдатом. Смешно сказать, ему приказал это сделать заботливый комендант крепости. Сочувствующие солдаты построили домик для молодоженов. С тех пор на водах встречается красивая фамилия Симоновы.

Кавказский пленник

В очередную годовщину Отечественной войны Иван Петрович Бежитов, полковник в отставке, георгиевский кавалер и гусар поддался на уговоры жены Авдотьи Гавриловны съездить снова на Кавказские воды. Три года назад

заботливая жена убедилась, что лечение водами помогает израненному воину.

Подошло время повторить курс. На этот раз жена решительно присоединилась к мужу, опасаясь, что ему не доехать одному. Они вместе преодолели долгую и трудную дорогу на перекладных.

После курсов в Пятигорске и Железноводске Бежитовы устроились в Кисловодске. Сняли домик за речкой Ольховой. Лечились нарзаном. Гуляли в парке. Обедали в прекрасном зале ресторации у знаменитого Найтаки. Завтрак и ужин слуга приносил домой.

Как-то прохладным вечером, особенно приятным после дневной жары, пара прогуливалась *en plein air* у нарзанного колодца и наблюдала с благовеиным восторгом, как над горами солнечные лучи сражались с мраком опускающейся ночи.

Иван Петрович смотрел на драматический закат и молчал. Нахлынули воспоминания, но он не решался говорить, боясь испугать Авдотью Гавриловну рассказом о самом памятном и страшном месте в Кисловодске.

Жена спросила:

– Отчего вы молчите, *mon ami* Иван Петрович?

Огненные лучи заката покрыли всё вокруг червонным золотом. Пораженный триумфом света, Иван Петрович отбросил сомнения и начал:

– Душа моя, интересная история случилась при набеге черкесов на Кисловодск в 1836 году. Её напомнил мне третьего дни пятигорский знакомец, штаб-ротмистр в отставке.

Незадолго до набега купец по фамилии Костюченко привез из Астрахани в Пятигорск вязигу, залом, воблу и другую вяленую рыбу. Продал. Искал компаньонов, готовых покупать белую нефть на промыслах в Балаханах с тем, чтобы с выгодой продавать в Бессарабии. Но предприятие не сложилось.

Взамен знакомый армянин Аракчеев, торговавший на пятигорском базаре и холодно оценивший нефтяную компанию, предложил купить в Кисловодске ржаной муки четвертей¹ двести. Дал двести рублей в задаток и верховую

¹ то-есть, четвертей 12-литрового ведра

лошадь кавказской породы.

Полковник Иван Петрович умолк, любуясь открывшейся картиной. Он и жена как раз дошли до въезда в Кисловодск.

Бледный месяц был виден на безоблачном синем небе. Узкая желто-красная кайма венчала вершины гор со стороны солнца. Закатное солнце угасало. Глубокие черные тени создавали резкий контраст с мягкими ярко-желтыми цветами предметов, скал, деревьев и горных склонов. Вечернюю тишину оттенял негромкий шум речки. Дневная жизнь заканчивалась.

Муж прокашлялся и указал на ближнее жильё:

– Посмотрите, *ma chérie*, сюда! Тут случилась беда.

За плетеным тыном была видна хата с закрытыми ставнями и дверью. В тихом дворе не было ни души.

– В этом домишке, дорогая, *commis voyageur*¹ Костюченко снимал угол у поручицы Шатиловой, вдовы. Когда набег задержала перестрелка возле гауптвахты, черкесы ворвались в дом. Они стали хватать имущество и всех, кто подвернулся под руку.

Отбивающуюся хозяйку не могли протащить через дверь из-за её тучности. Жестокий разбойник зарубил несчастную саблей.

Перепуганного насмерть купца вытолкали во двор. Тут прогремел выстрел пушки из крепости. Разбойники поспешно посадили пленника на заводную лошадь, крепко привязали к седлу и молниеносно покинули двор, не забыв прихватить деньги и лошадь коммивояжера.

– *Gens terrible et dangereux!*² – сказала Авдотья Гавриловна и покачала головой.

– Ты права, радость моя, эти люди ужасные и опасные, – согласился полковник и продолжил рассказ. – Разбойники ехали быстро и без остановок. Несомненно, хорошо знали дорогу.

Когда стемнело, стали на привал. Один пошел к лошадям, привязанным поблизости. Другие легли рядом, завернувшись в бурки. Купец всю ночь даже не пытался заснуть. Задремывал. И

¹ *коммивояжер (фр.)*

² *Страшные и опасные люди! (фр.)*

часто просыпался. Ночью в осенних горах особенно холодно. Он околоченел так, что не мог даже думать о побеге.

Утром до света поехали дальше.

В пути к ним присоединились трое верховых. На заводной лошади они везли мертвеца, завернутого в бурку и спелёнатого веревкой. На других заводных лошадях везли женщину с грудным ребенком, мальчика лет 12 и маленькую девочку.

Разбойники остановились и стали бурно выговаривать что-то друг другу. Едва не дошло до драки. Старший черкес разнял. После купец узнал, что вместе с пленниками везли главаря черкесов Али Хырсыза, застреленного в Кисловодске.

Вечером на привале их встретила группа горцев во главе с почтенным старцем. Они забрали мертвеца. После них уехали трое черкесов со своими пленниками. Купец справил нужду в сторонке и напился воды из ручья. Съел выданный ему кусочек холодной каши.

На седьмой день подъехали к усадьбе старшего разбойника. Она выглядела невзрачно. На возвышении стояли турлучные домишки и сарайчики, покрытые досками и соломой. Огорожей служил покосившийся плетень.

Рядом были ровные участки обработанной земли. Каждый из них был окружен рядом кустарников и деревьев. Между участками вились узкие грунтовые дороги.

Другие холмы составляли края просторной долины. На холмах стояли усадьбы, а между холмами росли рощицы и выступали сглаженные скалы.

Что будет с ним в этом прибежище разбойников? Душа его дрожала. Он оглянулся. И замер в восхищении.

Открылась потрясающий красоты живая картина. Ничего похожего прежде он не встречал, хотя успел повидать немало в своих торговых поездках.

Свежий морской бриз гнал по голубому небу снежно-белые облака. Вдали виднелось море. Бегущие тени облаков заставляли земные цвета переливаться.

Желто-оранжевые убранные участки кукурузы и проса делались красно-коричневыми. Нежно-зеленые рощицы синели, а скалы бурели. Синее море местами чернело. Лента бурливой реки оставалась пестро-белой.

Редкие высокие деревья на её берегах покачивались под ветром. Слабый шум ветра и негромкое журчание реки оттеняли земной покой.

В этом прекрасном краю жили *убыхи*, самое воинственное племя среди полудюжества черкесских племен. Себя они называли *пех*.

Коммивояжер удивился, что его не посадили в узилище, а отдали черкесскому мальчишке, пасшему козье стадо.

Долина реки Буу (Вардане, Сочи) (У.Симпсон, 1855 г.)

Помогая жестами, мальчишка сообщил, что его зовут Али, а господина – Аслан Семез.

Усадьба, дом и работа по дому – всё называлось *уна*. Свое большое стадо Али назвал словами, неприличными для нашего уха, – *цагу хъайуанхэр*.

Авдотья Гавриловна не удержалась:

– Иван Петрович, не ругайтесь!

– Не буду, любовь моя, – ответил муж, пожал плечами и

пояснил, – по-ихнему это значит просто «домашние животные». Продолжил рассказ:

– То ли из озорства, то ли ради значительности, купец назвал себя Коммивояжер. Мальчишка запутался в длинном имени, и укоротил его до Комми. Они посмеялись. И вроде бы подружились.

Жена господина давала Комми работу. Он старался работать хорошо. Помнил свое рабское положение.

Его поселили в *чат*, по-нашему закут для котных коз. В *чате* имелся рабочий инструмент. Комми копал мотыжкой огород и рубил лес на дрова.

Заменял на крыше солому. Дыры в стенах замазал мокрой глиной с коровьим помётом, который приходилось беречь потому, что коровы были редки, а помет высыхал и портился. Тогда он сдавал его на топливо.

Приходилось часто носить воду снизу из реки *Буу*. Черкешенки кувшин называли тоже «кувшин». Еду, которую ему давали, называли *шхын*. Она состояла из просяной каши, козьего сыра, пресной лепешки и родниковой воды. То же самое ели хозяева.

Первое время Комми очень замерзал по ночам. Обувь у него совсем развалилась. Хозяйка дала ему два куска сыромятной кожи. Он сделал себе чуваки, по-черкесски *чу акы*.

Хозяйка одобрила сделанное и принесла рваную горскую одежду, иглу и суровые нитки для починки. Добавила потрепанный войлочный башлык и старую бурку, называемую *джаока*.

Подневольный труд делает жизнь невыносимой, – размышлял он. – Убить себя – грех тяжкий! А бороться за свободу нет возможности. Недаром племя убухов считается самым воинственным и организованным среди черкесов. Они превратили прекрасную местность в крепость и тюрьму одновременно.

Как здесь красиво! Эта красота зимой может стать моей могилой. Местность населена плотно. Если убегу, то меня, не знающего дороги, возьмет в плен всякий встречный черкес и, если не убьёт, то сделает своим рабом.

Скажу имя господина. Меня вернут ему. Ведь за кражу

народное собрание *хасэ* жестоко наказывает по *шариату*. Недоказанную кражу считают молодечеством. Жалобы раба, как и детей и женщин, суд не принимает во внимание. Понятно, почему эти преступники предпочитают красть детей и женщин, как скот. Тех и других продают с выгодой.

Коммивояжер все более терял надежду на побег. В то же время Комми был почти уверен, что в Турцию его не увезут. Умножившиеся в последние годы русские крейсера на Черном море пресекали работорговлю каждодневно, даже в зимние шторма. Он слышал, что, завидев корабль, контрабандисты сбрасывали в море живой груз. Русские же моряки не арестовывали работорговцев, потопивших людей, а убивали без жалости. Лодки уничтожали.

Комми заключил, что в конце концов его ждет скорая гибель. Бежать надо было даже под страхом смерти. Во что бы то ни стало! Но не сейчас! Зима препятствовала. Надобно хорошо подготовиться к теплой погоде и весне.

Порыв ветра принес прохладу. Авдотья Гавриловна поправила шаль на плечах. Иван Петрович умолк, покашлял и сказал, чтобы немного утешить жену:

– Старинная поговорка «на бога надейся, и сам не плошай!» помогла ему выжить...

Жена взяла его за руку.

Они вошли под защиту прогулочной галереи. Сели на лавку у стены. Иван Петрович решил прибавить к рассказу подробности, надеясь немного развлечь молчаливую жену:

– В ожидании зимы Комми обустроился – сказал полковник, – сложил из камней очаг для согревания. Завесил окно и дверь закута шкурами. Вбил в стену колышки, чтобы вешать одежду.

Соорудил топчан для сна. Покрыл его камышом и буркой. Козы – как ты знаешь – любят забираться наверх. Каждый вечер Комми приходилось прогонять их и сметать бесчисленные козы шарики. Иногда козы даже норовили делить с ним ложе.

Авдотья Гавриловна засмеялась, и Иван Петрович продолжил:

– Из-за козых бесчинств Комми отгородил для себя

небольшой загон в углу *чата*. Животные не могли проникнуть туда. С заходом солнца пленник ложился на земляной пол, завернувшись в бурку.

Думы о побеге особенно одолевали его ночами. Звезды и луна светили сквозь дырявую крышу и напоминали ему о вечности мироздания и о краткости жизни. Время тянулось невыносимо долго.

Козы согревали закут своим теплом. Бывало рождались козлята. Мальчишка Али научил Комми козьей дойке. Молоко сдавали госпоже.

Господин Аслан был *уорк*, то есть, уздень или дворянин. А ещё он был поэт и музыкант, известный всему *Аттехею*. Так черкесы называли свою родину. Вид у Аслана был неприятный. Конопатый, волосы рыжие, борода клинообразная, выражение голубых глаз зверское – сущий дьявол!

При этом он, похоже, был романтическим человеком. Комми не раз видел, как Аслан с женой сидели на одном и том же лежащем стволе дерева. Они подолгу молча смотрели на долину и море. Видно, мечтали или грустили, как всякие другие люди.

Иногда Аслан ездил на празднества. Отовсюду съезжались зависимые соседи. Несомненно, их многочисленность доказывала соплеменникам могущество господина. Собравшиеся отправлялась в священное место, называемое *таганк*. Необыкновенное было шествие – настоящий восточный парад или смотр, однако, без флагов и литавр.

Уорк Аслан ехал на прекрасном гнедом аргамаче. Зеленый чепрак коня украшал золотой галун. Алый шелковый плащ всадника был расшит серебром, а красный атласный колпак оторочен голубым куньим мехом.

Уорк пел высоким голосом запев. Играл на черкесской двуструнной скрипке *шычепцыне* в контрапункт с ударами и тремоло барабана *шонтрып*.

Впереди выступали танцоры. Они шли мелким семенящим шагом, тянулись вверх всем телом и взмахивали широкими рукавами черкесок, будто крыльями. Позади певца ехала блестящая группа вооруженных джигитов.

Последними шагали пешие черкесы. Они ритмично били в

ладоши и дружно пели припев. Когда смолкала музыка, толпа взрывалась криками и вразнобой стреляла из ружей на воздух.

Комми вздохнул и подумал: «Мне не ходить в этих парадах. Как жаль! Чем не путь к бегству? Плясал бы не хуже черкеса.

Рядом приплясывал знакомый раб Митяй. Он негромко проговорил: «Они поют о народе: *«Над вольным Аттехеем летаем гордыми орлами. Поверженных врагов топчем своими конями. Слава богам!»*». Повторяют будто заклинание.

Митяй был крепостной из России, пермяк «соленые уши». Прижился у черкесов давно. У него было две веры. То опускался на колени и всплескивал руками со словами *Аллах, Аллах*, а то крестился и говорил *Христос, Христос*.

Про себя комми называл его Пятницей, как Робинзон Крузо своего дикаря. От него он узнавал обычаи и правила поведения в обществе черкесов.

Комми старался научиться словам, но получалось плохо. Известно, что речь черкесов необыкновенно сложна. В особых случаях переводил Пятница. По правде говоря, беглый крепостной Пятница стал бесценным Вергилиусом для Комми.

Достойными для настоящих черкесов занятиями были молодечество, разбой, охота и война. Черкес всегда ходил с оружием. Рабу к оружию нельзя было прикасаться. Могли убить! Раб не ездил на конях. Уделом рабов была *уна*, то есть работа. Черкесы *пех* ценили трудолюбие *урысов*. Но труд презирали, кажется, сильнее, чем русских людей.

Иван Петрович прервал рассказ и задумался. Стих ветер. Исчез шум листьев. Сквозь шум речки негромко булькал нарзан. Иван Петрович чувствовал, что самое страшное надо рассказывать поскорее. Он начал:

– Смышлёный Пятница был хороший работник и *уорк* его наградил. Для собственной пользы выделил дом, коз, несколько овец, участок земли и жену-пленницу, которая завела кур и ткацкий станок.

Пятница трудился охотно и каждую осень отдавал господину необременительный натуральный налог. Natuurой расплачивался также за волов, использованных в поле, и за калым, который господин заплатил за его жену. Своей жизнью,

судя по всему, был доволен. Глядя на разумного Пятницу, Комми спрашивал себя с отчаянием:

– А что, если мне тоже жить благополучной сельской жизнью?

Отвечал с отвращением:

– Не дай бог! Не стану жить в неволе!

Однако, *уну* исполнял старательно, хотя был убежден, что рабское повиновение редко приводит к добру.

И, действительно, Пятницу постигло страшное несчастье. У него были красивые детки мальчик и девочка. Они, как и сам Пятница, принадлежали господину по обычаю рабства.

Урк Аслан забрал у Пятницы сына и отправил в дальнюю убыхскую семью на воспитание, надеясь продать затем с выгодой. Дочку решил продать немедленно.

Комми увидел самое ужасное горе на свете – родители были не в силах помочь своим детям. Полные отчаяния, они сидели рядом, держались за руки и ручьем проливали горькие слезы.

– *C'est terrible!* – воскликнула со слезами в голосе Авдотья Гавриловна. – Бедные детки и родители! Как их жалко! – вздохнула тяжело и прибавила, – Как хорошо, что государь запретил разлучать семьи крепостных и продавать их без земли! Он такой добрый!

Пораженный этим взрывом чувств жены, полковник понял, что не следует сообщать ей о неудачной попытке Пятницы бежать, закончившейся его продажей турецкому купцу.

Стал рассказывать иначе:

– Комми думал, лежа в закуте без сна: «Надобно бежать! Однако брать с собой Пятницу не следует. Неважно, знает он дорогу для побега или не знает! В России ему будет плохо, – вольную не получить и жизнь не наладить! Даже если найдутся деньги, чтобы выкупить его. Всё одно, он останется без дома и без семьи. Но бежать или не бежать – его воля. Выберет он сам!

Прошло немного времени. В *уну* приехали черкесы, которых Комми не видел прежде. Они потолковали с хозяином, посадили Комми на коня и поехали с ним в лес. Через несколько дней приехали к зарослям на берегу какой-то речки. Подождали, пока не стемнело.

Двое черкесов перевели Комми через речку и негромко свистнули. Им ответили. Комми подтолкнули вперед. Он полез через заросли и почти сразу наткнулся на засаду пластунов.

Так он вернулся из плена. Выяснилось, что его обменяли на черкеса, захваченного в плен войском генерала Засса.

Великолепный конец! *Magnifique fin!* – воскликнула жена.

– Знакомый тебе барон Григорий Христофорович Засс делает все правильно! – одобрил полковник. Засс, начальник Кубанской линии, содержит платных агентов, через которых узнает черкесские намерения.

Перенял у черкесов партизанскую тактику. Сам кавалерист, – тут полковник покрутил усы – барон умело применяет внезапные конные набеги на горцев, которые провинились разбоем.

Конные атаки поддерживает с помощью вьючных пушек. В набегах лишает черкесов урожая, скота и жилищ. Уничтожает и берет в плен попавшихся с оружием. Пленных и погибших не стесняется обменивать по-рыцарски.

Пехоту пускает за кавалеристами. Окончательно победив врага, прокладывает дороги, строит укрепления и размещает в них войско.

На землях, брошенных жителями, которые в страхе разбежались по лесам, барон поселяет мирных горцев и казаков, по большей части из бывших запорожских сечевиков.

– Безнравственно воевать против граждан в своем отечестве! – возмутилась Авдотья Гавриловна.

Полковник Иван Петрович ответил иронично:

– Ты права. По международным договорам черкесы – граждане нашего отечества. Вспомни оперу «Жизнь за царя», которая нравится тебе. Она была показана государю и свету в то самое время, когда пленили Комми. Настоящий гражданин Иван Сусанин отдал жизнь за Россию и царя.

Напротив, черкесы предали Россию нашим врагам и в Европе, и на Кавказе. Враги тебе известны. Это Турция, Франция и Англия. Скажи, как поступать с предателями среди своих? Император правильно повелел «уничтожить тех, кто не

покорится». Засс выполняет его волю. Давай, *bien-aimées*¹, не будем снова спорить!

Стемнело. Супруги встали с лавки. Вышли на променад. Под ночным ветром громко шумели деревья темного парка. Ниже бледного силуэта ресторации чернел вход в мрачный Грот будто в дьявольскую преисподнюю.

Полковник помолчал и решил переменить тему:

– Любопытно, что штаб-ротмистр упомянул в своем рассказе ресторатора Найтаки.

Жена молчала весь спич мужа. Теперь удивленно спросила:

– Каким боком *ce restaurateur provincial*² относился к черкесскому пленению и спасению?

Иван Петрович заметил интерес жены и сказал:

– О, падишах души моей! Поведаю тебе, что пятигорский армянин, невольно пославший коммивояжера в рабство, чрезвычайно обрадовался, когда они встретились. Пригласил в дом, и они целую ночь предавались воспоминаниям за бутылкой вина, – улыбнулся полковник. – Утром расчувствовавшийся Комми поставил свечу в пятигорской церкви в благодарность за своё чудесное освобождение.

Внезапно ему захотелось помолиться в левом, новом приделе. Он вошел туда. Опустился на колени и стал совершать земные поклоны. Он вспомнил дорогого Пятницу, своего наставника и отчаявшегося раба. Осеняя себя крестным знаменем, Комми со слезами просил Богородицу спасти несчастного и его семью.

Иван Петрович был рад интересу жены заключил:

– Штаб-ротмистр утверждает, что в левом приделе Скорбященской церкви на людей, молящих об узниках, нисходит божье благоволение. Все это знают! И тому есть особая причина. Придел построил щедрый благотворитель Пётр Найтаки, известный своей заботой о заключенных. К строительству Петра побудило замечание императора Николая Павловича. Оказывается, государь приезжал в Пятигорск и заметил тесноту церкви. Как-нибудь я расскажу тебе об этом.

¹ *возлюбленная (фр.)*

² *этот провинциальный ресторатор (фр.)*

В темном небе над черными кронами деревьев просиял последний золотой луч. Пришла скорая ночь. При свете луны и первых звезд Бежитовы осторожно пошли вперед. У мостика через речку их встретил слуга с фонарем. Перешли мостик и вошли в тихий дом.

На столе горела свеча и стыл ужин, принесённый из ресторации. Полусонная служанка помогла госпоже снять шляпку и верхнюю одежду. Взяла со стола ужин и принялась разогревать.

Приезд императора

В 1836 году императора ждали напрасно. Но на следующий год Николай Первый, действительно, отправился в путешествие по югу.

В Грузии он задержался. Пришлось разбираться со злоупотреблениями местных военачальников. Сурово наказал виновных и поспешил в столицу. Надобно было открывать железную дорогу в Царское Село. Его ждало также множество других неотложных дел.

Военно-Грузинскую дорогу император и свита преодолели в осеннюю непогоду. Торопились изо всех сил. Карета императора едва не упала в пропасть. Впоследствии государь говорил, что от падения его спасло чудо. После Владикавказа ехали без дорожных происшествий. Ненадолго останавливались в Пятигорске, Георгиевске и Ставрополе.

В дороге император простудился. Не помогла привычка к походной жизни. Хуже того, у него разболелся зуб. Может быть, поэтому в Пятигорске он пробыл лишь один неполный день. Это было 16 октября 1837 года.

Как только Пётр Найтаки узнал в Кисловодске, что долгожданный приезд императора состоялся, он отложил дела и поспешил в Пятигорск.

Обстоятельства вынуждали делать это, не мешкая. Курсовой сезон заканчивался, и нельзя было допустить, чтобы пропали богатые запасы, сделанные для предполагаемого пикника с императором. Загрузив повозку продуктами, Петр и Тохтар отправились с казачьим конвоем в Пятигорск. В

Пятигорске скоропортящиеся продукты быстро отнесли в погреб и в ледник ресторации.

После пили чай в буфетной, и Петр расспрашивал Алексея, как прошел приезд императора:

Император Николай Первый (1796-1855)

- Скажи, сынок, император похож на портрет, который висит в зале ресторации?
- Да, папа, похож.
- А как прошел приезд императора?

Алексей стал рассказывать:

– Вначале император посетил офицерскую больницу и казармы военно-рабочей команды. Потом, сопровождаемый небольшой свитой и городским начальством, прошелся по местам прогулок возле ванного здания. Публика стояла вокруг и встречала императора восторженными криками.

Наш новый уездный город, его устройство и, особенно, лечебные заведения строгому императору понравились. Устройство ванного здания государь осмотрел внимательно и сказал, что деревянное здание надобно перестроить в каменное и украсить, как следует. Предложил ванны изготовить из мрамора, а бассейн отделать яшмой.

Для дальнейшего строительства и украшения он велел выделять на каждый следующий год по двести тысяч рублей. Сказал, что деньги советует держать на специальном счете в банке, чтобы брать оттуда по мере надобности, а неистраченный остаток сохранять на будущее развитие города.

После император и свита проследовали на молебен в Скорбященскую церковь. Тут, – заметил Алексей, – я рассмотрел государя вблизи. Он был точно похож на свой портрет.

Народу набежало множество, и в церкви стало не протолкнуться. Выходя из церкви после молебна, император сказал, что церковь показалась ему тесной и душной. Необходимо строить собор. И указал место.

Он поможет с проектом красивого пяти купольного здания, и считает, что для народного строительства необходимо объявить благотворительный сбор денег по всему российскому государству.

Все благодарили императора. Крестились и низко кланялись, желали ему здоровья и долгих лет. Крестили его вослед.

Пётр Афанасьевич выслушал рассказ сына и вздохнул:

– Печально, что я не увидел императора, и грустно также, что торжественный пикник не состоялся. Наши хлопоты оказались напрасными.

Но не будем посыпать голову пеплом, а займемся делом. Надобно быстро составить акт о списании продуктов. На

другой день отнесу Петру Петровичу в присутствие. Пусть оплачивает! Думаю, предложить ему передать то, что возможно, в госпиталь. Тогда солдатики получат угощение в честь приезда императора.

Петр и Алексей разложили на столе свои блокноты. Стали подсчитывать затраты и составлять акт списания. Когда закончили, Петр задумчиво сказал:

– Не получилось с пикником, так давай ответим делом на недовольство императора и улучшим нашу церковь. Как ты посмотришь, если мы за свой счет увеличим её площадь? Например, пристроим к ней обширный придел.

Обдумаем эту затею и посчитаем, во сколько она станет. Если сочтем возможной, то обратимся с предложением к начальнику Строительной комиссии Петру Петровичу Чайковскому и к священнику церкви отцу Павлу Архангельскому. Уверен, что они дадут согласие.

В следующие два года на пожертвованные деньги к церкви был пристроен левый придел. Все оценили щедрость и богобоязненность отца и сына Найтаки. Потом стали говорить, что этот придел находится под особым покровительством Богородицы. Так закончился для Найтаки визит императора.

Приезд императора не отразился в названии здания пятигорских ванн. Подтвердили прежнее официальное название Николаевские ванны, данное в честь дня рождения императора при закладке каменного здания в 1826 году. Но в народе ванны продолжали именовать Ермоловскими в память о генерале Ермолове, определившем это место у Александровского источника для деревянного здания.

После 1837 года верноподданные чувства жителей города нашли свое окончательное выражение. Ванны достроили и украсили. До самой революции они имели двойное название: официальное и народное. После революции они получили третье название. Их назвали Лермонтовскими в память о поэте, лечившем когда-то на этом месте. Сказать в шутку, такой чехарды они не смогли выдержать. И перестали действовать из-за резкого сокращения объема поступающей минеральной воды. Сейчас опустевшее здание населяют одни лишь привидения прежних исторических личностей.

ЧАСТЬ V. Памятные встречи

Встреча с поэтом

Рестораторы Найтаки общались с поэтом Лермонтовым много раз. Петру особенно запомнилась последняя встреча. Произошла она 24 мая 1841 в Пятигорске.

Курсовой сезон еще не разгорелся, и пятигорская гостиница не была заполнена. Петру не было надобности работать круглые сутки с полным напряжением сил, и он позволил себе ночевать дома.

Уходя ранним утром из дома, он тихо закрыл за собой дверь, стараясь не разбудить семью. Налил свежей воды сторожевой собаке, лизнувшей ему руку, закрыл калитку и вышел на Бульвар. Утренняя прохлада и чистое небо обещали жаркий солнечный день.

Привычно придерживаясь тени молодых лип, Петр шел на работу в гостиницу неспешным шагом. Хотя под уклон шагалось легко, возраст сказывался. Как никак, ему исполнилось 64 года. Навстречу поднимались группки больных со слугами, несущими узлы со всем необходимым для купания. Они торопились к Кислосерному источнику, Варвацевским и Сабанеевским ваннам.

Наконец, Пётр пришел в центр города с прекрасным зданием гостиницы и Скорбященской церковью. Часы на колокольне церкви пробили шесть. Петр перекрестился и вошел в гостиницу. Ему доложили, что накануне вечером поселились капитан Нижегородского драгунского полка Алексей Аркадьевич Столыпин и поручик Тенгинского пехотного полка Михаил Юрьевич Лермонтов с служащими людьми. Господа уже получили завтрак в номер.

Петру надо было самому видеть новых постояльцев. Он вспомнил, как познакомился с Лермонтовым. Это было в 1837 году. Тогда поэт болел тяжелыми ревматизмами и лечился минеральными водами в Пятигорске, Железноводске и Кисловодске с конца мая до середины сентября. Нередко обедал в найтаковских ресторациях, захаживал в благородное

собрание, на балы и на представления заезжих артистов.

За прошедшие годы поэт стал известен всей России, слава его выросла необыкновенно. В Пятигорске новые стихи появлялись почти одновременно со столицей. Списки привозили в подарок приезжавшие на лечение. Недавно к купцу Челахову пришли из Петербурга книги с романом «Герой нашего времени». Все заметили, что Челахов был упомянут в романе.

Читали роман с большим удовольствием. Увидев автора, почтительно шептались: «Лермонтов идет!» Однако в городском обществе сложилось разное мнение о Лермонтове. Одни читатели искренне восхищались лермонтовским гением, поражались прекрасным описаниям Кавказа, точному знанию местной жизни, обычаев и характеров людей. Другие судили поверхностно и смешивали творца с его творением, ругали поэта за гордость, высокомерие и непослушание правительству.

В отличие от них Петр Найтаки судил о человеке не по слухам, а по делам и поступкам. Узнав о приезде Лермонтова, он поспешил подняться на этаж к номеру.

Постучал в дверь и, получив приглашение, вошел. За самоваром завтракали двое. Оба умытые, с причесанными влажными волосами, коротко постриженными по-армейски.

Бросилась в глаза разница внешнего вида. Один высокий белокожий красавец с бурыми волосами. Другой среднего роста, крепкого телосложения с широкими плечами. Высокий лоб обрамляли черные волосы. На смуглом скуластом лице привлекали внимание прекрасные выразительные глаза. Петр узнал возмужавшего Лермонтова.

Постояльцы были по-утреннему одеты в белое нижнее белье и халаты. Ничего удивительного. В гостинице Пётр повидал всякое. Приветливо улыбнулся, поздоровался, выказал радость от встречи и добавил, что окажет любую помощь. Сказано было достаточно. Следовало остановиться и вежливо попрощаться, чтобы не докучать господам. Но перед ним сидели необычные гости, и он решил проявить особое усердие.

Обращаясь к Лермонтову, спросил:

– Сколько лет, сколько зим прошло с тех пор, как я удостоился чести видеть вас, Михаил Юрьевич? Как ваше

здоровье? Не дай бог, опять простудились в дороге, как четыре года назад! Или приехали с намерением повторить полный курс? Это правильно! Повторное лечение было бы весьма полезно для укрепления здоровья! С радостью будем принимать вас и вашего спутника!

Лермонтову расспросы Петра не понравилась. Он быстро проговорил приятным грудным голосом:

Лермонтов М.Ю. (Горбунов К.А., 1841 г.)

– Не спрашивай о моем здоровье! Это делает каждый встречный, едва знакомый мне. Лучше спроси меня, как мои дела. Ты же мне старый знакомец! Скажу тебе прямо, в чем причина моего приезда, потому что рассчитываю на твою помощь. Мы едем в полки и решили остановиться здесь, чтобы отдохнуть и полечиться. По старой дружбе подскажи, как убедить здешнего коменданта разрешить нам задержаться, чтобы принять ванный курс.

Поэт был уверен, что услужливый или, как говорили, «ловкий на все руки» ресторатор поспешит оказать необходимую помощь.

Петр догадался, что упомянутая поэтом болезнь была лишь подходящим предлогом, чтобы задержатся на водах и хотя бы на время забыть суровые армейские будни. Не подавая вида, что ему известна истинная причина, сказал:

– Я приглашу секретаря комендатского управления. Он напишет необходимые рапорты и отведет вас к коменданту.

Улыбнулся и прибавил:

– Советую вам, господа, оказать почтение коменданту и надеть к визиту парадную форму.

Обещание Петра помочь не было пустым. Каждое утро он посылал в комендантское управление секретарю Карпову список прибывших путешественников, убывших и больных постояльцев. На этот раз написал, что приехали офицеры Столыпин и Лермонтов, заболевшие в дороге. Оба нуждаются в срочной помощи.

Вскоре секретарь пришел в гостиницу и составил рапорты о болезни для подачи коменданту Иляшенкову. Посоветовал посетить ординатора Ивана Егоровича Баркляя де Толли, лечащего в госпитале. Он выдаст необходимое свидетельство о болезни. Мысленно Пётр с ним согласился. Всем была известна доброта Ивана Егоровича. Офицеры поблагодарили и сказали, что к врачу они обратятся позднее. Затем выразили желание представиться коменданту. Было 9 часов, когда они отправились вместе с секретарем в комендантское управление. Петр мог заняться привычными гостиничными делами.

Престарелый комендант полковник Василий Иванович Иляшенков принял рапорты молодых офицеров и разрешил остановиться в городе. Отечески посоветовал вести себя беспорочно и «не шалить». Заботливый секретарь рекомендовал снять частное жилье на усадьбе отставного майора Василия Ивановича Чилаева в верхнем конце Большой средней улицы.

Лермонтов знал город хорошо, и надобность в сопровождающем отпала. Идти было близко. Усадьба располагалась на верхней площадке у подножия горы Машук.

Сговорились с хозяином быстро и заплатили задаток сто рублей серебром за турлучный флигель во дворе, называемый в наше время «Домик Лермонтова».

В тот же день постояльцы съехали из гостиницы и наняли повара, которого им предложил Найтаки. Кто, кроме Петра Найтаки настолько хорошо знал жителей Пятигорска, что мог срочно указать подходящего человека для приезжих господ?

Имя этого повара в отличие от слуг, привезенных господами, давно забыто. Записка Найтаки комендантскому секретарю также затерялась во времени. Зато сохранились рапорты, пересланные командирами, и свидетельство лекаря. Неспешная переписка военных канцелярий позволила Лермонтову задержаться на кавказских водах почти на месяц.

В Пятигорске вокруг Лермонтова собрался круг друзей. Для них поэт и его двоюродный дядя Столыпин держали открытый стол. Друзья заходили, не чинясь, будто к себе домой. Привычки, усвоенные в гвардии, обязывали к этому. Лермонтов купил коня и седло для прогулок по окрестностям, принимал ванны минеральной воды и приятно проводил время, забывая об армейских буднях и войне. Почти каждое утро работал за столом, нередко писал и ночью.

Прошло две недели. Начался разгар сезона, и Лермонтов снова обратился к Петру Найтаки за помощью. Возникли сложности с устройством городского бала.

Распорядителем на праздниках в Пятигорске в этом сезоне выступал заслуженный генерал князь Владимир Сергеевич Голицын, лечившийся после ранения в Чечне. Богатырь и богач, любивший искусство и развлечения, он пользовался авторитетом у молодежи. Очередной бал предложил дать городу не в зале ресторации, а на открытом воздухе. Местом проведения выбрал казенный ботанический сад за городом.

Лермонтов возразил, что ночью невозможно будет развозить по домам дам, усталых после танцев, когда на весь Пятигорск есть только 3-4 биржевые дрожки, а свой экипаж мало у кого имеется. «Так не на повозках же тащить?» – было сказано по воспоминаниям Раевского, приятеля Лермонтова.

Генерал рассудительно разъяснил, что благодаря удаленности не будет мешаться разношерстная публика.

Оберегал благородное собрание от посторонних лиц.

Молодежь, однако, поддержала Лермонтова. На его квартире близкие друзья обсудили сложившееся положение. Решено было устроить по подписке собственный бал у грота Дианы возле Ермоловских ванн. Пожелали выбирать сами, кого приглашать. Их можно было понять. В Пятигорске в отличие от столиц было много армейских офицеров, к которым Лермонтов относился пренебрежительно.

Пётр Найтаки не знал о разногласии с генералом. И если бы даже знал, он по своему положению не мог отказать в устройстве бала в благородном собрании. И также не мог допустить, чтобы этому помешала большая загруженность ресторации. Надобно было поддерживать репутацию умелого и нужного человека! Когда Лермонтов и Столыпин обратились к нему, он, не колеблясь, ответил согласием:

– Рад доставить вам удовольствие! Давайте, Михаил Юрьевич и Алексей Аркадьевич, обсудим, с чего начнем дело. Самое важное – определить, на сколько человек готовить еду.

Вопрос оказался непростым. Пока Лермонтов и Столыпин занимались подсчетами, Петр рассудил, что он сообщит о бале властям:

– Ни одно собрание в городе не оставляется без надзора. Поставлю в известность полицмейстера Виктора Афанасьевича Бетаки и напомню ему, что я досматриваю за танцами, которые постояльцы устраивают на бульваре. Он мной доволен и всё оставит на моё усмотрение.

Далее ресторатор и его гости договорились об ужине в отдельной комнате гостиницы за обычную цену. Вино решили подавать за отдельную плату. На десерт Петр предложил фрукты и конфеты. Лермонтов прибавил, чтобы было мороженое. Он был большой его любитель.

Гости задумали украсить грот Дианы и сделать поблизости дамскую уборную. Идея была отличная, и Пётр решил напомнить Лермонтову о галантерейщике Никите Артемьевиче Челахове. Этот приятель Петра, как и другие армянские купцы, не только продавали, но также давали напрокат ковры и всякие вещи для украшения жилищ.

Тотчас обратились к купцам. Уплатили задаток 1500 рублей

и получили необходимое. Пётр предоставил повозку для доставки. Лермонтов и его друзья занялись обустройством места бала с большим старанием

Бал на воздухе начался 8 июня в 8 часов вечера, обычное время для балов в найтаковской ресторации. Погода благоприятствовала. Ночь обещала быть теплой. Пётр пришел посмотреть на веселье, когда появились луна и первые звезды.

Пятигорский грот Дианы

Наверху над гротом Дианы играл оркестр с бульвара. На песчаной площадке перед гротом кружились пары молодых офицеров и девушек в красивых нарядах. Среди офицеров некоторые были с темными повязками, один хромал.

Вокруг в некотором удалении стояла толпа неприглашенной публики. Пётр протиснулся сквозь её ряды. Как раз объявили перерыв между танцами. Оркестр заиграл знакомую мелодию.

Перед Петром открылась прелестная сцена. Грот Дианы был богато украшен коврами. Колонны обвивала зелень и украшали цветы. Со свода спускались разноцветные шали и

шелковые ткани. Их соединял узел, который был скрыт за круглым зеркалом. Получилось что-то вроде персидской палатки.

В середине грота свисала трехъярусная люстра, обвитая зелеными ветвями и живыми цветами. Петру было известно, что эту люстру сделали по задумке Лермонтова из веревок и трех обручей. Свечи, расставленные на люстре, освещали грот, показывая красоту драпировки.

Масляные плашки подсвечивали деревья аллеи. На ветвях красовались тысячи разноцветных бумажных фонариков. Их изготовили друзья Лермонтова. В конце аллеи стояла армейская палатка, щедро украшенная дубовыми ветвями и цветами. К ней вела красная суконная дорожка. Внутри была устроена дамская комната с прислужницей и парикмахерскими принадлежностями.

Петра удивило огромное зеркало в сверкающей серебряной оправе. Как будто открылось окно волшебного дворца, в котором звучала чудесная музыка. Дворец весь переливался яркими огнями. Через 60 лет видение Петра, устроенное Лермонтовым, сбылось. На этом месте возвели великолепную музыкальную галерею и назвали её лермонтовской.

– Что только не привидится, – вздохнул Пётр и вспомнил о недавней строгой противопожарной проверке гостиницы. – Уверен, пожар на балу не случится. Ветер не колеблет ни листья на деревьях, ни пламя в светильниках. Не стоит беспокоиться! Всё идет по порядку. Можно уходить.

Не прощаясь, Пётр отправился домой. Ни одно окно не светилось в городе. Жители крепко спали. Черное небо было усыпано серебряными звездами. Уличные фонари едва побеждали мрак ночи.

Петр неспешно шагал по бульвару между черными тенями деревьев и размышлял:

– В Пятигорске жители привыкли к ночным балам и музыке, – заметил он. Известное дело, народ смиряется с неизбежным. «Кисмет!» – говорят на Востоке о силе судьбы, неподвластной людям. К людскому смирению прибавляется природное свойство кавказцев – уважение к гостю. Смирение и уважение – вот в чем секрет услужливости.

Глаза Петра приспособились к темноте. Показалось даже, что вокруг посветлело. Мысли стали яснее и предметнее:

– На Кавказе услужливость превратилась в настоящее гостеприимство. Горцы делают для гостя все возможное и невозможное. Отдают любую ценность, как только услышат нечаянное восхищение. Гости долго помнят эту услугу. Моя услужливость тоже запоминается, хотя она предоставляется ради выгоды. Просто каждому известно, что он найдет лучшее лишь у меня и нигде больше.

Собственная похвальба показалась ему недопустимой:

– Говорят, что гостя посылает бог. В общем это верно. Только цель бога бывает разной. Для горцев встреча гостя – счастливые затраты, для меня – расчетливая прибыль. Однако, встреча с Лермонтовым – это нечто иное. Расчету она не поддается, бесценна и незабвенна.

Пётр посмотрел туда, где в ярком свете веселилась молодежь. Вспомнил танцующего Лермонтова. Радостно и светло сделалось на душе. Он мысленно благодарил господу за встречу с этим замечательным человеком.

Наконец он добрался до своего дома. Тихо вошел во двор, стараясь не беспокоить семью. Погладил обрадованную сторожевую собаку. Убедился, что во дворе всё в порядке и отправился спать.

На следующий день разобрали украшения грота Дианы. Вещи, взятые напрокат, вернули купцам. Площадку перед гротом тщательно очистили. Тягостное впечатление произвёл на Петра опустелый грот.

Обнаружилась другая странность. Голицына не позвали на увеселение и даже не сообщили о нем. Князь разгневался и в ответ не пригласил устроителей бала на торжество с танцами и фейерверком, который собирался провести через неделю в казенном саду, чтобы отметить день своих именин.

Прошла неделя и случилось ужасное несчастье. В 7 часов пополудни Лермонтов был убит на дуэли. Над Пятигорском разразилась гроза с громом, молниями и проливным дождем.

– Сама природа возмущалась и оплакивала смерть поэта – говорил Пётр Найтаки. И пояснял, как верующий человек:

– На всё воля божия!

Похвала наместника

До бога высоко, до царя далеко,
а до Воронцова близко.
Кавказская поговорка

Одно событие в истории легендарных купцов Найтаки до сих пор проявляет себя чудесным образом. В современной жизни каждый может увидеть след этого события.

27 декабря 1844 года император назначил главнокомандующим кавказской армии и наместником Кавказа с неограниченными полномочиями графа Михаила Семеновича Воронцова, известного государственного и военного деятеля.

Новый наместник действовал решительно. Не считаясь с потерями, взял штурмом оплот Шамиля аул Дарго. Шамиль бежал, и на Кавказе наступило затишье. Император был доволен и присвоил Воронцову княжеское достоинство.

Чета Воронцовых провела два лета в Кисловодске. Жили в казенной гостинице у Найтаки. Здешний обиход им чрезвычайно нравился. При наездах в Пятигорск Воронцовы останавливались также у Найтаки.

Шамиль оправился после поражения и снова попытался поднять кавказские народы на войну. Письмами призывал Кабарду восстать. В 1846 году начались волнения. Сделалась тревога. Поселения готовились к обороне.

В Пятигорске все вооружились. Загородили улицы баррикадами. Заперли накрепко ворота своих усадеб. Спрятали детей и ценное имущество. Гарнизон города приготовился. Однако Кабарда и Карачай остались верны российскому престолу, и на Кавказских водах продолжилась мирная жизнь.

Незадолго до полудня осетин Афа́й подъехал к дому карачаевца Тохтара Зауровича на краю Пятигорска. Постучал рукояткой нагайки в ворота. Из калитки вышел хозяин. Афа́й спешился. Поздоровались и Тохтар сказал:

– Молодец, что приехал. Заходи в дом! Видно по всему, тебе

надобно отдохнуть. Коня я поставлю в денник.

– Спасибо за гостеприимство, дядя Тохтар! Прости, но я спешу! Меня ждёт отец в гостинице у Найтаки.

Тохтар едва успел сказать:

– Подожди, дружок! Я провожу тебя.

Тохтар пошел рядом с всадником. Спросил:

– Скажи откровенно. Случилось что-то плохое?

– Нет, все в порядке – ответил Афай. Как ты знаешь, папа лечит свои ревматизмы серными ваннами. Но дел не оставляет. Готовится к встрече с заместителем, который, как ты знаешь, остановился в той же гостинице. Поэтому я тороплюсь.

Афай попрощался и поехал к отцу.

В это время на кухню гостиницы прибежал коридорный и сказал Алексею Петровичу Найтаки, что его требует заместитель.

Алексей Петрович спросил, чем недоволен постоялец. Не получив внятного ответа, обеспокоился. Поторопился по лестнице наверх к номерам. Постучал в номер заместителя. Услышал приглашение и вошел.

В номере за столом с бумагами расположился сам Михаил Семенович Воронцов. Против него сидел Самуил Иванович Уптон, главный архитектор на водах.

Алексей Петрович поздоровался. Воронцов подождал, пока Найтаки переведёт дух, и спросил без обвиняков:

– Отдышись! Можешь говорить? Елизавета Ксаверьевна волнуется из-за посадок деревьев в Кисловодском парке. Особенно беспокоится о каштанах. Волнуется, как приживается в парке этот природный символ доблести.

Алексей знал ревнивое отношение княгини к посадкам и был готов к ответу. Сказал уверенно:

– Все сделали, как её светлость велела. Стволы защитили мешковиной от грызунов. Вокруг поставили крепкую ограду. Уверен, что саженцы переживут зиму без ущерба. В следующий сезон можно будет любоваться первой листвой. Передайте, что мы ждем приезда её светлости. Рады будем снова сажать деревья! Ведь сказано, сажающий дерево прикасается к будущему!

Афоризм Найтаки произвел впечатление на Воронцова:

– Мудро, Алексей Петрович! – сказал он. – Такое

прикосновение, подобно ключу, открывает человеческое воображение. Следуя воображению, можно строить будущее и видеть его будто воочию.

Я и Елизавета Ксаверьевна сердечно благодарны тебе и Петру Афанасьевичу за гостеприимство! Вы хорошо приняли нас. Мы приятно отдохнули. Смее утверждать, что в Кисловодске напряженные нервы успокаиваются по-настоящему.

Главные строители на водах в 50-х годах 19 века:
(слева-направо) архитектор С.И. Уптон (1814-1874);
князь и граф наместник Кавказа и главнокомандующий
генерал М.С. Воронцов (1782- 1856)

Помнится, ты, Алексей Петрович, говорил, что на кавказских водах должно быть уютно повсюду. И мы согласились с тобой. Теперь пришла пора серьёзно заняться благоустройством здешних мест. Началом всему станет кафедральный собор, который уже возводится в центре Пятигорска. Иначе невозможно!

Тронутый похвалой наместника и откровенностью его речи, Алексей поспешил ответить:

– Ваша светлость, скажу искренне. Мы молились за успех строительства, когда Елизавета Ксаверьевна закладывала в фундамент собора первый камень. И мы гордимся, что вместе со всей Россией собирали деньги, чтобы поставить храм на месте, указанном его величеством Николаем Павловичем!

Наместник Воронцов развил прерванную мысль:

– Мы все старательно исполняем волю императора. И это правильно! Вскорости или немного позднее собор будет непременно возведен. Однако, согласись, Алексей Петрович, что кроме возведения собора надо исполнять каждодневные дела. Приходится поправлять питьевые бюветы, приводить в порядок ванное хозяйство, строить галереи для удобства больных, расширять парки. И, конечно, не забывать о других неотложных заботах.

Воронцов перешел к распоряжениям:

– Самуил Иванович, – обратился он к архитектору, – На днях я уезжаю в Тифлис. Благоустройством в моё отсутствие будет заниматься полковник Дмитрий Алексеевич Всеволожский, новый директор Дирекции Кавказских вод. Я прибавил ему полномочий. Он имеет полные права губернатора. При нужде обращайся к нему.

Ты в Кисловодске уже начал возводить подпорные стенки на берегах Ольховой для защиты от потока. Смеею надеяться, что прошлогодние разрушения от наводнения были последними. На следующий год примемся за реставрацию.

Ты сам говорил, что пришло время обновить эту старейшую капитальную постройку на водах, – Воронцов улыбнулся. – Забота невелика, но она мешает нам перейти к серьёзным делам. Строить начнем с флигелей во дворе, как просил Алексей Петрович некоторое время назад.

– Превосходно, ваша светлость! – восторженно заметил Алексей Найтаки.

Пораженный увлеченностью князя, он подумал:

– Какой замечательный строитель князь! Все предусмотрел! Неудивительно, что его дворец и парк в Крыму приводят в восторг всех, кому посчастливилось их видеть!

Между тем Воронцов обратился к архитектору:

– Самуил Иванович, что скажешь ты?

Уптон ответил:

– Вы все превосходно объяснили! Здание гостиницы в Кисловодске было первым творением на Водах швейцарцев братьев Бернардацци.

Поначалу мы собирались ограничиться ремонтом. Но вы, ваша светлость, верно заметили, что гостевой дом удобен для благородного собрания, но мало подходит для гостиницы. Это мы исправим.

Вид на Кисловодск с Крестовой горы (Э.Сисэри, 1861 г.).
На переднем плане ресторация с флигелями и кухнями.

Предлагаю соразмерно увеличить высоту дома и перепланировать его внутри. Работы можно сделать быстро. Комендант Петр Александрович Принц выделит на работы солдат. Я рассчитал график работ.

– Превосходные расчеты! – одобрил князь.

– У меня есть небольшой совет – сказал архитектор.

– Слушаем!

– Пусть Алексей Петрович отведет под стройку какую-либо половину двора. В другой половине продолжают трудиться его

собственные работники.

Я задам длину флигеля короче половины длины двора. Тогда во дворе, не теснясь, удобно разместятся два флигеля и две кухни, новая и прежняя. Сначала построим по очереди флигели и кухни, затем займемся ресторацией. При таком порядке строители никому не будут мешать.

Стройка продолжится меньше года, и по ходу работ количество жилых помещений не уменьшится, а увеличится. Поэтому курсовые сезоны пройдут как обычно.

Довольный Алексей Петрович воскликнул:

– Превосходно!

И поспешил сказать, что устроит так, чтобы курсовые почти не заметили ограничения. Пока зал ресторации будет закрыт, еду будут выдавать курсовым на дом.

Довольный Воронцов заключил:

– Видишь, Алексей Петрович, в новом сезоне мы почти не стесним курсовых, а в последующем ты получишь все в новом, наилучшем и удобном виде.

Как только закончим, ты продолжишь управлять казенными ресторациями и гостиницами на водах, но по-новому. Помнишь, когда ты записывался в купцы первой гильдии, то обещал мне взять это дело целиком в свои руки? Как сейчас заведено, будешь платить налоги вместо арендной платы. Справишься? – спросил Воронцов.

Налоги Алексея не пугали. Он знал, что способен оплачивать их не хуже других предпринимателей. Ответил уверенно:

– Справлюсь, ваша светлость. Иначе быть не может!

Именно тут Воронцов сказал похвальные и доверительные слова, которые Алексей запомнил на всю жизнь.

Воронцов улыбнулся и сказал:

– Молодец! Я рад! Смею надеяться, что после того, как мы помогли тебе, Алексей Петрович, ты поможешь нам.

Ты, наверное, слышал, что Самуил Иванович заканчивает подготовку сообщения на омнибусах между городами на водах. Омнибус или по-другому дилижанс, – это многоместная повозка. Шоссе уже отделали, и омнибусы скоро доставят.

Возьми-ка на себя, уважаемый, управление этими

перевозками в дополнение к управлению гостиницами. Заодно будешь доставлять почту Тебе, как купцу первой гильдии, дозволено заниматься большими предприятиями. Спрашиваю прямо, ты согласен вместе с гостиницами управлять общественными перевозками? Я в тебе уверен! Если согласен, составь необходимую докладную записку и принеси мне.

Алексей согласился и поспешил прибавить:

– Ваша светлость! Возьму на себя также обслуживание курьеров, едущих по казённой надобности.

Воронцов, довольный, улыбнулся и похвалил его.

Для Найтаки предложение князя заняться омнибусами не было неожиданностью. Он и Уптон заранее обсудили с чего начинать, если последует предложение. Алексею предстояло определить расписание движения и цену билетов, нанять кучеров и обслуживающих лиц, купить коней и собрать упряжки. За это время архитектор обещал достроить депо дилижансов в Пятигорске.

Конечно, Алексей Петрович посчитал, что почтовую доставку и разные экстренные перевозки будет оплачивать казна. По расчету выходило, что можно уложиться в тысячу рублей в сезон. За каждый месяц выйдет похожая сумма также на билетах. Неплохо получится за сезон!

Подошло время обеда. Князь попрощался и ушел за супругой на дамскую половину гостиницы.

Обрадованный Алексей Петрович вернулся к текущим делам. Душа его ликовала. Господи, благодарю тебя! Он перекрестился.

Кажется, давнишняя отцовская мечта исполнилась. Гостиничное дело расширилось, и отец передаст его мне на старости лет. Они с Егором будут мне помогать. Мы давно наметили, что делать в дальнейшем.

Главное – обучить всех работников по лучшим столичным образцам! И прежних, и вновь нанимаемых. И, может быть, даже отправлю некоторых работников практиковаться в лучших гостиницах. Несомненно, тогда наши гостиницы станут привлекать постояльцев еще сильнее!

Алексей строил планы, хотя понимал, что загадывать вперед – пустое занятие. Но удержаться не было сил!

Между тем Афай вернулся в дом Тохтара и рассказал:

– Наш зять поручик Ибрахим Крымшамхалов с узденями подпоручиками Байрамуковым и Дудовым пригонят к Пятигорску несколько лошадей из поставляемых в армию.

Хотят показать их Воронцову, пока тот не уехал. Папа устраивает скачки. Наездниками будем я и твой сын Джамбулат.

– Хо! – ответил Тохтар, я попрошу Алексея Петровича отпустить Джамбулата с работы на это время.

– Не беспокойся! – поспешил сказать Афай. – Мы с Джамбулатом ему сказали, что ты согласен. Извини, что решили за тебя. Ведь это почетно! Верно, дядя Тохтар? А еще отец просит тебя быть судьей на дистанции.

Нахмурившийся было, Тохтар засмеялся и сказал:

– Спасибо, дружок, за заботу! Я согласен. Скажи, когда и где пройдут скачки?

Афай ответил:

– На другой день после обеда в начале шоссе из Пятигорска в Эссентуки на дистанцию две версты с одним поворотом.

Как только в городе услышали, что устраиваются скачки, на которых прибудет сам наместник с супругой, собралось множество зрителей.

Руководил скачками полковник Петр Александрович Принц комендант пятигорской крепости и кавказских вод. Он же был главным судьей.

Князя Воронцова ожидал осетинский коннозаводчик генерал-майор Туганов, одетый в форму личного конвоя его императорского величества. Широкая алая лента ордена святого Станислава и медали украшали его грудь.

Рядом стоял карачаевец поручик Крымшамхалов с орденом Станислава для иноверцев на шее.

Когда подъехала пароконная коляска с командующим и его супругой, генерал Туганов поспешил подойти. Доложил:

– Ваше высокопревосходительство, к проведению показательных скачек готовы. Разрешите начинать?

Услышав «Пожалуйста, начинайте!», Туганов спросил:

– Желаете посмотреть лошадей?

Командующий пожелал. Генерал сопровождал и пояснил:

– В армию мы сдаем точно таких двух-трехлеток, только необъезженных. Берейторы в каждой части, кавалерийской или артиллерийской, объезжают их для своих нужд.

Мы кавказцы способны объезжать сами. Если разрешите, ваше сиятельство, мы будем делать это также для армии. Сейчас покажем наши результаты на скачках.

– Не сомневаюсь! Мне ваши способности известны! – улыбнулся князь. Поздоровался с нукерами-берейторами:

– Салам! Байрай!

В ответ послышалось:

– Салам, ваше высокопревосходительство!

Воронцов и Туганов подошли к старту. Полковник Принц рассказал Воронцову, что один наездник выставлен генералом Тугановым, другой – поручиком Крымшамхаловым.

Для каждого заезда выбирают пару коней. Распределяют коней по жребию, чтобы дать наездникам одинаковый шанс.

На расстоянии одной версты пара всадников должна обогнуть выставленную на шоссе тележку судьи. Его зовут Тохтар. Я слышал, что вы с ним знакомы. Он следит за правильностью поворота.

Всадникам не разрешается мешать друг другу. После поворота всадники вернутся к месту старта. Состязания закончатся, когда исчерпается количество свежих коней. Наезднику, который добьётся наибольшего числа побед, вы, ваша светлость, вручите *grand prix*. Мы его приготовили.

Джамбулат и Афай подъехали к линии старта и выровняли коней под присмотром полковника Принца. Убедившись, что кони стоят ровно, полковник отошел, поднял пистолет и выстрелил.

Джамбулат дал шенкеля. Обученный конь сразу пошел рысью. Вскоре рысь стала быстрой. Борьба началась. Джамбулат не ослаблял поводья. Лишь наблюдал, как крепкий конь с готовностью выравнивается с соперником. Перед поворотом придержал повод. Поворот получился крутым. Джамбулат закончил его первым.

На обратном пути он снова ослабил поводья. Не подгонял

коня, пока не почувствовал готовность к рывку. Откуда бралось это чувство, он не знал. Просто ощущал, что пришла пора.

Почти одновременно с соперником прокричал: *Вперед! Хайда! Хайда!* И послал коня в галоп.

Под громовые удары копыт конь полетел, будто птица.

Ветер бил в лицо. Душа пела.

Когда завиделась толпа у старт-финиша, Джамбулат несколько раз щелкнул нагайкой по крупу. Конь вложил все силы в последний рывок. Вылетел на финиш на полкорпуса впереди соперника.

Победа! Подбежавший берейтор взял коня за узду и принял повод. Возбужденная толпа зрителей громко кричала.

Чтобы не умалять качеств наездников, я не стану называть число побед и поражений каждого. Скажу лишь, что Джамбулат показал себя достойным джигитом и получил *grand prix*.

По окончании скачек князь Воронцов поздравил его и вручил красивый ковровый чепрак. Повернувшись к генералу Туганову и поручику Крымшамхалову, князь громко сказал:

– Господа, поблагодарим уважаемых устроителей за прекрасное представление!

Переждав восторги зрителей, Воронцов прокричал:

– Теперь, господа, я выскажу свое мнение о сегодняшних скачках, которые понравились мне так сильно, что я не могу не удержаться от критических замечаний.

Никто не засмеялся. Его английский юмор не оценили.

Не обращая на это внимания, наместник произнес:

– Состязания в Британии на Аскоте посещает *Her Majesty Queen Victoria*. Однако там нет ни целебных вод, ни высоких гор, какие имеются здесь у нас. И я спрашиваю вас, где больше величия?

Послышался разрозненный смех. Князь продолжил:

– Конечно, наши местные лошади не подходят *for the smooth racing* по-британски. Но не все потеряно! Смею надеяться, что придет время и вы обустроите *correct racetrack*

*like a real hyppodrom*¹. Он будет лучший в мире! В этом и будет наше величие! – раздались одобрительные крики. – Советую строить ипподром вблизи Пятигорска. Думаю, что местных лошадей полезно будет испытывать *for the steeplechase*.

Несомненно, ваш *racing* привлечет внимание общества к здешнему прекрасному краю. Придут слава и выгода. Слава ипподрома долетит до государя, и он приедет посмотреть на пятигорские скачки.

Все радостно зашумели. Князь закончил:

– Придет время, и мы дадим англичанам фору. Так и будет!

– Ура! – закричали в толпе.

Алексей Петрович понял, что люди ошибались, когда упрекали князя в особенной англomanии. Несмотря на англицизмы, речь Воронцова доказывала, что он, по сути, был настоящий патриот.

Коменданту Принцу следовало бы прославить энергичного князя и его красавицу жену, украсив конные скачки флагами и хором музыки. Дальнейшая история прославила их сама. Курорты Кавказских вод украшены постройками и парками, созданными четой Воронцовых.

К сожалению, ничто не вечно. Следы их созидательной деятельности стирает время. Как-то осенью 2005 года я с женой Аллой Петровной, а также мой шурин Владимир Лиманский с женой Людмилой Филипповной гуляли в кисловодском парке неподалеку от так называемого «святого» пресноводного источника на речке Ольховой.

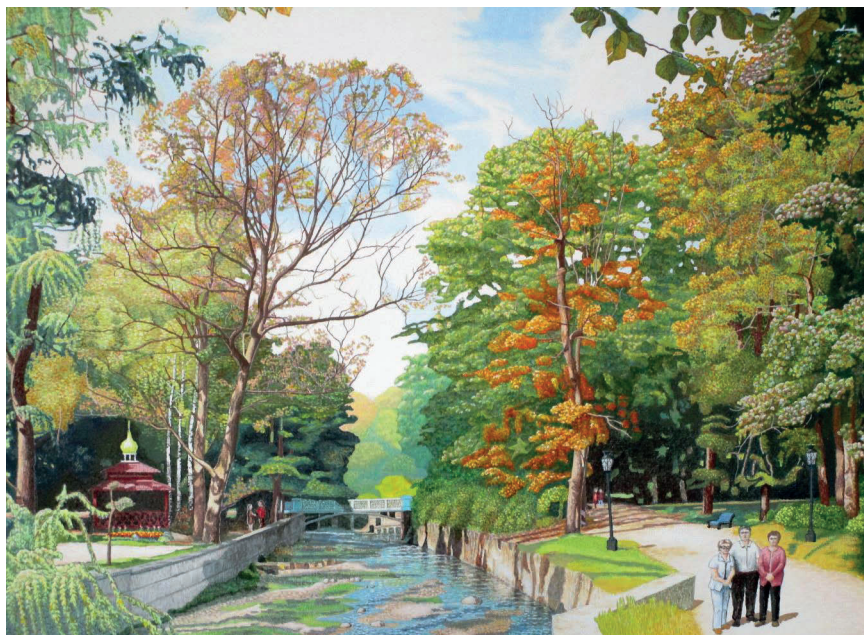
Осенний парк был на удивление ухожен, прекрасен и состоял из разнообразных здоровых деревьев и кустов. И тут посреди этого современного парка мы вдруг увидели явно умирающее дерево. Там над старинной береговой стенкой прямо у дорожки променада рос конский каштан такой дряхлый, что его, без сомнения, могли посадить в этом неудобном месте только во времена Воронцовых.

Дерево украшали последние буро красные листья, явно выделяющиеся на фоне других оттенков осени. Чтобы остановить памятное мгновение, я зарисовал вид парка в

¹ *Правильную дорожку для бега как у настоящего ипподрома (англ.)*

красках. Показываю его вам. Кажется, мне удалось передать приятное ощущение ласковой кисловодской осени, украшающей курортные дни старого дерева.

Конец его был неизбежен, – его спилили. Оно не выдержало рекреационной нагрузки в этом месте. Полтора века каждую весну свечи цветов старинного каштана радовали глаза людей, прогуливающихся по терренкуру. Листва давала прохладу летом. Осенью плоды, орехи и листва усыпали землю. Очищая парк, их регулярно и старательно убирали.

Последний воронцовский каштан
в кисловодском парке (В.А. Богданов, 2005 г.)

Чем не удивительные плоды жизни, которые изучает настойчивый историк? Собранные им плоды прошлого, часто неприглядные и колючие, после очистки от мешающих коробочек открывают дивные семена знаний, без которых

невозможно понять тайны истории. Каштан на берегу Ольховой умер не напрасно. По всем Кавминводам красуются другие воронцовские каштаны и их потомки.

Переезд из Пятигорска

Пик летнего нашествия курсовых на Пятигорск остался позади. Большинство уехало в Железноводск и Кисловодск. Петр Найтаки решил вернуть в Кисловодск работников, которых переводил в начале лета на помощь в пятигорскую гостиницу. Это были опытные работники: горничная Ксения, повариха Лукерья и ее помощница Анна. Анну он собирался сделать поварихой во второй кисловодской кухне.

Он обдумывал, кого ещё надо перевести. Вопрос был непростым потому, что в Кисловодске для обслуживания новых флигелей и кухни он уже нанял коридорных, горничных и подавальщика.

Работников он нанимал из отставных полусолдат и их жён, у кого в доме видел чистоту и порядок. Обычно не ошибался – работники были добросовестные и старательные.

Но умения им не хватало. Настоящее обучение работников было его всегдашней заботой. Он то и дело возвращался к ней, так как знал, что в столичных заведениях работают лучше. Он понимал, что стоило бы послать в учение несколько работников. Но не делал этого, опасаясь, что те не вернутся из столиц.

Было бы разумнее пригласить опытных учителей. Он и сыновья пытались это делать во время купеческих поездок за товаром. Но никто из приглашенных не хотел ехать на Кавказ, опасаясь войны.

Наконец, Пётр понял, что надо искать учителей, которые нуждались бы в лечении на водах. Если говорить откровенно, ему повезло. Нашелся такой человек. Недаром Петр любил повторять христово высказывание «*Ищите, и найдете*»

Два года назад его сыновья ездили в Москву за сукном и случайно познакомились с удивительным поваром в одном из трактиров на Тверской. Там его держали за высокое мастерство, но больше из милости.

Он был запойный пьяница. Обычно вел себя как нормальный человек. Но временами наступали страшные запои. Происходило это всегда одинаково. Он часа полтора молча двигался и жестикулировал, как на сцене, и пил, и пил. Напивался так, что валился с ног и засыпал тут же. Забирала его какая-то невзрачная женщина. Вроде бы жена, но детей у них не было. После повар ничего не помнил.

Алексею сказали, что эти припадки – результат прерванного выступления на сцене перед слушателями. Говорили, что он был или, возможно, готовился стать оперным певцом. Но однажды случилась беда: заперло голос, весь покрылся холодным потом, его трясло и ноги не держали. Выводили беднягу со сцены под руки. Теперь во время запоя он верит, что поёт.

Фамилию певец скрывает. Называет себя по-разному. Алексею он представился как Андрэ Жаров. Но позже Алексей узнал, что на самом деле его звали Хлёбов Иван Кузьмич.

Пётр Афанасьевич Найтаки и его приятель доктор Иван Ефремович Дроздов проконсультировались у военного врача, сведущего в психиатрии. Врач сказал, что скорее всего перед ними классическая глоссофобия. И объяснил отцу, что это страх выступлений на публике. Подобное расстройство психики считается безнадёжным. Даже погружение в транс или, как сейчас говорят, гипноз не помогает.

Иван Ефремович по-приятельски обещал помочь, но без гарантии. Можно попробовать покой и прогулки, теплые ванны, регулярное минеральное питьё, смену обстановки. И надо понемногу тренировать организм с помощью тщательно подготовленных небольших публичных выступлений.

Отец написал повару в Москву подробное письмо и предложил сменить обстановку и переехать на Кавказские воды, на сколько он пожелает. Здесь врачи готовы лечить от этой болезни. Говорят, что может наступить желаемая ремиссия. Если будет работать у Найтаки и учить персонал, то Пётр оплатит работу и переезд. За обучение кухмистерскому мастерству будет отдельная плата. Повар согласился и приехал.

Тем временем Пётр и доктор, оба меломаны, разработали тайный план, чтобы приучить Андрэ к публике. Сначала Пётр

найдет ему поющих учеников на кухне, одного и больше. Пётр уговорил также мудреца Митрича и хитрушку Лукерью поддержать этот заговор. Они подготовят выступления повара среди своих. Внушим ему, что мы, провинциалы, восхищены его столичным пением, завидуем и хотим научиться петь, как он. Если повар начнет петь, то мы поможем ему выступать на концертах в дворянском собрании. Дальше поступим в зависимости от результатов.

Можно надеяться, что в итоге уникальный повар улучшит кухню ресторанов. Сбудется давнишняя мечта Петра! Конечно, всю затею придется оплачивать. Подсчитав расходы, Петр убедился, что может позволить это себе без большого риска.

Пришло назначенное время переезда работников. В Пятигорске было начало летнего дня. Солнце светило с безоблачного неба в полную силу.

Двое работниц, Анна и Лукерья, готовые к переезду, сидели перед ресторацией на бульварной скамейке в тени липы и ожидали повозку из ресторации для переезда в Кисловодск. Наблюдали за людьми и делились впечатлениями. В тени под колоннами ресторации пассажиры и провожатые ждали омнибусов.

Подъехали два омнибуса, запряженные четверками лошадей. По виду омнибус напоминал комнату вроде половины дыни на колёсах со столом посередине. Сверху имелась крыша. В комнате помещались десять пассажиров.

Ходили омнибусы с 15 мая до конца сентября. Одному экипажу предстояло ехать в Кисловодск через Эссентукскую станицу, другому – в Железноводск через колонию Каррас.

Пассажиры стали покупать билеты. Цена билета была известна из правил, висящих у парадного входа ресторации: один рубль в Кисловодск, 50 копеек в станицу Эссентукскую и 80 копеек в Железноводск. Обратные купленные билеты не принимались.

Пока грузили багаж, кучера достали небольшой ракетный станок. Установили на станок армейскую сигнальную ракету и подожгли фитиль.

С шипением и свистом ракета поднялась в высоту, ярко

вспыхнула и с грохотом разорвалась, выпустив большое облако дыма. Обломки ракеты упали далеко за городом.

Отправлялись омнибусы ежедневно в 7 часов утра. В 7 45 железнодорожный омнибус достигал заведения Рошке в селении Каррас. Тут можно было оправиться и перекусить, выпить кофе или освежающее. После 20-минутной остановки омнибус продолжал движение в Железноводск и достигал его в 10 часов. В непогоду допускалось 20-минутное опоздание.

Омнибус (1829, музей транспорта, Лондон)

Кисловодский омнибус в 9 заезжал в станцию Эссентукскую, делал получасовую остановку и в 11 прибывал в Кисловодск. В пути полагалось вести себя чинно и не заставлять кучеров ускорять движение.

Из конечных пунктов в обратный путь омнибусы отправлялись в тот же день в 3 часа пополудни.

Омнибусы были в новинку и привлекали внимание жителей и приезжих. Вот и сейчас группа зевак стояла в сторонке, наблюдала за отправлением и обменивалась соображениями и замечаниями

Кучера запустили вторую ракету. Зеваки оживились. Им было интересно зачем нужны ракеты, тесно или нет в омнибусе, как управляют упряжкой с форейтором и когда используют тормоз, или что означает значок с рожком на околыше фуражки. Высказывали разные суждения. Один знаток даже заявил, что пятигорский омнибус похож на парижские. В Лондоне к ним давно привыкли. Кто-то напомнил, что в Петербурге они появились в 32 году. Нашелся брюзга, заявивший, что мы вечно отстаем от Запада.

Анна и Лукерья прислушивались к разговорам, им тоже было интересно. Но тут из гостиницы пришла горничная Ксения с узлом и сказала, что Алексей Петрович дает им свою коляску. Надобно подождать.

Анна сказала:

– Коляска, конечно, лучше, чем повозка. Но мы могли бы уехать на омнибусе. И крыша у него защищает в дороге от солнца, я ведь не попусту предлагала тебе попробовать.

Лукерья возразила, и не без основания:

– На омнибусе могли бы и не уехать. Вишь, сколько собралось народа! Хорошо, что мы поспешили, а то пришлось бы нанимать извозчика. Это обошлось бы нам в копейку.

Ксения согласилась:

– Верно! Теперь поедем бесплатно. А если поедет Алексей Петрович, будет весело. Он поёт красиво, и рассказывает интересно. Мы и не заметим, как доедем.

Никто не спорил. Все знали за хозяином эти приятные свойства.

Кучера запустили в небо третью сигнальную ракету. Она с шипением взлетела и с грохотом разорвалась. В правилах был написано, что через пять минут делают отправление.

Действительно, кучера прокричали: «Отправляемся!» Скомандовали «но! пошел!», дернули поводья и хлопнули бичами. Омнибусы тронулись в путь.

Подъехала пароконная коляска с Алексеем Петровичем и кучером Джамбулатом. За ней ехала повозка с Александром, нарочно приехавшим из Кисловодска за Анной и продуктами для крепости. Это была неожиданность.

С подъехавших экипажей соскочили мужчины и взялись за

узлы. Алексей Петрович позвал:

– Прошу садиться!

Анна сказала:

– Алексей Петрович, спасибо за приглашение, но я поеду с мужем! Хотя на повозке не так мягко, но мне там удобнее!

– Понимаю, – согласился Алексей Петрович. Александр помог положить узлы в повозку подсадил жену на козлы.

Расположились в коляске. Алексей Петрович сел спиной к кучеру, предоставив лучшие места девушкам. Когда выезжали из города на кисловодское шоссе, увидели, что вдали уже пылит омнибус.

На повозке Анна и Александр разговаривали. Видно было, что они соскучились. Им вдвоем было хорошо.

Алексей Петрович чувствовал, что Ксения и Лукерья хотят поговорить, но начать разговор не решаются. Не робеют, а просто уважают, как давно он убедился.

Он тоже не торопился со своими вопросами. Его интересовало мнение Анны и Ксении о новом поваре, которого он выписал из Москвы, чтобы учить работников. Но он не хотел, чтобы об этих вопросах стало известно повару.

Алексей Петрович взглянул на заскучавших попугаиц и спросил Лукерью:

– Я знаю, что на кухне тебе повезло с новым шеф-поваром. Он хвалил твою французскую кухню. Теперь умеешь делать макарони и другие итальянские блюда. Да ещё выучила итальянские песни и оперные арии. Не споешь ли нам одну из них?

– Спою, если желаете, – гордо ответила Лукерья.

– Сами-то вы поёте арии? – взбодрившись, спросила напрямик Ксения.

– Немного пою. Недавно выучил каватину графа Альмавивы из оперы Россини «Севильский цирюльник», но голос у меня грубоват. Тембр хуже и тон ниже, чем надобно.

Сказал кучеру:

– Джамбулат, останови!

Алексей вышел и достал гитару из твердого чехла, притороченного сзади коляски. Сел обратно, проверил настрой гитары, взял аккорд, сказал: «Поехали!» и спел:

– *Ecco ridente in cielo / spunta la bella aurora, / e tu non sorgi ancora / e puoi dormir così?*¹ Остановился, чтобы передохнуть.

Лукерья и Ксения аплодировали, а Анна и Александр, хавшие позади, закричали:

– Bravo! Bravo! Пойте дальше!

Алексей с удовольствием допел до конца. Все были в восторге. Они давно знали, что хозяин любит петь, но не ожидали от него такого чуда. Лукерья сказала:

– Теперь мой черед петь! Каватина красавицы Розины, влюблённой в Альмавиву.

Когда вступила гитара, Лукерья-Розина начала:

– *Una voce poco fa qui / nel cor mi vi suono';
il mio cor ferito e' già', / e Lindor fu che il piago'.
Si', Lindoro mio sara'; / lo giurai, la vincerò'.*

*Si', Lindoro mio sara'; / lo giurai, la vincerò'..*²

Все одобрительно зашумели. Алексей Петрович заиграл аккомпанемент. Лукерья улыбнулась. И допела лукаво под ободряющие улыбки друзей, что подобно змее сплетет сто ловушек, прежде чем сдаться. Раздался общий смех.

Лукерья и Анна спели ещё несколько арий, которым их научил шеф-повар Андрэ.

Когда закончили, Алексей Петрович сказал:

– Прекрасное пение! Молодцы! Душа радуется! Ценю, что вы научились делать отличные новые блюда. Они радуют желудок. Но поете вы не хуже! Радуется сердце.

Сообщу вам по секрету, что скоро Андрэ переедет в Кисловодск. Ждите! Перенимайте у него всё, что услышите или увидите, пока он не уехал назад в Москву.

Нахваливайте, чтобы он вам показал побольше. Пользуйтесь оказией. Когда еще такая удача придет к вам!

Когда коляска и повозка приблизились к базарной

¹ *Скоро восток золотою / ярко заблещет зарёю,
что же, друг нежный, с тобою, / всё ты окована сном?..*

² *В полуночной тишине / сладко пел твой голос мне.
Много новых, спавших сил / он мне в сердце разбудил!
О, Линдор, друг нежный мой, / не разлучат нас с тобой!
Ты мне дорог, ты любим, / и преграды мы победим!*

площади Эссентукской станицы, омнибус как раз отправлялся в дальнейший путь.

Алексей Петрович спросил:

– Хотите посмотреть новую питьевую галерею?

Все захотели. Поехали по улице на край станицы.

Алексей Петрович сказал:

– *Джамбулат, атгыыз къальыргъа!*¹

– *Хо!*² – ответил немногословный кучер и остановил коляску.

Александр замотал вожжи своих коней за передок коляски.

Пошли пешком посмотреть питьевую галерею. В низине виднелось новое здание.

К галерее спускалась красивая трех маршевая каменная лестница. Перед зданием галереи раскинулся обширный цветник. Ветерок затих. Ощущался жар солнца.

Галерея внутри показалась необыкновенно прохладной. Служительница наполнила стаканы минеральной водой. Кисловатая газированная вода освежила.

Они гуляли по галерее, Алексей Петрович рассказывал:

– Раньше эти воды называли Бугунтинские. Князь Воронцов велел называть воды Эссентукскими. По заданию императора лет тридцать назад эти целебные воды исследовал медицинский академик Нелюбин. Нашёл здесь двадцать три источника. Из них 18 сбегали со склона этой горы. Он назвал её Щелочной. Чтобы не путать, дал источникам номера.

У самого мощного источника № 17 архитектор Самуил Иванович Уптон сделал колодец и обложил его камнем. После построил эту галерею. Закончили её в прошлом году. Почти одновременно с Елизаветинской галереей в Пятигорске.

Ходят разговоры, что обе галереи похожи. Но мне кажется, что это мнение неточное. Хотя, действительно, в обеих зданиях чувствуется рука одного мастера.

Оба здания сделаны из одного камня – песчаника. Но итальянский стиль пятигорской галереи совсем не похож на мавританский стиль здешней. Вы согласны?

¹ *Джамбулат, останься с лошадыми! (карач.- балкар.)*

² *Хорошо! (карач.- балкар.)*

Никто не возразил, и Александр сказал:

– Как будто так!

Вышли из галереи на площадку цветника.

Александр указал на редкие посадки на голых склонах:

– Видите молодые деревца. По приказу князя Воронцова тысячи саженцев брали отовсюду. Я тоже в этом участвовал. Из лесного питомника в Пятигорске, а также от ручья Бугунта. Привозили с Бештау и с Железной.

Галерея источника №17 в Эссентуках

Почти все саженцы прижились. Скоро здесь образуется тенистый парк, как в Кисловодске. Будущий парк уже называют Воронцовским.

И продолжил:

– Но главное ещё не построено. Хотели еще одну галерею сделать на дальнем конце горы. Там, где вытекает вода номер один. Она похожа на пятигорскую воду. Такая же противная из-за растворенного в ней сероводорода. Я из любопытства пробовал её однажды. Едва не стошнило.

Знатоки говорят, что это самая сильнодействующая вода из здешних. Подойти к источнику мешает болото, которое раскинулось по низине. Чувствуете сырость и зловоние?

Князь приказал болото осушить. Солдаты вырубili заросли, срезали камыш и теперь копают дренажные каналы. Работы заканчивают засветло, так как ближе к вечеру находиться тут невозможно из-за туч комаров.

К дальнему источнику номер один с серной водой можно пройти вон по той тропинке между деревцами. Минут десять идти, не больше!

Но никто не захотел идти по открытому склону между прутиками деревцев – было жарко и ехать была пора. Ксения прервала Александра:

– Давайте поедem! Тут смотреть больше нечего? Эссендукам далеко до Кисловодска. У нас прохладнее.

Когда поднялись по каменной лестнице, оглянулись и перевели дух, Алексей Петрович рассказал, как тут лечатся:

– Казаки Эссентукской станицы наливают минеральную воду в бочки, везут кружным путем вокруг болота, греют и устраивают ванны для желающих.

Лишняя вода стекает из болота в речушку, которая потом впадает в Подкумок. Местные называют речушку Вонючкой. Некоторые приезжие используют эту грязь для лечения.

Едва компания выехала за околицу Эссентукской станицы, как Ксения пожелала рассказать свою очередную байку. Все согласились послушать. Она начала:

– Уверена, вы думали о странном названии «Эссендуки». Скажу, что о нем известно. Черкесы говорят, что это слово означает «обжитое место», а с карачаевского *эсен тюк* переводится на русский как «здоровый волос».

Джамбулат обернулся с козлов коляски и пояснил:

Карачаевцы говорят «*эсен болугъуз!*», то есть «будьте живы-здоровы!» Алексей Петрович согласился:

– Верно, все будьте здоровы, живите богато! Едем скорее до дома до хаты!

Все засмеялись, а Лукерья сказала:

– И ты, ваша милость, тоже будь жив, богат и здоров!

Дождавшись, когда смех утих, Ксения продолжила:

– По этому поводу у карачаевцев есть легенда, которую вы, вероятно, слышали в других случаях. В легенде рассказывается о чудесном исцелении ребёнка.

– Да, – сказали Алексей Петрович и Лукерья, – такие истории рассказывают!

– А ты какую расскажешь? – поинтересовались они.

Ксения, наконец, дождалась внимания. Продолжила:

– Мы только что видели местность, где эта история случилась. Болото слыло местом целебным, но опасным. Ходил даже слух, что кислые и серные воды, смешиваясь в болоте, превращаются в яд. Священники объявили болото проклятым местом.

Однако, заболевшие лошади и другие животные, которые приходили в эту местность, не ведали запретов и пользовались минеральной водой. Пили с удовольствием и вылечивались.

Карачаевцы рассказывают, что в далёкие времена болотом и богатыми пастбищами вокруг владел какой-то бий. Он отвоевал их у местного черкесского бия.

У победителя родился лысый, хилый и покрытый паршой мальчик. Так бывает – в сражениях тебя не побеждают, а пришла болезнь, и ты сражен. Жестокий бий не ведал поражений и задумал избавиться от ребёнка.

В отчаянии бийче, таясь, сходила к старухе ворожее из местных, знавших все об этом болоте. Старуха указала ей на воды, которыми излечивались животные, и открыла секрет, что кислой водой лучше лечить тело изнутри, а серной – снаружи.

Бийче послала за водой свою доверенную рабыню и стала поить и купать сыночка, как сказала ворожея. Для вида говорила, что купает его в травяном отваре. Через некоторое время мальчик повеселел, кожа очистилась, а на головке выросли прекрасные волосы.

– А я слышала, что он выздоровел на другой день, – перебила Лукерья.

Ксения ответила:

– На другой или не на другой – не будем спорить! Главное, что ребёнок выздоровел.

Тогда бийче и все догадались, что вода не яд. С тех пор люди перестали бояться вод, стекавших в болото. Так было

положено начало лечению эссентукскими водами.

Перед Кисловодском коляска и повозка почти нагнали омнибус, медленно и осторожно спускающийся с горы к переправе через Подкумок. Четверик, направляемый опытным кучером, успешно преодолел переправу и поторопился дальше.

Наблюдая переправу, Ксения сказала:

– Лучше переправляться в коляске, чем в повозке! Не так сильно бросает на камнях. Так мне кажется. Согласны?

Алексей Петрович взглянул на Лукерью. Оба поняли, что Ксения завидует семейным Анне и Александру. Улыбнулись, и Алексей сказал:

– Глубокая мысль! И сильная, как эта горная речка.

Переждав веселье, пропел одобрительно:

– *Мысль прекрасна, нет сомненья! / Мысль прекрасна, нет сомненья.*

Лукерья присоединилась и вместе они пропели:

– *Нет сомненья! Bravo, bravo, bravo, / средство найдено. / Нет сомненья! Bravo! Средство найдено!*

Все расхохотались.

Обновленная гостиница

Скоро коляска и повозка переправились через Подкумок и поднялись на взгорок. Перед ними открылся обновленный Кисловодск.

В последние годы бурное строительство развернулось по всему городу. На Ольховке был возведен Воронцовский мост, украшен солнечными часами и возле променада устроены ровные набережные над подпорными стенками.

Продолжала строиться обширная галерея с бюветом над источником нарзана и с ваннами в отдельном помещении. Ветхую земляную крепость начали заменять каменной.

Кисловодский парк благоустраивался. Из крымского имения Воронцова привозили цветочную рассаду и саженцы деревьев. Посадили много пирамидальных тополей. Быстрорастущие тополи украсили весь городок.

В скором времени изменилась ресторация. По приказанию князя Михаила Семёновича Воронцова архитектор Самуил

Иванович Уптон поднял стены кисловодской гостиницы на два метра. Внутренние помещения перепланировал, комнат сделал шесть. Над задней дверью в зале устроил антресоль с хорами для оркестра.

Внешний вид ресторации также изменился. Новую крышу покрасили зелёной. Стены перекрасили снаружи в серый цвет в подражание пятигорской гостинице. Лестницу к ресторации из парка и грот под ней тоже переделали.

На дворе ресторации теперь стояли два одноэтажных летних флигеля, каждый на 10 номеров. Номер состоял из большой комнаты и небольшой прихожей. Сдавался за серебряный рубль в сутки.

Кроме того, во дворе к прежней кухне и к леднику прибавились новые, более вместительные. Прежнюю кухню и новостройки солдаты покрыли свежим камышом.

Чрезвычайно довольный Алексей Петрович собирался распределить кухни по роду блюд. Кондитерские работы перевести из старой кухни в новую.

Коляска и повозка миновали бульвар и площадь, где стоял опустевший омнибус. Упряжка омнибуса отдохнет, придет время, и он повезет пассажиров в обратный путь. Алексей и работники объехали строящуюся нарзанную галерею, повернули и въехали в ворота перестроенной гостиницы.

Приехавших встретил буфетчик Илья Дмитриевич и сказал, что приходили от Воронцова и приглашали Алексея Петровича зайти, не откладывая.

Алексей Петрович отпустил всех приехавших по домам. Поспешил привести себя в порядок, и отправился в особняк Реброва на прием к наместнику Воронцова.

Алексей Петрович догадывался об истинной причине озабоченности наместника. Летом 1850 г. цесаревич Александр Николаевич¹ с супругой Марией Александровной и свитой путешествовали по югу империи и должны были захватить на воды на бархатный сезон, на который съезжался бомонд. До окончания сезона оставалось полтора месяца.

¹ Тот самый, который провозгласил отмену крепостного права 5 марта 1861 г. и был убит народовольцами 1 марта 1885 г.

В Кисловодске наместник князь Михаил Семенович Воронцов с супругой Елизаветой Ксаверьевной ждали престолонаследника с большим нетерпением. Появилась возможность напрямую показать свои успехи будущему государю.

За время наместничества было построено много, но для запоминающегося приема этого было недостаточно. И Воронцов старательно искал новые возможности, чтобы сделать прием необыкновенным.

Кисловодская ресторация (М.А. Зичи, 1881 г.)

Для лечебного питания раненых он задумал ферму с новомодным сывороточно-лечебным производством. Приезд наследника ускорил дело. К устройству фермы приступили спешно. Место выбрали возле нарзанной галереи на краю

бульвара. Горы, где будут пастись козы, находились рядом. Неподальёку от фермы рассчитывали, как-бы случайно, поселить наследника.

Свой сюрприз для наследника собирался предложить также Алексей Петрович. Постучав, он вошел в комнату Воронцова. Наместник вышел из-за письменного стола, взял за руку Алексея Петровича и дружески пригласил сесть рядом с собой на софу.

Алексей Петрович снова убедился в простоте и доступности Кавказского наместника главнокомандующего и гражданского управляющего князя и графа Михаила Семеновича Воронцова. Между ними даже установилось нечто вроде доверительных отношений после того, как Алексей Петрович согласился управлять гостиницами и omnibusами по-новому.

Правда, вскоре Воронцов показал, какого рода у них дружба. Когда через год Найтаки осмелился предложить увеличить плату за проезд на omnibusах, из канцелярии наместника пришел жесткий отказ без объяснений. Как говорится, всяк сверчок знай свой шесток.

Пока в острастке не было нужды, Воронцов говорил:

– Накануне я заходил в твою гостиницу посмотреть новые флигели. Мне они понравились – разумно устроено: и постояльцам удобно и для обслуживания приспособлено неплохо.

Молодец! Сразу видно, что тебе не зря присвоена первая гильдия. Первое собственное заведение устроил превосходно.

– Спасибо, ваша светлость! – ответил Найтаки. – Я очень старался, но ваша лестная похвала мне кажется чрезмерной.

– Нет она не чрезмерная! Вполне соответствует твоей золотой медали «За полезное». Уверен, что и другие награды не уйдут от тебя.

Но не будем разговаривать официально! Разговор у меня к тебе доверительный. Так что называй меня по имени-отчеству, как я тебя.

– Слушаюсь, Михаил Семенович!

Воронцов сказал:

– Ты ведь знаешь, что престолонаследник с супругой и свитой собирается вскоре посетить нас. Я заметил, что ты, Алексей Петрович, перед публикой не надеваешь свою медаль.

Это неправильно!

Государевой наградой должно гордиться! К тому же почти треть вершка золота, и особо важно выглядит алая лента ордена святой Анны, матери богородицы, на шее. Перед цесаревичем непременно будь с медалью.

– Михаил Семенович, ваше указание для меня чрезвычайно важно. У меня есть встречное предложение, как порадовать цесаревича.

– Отлично! Скажи свое предложение. Если оно будет толковым, мы обсудим. Согласен?

Да, Михаил Семенович! Простите меня, ваша светлость! Я оговорился. Это не предложение, а, правильное сказать, приглашение.

Я выписал из Москвы в Пятигорск замечательного повара, чтобы он учил нас готовить пищу по кулинарной науке. Учеба закончилась, и мои повара начинают работать, как в столицах.

Я приглашаю вас и Елизавету Ксаверьевну прийти на другой день в ресторацию на дегустацию. Блюда на обед и ужин будут приготовлены в итальянском вкусе.

– Спасибо! Очень интересно! Сегодня сообщу тебе наше с женой решение.

– Михаил Семенович, извините за настойчивость! У меня есть ещё одно предложение, которое может заинтересовать вас и Елизавету Ксаверьевну.

– Говори, пожалуйста! У тебя, уважаемый, сегодня прямо изобилие идей, – Воронцов поощрительно улыбнулся.

Алексей стал объяснять:

– Вы, ваша светлость, возможно слышали, что в 37-м году император Николай Палович приезжал в Пятигорск. Мои работники готовили концерт для него, но император торопился и был недолго, так что наши хлопоты оказались напрасными. Приготовленный концерт слушали князь и княгиня Хасновы, проходившие тогда курс на водах. Концерт им очень понравился.

Обязан сообщить, что в настоящее время мы готовы показать своё умение перед цесаревичем Александром Николаевичем, как только он приедет. Предлагаем снова устроить небольшой концерт, конечно, если вы, ваша

светлость, сочтете такое развлечение уместным.

Наш репертуар состоит из русских романсов и итальянских оперных арий. Облик и манеры местных артистов придадут выступлениям кавказский колорит. Вы почувствуете незабываемое природное очарование.

Однако, я должен признаться вам, что есть одна заковыка. Мы не знаем музыкальных предпочтений наследника и не можем составить программу в должном виде. Очень надеемся на вашу помощь, Михаил Семенович.

Алексей знал, что затея с концертом обязательно заинтересует супругу наместника. Поэтому и сказал так. Наместник уловил его мысль не сразу. После паузы откликнулся:

– Ты прав. Я слышал, что у тебя есть работники с хорошими голосами. Елизавета Ксаверьевна обязательно зайдет и поможет вам репетировать. Когда вы собираетесь обсуждать программу?

– Начнем репетировать на другой день и продолжим на третий день после ужина, если это будет удобно её светлости. После восьми пополудни.

Воронцов подумал ещё немного и наконец сказал:

– Жена собиралась выписать артистов из столицы на время приезда наследника. Но твоя, идея, Алексей Петрович, выглядит более привлекательной. И даже, возможно, стоит некоторого обсуждения. Уверен, Елизавета Ксаверьевна пожелает посмотреть на вашу репетицию.

– Прекрасно! Благодарю за внимание вашу светлость! Мы с радостью покажем лучшее, что умеем!

Довольный Алексей простился с Воронцовым. Пока шел к себе в ресторацию, обдумывал вероятные последствия разговора:

– Княгиня повидала разные концерты и ее советы будут, несомненно, полезны при наших репетициях. Затем, если мы понравимся цесаревичу, то легко получим разрешение у предводителя дворянства Алексея Федоровича Реброва на дальнейшие концерты в ресторациях.

Тогда мы станем дополнять выступления приезжих артистов, и будем иметь доход для себя и приработки для работников. После этих концертов наш шеф-повар Андрэ

вылечится от своей глоссофобии. Уверен, княгиня сама предложит включить выступление Андрэ в концерт, когда услышит, как он поёт. Надо срочно переводить шеф-повара из Пятигорска сюда. Жить его устрой у кого-нибудь из работников. В крайности поселю у себя

Тут Алексей остановился:

– Прости меня, господи! Некстати я размечтался. Не сглазить бы! Избави меня, господи, от дьявольских заблуждений и соблазнов! И Алексей перекрестился.

Воронцов смотрел в окно на прелестную зелень, растущую во дворе усадьбы Реброва, улыбался и обдумывал дальнейшие действия:

– Место для концерта определим по желанию цесаревича. Устроить в ресторации или здесь на усадьбе? Неплохо будет провести на воздухе. Спрошу Лизу. Она заметила, что кухня улучшила свои блюда, и мы можем питаться без опасений. Сходим на другой день на дегустацию. Ишь, как мудрено заговорил наш ресторатор! Интересно, что он затеял? Надобно обязательно разобраться, чтобы не допустить случайной помехи правильному приему цесаревича Александра

Наместник был доволен:

– К приезду наследника все налаживается. К балу, обеду, охоте и козлиной ферме прибавится необычный концерт вместе с интересной кухней.

К тому же мы, кажется, удачно предусмотрели обустройство наследника. Лизонька предложила провести тонкую интригу, чтобы с пользой для себя жить рядом с царственной парой.

Скажем наследнику правду – мол, в гостинице Найтаки шумно и неудобно из-за ресторации. Но закрыть ресторацию нельзя. Она питает раненых. Из-за шума приезжие живут в гостинице два-три дня, пока ищут тихое жильё. Наследнику посоветуем поселиться у Реброва, где всегда тихо и спокойно, в чем мы убедились сами.

Лишь одного чета Воронцовых не предусмотрела. Перед самым приездом наследника случилась трагедия с большим числом человеческих жертв. Все началось в домике, соседнем с козьей фермой.

Роковой калым

В день 19 августа 1850 года солнце едва успело высветлить небо над горами, а первый признак тревоги уже обозначился.

Конь *Каракёк*¹ поручика *бия* Ибрахима Крымшамхалова чуть не сбросил его в воротах и напугал молодую жену поручика, вышедшую проводить. Поручику показалось, что дворовая собачка *Умутчык*² нарочно кинулась под ноги коню, заливаясь громким лаем.

Нукеры заспорили: правой ногой споткнулся вороной или левой. Решили, что правой, и беды не случится. Можно было ехать в Кисловодск.

Слушая нукеров и помня о дурных приметах, поручик тревожился. Однако не ехать нельзя было! Путники проверили оружие, как перед опасной дорогой.

Ехали долго. Рядом на *джоргъа ат*³ покачивался *къайын*⁴ Афай Туганов. Он со своими нукерами присоединился к родственнику, хотя не имел никакого понятия о будущем. Поручик ничего ему не говорил и не просил – сказал только то, что надо ехать.

Ценя уважаемого *къайына*, Ибрахим немного открылся:

– Ты, наверное, недоумевал, почему не приехал на свадьбу дочери мой тесть и твой отец Асламбек Михайлович? Вследствие государственных забот, объясняли мы гостям. Их много у орденосного генерала и бывшего конвойного из охраны самого царя. Дело было, однако, в ином.

Доверюсь тебе, и скажу правду! Ведь ты помогал мне при похищении невесты, твоей сестры, и на свадьбе попечителем был тоже. Ты знаешь, что я отдал тестю богатый калым.

Мне не стыдно было ни перед кем за табуны коней, за отары овец, баранов и коз, за стада коров и волов! Твой отец также не обидел меня приданым жены. Грех жаловаться! Люди будут помнить, чего стоит прекрасная Гочаях.

¹ *Къаракёкъ* – чёрная молния (карач.- балкар.)

² *маленькая надежда* (карач.- балкар.)

³ *иноходце* (карач.- балкар.)

⁴ *шурин* (карач.- балкар.)

Как ты знаешь, вскорости тесть заявил, что я нарушил договорённость и должен ему сто двадцать коней. Он подал жалобу и, кроме коней, требует, чтобы я заплатил штраф.

Разве это справедливо, не разобрав, что произошло, считать меня обманщиком, обижать дочь и подавать жалобу? Я решил обратиться, куда делись кони. Ты удивисься!

Къайын дождался конца откровения и, не услышав ничего нового, сказал, смеясь:

– Увели табун коней, конечно! Выяснил, кто это сделал?

Табун кабардинских лошадей (Д. Аутлев, 2018 г.)

Ибрахим ответил резко:

– Мой табунщик оказался дураком. Обманул его табунщик генерала. Сам генерал – честный осетин. Но его табунщик, тоже осетин, оказался пройдохой.

Хитро сказал, что табун они с помощником доведут сами, а ты, мол, друг наш, свободен и можешь возвращаться домой.

Мой табунщик поехал домой, как ему сказали. Жулик табунщик сказал генералу, что табун ему не пригнали и даже слова не передали. Как тебе это нравится?

Что стало с табуном, я не знаю – продали или пасется где-то. Но со временем узнаю.

Генерал сказал мне в личной беседе, что я как порядочный человек и его родственник должен дать хороший штраф, чтобы перед народом доказать уважение к старому тестю.

– Ведь теперь – сказал он мне, – моя семья – твоя семья, и отданное станет общим.

Вот хитрец! А сам тем временем повсюду говорит, что потребует с меня весь долг, потому что я позорю род, – украл невесту, а правильно платить калым не умею.

Я надеялся, что все это как-то утрясётся с помощью родни. Но он, этакая штучка, грозитя довести меня до *цугундера*¹! Дошел до начальства со своей жалобой. Теперь главный начальник на линии требует меня к себе на ковёр.

На первое приглашение, которое мне передали, я не поехал. Думал, что это глупая шутка! Чую, что какой-то негодяй подталкивает тестя на подлость, как из-за кулис на театре. Сам он на такое коварство не способен. Буду разбираться, кому это я не угодил.

– Да, уж, задача! – согласился Афай. – Разбирайся, брат, только осторожно. Тут могут действовать большие силы.

Нет ли у тебя серьёзного соперника, недовольного твоей женитьбой? Спроси Гочаях, не знает ли она что-то или догадывается о ком-то?

– Верно, мудрый друг! Спрошу, когда вернусь домой!

Дальше они ехали молча. Более поручик не сказал ничего, боясь обидеть Афая нехорошими словами об отце.

Знаток, посмеиваясь, прибавил, что не нужно было поручику заводить лучших лошадей в округе и, более того, родниться с генералом! Теперь отдашь ему последних лошадей. Когда твои лошади будут у генерала, он, возможно, успокоится, но не обязательно.

Поручик вспомнил, как один знающий доброжелатель предупредил, что богатый генерал Туганов – человек хитрый и жадный. По мнению доброжелателя, похищение табуна он устроил сам, подставив табунщика. Суд, конечно, положит

¹ порка, гауптвахта (с нем.)

табун в карман генералу.

Знаток спросил, знает ли Ибрахим, почему красивые дочери генерала трудно выходят замуж? А ведь выбор большой: есть и мусульманки, есть и крещенные христианки. Просто генерал запрашивает за каждую слишком много. Доброжелатель насмешливо поинтересовался, как мое мнение?

Слева-направо генерал Туганов Асламбек Михайлович (Батырбекович) (1804 — 1868) и начальник центра генерал Эристов (Эристави-Ксанский) Георгий Романович (Ревазович) (1812 — 1891)

Пришлось поручику отправить по инстанции рапорт с объяснениями. Теперь его ждал разговор с князем Георгием Романовичем Эристовым, начальником центра Кавказской линии. И было неясно, чем разговор закончится.

Ибрахим узнал заранее, что Эристов человек честный и благородных правил и не глупый, но самоуверенный и мог выйти из себя. Он ругал горцев, не разбирая правого от

виноватого, не стесняясь ни положением, ни званием¹. В этом он не отличался от других грузинских князей. В особенности, от бесчисленной родни Эристави.

Сейчас князь Георгий мог быть особенно зол на горцев. Неделю назад похоронили его двоюродного брата, князя Захария Георгиевича. Их матери были дочерьями последнего грузинского царя Георгия XII. Князя Захария убили злодеи на дороге в управляемом им округе в Восточной Грузии. Болтали, что это сделали горцы!

Но всё же Ибрахим надеялся, что Эристов представит его наместнику. Как рассудит наместник, так тому и быть! Не к царю же ехать из-за табуна лошадей? А если не представит?

Плохо ещё, что занятый поиском похищенных коней, Ибрахим приехал не на первый, а на повторный вызов. Но он рассчитывал на милость, когда откроется причина.

Ибрахим думал:

– В случае удачной встречи с Эристовым буду говорить с наместником, к чувствительности которого надо прибегнуть. Риск большой. Но в случае неудачи впереди меня ждут позорный суд и разжалование.

Ибрахим успокаивал себя:

– Старый князь наместник Михаил Семенович Воронцов слывет строгим, щедрым и справедливым человеком. В армии помнят, как он оплатил долги офицеров и солдат своей армии, когда выводил её из Франции в 1815 году. Едва не разорился.

На Кавказе говорили, что князь «... был среди русских высших чиновников человек редкого в то время европейского образования, честлюбивый, мягкий и ласковый в обращении с низшими и тонкий придворный в отношениях с высшими. Он не понимал жизни без власти и без покорности».²

Однако, хватит гадать впустую! Ибрахим встряхнул головой, разметав длинные пряди шерсти на папахе, поправил кинжал и весело спросил:

– Я слышал, что иноходь твоего Мерака быстрее размахистой рыси моего Каракёка. Проверим?

¹ Зисерман А., *Двадцать пять лет на Кавказе (1842 - 1867)*

² Л.Н. Толстой, *Хаджи-Мурат, 1912*

И они пустились. Ибрахим не раз удерживал своего араба, задиравшего хвост, и заставлял возвращаться на рысь.

Всадники (Ф.А. Рубо)

А иноходец Афая все дальше и дальше уходил вперед. Проскакав порядочно, чтобы размять коней, вернулись на прежний аллюр. Поехали рядом.

– Видишь, – сказал Афай, – почему наши кони хороши для

похода. Летишь на коне, как на волшебном ковре. Ковер не колыхнётся. И конь не устаёт. Конечно, твой араб лучше в скачках, но карачаи бесценны в походах.

Несчастные арабы-кочевники! Нет у них таких коней, и они ездят на верблюдах! Оба наездника рассмеялись и повеселели.

Наконец, перед ними открылся прелестный кисловодский бульвар. На нем недалеко от нарзанной галереи и козьей фермы снимал домик начальник центра.

Подъезжая к домику, наездники заметили странную расстановку войск. На бульваре перед воротами стояла сотня верховых казаков, а во дворе расположилась рота вооруженных солдат.

Афай, видя полное вооружение на Ибрахиме, сказал:

– Мне как-то не нравится всё это. Давай вернёмся домой. Приедем на другой день, когда здесь не будет таких сборов. *Бек анасы джыламаз*¹.

– Нет, – ответил Ибрахим, – я начал и буду продолжать.

– Жаль! – сказал Афай. – А я, извини, лучше поеду, потому что помочь тебе не смогу, а навредить получится. Скажут, слишком много нукеров притащил с собой молодой бий. Значит, чувствует вину и неуверенность! И пытается защититься оружием и людьми.

Прошу тебя, в разговоре с генералом помни правило *сабур – хуцауи лымэн!*²

– Я знаю это правило. Спасибо за проводы! – ответил Ибрахим

Афай сказал:

– Вернусь и поговорю ещё раз с отцом.

Кивнул нукерам Ибрахима и позвал своих. Выезжая со двора, оглянулся на спокойного и решительного шурина. Сказал напоследок тихо-тихо, чтобы никто не услышал: «*Хуцауи, амнэт фæ уæд!*»³.

¹ *Береженого – бог бережёт* (карач., погов.)

² *сабур – хуцауи лымэн* (осет., посл.) – спокойный – богу друг

³ *Хуцауи амнэт фæ уæд!* (осет.) – Да, хранит его бог!

Перестрелка в Кисловодске

Князь Эрстов не заставил долго ждать и пригласил в дом. Выслушав представление прибывшего поручика, генерал сказал громким, но не злым голосом:

– Вас обвиняют, ваше благородие, что вы не заплатили калым за невесту, как положено по законам Шариата. Я думаю, что это недоразумение и вы все исправите.

Ибрахим слушал, выказывая явное внимание. А князь Георгий продолжил строго:

Но это не главное. Вы, батенька, поступили не как офицер, у которого есть начальник, а как непутёвый баран из вашего калыма.

Первое. Вы не знаете, что к воинскому начальнику не обращаются с гражданским иском. Для этого имеется окружной пристав. Он решает хозяйственные споры.

Кто-то рядом сказал: «Правильно!»

В комнате засмеялись, и князь окрикнул:

– Молчать!

Все затихли, и он взял суровый тон. – Извините, поручик, я должен сказать! Вы показали дурной пример своим подчиненным. Но вы, любезный, не баран и не можете поступать так, как вам заблагорассудится!

Как вы могли подумать, что армейский устав писали умные люди не для меня и не для вас? Вы поступили не по уставу.

Нарушив воинский порядок, вы обратились не к своему непосредственному воинскому начальнику, а через его голову прямо к генералу!

Довольный собой и своим доходчивым разъяснением порядков, известных всем, генерал прибавил ласково:

– Согласитесь, вы обидели своих начальников и поставили их в неловкое положение, будто они не могут разобраться в вашей мелкой кляузе.

Вы хотите, чтобы в армии наступил хаос, потому что вами, поручиком, нарушена элементарная субординация. А это в армии – самое худшее, что бывает!

У меня, батенька, этого не будет! Я призову всех к порядку! Извольте-ка, любезный, сдать своё оружие и отправляться на

гауптвахту под стражу! Будете изучать устав. Обещаю, что после я с вами побеседую по уставу особо.

– Позвольте, Ваше высокопревосходительство! Позвольте! Я расскажу, что удалось узнать об этом проклятом табуне. Все станет ясно и понятно. И не надо будет никуда ходить, чтобы объяснять.

Князь вдруг сказал зло:

– Не позволю! Хвала господу и государю, вы – военнослужащий! И что же? Вы не имеете понятия о фронтовой службе! Не явились на разбирательство, на которое было приказано явиться.

Я вас научу действовать, как положено! Исполняйте приказ, как настоящий офицер, а не как бунтовщик, к которому надо применять силу! Что? Молчать! Или я арестую вас!

Голос Ибрахима напрягся от возмущения:

– Вы не хотите выслушать правду. Поймите, ваше высокопревосходительство, дело не требует отлагательства. Послушайте меня, и убедитесь в этом. Оружие я не сдам! Не вы мне его вручали, не вам его отбирать!

– Полковник, слушай мой приказ! – разозлённый генерал обратился к коменданту кисловодской крепости Жердеву, стоящему рядом. – Арестовать поручика и доставить на гауптвахту!

– Ну, нет! – возмущенный Ибрахим выхватил шашку дедовскую и выскочил за дверь. С крыльца закричал:

– Шашки вон! За мной!

Прыгнул на коня, которого держал в поводу нукер. Они выскочили через открытые ворота и помчались по бульвару мимо козьей фермы к усадьбе Реброва, где поселился князь Воронцов.

Казаки, заранее предупреждённые, погнались за ними и выстрелили. Один беглец упал вместе с конём.

Беглецы спешили, подхватили упавшего и бросились на гору над домом Реброва, вынимая ружья из чехлов.

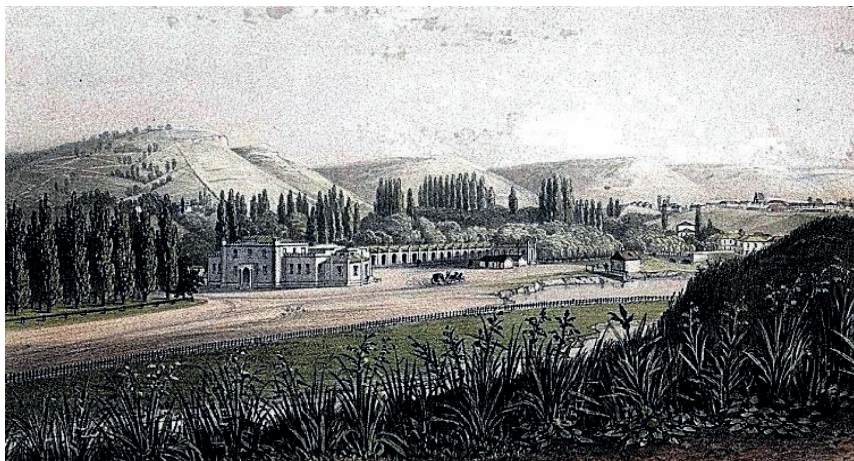
Там на вершине стоял заметный каменный крест в рост человека. Крест был особенный. Его два года назад поставил статский советник Ребров на 50-летие первого курортного сезона в Кисловодске, чтобы увековечить память о

сподвижнике А.В. Суворова генерале-лейтенанте графе Ираклии Ивановиче Моркове, командующем кавказской линией. Генерал отдыхал у нарзана с семьей. Ребров служил у него секретарем.

Казаки и солдаты преследовали беглецов.

– Я не бунтовщик! – кричал поручик. – Пусть все видят! Прошу правильного суда у князя Воронцова!

Горцы гиканьем поддерживали его. Услышав тревогу, солдаты и казаки сбегались отовсюду. Пальба всё усиливалась.

Кисловодская нарзанная галерея (Н. Медведев, 1861 г.). Слева бульвар, за деревьями козья ферма, затем Крестовая гора с крестом-памятником. В галерее колодец нарзана. В тополях слева усадьба Реброва и справа ресторация. За мостом жилые дома. Над ними на уступе горы крепость.

Окруженные беглецы залегли в ограде, поставленной вокруг креста, и стали отстреливаться, видимо, решив дорого продать свои жизни. Двое из них были убиты, и двое нападавших солдат ранены.

Встревоженные сильной стрельбой, люди выходили из домов. Солдаты-строители нарзанной галереи бросили работу. Из усадебного особняка вышел кавказский наместник князь

Михаил Семёнович Воронцов и за ним хозяин Алексей Федорович Ребров. Посмотрели вверх в сторону креста.

– В чем дело? Что за сражение? – спросил Воронцов.

– Ваше высокопревосходительство, с утра занимался этим князь Эристов.

– Где князь Георгий Романович? Позовите!

Подбежал запыхавшийся Эристов:

– Разрешите доложить, ваша светлость?

Памятный крест на Крестовой горе

– Слушаю! Кратко и без экивоков!

– Приехал поручик княжеского рода Крымшамхалов, карачаевец, с ничтожной жалобой. Нарушил порядок. Забыл правила субординации и потребовал вашего личного суда!

Я объяснял, что не след так делать. У вас есть более важные дела. Аресту он не поддался и оказал сопротивление.

– Тогда, Георгий Романович, что вы стоите? Велите

схватить бунтовщика! Помните приказ государя: не подчиняются – уничтожить! – и вслед прибавил. – Любой ценой!

Генерал поднялся в гору к залегшей цепи. Он видел хорошо, что долго лежать под огнем противника на открытой горе без всякого укрытия нет смысла, и прокричал:

– Слушай, передай!

Команда, подхваченная солдатами, улетела вдаль как эхо: «Слушай! Передай!..» И за ней пошла суровая команда:

– Пленных не брать!

Вслед генерал решительно крикнул:

– В атаку! Вперед!

Посмотрел, как пошли солдаты. Потом, не пригибаясь под выстрелами, вернулся во двор.

Прикрываясь плотным огнем, солдаты перебежками стали подниматься в гору, окружая отстреливающихся.

Лежавшие у креста, видя безысходность положения, вскочили и побежали врассыпную вниз по круче.

Один из них, простреленный пулями, упал на половине горы и более не вставал.

Князь Эристов сказал князю Воронцову:

– Михаил Семенович, отлично наши показывают себя!

Другой добежал, вскочил в ребровский двор и, запыхавшись, успел прокричать: «Ваше высокопревосхо..!». Но тут же был опрокинут дюжим кучером, находившемся при лошадях наместника.

Вскочил. Ударили в шашки. В схватке он ранил кучера. Через мгновение был зарублен.

– Какая наглость! – переведя дыхание, сказал Эристов. Вытер шашку и, скривившись от вида крови, бросил платок.

Третий, последний, спустился до посадок позади усадьбы Реброва, и под прикрытием посадок добрался до проулка.

Укрываясь за оградой, добежал до ворот ресторации. И в поисках укрытия кинулся внутрь помещения.

Буфетчик Илья Дмитриевич стоял в дверях, пытаясь понять, что происходит. Он узнал карачаевца и попытался остановить:

– Джамбулат, стой! Нельзя дальше. Будет беда. Опустите оружие! Сдавайся!

Джамбулат сказал:

– Дядя Илья, прошу, пропусти!

– Не пропущу! Сдавайся!

Догонявшие закричали:

– Он в ресторации! Держи его! Держи!

– Ты с ними! – воскликнул Джамбулат и ударил кинжалом.

Буфетчик схватился руками за голову и упал. Злодей перескочил убитого и вбежал в зал.

Закричали обедавшие курсовые. Карачаевец стремительно взобрался по лестнице на хоры и спрятался.

В зал вбегали гнавшиеся солдаты и казаки. Загрохотали выстрелы. Зал заполнился пороховым дымом. Курсовые спешно выбегали через парадный вход.

Видя, что стрельба ничего не дает, взводный скомандовал:

– Прекратить стрельбу!

Оглядел всех.

– Нас семь. Счастливое число! Тянем жребий.

Живо взял с ломберного стола полдюжины карт. Показал всем: «Дам нет!».

Нашел даму. Вложил. Стасовал.

– Тяните! Давай, Васька! Ты у нас на дам самый хваткий.

И прибавил крепкое словцо. Васька взял.

– Не повезло! Не всё коту масленица!

Тянул следующий. Взводный сказал:

– Пахомыч, дамский угодник, ты угадал. Черед тебе лезть!

И обратился к остальным:

– Заряжайте, подъябочники! Прикрываем его! Иван Пахомыч, давай, с богом! Возьми пистолет!

Солдат принял пистолет, перекрестился и стал осторожно подниматься по узкой крутой лестнице на антресоль, держа пистолет наготове.

Выстрел. Загрохотал залп. Солдат с шумом упал в зал. Кинулись – он был зарезан!

Тут прокричали со двора:

– Поберегись! Берём со двора!

Все бросились в дверь и, толкаясь, выскочили на двор.

Убегая, взводный крикнул:

– Васька! Стереди!

Василий зарядил ружье.

Во дворе солдаты приставили к галерейке лестницу, оставленную работавшими малярами у цоколя стены. Унтер-офицер сказал:

– Ставь посередине! Отсюда гораздо лучше будет видно. Злодей-то в углу прячется.

Переставляя лестницу, солдаты спросили:

– Так, или подвинуть?

– Годится! Придержи!

Унтер взял ружьё и полез по лестнице наверх. Высмотрел в окно притаившегося беглеца и выстрелил. На крышу посыпались осколки стекла.

– Готов! – крикнул.

Все облегченно вздохнули.

Тут ударил выстрел в зале. Побежали туда. Застреленный карачаевец лежал рядом с зарезанным солдатом.

Взводный усмехнулся:

– Был мираж, стал марьяж¹! Вот везет, так везет!

И похлопал рукой ружьё солдата. Василий стоял неподвижно, держал дымящееся ружье в руках и смотрел остановившимися глазами на убитых.

Запыленный и запыхавшийся полковник Жердев вернулся к дому Реброва и обратился к Воронцову:

– Ваше высокопревосходительство, разрешите доложить его превосходительству.

– Докладывайте, полковник.

– Операция успешно завершена. Потери: убито 7, из них 1 солдат, 1 штатский и 5 карачаевцев; ранено 4, из них 3 солдата и 1 карачаевец. Последний, раненый в грудь, считался в начале убитым, но ожил.

Итого: потери гарнизона убитыми много меньше, чем потери нападавших, двое против пятерых. Наши показали свое умение в бою в горных условиях на открытой местности против

¹ *ход дамой и королём в карточной игре, от mariage – свадьба (фр.)*

хорошо вооруженного противника.

Воронцов поманил Эристова и Жердева:

– Прощу ко мне! Разберемся, от чего случилось это дикое безобразие? Не хватает, чтобы слухи дошли до цесаревича!

Убитых вынесли из ресторации и положили наземь в тень. Пришел дворник, принёс простыни. Накрыл покойников.

Тохтар сел подле мертвого сына. Вокруг шёл бурный разговор – он его не слышал. Снял с бритой головы мохнатую шапку и шептал молитву.

Кунак Петр не покинул его и горевал рядом. Можно сказать, это было семейное горе. Соседи Митрич и Пахомыч из слободки лежали рядом. Илью Дмитрича Петр недавно перевел из приказчиков в буфетчики, убедившись в его способностях.

Джамбулат, можно сказать, рос на его глазах. Как погибшие карачаевцы веселились на свадьбе и радовались счастьем и любви молодых Ибрахима и Гочаях! Несчастливая вдова Гочаях! Несчастный Тохтар! Бедные осиротевшие семьи!

Ветер с гор обдувал мокрое от слёз лицо понуро сидящего Тохтара. Листья тополя колебались и шелестели над его головой.

В углу двора воробьи громко чирикали и дрались на ветке за скворечник, покинутый скворцами, улетевшими к теплу. Божья коровка, поспешая, ползла по простыне в верхнюю точку над лбом покойника.

Подул порыв ветра и пошевелил край простыни. Божья коровка подняла надкрылья, расправила крылья и понесла семь черных меток смерти на кровавом фоне.

Пройдут годы. Главные участники трагедии проживут разнообразные жизни. Умрут своей смертью. И всю жизнь будут помнить тот ужасный день кисловодской перестрелки.

А что наследник престола? Он с супругой приехал в сентябре. Человек, превосходно воспитанный, он всё осмотрел, всем восхитился, всех благодарил.

Вместе с будущими подданными молился за государя и государыню, за императорскую семью, за народ и за успехи русского оружия.

На ферме удивился необычному вкусу айрана из козьего молока. С удовольствием присутствовал на обеде, данном предводителем ставропольского дворянства Алексеем Федоровичем Ребровым для военачальников и цесаревича.

Впоследствии Ребров заказал у местного художника картину маслом, на которой было изображено, как наследник благодарит хозяина за труды и гостеприимство.

Торжественный обед у статского советника А.Ф. Реброва
21 сентября 1850 г. (В.Байрос, копия 2014 г.)

Картина была утрачена и её копия недавно написана по сохранившейся фотографии художником В. Байрос в прежнем полу примитивном стиле¹.

Были изображены следующие персоны: цесаревич Александр (третий справа впереди) поднимает бокал, наверное, славного Ребровского полу-шампанского; хозяин А.Ф. Ребров (четвертый слева сзади) стоит с бокалом в правой руке у желудка и с левой рукой, прижатой к сердцу; в углу сзади

¹ Копия находится в музее «Дом А.С. Пушкина на Кавказе», г. Пятигорск.

виднеется архитектор С.И. Уптон (слева второй).

Седой князь М.С. Воронцов сидит справа позади цесаревича. За ним сидит генерал П.Е. Коцебу, начальник штаба Кавказского корпуса. От него справа (в углу) сидит князь А.И. Барятинский, наместник Кавказа, победитель имама Шамиля. Князя Александра Ивановича именовали впоследствии покорителем Кавказа.

Надо полагать, что итальянские блюда на ужине в ресторации цесаревичу и супруге понравились не менее, чем угощение у Реброва.

Но от концерта, исполненного работниками, они не были в восторге. Провинциальные концерты похожи один на другой. Певцы выглядят на одно лицо, а пение даже не думает приближаться к мастеровитому. Слушать примитивное пение ужасно надоедает.

Но вежливые слушатели изображали заинтересованность. Их утешала мысль, что когда-нибудь на этом невзрачном субстрате любительства раскроются цветы оперного профессионализма, которыми станет наслаждаться душа.

Проходили годы, и воспоминания о трагическом происшествии из-за калыма так и не исчезли, несмотря на множество важных событий.

На какое-то время текущие заботы успокаивали Алексея Петровича. Душа его защищалась от горьких воспоминаний.

Потом воспоминания о смертоубийстве в Кисловодске всплывали снова из памяти. Достаточно было ничтожной ассоциации с чем-то знакомым по прежним делам, и душа снова погружалась в пучину тяжелых чувств.

В таких случаях он не давал себе волю, а сохранял видимое спокойствие. Всех удивлял его вечный оптимизм и доброе отношение к людям.

Последнее рождество

Старенький дед Петр Афанасьевич тревожил семью. Они всё чаще слышали его грустные речи о далеком прошлом, в котором деду не представился случай удивить государя, приехавшего в Пятигорск. Горькое разочарование стало

навязчивым до такой степени, что раздражало окружающих людей.

Седого Петра Афанасьевича, приехавшего в Ставрополь на рождество, утешал в очередной раз Егор:

– Радуйтесь, папаша, что в то время вас не окружили охранявшие полицейские! Серые шинели такие строгие и внимательные, что не удивляются ничему, и нет у них чувства юмора. Хорошо, что вам не случилось испытать огорчение на вашем концерте во время пикника!

Маленький внук Петруша подошёл, прижался к загрустившему деду. И, жалея его, решился сказать:

– Дедушка Пётр, а я догадался, какие нехорошие слова говорил солдат, которого ты направил в пикет на горе, чтобы он охранял пикник! Он работал кучером на второй телеге и не хотел возить плохого дядьку Шпака. Правильно? Хочешь, я скажу тебе нехорошие слова на ушко?

Мария, старшая сестра, поспешно перебила брата, чтобы он не ляпнул неприличное, и сказала:

– Ребёнку понятно, что солдат было четверо: барабанщик, два кучера на телегах и майоров денщик. Петя молодец, четыре года исполнилось, а он всех сосчитал!

Молодёжь засмеялась, и кто-то прибавил:

– Петруша, посчитай до десяти!

Пятеро сестёр – Мария, Юлиана, Анна, Евгения, Антонина – загомонили, обращаясь наперебой к деду, который начал раздавать подарки.

Пётр давно убедился, что внучата не знают порядка. Очень их балует ставропольская бабка Ермакова! Бабка все-таки утихомирила детей, и они стали извлекать из свертков игрушки, сладости и другие соблазнительные вещи

Хозяйка Вера Егоровна поправила плед на коленях свёкра. Повздыхала сочувственно и подумала с досадой:

– Дед опять вспомнил, как готовился к встрече с императором и не увидел его. Надоел всем! Видать, не только ноги болят, ежели пытается ходить, да ещё и с головой непорядок, едва пытается думать. Из последних сил всё делает, а вида не подает. Хуже того, прошлые и настоящие времена путает. Когда перед рождественской службой в соборе ему

принесли стул для сидения, старик стал ни с того, ни с сего спрашивать, как прошёл молебен с императором. К чему вспоминать такую давность? Думаю, ему недолго осталось!

Старый Петр замерз за время долгого переезда из Пятигорска в Ставрополь, и ему было приятно забыться на всенощной в тёплом Троицком соборе.

Здесь все было знакомо до последней щели в деревянном полу и до мельчайшего завитка в резьбе огромного иконостаса, сверкающего серебром и золотом. Вспомнились ему поездки с обозом в Москву. Привиделось, как много лет назад он, приехав, ходил к иконе Иверской божьей матери, молился и ставил свечу «Хозяйке Москвы» ради удачных закупок. Добычливые ставропольские купцы не просто обязательно поклонялись великой иконе в частых деловых поездках. Прошли годы, и ценный список иконы доставили в Ставрополь со святого Афона.

Служба закончилась. Незаметно пришло утро. Пётр посмотрел на икону и поблагодарил Богородицу за все доброе в былой жизни. Раздал милостыню у паперти. Ставропольцы его окружили. Уважительно поздравляли и спрашивали, как живётся в Пятигорске у Алексея.

После всенощной Егор с работником посадили уставшего деда на одноконную коляску и повезли домой, хотя идти было недалеко. Тем временем Вера с детьми пошли по утреннему бульвару пешком. По дороге Пётр размышлял о прошлом и о настоящем. В Ставрополе он чувствовал себя, будто вернулся на родину. Особенно было лестно, что приятели его не забыли.

Он смотрел на старшего сына и думал с гордостью:

– Супруга сына достойная, богатая и домовитая. Родила пять девочек и мальчика предпоследним. Такова божья награда за веру, надежду и любовь!

Какой отличный дом Егор построил на деньги жены на месте ветхого прежнего! Кирпичный, двухэтажный, с легкой деревянной верандой и глубоким подвалом. На первом этаже имеется лавка, как положено купцу. За домом находится прекрасная усадьба: обширный сад, сараи, конюшня и колодец. Не зря сын насмотрелся на похожие дома во время поездок!

Молодец Егор! Вошёл во вторую гильдию. Догоняет Алексея купца первой гильдии. Они с братом похожи не одной только внешностью. Неудивительно, что некоторые считают их близнецами! Как не гордиться такими сыновьями!

В доме долгожданного дедушку окружили внучата. Раздавая подарки, сложенные рядом с ёлкой, Пётр радовался счастью своего сына Егора. Благословил мысленно его семью. Обнимал посаженного на колени внучонка и нисколько не сомневался, что из Петруши вырастет превосходный купец:

– Какой славный малец! Весь в отца молодца. Считает уже до десяти! Жаль, что мне не увидеть успехов мальчика в будущем. Так же я не увидел царя в прошлом. А столько в прежние времена было хлопот! Внучонка-то ждали нетерпеливее, чем императора. – Пётр улыбнулся и погладил рукой чёрненькую головку смуглого малыша, разбиравшего подаренную деревянную игрушку.

У Петра было отличное настроение. Когда семья разместилась за большим праздничным столом, он перекрестился и сердечно произнёс:

– Милые мои детки и внучатки, поздравляю с рождеством Спасителя нашего Иисуса Христа!

Дорогая сватья! Желаю каждому здоровья и счастья! Пусть будет полным дом и успешны дела! Не забудем сирых и просящих ради Христа!

Не вставая, сказал застольную молитву. И вдруг вспомнил, что скоро исполнится год, как царь Николай умер. Перекрестился, встал с трудом, поднял рюмку и сказал:

– Господи, прости мою забывчивость! Да покоится государь Николай Павлович с миром! Царствие ему небесное! Жаль, что мне не довелось устроить для него кавказский пикник! Здоровья императору Александру Николаевичу и его семейству! Долгого и счастливого правления нам на радость!

Сидевшие за столом даже не догадывались, что это была их последняя встреча с живым отцом. В Пятигорске он вскоре заболел. Кашлял, отекали ноги, никуда ни ходил, иногда лишь посиживал в палисадничке позади дома. Выбирался туда с трудом. Доктор сказал, что произошло старческое ослабление организма вследствие многолетнего топтания в ресторациях и

гостиницах.

В семьдесят шесть лет Пётр Афанасьевич Найтаки скончался. Его похоронили на городском кладбище, что возвышалось у подножия Машука. Рядом предусмотрительно оставили место для других членов семьи. На сороковой день все Найтаки собрались в Пятигорске не только помянуть отца, но также решить, как вести аренду гостиниц далее.

В Пятигорске курсовой сезон закончился. Пришла зима. По оледенелым склонам горячая минеральная вода сбегала без надобности. К её извечному серному духу прибавился запах дыма, поднимавшегося из труб домашних печей. Неглубокий снег, чистый во дворах и на склонах Машука, подтаивал на улицах и мешался с грязью.

По ночам наступала полная тишина. Не было слышно ни стука колёс, ни ударов подков, ни голосов спешащих домой полуночников. Не лаяли даже брехливые собаки. Молчали боевые часы на церковной колокольне. На зиму часы остановили. Масляные фонари на бульваре почти не давали света. Город освещала луна. Таинственно выделялись темные окна на светлых стенах домов. Лишь одно окно в доме на окраине слабо светилось.

В тёплой столовой в красном углу под иконами и лампадой стоял на отдельном столике небольшой портрет и полный стакан полугарного вина, накрытый ломтем хлеба.

Портретный дагерротип, наклеенный на картонку с медалями фотографа, показывал солидного господина в сюртуке и галстуке, с аккуратно расчёсанными седыми бакенбардами и редкими волосами на голове.

Прощание с отцом закончилось. Ушли гости, соседи, друзья отца и с ними батюшка Павел, отслуживший поминальный молебен. Задержался доктор Иван Ефремович. С ним разговаривала Вера, обеспокоенная слабым здоровьем Петруши. Иван Ефремович велел не перегружать мальчика учением, а следить, чтобы он больше бывал на воздухе.

Доктор справился о болях в ногах у Егора, которого он обследовал в прошлый раз. Напомнил, чтобы принял курс серных ванн весной, как только откроется сезон. Наконец доктор попрощался и пожелал всем спокойной ночи. Хозяин

проводил его.

Жена Егора и невестка Алексея убрали со стола остатки еды. Свекровь поспешила помочь им. Приболевшая жена Алексея чувствовала себя плохо и ушла спать. Сын Григорий попрощался и отправился по делам в гостиницу.

Ночной разговор

Братья перешли в кабинет, освещенный канделябром с новой свечой. Захватили стаканы, бутылку вина и тарелку с холодной закуской. Наконец, они могли без помех поговорить о жизни и дальнейших планах.

Егор сказал:

– Что твой Григорий? Вижу, радует тебя! Совсем большой стал. Недавно поздравляли с двадцатилетием и свадьбу справляли.

Алексей ответил:

– Спасибо за поздравление и подарки! Григорий – решительный молодец! По милости господа женился рано и, надеюсь, у него детки будут раньше, чем у нас с тобой.

Помнишь, что нашему отцу нравилось, как его внук разумно ведет дела. Мы с тобой оба знаем, что аренду гостиниц удалось сохранить лишь благодаря стараниям Гриши.

Алексей было неловко хвастать сыном. Он подошел к секретеру, достал и протянул Егору тонкую пачку писем:

– Егор, вот письма от дяди Дмитрия из Ланчхуты и от родных из Таганрога.

Брат прочитал и задумчиво сказал:

– Ну что же, всё идёт, как должно идти. Они нам сочувствуют. Спасибо и на том! Дядя Дмитрий, не отлучаясь, служит в Сухумской таможне в должности надзирателя разъездного поста и уже поднялся до титулярного советника. Служба важная и место, видно, хорошее. Поэтому к нам не смог выбраться. Однако приезжали таганрогские. Помянули отца.

Алексей нервно ходил из угла в угол. Пламя свечи колебалось. Черная тень металась по стене. Егор ощущал, как тяжело брат переживает смерть отца. Старался не смотреть на него, плачущего и стыдящегося слёз.

Чтобы отвлечь мысли брата, Егор перевёл разговор на воспоминания об отцовских удачах:

– Помнишь, папа рассказывал о начале своих дел на Ставрополье? Больших денег он тогда не добился. И нашёл выход.

Стал заготавливать соль из соленого озера недалеко от Медвеженского хутора, и неплохо заработал.

Алексей немного оживился:

– Да, эту историю я хорошо помню! Папаша был очень находчивым и ловким в делах! Нам далеко до него.

Егор продолжал отвлекать брата от горьких дум:

– В старости папаша стал болтливый. Когда приезжал в прошлом году на рождество ко мне в Ставрополь, то опять вспоминал, как готовил в Кисловодске пикник для императора Николая. И снова огорчился, что не увидел царя. Ты заметил?

Алексей согласился:

– Да, в последнее время это было его навязчивым воспоминанием. Из-за него он очень расстраивался. А когда расстраивался, тотчас рассказывал о прощании с Лермонтовым после дуэли в 1841 году. Читал грустный стих о листочке дубовом: *«Ты пылен и желт — и сынам моим свежим не пара. / Ты много видал — да к чему мне твои небыллицы?»* Говорил, что это написано о грехах переселенцах, и вспоминал, как бледный поэт лежал в гробу среди поникших полевых цветов.

Доктора правильно говорили об этой дуэли. Она случилась вследствие сильного напряжения нервов во время войны и последующего расслабления на водах. Человеческий организм, как объясняли врачи, утрачивает ощущение опасности и не бережется. Молодежь к этому особенно склонна.

Егор удивился научному толкованию Алексея. Наступила долгая пауза. Мысли Егора вернулись к покойному отцу.

Он решил продолжить:

– Я пытался развеселить его. Думал, что подействуют напоминания о победных сражениях на кавказских водах.

Папаша охотно рассказывал, как в 43-ем году казаки храбро отразили набег трёх тысяч всадников на Пятигорск. Вспоминал также нападение на Эссентукскую станицу в 32-ом, когда погибли казаки и скот угнали. Мы тогда ещё жили в

Ставрополе.

Алексей тяжело вздохнул и сказал:

– Ты знаешь, что память у отца была прекрасная! Помнил много песен и стихов. Знал церковный календарь наизусть. Но я заметил, что он избегал говорить о нападении на Кисловодск в 36-ом году. Сразу прекращал разговор. А ведь он был там! Закрывал ресторацию на зиму.

Алексей откликнулся:

– Верно! Я тоже обратил на это внимание. Мне кажется, тогда случилось нечто, о чём он не хотел говорить.

Егор задумчиво сказал:

– Ты знаешь, что он никогда не праздновал труса. Стычки с разбойниками в то время, можно сказать, входили в привычку. Значит, странное молчание не относилось к действиям отца, а к чему-то другому, таинственному. Что бы это могло быть?

Алексей согласился:

– Ты прав! Я расспрашивал людей, и они говорили, что черкесы отступили из-за того, что был убит предводитель. Однако никто не знал, как это случилось. Отец, наверное, знал и скрывал правду. Думаю, это была не его тайна. За всю жизнь ни разу не проговорился! Теперь нам остаётся только догадываться, как всё произошло.

Они задумались снова. Наконец Егор сказал:

– Помнишь, как на следующий год отец купил в Туле у Пономарева лучшее ружье для своего карачаевского кунака Тохтара? Почему?

Алексеем подарок показался естественным:

– Понимаешь, отец просто порадовал своего друга. Он, случалось, бывал таким щедрым доброхотом, что его приходилось удерживать. Благотворителей, какие бывали в старину, теперь днём с огнём не сыщешь!

Егор возразил:

– Так-то оно так, но почему он дарил ружье в следующий год, а не раньше? Я думаю, они с кунаком знали и скрывали человека, застрелившего этого черкесского главаря. Видно, была основательная причина скрывать, чтобы не навредить кому-то. Слишком важное случилось убийство. За славой, как ты знаешь, никто из них не гнался. Наград от начальства они

не ждали. Дружба и доверие были для них превыше всего.

Вот отец и наградил друга за общую победу. Теперь нам не узнать, кто был героем. Наверное, это правильно! Война-то продолжается, и лучше не знать, о чём молчали старики столько лет. Будем не знать и дальше. Ничего не поделаешь!

А всё-таки интересно, как всё было? Помнишь, отец любил повторять: «Кавказ – такое место на Земле, где по божьей воле встречаются христианский фатум и магометанский кисмет, – парочка, которая дружит без границ и ненавидит без предела!»

Он прав. Никому не избежать божьей кары! Бог всё видит. Пора каяться каждому и молить господу о прощении!

Алексей вздохнул, долго молчал и задумчиво заключил:

– Суетный мир не прощает. Он, в лучшем случае, забывает. И отец советовал нам это понимать. Могу привести пример из отцовской и моей жизни, если позволишь.

О-о! – протянул Егор удивленно – разве есть что-то, чего я не знаю? Я-то думал, что мы с тобой всегда говорим откровенно! Согласись, это помогает нам в жизни и в делах.

– Но у меня есть кое-что такое, о чем лучше никому не знать!

– Есть? Тогда не говори!

– Нет! Не могу! Это касалось переживаний отца, а также судьбы другого человека. Но прошло достаточно времени, и я думаю, что пришла пора тебе это знать. Но рассказывать чужим ты поостерегись! Поймешь сам, почему.

Это случилось, когда приезжал император Александр II, тогда ещё наследник. В Кисловодске перед приездом перестреляли много народа. И Алексей рассказал историю убийства молодого бия.

В заключение истории сказал:

– Тохтар тогда очень горевал – сын его погиб. Убиты были другие родственники. В переживаниях Тохтар дошёл до того, что хотел открыть кровную месть. Но никто не знал, как мстить начальникам на войне? Он даже собирался идти к старикам выяснять точную степень родства и ответственности.

Папаша уговаривал кунака не делать этого и объяснял на примерах, что старики не безупречны и могут ошибиться. Но уговоры были напрасны. Отчаявшийся кунак решил, что это

ему прислано свыше наказание за убитого главаря черкесов, напавших на Кисловодск. Папаша едва убедил его, что он невиновен, ведь адат разрешает убивать врагов на войне.

Алексей перевел дыхание. Потом улыбнулся смущенно и сказал:

– На меня сейчас что-то нашло. И хорошо, что я мог рассказать тебе, как было дело! Надеюсь, что мне станет легче. А в тот страшный день я чрезмерно возмутился. До сих пор трясёт, когда вспоминаю эту историю! Ужасно, но я боюсь, что никто из виновников смертного злодеяния не изъявил никакого желания покаяться! Братья долго молчали.

История Алексея произвела впечатление на Егора, ведь убиты и ранены были солдаты гарнизона и местные жители, хорошо ему знакомые. Причина была самая глупая, всем давно известная даже у новичков на Кавказе, – неуважение и незнание местных обычаев не только неуместно, но и опасно. Опытный человек не совершил бы этого. Разве можно требовать у джигита отдать оружие, да ещё публично. Как можно было заставлять делать такое? Ведь даже снять папаху с головы горца считается смертельным оскорблением!

Егор досадливо поморщился и высказал своё мнение:

– Да, что ты извиняешься, Алексей? Рассказал, ну и ладно, и хорошо. Темная история! Похожа на интригу против того бия. Наверное, его специально поставили в положение виноватого перед генералом.

Оба примолкли. Чтобы успокоить Алексея, Егор перевел разговор на другую тему:

– А чем закончилась история с шеф-поваром певцом?

– В конце истории ему потребовалось выступить вместе с работниками перед наследником Александром. Он долго готовился. Репетировал итальянские песни и арии из опер. Прекрасно пел перед нами и даже перед Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой.

Но на концерте перед наследником не смог. Опять перехватило голос. Мы все расстроились и жалели его. А он не уронил ни слезинки, собрался и уехал в Москву. У отца не получилось уговорить его остаться.

Выяснилось удивительное – он бросил пить! Оказывается,

что он собирал мелодии местных песен и танцев и мечтал сочинить оперу-буфф на кавказскую тему. Кавказские сюжеты увлекли его необычайно. Не удивлюсь, если со временем появится новый композитор. Сочинит, если не оперу, то водевиль обязательно. Глядишь, и в антрепризе поставит! Что с ним дальше стало, я не слышал.

Разговор перешёл от прошлого к настоящему. Братья стали обсуждать, что предпринять в сложившейся ситуации для улучшения собственных насущных дел.

Егор как старший принял на себя роль советчика, каким был прежде отец!

Егор советовал Алёше подумать об открытии собственных заведений в Пятигорске и Кисловодске. В будущем они пригодятся сыну Григорию. Следует написать прошение ставропольскому губернатору генерал-майору Волоцкому. В прошении объяснить надобность в современных гостиницах. И сослаться на разрешение для купцов первой гильдии создавать предприятия.

Очевидно, что после тяжелой войны в Крыму денег в государственной казне будет не хватать. Если денежную помощь не искать, то от Алексея, как человека известного, прошение примут и решение скорее всего будет положительным.

Егор обещал помочь деньгами. Но просил понять, что много не сможет дать, поскольку собирает приданое для дочерей. Что думает Алексей на счёт стороннего займа?

Чувствуя неловкость за свой денежный отказ, Егор сменил тему:

– Говорят, что тебя выдвигают на выборы в городскую думу?

– Верно! – ответил Алексей, – но пока это одни разговоры, хотя, признаюсь, шанс у меня есть определенно.

– Брат, будь готов! – оживился Егор – и не думай отказываться! Почет, знаешь ли, помогает в делах.

В связи с этим снова напоминаю тебе, что пришла пора подать прошение о потомственном почетном гражданстве. Главное – ты более десяти лет состоял купцом первой гильдии. Кроме того, поведение у тебя беспорочное, награжден медалью

«За полезное» и, наверное, будешь избран гласным в думу города.

Давай, пиши прошение в Герольдию! В Ставрополе я схожу в канцелярию губернатора, чтобы помогли составить необходимое ходатайство в Первый департамент Правительствующего Сената, а ты тем временем сделай и пришли мне копии гильдейской и других грамот.

Егор собирался советовать ещё, но брат опередил его:

– Копии у меня давно готовы.

Алексей поспешил достать необходимые бумаги. Показал черновик прошения.

– Очень хорошо! – похвалил Егор, – Пошлины и другие расходы при выдаче грамоты составляют по закону около тысячи трехсот рублей. Сколько потребуется платить на самом деле, я не знаю. Заплачу, сколько потребуется. Сочтемся после.

Алексей достал деньги и передал брату:

– Спасибо, брат! Сделаем всё, как ты сказал.

Заканчивая разговор, Егор задумчиво произнес:

– Вот и стал окончательно родным для нас Кавказ. В его земле лежит наш отец. Небесного блаженства тебе, дорогой! Благодарность и вечная память!

Братья перекрестились. Прошептали молитву, обращённую к божьей матери. Легли спать глубокой ночью.

Утром Егору надо было возвращаться в Ставрополь. Там за детьми присматривали старшие дочери и бабка. Его жена Вера Егоровна волновалась, всё ли у них в порядке. Сам Егор беспокоился о ставропольской гостинице, которая нуждалась в строгом надзоре даже зимой, хотя зимой клиентов было меньше, чем весной и летом.

Он был уверен в брате Алексее, но всё же переживал. Столько лет работать под отцовской опекой, а теперь остаться одному! Надо будет почаще встречаться! – подумал он, засыпая. – Батюшка, не беспокойся, мы справимся с трудностями! Ты хорошо обучил нас упорству и деловой хватке!

Благословение вод

Закончилась Крымская война, и жизнь вернулась в

привычное русло. Зимой в Пятигорске состоялись сословные собрания правомочных жителей, плативших налоги. Они приговорили избрать в городскую думу шесть новых гласных, в том числе купца первой гильдии Алексея Петровича Найтаки.

Ему, удачливому распорядителю гостиниц и ресторанов, перевозчику на омнибусах и заметному члену купеческого сословия доверили общественные обязанности. По дополненному городовому положению Екатерины Второй гласные ведали городскими подрядами, распоряжались всякой хозяйственной деятельностью горожан, контролировали с подчиненными им базарными старостами городскую розничную торговлю, а также порядок на базаре.

В январе 1858 года новые гласные назначили своего коллегу Алексея Петровича главой города и городской думы. На следующие три года ему передали гербовую печать и определили годовое жалование 1500 рублей. В том же январе случилось другое важное событие – в Петербурге в Казанском соборе был рукоположен в епископы преосвященный Игнатий (Дмитрий Александрович Брянчанинов). Его назначили на Кавказскую и Черноморскую епархию.

В Пятигорске обоим событиям буквально салютовали глухие подземные удары, похожие на удаленные выстрелы пушки. Строители прокладывали тоннель сквозь гору Машук к Провальному озеру. Щедрый московский купец П.А. Лазарик пожертвовал на строительство двадцать тысяч рублей.

В памятное утро 2 июня 1858 года в зале пятигорской ресторации сидели именитые горожане. Они ожидали приезда нового епископа. Городничий Мовес уже уехал на Георгиевскую дорогу встречать владыку.

Присутствующие беседовали друг с другом, не обращая внимание на звуки взрывов. Приятный дух свежее испеченного хлеба заполнял пространство обширного зала. На столе сверкало начищенное серебряное блюдо с краюхой хлеба и солонкой, приготовленными для встречи.

Перед блюдом сидел голова Пятигорска Алексей Петрович Найтаки с золотой шейной медалью «За полезное» на алой Аннинской ленте. Против него расположился украшенный многочисленными наградами новый управляющий

Кавказскими Водами барон Армин Карлович Унгерн-Штернберг казачий генерал-майор. Его беспокоили намерения епископа. Он предположил:

– Владыке ничто человеческое не чуждо! Как прочим людям, ему, конечно, свойственно любопытство. Но его любопытство не порок, а дельное свойство. Скоро мы почувствуем, как его любопытство влияет на дела в наших палестинах. Ведь он старший брат нашего губернатора Петра Александровича.

Алексей Петрович поддержал с готовностью:

– Действительно, говорят, что Владыко весьма активный и любознательный человек. Его добродетельные свойства, несомненно, приносят пользу. Тем более, что по слухам к этим свойствам он расположен почти как император, который его во всем поддерживает.

Армин Карлович высказал осторожную уверенность с некоторым сомнением:

– Это не слухи, а правда. Но интересно, в чем польза того, что владыка пожелал увидеть недостроенный тоннель к пятигорскому провалу?

Глухо прозвучал очередной подземный взрыв. Армин Карлович пояснил, показывая глубинное знание дела:

– Конечно, можно предположить, что он желает узнать состав горных пород, вскрытых тоннелем. Ведь известно, что епископ – военный инженер. Он окончил поручиком Главное военное инженерное училище в Петербурге. У нас нашли много интересного для него. Кроме известняка, окаменевшего ила и желтой глины обнаружили пласты кремнистого сланца и мрамора, синего с прожилками и черного, что необычно.

Тяжело идут и сами работы. Взрывы пороха с трудом справляются с плотными породами. После взрывов воздух насыщается пороховыми газами, пылью и обильными испарениями серы, растворенной в воде. Эти испарения особенно затрудняют дыхание. Рабочие отказываются работать и покидают тоннель. Приходится уговаривать их вернуться.

Досадливо вздохнув, барон заключил:

– Дело продвигается медленно. Владыке придется отложить осмотр тоннеля месяца на два.

Алексей Петрович тотчас откликнулся:

– Эта задержка может обернуться неожиданной пользой. Гласные городской думы убеждены, что владыка пожелает освятить новое строение. Мы успеем приготовиться к этому торжеству заранее. Просим вас, Армин Карлович, пока есть время, сделать владыке встречное предложение.

Армин Карлович заинтересовался:

– Какое предложение?

Алексей Петрович пояснил:

– Ради сохранения от бесовских воздействий, а также от несчастных случаев и стихийных бедствий городская дума единогласно решила просить у епископа разрешения установить на Провале список иконы Пресвятой Богородицы всех скорбящих радость, покровительницы города. И, конечно, освятить список иконы на месте. Дума готова принять на себя расходы по этим работам.

Присутствующие горожане, внимательно слушавшие беседу начальников, наперебой одобрили предложение думы.

Превосходно! – заключил управляющий – Икону уже заказал в Москве на свои деньги губернский секретарь Петр Лазарик. Он пожелал установить её на входе в тоннель.

Городской голова Найтаки сказал:

– Нет сомнений, сделать это надобно, но лучше установить не снаружи, а внутри возле озера минеральной воды.

– Хорошо, – поддержал управляющий, – для целебной воды это важно. Обязательно предложу владыке. Если он согласится, тогда Дирекция вод построит над провальным озером крепкий помост, чтобы можно было подойти к иконе при освящении.

В зал вбежал слуга и прокричал, что подъехала карета. Алексей Петрович взял двумя руками поднос с хлебом-солью и, опережая всех, поспешил навстречу епископу.

После встречи владыка посетил лечебные заведения. В субботу 7 июня в городской церкви он читал народу проповедь «Условие усвоения Христу». Начиналась проповедь словами «Не требуют здравые врача, но болящие...» и закончилась словами «Добрые дела ваши да будут единственно осуществлениями всесвятой воли Божией, а не вашей воли

растленной! Да будут они уплатою долга вашего Богу...»¹. В беседе с начальствующими лицами города архиерей предложил пристроить правый придел в честь Святого Александра Невского и возвести купол церкви, чтобы избежать летней духоты. Для ускорения строительства посоветовал собрать пожертвования жителей.

Его пожелание исполнили в течение той же осени и зимы. Голова Пятигорска Найтаки энергично собирал деньги на кавказских водах. Здесь ему были знакомы все и это облегчало дело. Алексея радовало, что его любимая церковь будет украшена двумя приделами: левый был построен его отцом, а правый помогает строить он сам.

В дальнейшем епископ продолжал знакомиться с кавказской епархией, посещал приходы в городах и станицах, проводил моления в церквях, читал проповеди и прошел полный водный курс, укрепивший его слабое здоровье после перенесенной оспы.

15 июля на Машуке прогремел последний взрыв. Он открыл проход к провальному озеру. Зачистку стен закончили быстро и тоннель приготовили к осмотру.

Интерес владыки к устройству тоннеля проявил себя самым неожиданным образом. Субботним утром 23 августа в Скорбященской церкви при огромном стечении простого народа собрались представители гражданской и военной власти с чадами и домочадцами, знатные горожане и именитые посетители Вод.

По окончании Божественной литургии начался крестный ход к Провалу, возглавляемый архиереем, священнослужителями и именитыми людьми в праздничных одеждах. Городской голова Алексей Петрович Найтаки шел впереди горожан.

Все остановились на площадке перед Провалом. Атлетического телосложения владыка, окруженный почтительной толпой, провел каждение столика с водой. Диакон густым голосом произнес: «Благослови, Владыко!».

Послышался голос епископа: «Благословен Бог наш всегда,

¹ *Брянчанинов, 2011-2019, том 4, глава 30*

ныне и присно, и во веки веков.» В ответ было сказано: «Аминь! Слава тебе, Боже наш, слава тебе!» Алексей перекрестился и стал мысленно вторить словам молитвы. Говорил: «Аминь!», «Слава тебе!», «Ибо твое есть царство!» и опять крестился. Он не раз молился на Великом крещенском водосвятии в храме. Сейчас впервые наблюдал, как епископ и диакон вели водосвятный молебен вне храма.

Провальное озеро в Пятигорске.

Над озером находится икона целителя Пантелеймона, покровителя КМВ. Она заменила икону Богородицы всех скорбящих радость, утраченную после революции 1917 года.

Прохладный ветерок с запахом ладана обдувал молящихся. Солнце ласково согревало. Вдыхая священный фимиам, Алексей ощутил благоговение и отдался молитве. Наблюдал троекратное погружение в воду и целование креста. Вместе со всеми получил от епископа окропление святой водой. Он не догадывался тогда, что встретился с самым замечательным человеком в своей жизни. Эта встреча была провидением.

Молебен завершился. Епископ и диакон с чашей святой воды скрылись в тоннеле, чтобы освятить стены и воды подземного озера. Алексей Петрович поспешил вернуться в ресторацию. Там у него готовился торжественный обед для руководителей праздника.

Опытный ресторатор торопился, несмотря на то, что налаженное дело не требовало от него сиюминутного участия. Однако, как человек, достигший в своем деле высоких результатов, Алексей Петрович не мог не беспокоиться. Эта было беспокойство мастера, ведь в праздники ресторация работала особенно напряженно. В обратный путь под уклон ноги несли его сами.

Он быстро прошел мимо своего дома на окраине Пятигорска. В центре города вошел во двор гостиницы, чисто прибранный к празднику.

Как признал владыко, в тот день трапеза в ресторации была превосходной. Оно учитывало время мясоедения, наступившее после долгого петровского поста.

Прошли многие годы. Чин благословения минеральных вод возродил архиепископ пятигорский и черкесский Феофилакт (Курьянов) в 2012 году. Теперь каждый прихожанин и просто желающий человек может участвовать в молитвенном действии, открывающем летний курортный сезон.

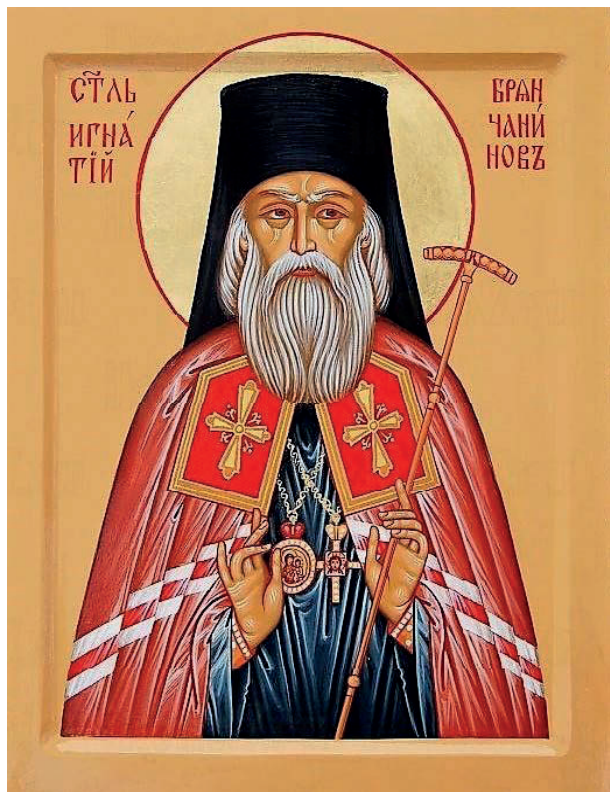
Современный крестный ход начинается перед Пятигорским некрополем у старейшей Лазаревской церкви. Шествие возглавляет украшенный цветами иконописный образ Игнатия с частицей мощей.

Ревнитель чистоты веры Владыка Игнатий (Брянчанинов) был причислен в 1988 году к лику святых Поместным собором обновленной русской православной церкви, накануне празднования 1000-летия крещения Руси.

Подвижник, видный собой, но болезненный и плохо понимаемый современниками, устремлялся к духовной жизни и к познанию заветов отцов церкви. Настойчиво укреплял православие. Поддерживал паству, как в миру, так и особенно в монастырях. Оставил богатое богословское наследие. Оно опубликовано и продолжает служить христианам.

Признанный святой является покровителем юных

дарований. И не только, – он помогает выбрать верный путь в жизни, применить свои знания и навыки. Многие православные христиане прибегают к молитве, обращенной к святому, когда просят помочь унять гордыню и не поддаваться на искушения, растлевающие ум и душу.

Икона православного святого Игнатия (Брянчанинова)

В молитвенном шествии по городу церковный клир в праздничных одеждах несет хоругви и совершает песнопения. За ними следуют именитые люди и народ. С обочин за процессией наблюдает множество горожан и курортников.

Покинув старинные улицы Пятигорска, шествие выходит на просторный бульвар Гагарина. Первоначально бульвар к пятигорскому Провалу был устроен на месте колесной дороги, пробитой в склоне горы строителями, чтобы иметь свободный доступ к площадке перед входом в тоннель. После бульвар был расширен и украшен прекрасными зданиями.

В 1968 году бульвар назвали в честь первого космонавта Юрия Алексеевича Гагарина. Слово Гагарина «поехали!», произнесенное 12 апреля 1961 года, позвало человечество в космические просторы.

Здесь перед Провалом на возвышенной площадке в виду Пятигорска совершается торжественный чин Благословения вод перед иконой кавказского первосвященника.

В этом удивительном месте, отмеченном историей великих людей, наш пращур Алексей Петрович Найтаки когда-то горячо молился вместе с владыкой Игнатием за благополучие жителей Кавказа и целебную силу здешних вод. Предки знали, что желание счастья и твердая вера направляют движение жизни. Делали все, чтобы приблизить счастливое будущее. Обращаясь к господу, Алексей Петрович даже не предполагал, что на этом пути ему будет явлено чудо.

Божественное чудо

Счет дружбе не помеха.
Купеческая пословица

За сто лет до полета Гагарина у Алексея Найтаки истек трехлетний срок полномочий городского головы. Казалось, что его ждала обычная жизнь. Но 5 марта после обедни в церкви был прочитан Манифест об отмене крепостного права. Начались Великие реформы Александра Второго.

Жизнь Найтаки едва не перевернулась к худшему. Спасение случилось точно так, как через много лет писал о подобных случаях Святой Игнатий:

«Во время напастей не ищи помощи человеческой; не трать драгоценного времени, не истощай сил души твоей на искание этой бессильной помощи. Ожидай помощи от Бога:

по Его мановению, в свое время, придут люди и помогут тебе.»¹

Зададим наивный вопрос. Как мог предвидеть Святитель, что произойдет с Найтаки? Ведь он записал своё откровение много позже события. Ответ включен в саму цитату. Будучи богословом, он знал, как происходят божественные чудеса.

Напасти на Кавказских водах начались осенью. В Пятигорске как обычно занимались заготовками на зиму. Бочки и кадушки заполняли квашеной капустой и солеными огурцами. Был ненастный день, когда к Марии Найтаки пришла соседка Мария Николаевна жена доктора Дроздова и попросила одолжить душистого перца. Рассуждая о капусте, мимоходом упомянула неприятную новость:

– Наместник присылает комиссию, чтобы проверить медицинские заведения. Главный в комиссии – сам ставропольский губернатор. Говорят, что он намерен без пощады наказывать всех. Что тебе об этом известно?

Когда Алексей Петрович пришел с работы, обеспокоенная жена передала ему сказанное соседкой. Он успокоил её:

– Наместник недоволен малым числом приезжающих на воды и большими расходами дирекции кавказских вод. Меня это не касается. Свои дела я веду самостоятельно.

Однако через несколько дней Алексей Петрович встревожился, когда узнал, что комиссия проверяет всё подряд, и даже осмотрела лес на горе Машук. Разбиралась, много ли было порублено. Стало известно, что между губернатором и директором был разговор за закрытыми дверями.

– Надобно узнать, что происходит, – решил Алексей Петрович. Он выбрал из своей коллекции дагестанский кинжал, покрытый прекрасной кубачинской гравировкой, и отправился к директору Армину Карловичу Унгерн-Штернбергу. Генералу подарок, похоже, понравился. Пригласил присесть. На вопрос, когда ждать губернскую комиссию, ответил, что не знает, и сообщил новость.

Говорил громко и раздраженно:

– Алексей Петрович, скажу тебе одному, по какой причине

¹ *Брянчанинов, 2011-2019, том 1, глава 56*

прислали комиссию. Наверху думают передать хозяйство Кавказских минеральных вод в руки частных предпринимателей. Считают, что частные предприниматели работают лучше честных чиновников. Утверждают, что сам государь благосклонно поддержал это мнение.

Возбуждённый директор махнул рукой и сказал:

– Тебя назвали примером такого предпринимателя. Оказывается, ты начал вести дела с дирекцией ровно четверть века назад. Поздравляю с юбилеем! Работал превосходно – цен не увеличивал и налоги платил исправно. Молодец! Мной, наоборот, недоволены. Наверное, предложат идти в отставку. Обидно, но что есть, то есть. Прощай!

Алексей Петрович уходил из дирекции с двойственным чувством. Его радовала похвала высокого начальства, но усилилась тревога. Он был уверен, что после отставки Армина Карловича наступит что-то непонятное и вряд ли лучшее.

Действительно, 1 декабря 1861 года пришла беда. Получив Высочайшее одобрение, наместник генерал-фельдмаршал князь Александр Иванович Бярятинский упразднил казенное управление на Кавказских Минеральных водах. По контракту на 8 лет передал контрагенту все дела, финансы, земли и казенные заведения. Контрагентом стал действительный статский советник Николай Александрович Новосельский, директор-распорядитель Русского общества пароходства и торговли, а также общества «Кавказ и Меркурий».

Для Алексея Петровича Найтаки это была катастрофа. Рухнул договор с дирекцией вод, по которому он работал. В один миг исчезло всё, чем он жил, чему отдавал свою душу, все силы своего разума. Жизнь потеряла смысл.

С горечью Алексей Петрович сдавал дела новому управляющему незнакомому кондитеру и ресторатору Каруте итальянскому подданному из Одессы. Так распорядился Новосельский.

Безделье угнетало Алексея Петровича, привыкшего всё время трудиться. Он перестал выходить из дома. Отдалился от своих знакомцев. В рождественский пост усердно говел: постился, читал Евангелия и ходил в церковь. Исповедовался и причастился. На всеобщей его душа наполнилась глубоким

смирением.

В любимой церкви народу собралось много. Он хотел быть незаметным. Ни с кем не заговаривал. Его не покидала уверенность, что все вокруг знали, как он был унижен и оскорблен. Угнетенный этим ощущением, он молился и ставил свечи. Отходя от храмовой иконы и уступая место следующему прихожанину, думал:

– Неужели прежние друзья оставили меня?

Но тут же убедился, что сомневался напрасно. Его привычное место вблизи амвона никто не занял. Он вздохнул, перекрестился и поклонился образу Иисуса Христа. Мысли Алексея обратились к богу:

– Господи Боже, прости мои прегрешения и прими искреннее покаяние! Благодарю за наказание, посланное мне, ничтожному, за гордыню! Слишком я вознесся в самомнении. Нескромно вел себя. Воображал, что лучше других в этом городе, – тут он вспомнил со стыдом, как обрадовался похвале генерала. – Накажи меня, господи! Склоняюсь перед волей твоей. Прости меня, Боже! От всего сердца хочу исправиться. Господи, помилуй меня!

Величественная рождественская служба нравственно обновила его душу, и отчаяние исчезло. Святки прошли тихо. Он радовался, когда узнал, что Тарута не уволил никого из прежних работников. Почудилось, что помогла всевышняя сила. На Крещение он снова молился в церкви.

На второй день после Крещения в тихий дом Найтаки пришла с подарком и поздравлениями знакомая купеческая вдова Челахова. Её приветливо встретила Мария Найтаки.

Увидев бледного и задумчивого Алексея, Челахова оставила хозяйку дома и приблизилась к хозяину. Как можно осторожнее проговорила:

– Алёша, послушай, что я тебе скажу.

Алексей поднял голову. Казалось, очнулся и внезапно увидел Челахову. Поспешно сообразил, что она пришла после армянского рождества, и сказал ласково:

– *Барев дзес!*¹ Гаянэ! Поздравляю с Рождеством

¹ *Здравствуйте! (арм.)*

Христовым! *Сртанц шнораворум энк дзез Сурб ценунд!*¹

Вспомнил, что дочь Челаховой недавно родила наследника:

– Как самочувствие Лизы? Как здоровье милого внука Эммануила? *Ерджанкутюн эм цанканум!*²

Челахова прервала его:

– Спасибо! Милостью божией всё хорошо. Погоди, Алёша! Выслушай меня внимательно. Хочу сказать тебе кое-что очень важное.

– Что хочешь? Что у тебя случилось? – Алексей ясно видел, что Гаянэ очень волнуется и действительно собирается сказать что-то необычное:

– Говори, дорогая, я тебя внимательно слушаю.

Гаянэ начала свою речь издали:

– Извини меня! Я стану говорить о мирских делах. Хочу украсить светлый день дружеской радостью. Пожалуйста, послушай меня! Тебе, верному другу нашей семьи, я должна открыть кое-что важное.

Ты знаешь, что мой Никита Артемьевич построил рядом с магазином новый дом на западном углу участка. Мечтал непременно сделать там гостиницу. Не простую, а в сравнении с казенной самую лучшую в городе!

Было заметно, что Алексея заинтересовали откровенные слова о гостинице. Челахова сделала паузу и решила перейти к главному вопросу, ради которого пришла:

– Зять Богдан (или по-армянски Багдасар) освоился с магазином. Боюсь, однако, что ему одному трудно тянуть ещё и гостиницу. Да что я говорю? Как человек, опытный в гостиничном деле, ты, наверное, заметил это сам. Обращаюсь к тебе с просьбой. Помогите нам!

Как ты посмотришь, если я предложу тебе взять эту гостиницу в аренду? На тех же условиях, которые ты когда-то имел от Строительной комиссии на водах. Сделай, пожалуйста, нашу гостиницу не хуже казенной! Уверен, что у нас с тобой получится даже лучше. Порадуй память твоего друга Никиты!

Чтобы заинтересовать Алексея сильнее, она решительно

¹ *Сердечно поздравляю вас с Рождеством Христовым (арм.)*

² *Желаю счастья! (арм.)*

прибавила:

– Переманим клиентов от Таруты и его несносной жены Матильды! Ведь неспроста наша гостиница стоит против них. Как ты на это смотришь? Подумай! – Челахова хитро улыбнулась. Она учитывала, что Алексей был унижен на прежней работе и будет не прочь поквитаться. – Я слышала, что ты сейчас свободен, и очень рассчитываю на твоё содействие. На столько времени, на сколько сможешь.

Гаянэ закончила свою речь и протянула Алексею правую руку с раскрытой ладонью. Алексей внимательно посмотрел ей в глаза, и осторожно «ударил по рукам». Оба пытались скрыть довольные улыбки на серьёзных лицах. У Алексея на глазах выступили слёзы. Совершилось чудо. По мановению Господа семья Найтаки получила помощь в своё время.

Сияющая Мария Найтаки поспешила накрыть праздничный стол. Гаянэ помогала хозяйке и рассказывала о маленьком внуке Мануильчике. В конце застолья довольный Алексей Петрович взял гитару. Среди песен, которые они пели, был новый романс, посвященный рождественской звезде: *«Гори, гори, моя звезда, / звезда любви приветная! / Ты у меня одна заветная, / другой не будет никогда!»* Закончили с особенным чувством благоговения: *«Твоих лучей небесной силою / вся жизнь моя озарена. / Умру ли я, ты над могилою / гори, сияй, моя звезда!»* Все были растроганы. Ближе к вечеру муж и жена Найтаки проводили дорогую гостью.

Так с Алексеем Петровичем Найтаки, моим прадедом, случилось невероятное и неожиданное чудо. На следующий день он поставил большую свечу к иконе богородицы «Всех скорбящих радость». После подписания договора аренды заказал благодарственный молебен ко Господу.

Дальнейшие события пошли своим чередом. Через год князь Барятинский оставил должность наместника. Его место занял Великий князь Михаил Николаевич. Через полтора года он закончил Кавказскую войну молебном и парадом войск на поляне Кбаадэ (Красной поляне. как потом её назвали).

После окончания войны император Александр II пожаловал пятигорским купцам второй гильдии Найтаки звание потомственных почетных граждан Российской империи.

Это было удивительно, ведь потомственное гражданство с его важными привилегиями полагалось давать только купцам первой гильдии. Несомненно, что вместе с заслугами в гостиничном деле была отмечена щедрая благотворительность Найтаки ради общественной пользы. Осенью 1864 года грамоту Правительствующего Сената получил Алексей. Петр и Егор не дожили до момента славы.

Радушная тройца – Петр, Алексей и Егор – практически соединила две вроде-бы несовместимые вещи: столичный сервис и знаменитое местное гостеприимство. В основу были положены народные традиции. У Найтаки с самого начала действовало правило: гость – первый человек доме, а гостиница – лучший из домов. Петр Афанасьевич явился первопроходцем в этом исключительно полезном и перспективном деле. Господа, избалованные изобилием и роскошью, охотно поселялись у Найтаки. Гостиницы и рестораны его были переполнены, несмотря на дорогое проживание. Персонал у него был чист, вежлив и отлично вымуштрован. Кухня отличная, а что касается развлечений – даже нет слов для похвалы. «Честь и слава Неотак, хозяину этого заведения!» – писала в известном романе современница Е.П. Лачинова, посетившая ставропольскую гостиницу.

При следующем императоре Александре Третьем наступило бурное экономическое развитие России. Все эти годы Алексей Петрович с сыном Григорием успешно управляли гостиницей Челаховой вблизи Бульвара. На неё перешло название «казенная». Такой была слава Алексея Петровича! В 1865 году он расширил гостиницу ещё на один дом, расположенный неподалеку по другую сторону Бульвара. Аренду ему предоставила местная жительница Закоркова.

В ноябре 1881 года Алексей Петрович Найтаки умер. Его похоронили рядом с отцом в пятигорском некрополе. Гостиницей Челаховой в Пятигорске занялись наследники Ходжаевы.

Опытный в купеческом деле Алексей Петрович смог использовать возможности частного предпринимательства. Вероятно, при контрагенте А.М. Байкове, то есть много позже 1870 года, он купил земельный участок в Кисловодске позади

бывшей казенной гостиницы и построил три одноэтажных дома с номерами для сдачи в наем. В то время он был уже глубоким стариком. Поэтому новой гостиницей занимались его сыновья. Эта гостиница после Октябрьской революции была превращена в жилой дом (ул. Реброва, 7).

В конце 19-го века сыновья Алексея Петровича продали кисловодскую гостиницу Ивану Павловичу Щербине. По-видимому, часть денег получил мой дед Пётр, сын Алексея. Он был образованный фельдшер и на эту долю обустроил собственную аптеку в Минеральных водах.

Дом Найтаки в Пятигорске, Пр. Кирова 8.
На углу видна мемориальная доска А.П. Найтаки.

На остальные деньги другой сын Михаил построил в Пятигорске красивый дом для семьи и для сдачи приезжим. Такие дома называли в то время дачами.

Отличный проект в стиле кирпичного модерна создал внук Челаховой знаменитый архитектор Эммануил Багдасарович Ходжаев. Предположительный год строительства дачи 1906.

Очертаниям окна на аттике дома был придан вид пламени и цветка. Этот прелестный символ домашнего уюта и любви напоминает об удивительной взаимопомощи между друзьями Найтаки и Челаховыми – рождественском чуде, благословленном святым Игнатием (Брянчаниновым).

Эпилог

В заключение исследований старинной жизни на Кавминводах выражаю искреннюю благодарность родным. Приступить к изысканиям настойчиво советовала родная сестра Людмила Анатольевна Хаспекова. И в дальнейшем помогала доброжелательными обсуждениями и продуманной критикой. Я глубоко благодарен ей и моему дорогому зятю Виктору Георгиевичу. От всего сердца благодарю мою милую и заботливую супругу Аллу Петровну Богданову (Лиманскую).

Долгие годы они дружески поддерживали мой труд и сделали возможным выход в свет нескольких книг. Они помещены для чтения и скачивания в интернете. Мне помогли веб-сайты «Российский Кавказ» roskav.ru и «Греческий культурный центр» hecuscenter.ru. Это было превосходно. Оба сайта доступны для браузеров Google и Яндексa. На roskav.ru также была помещена начальная рукопись романа.

Указанные публикации содержат различные очерки и летопись жизни Найтаки вместе с документальными набросками последнего романа. В опубликованные книги помещена также постепенно пополняемая родословная.

Прежде чем перейти к описанию этой родословной, останюсь на происхождении фамилии Найтаки. Конечно, происхождение фамилии и корни родословного дерева связаны.

Существуют две гипотезы, объясняющие, как появилась фамилия Найтаки.

Первую гипотезу, историческую, греки Найтаки, живущие во Франции, выдают за семейное предание. Рассказывают, что

много лет назад во времена Екатерины Великой у грека, иммигрировавшего в Россию из Османской Империи, спросили фамилию. Грек не знал русского языка и сообщил, что жил на Итаке. Легко найти этот остров на карте Ионического моря и вспомнить об Одиссее гомеровском царе Итаки. Сказанное было записано как фамилия "Найтаки".

Другая гипотеза лингвистическая. Фамилия Найтаки сложилась удивительно удачно. Она напоминает греческое прозвище ναυτάκης, что читается как наутакис и нафтакис и переводится как маленький моряк. Если убрать звук «с» в конце прозвища, оно звучит на греческом языке ласково-уменьшительно. В русских вариантах фамилии звуки «ау» «аф» заменены на «ай», «аи», «ои», «ой» из-за стремления к благозвучию. Итак, фамилия «Найтаки» означает приблизительно «славный маленький моряк» Действительно, свидетели отмечали небольшой рост Найтаки.

Родословная пятигорских Найтаки представлена на рисунке. Она начинается с таганрогского купца грека Афанасия, родившегося в 18-м веке. Его имя восстановлено по отчествам детей.

В России Найтаки занимались винокурением в Таганроге. Город был основан императором Петром Великим на берегу Азовского моря. Неудивительно, что имя Пётр часто встречалось в роду греков Найтаки.

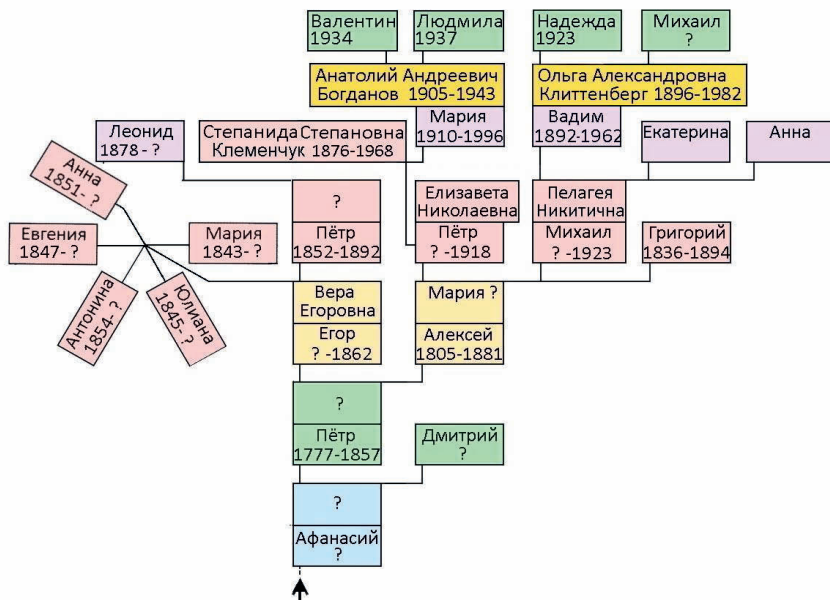
Сыновья грека Афанасия Петр и Дмитрий переехали из Таганрога на Кавказ на рубеже 19 века. Дмитрий служил таможенным чиновником в Грузии, а Петр ходил из Ставрополя с купеческими обозами, снабжавшими кавказскую армию оружием и всяким довольствием. Также торговал в Ставрополе и занимался другой купеческой деятельностью.

В последние годы Кавказской войны он управлял гостиницами с ресторанами, а также перевозкой пассажиров и почты на омнибусах. Ему помогали сыновья Егор и Алексей.

Егор Петрович поселился в Ставрополе. Вероятно, это был старший сын. Он умер в 1862 году. Его жена Вера Егоровна (урожденная Ермакова) умерла вскоре. Шестеро сирот продали родительский дом с усадьбой. С согласия всех детей сиротский суд поделил поровну полученные деньги. Надо полагать, что

старшая дочь Мария была невесткой в семье купчихи Стасенковой, купившей дом, так как дети Найтаки продолжали жить в том же доме.

Через много лет сын Егора Пётр стал начальником Сахалинской почтово-телеграфной конторы. О нем неслестно отзывался писатель А.П. Чехов в книге «Остров Сахалин». Пётр и его помощник занимались фотографированием сахалинских видов и каторги. Чехов покупал эти фото.

Родословная Найтаки в 18-20 века

Леонид сын этого Петра учился в Первой Казанской гимназии. Вероятно, стал студентом Казанского университета. Сахалинские краеведы установили, что после революции 1905 года студент Леонид Найтаки агитировал среди ссыльных на Сахалине за создание республики в России.

Мой прадед Алексей Петрович жил в Пятигорске и был самым успешным членом семьи Найтаки в 19-м веке. Это показано в данном романе. В 1840 году он, как щедрый

меценат, был награжден золотой медалью «За полезное» на ленте ордена Святой Анны. В 1858 году его избрали городским головой Пятигорска на 1858-60 годы. Когда пришла беда, Алексея Петровича спасло чудо Святителя Игнатия. 11 ноября 1864 году, после окончания Кавказской войны, пятигорским Найтаки купцам второй гильдии было пожаловано почетное потомственное гражданство России. Всего в 19 веке пятигорские Найтаки занимались гостиничным делом более 60-ти лет почти с самого его начала.

У Алексея Петровича родились трое сыновей. Сын Григорий появился на свет, по-видимому, намного раньше других. О нем почти ничего не известно. Не удалось установить, были ли у него дети. Похоронен он в Пятигорском некрополе. Два других сына Алексея Петровича, Михаил и Петр, трагически погибли после Октябрьской революции.

Как только закончилась гражданская война в России, местные власти принялись экспроприировать имущество богачей. Наступили годы разрухи и голода. В начале 20-х годов пятигорскую дачу Найтаки национализировали. Бывший владелец Михаил Алексеевич Найтаки, потомственный почетный гражданин России, умер от голода в 1923 году.

Вадим сын Михаила закончил пятигорскую гимназию и, как только началась Первая мировая война, ушел добровольцем в армию. В гражданскую войну воевал на стороне белых. После победы красных дети Михаила Вадим, Екатерина и Анна эмигрировали в Турцию.

В Стамбуле Вадим встретил Ольгу, свою любовь ещё по Пятигорску. Они поженились. После скитаний Найтаки обосновались во Франции. Поручик Вадим Михайлович Нойтаки (Noitaky) умер в 1962 году и похоронен под Парижем на русском кладбище Сент Женевьев де Буа. Рядом похоронена жена Ольга. Их дети и внуки – граждане Франции. Дочь Надежда Вадимовна, почетная медсестра министерства обороны Франции, приезжала в Пятигорск на открытие мемориальной доски своему деду А.П. Найтаки. Известно, что в городе Безье (Beziers) живет её внучатый племянник Петр Михайлович Нойтаки (Pierre Noitaky). Он занимается кинезиологией, физиотерапией и массажем.

Третьим сыном Алексея Петровича был мой дед Петр Найтаки. Как сын потомственного почетного гражданина, он смог выучиться на фельдшера. Имел собственную аптеку в Минеральных водах. Лишился её после революции 1917 года и переехал в Эссентуки, где стал лечить больных. В Эссентуках шла смертельная борьба за власть. В июне 1918 года поздно вечером Петр Алексеевич возвращался домой после вызова к больному. Встретившийся казак спутал деда с бородатым председателем эссентукского Совета Рухадзе. И выстрелил. Классовая ненависть искала жертву! Тяжело раненный в грудь дед добрался до дома и всю ночь истекал кровью и задыхался. Местный врач в страхе не пришел на помощь. Утром казак стоял не коленях на улице перед домом убитого и каялся.

Вдова Елизавета Николаевна и внебрачная дочь Мария испытали крайнюю нужду. Юная Мария оставила учебу и пошла работать санитаркой сначала в санатории, а потом в Верхних ваннах Эссентуков. Она вышла замуж за Анатолия Андреевича Богданова. Мачеха Елизавета Николаевна уехала, по-видимому, к своим родным на Дон. Браки тогда регистрировал профсоюз. Мария сохранила свою фамилию, несомненно, из уважения и любви. Так получилось, что она осталась последней Найтаки на Кавказских водах. Всю жизнь она скрывала, из какой семьи был её отец. Но перед горбачевской гласностью рассказала мне, как он погиб.

Наш отец Анатолий Андреевич происходил из небогатой купеческой семьи. Он был творческой личностью и занимался писательством, живописью и музыкой. В Эссентуках руководил арт-группой "Синяя блуза", которая разыгрывала политические спектакли. Синеблузники были чрезвычайно популярны в начале 20-х годов в СССР и в Германии.

В 1928 году он и Мария переехали в Москву в поисках работы. Папа стал управлять клубом рабочих. Одновременно трудился разнорабочим, а позже маляром. Мама, пока не было детей, работала уборщицей в рабочем общежитии. Когда началась Великая Отечественная война, отца призвали в армию. Он был убит в 1943 году при освобождении Сталинской (ныне Донецкой) области Донбасса от немецких фашистов.

Наша мама Мария Петровна Найтаки прожила жизнь

вместе с Советским Союзом. Умерла от старости в Москве в 1996 году перед Первым Мая. В своем последнем коротком письме с фронта отец мечтал встретиться после войны на Первое мая. Кажется, будто его желание исполнилось.

Печально, что Найтаки навсегда покинули Северный Кавказ. Однако память о легендарных рестораторах и меценатах Найтаки не исчезла. В некрополе города Пятигорска приведено в порядок место захоронения семьи Найтаки и возвращен на место черный мраморный могильный крест П.А. и А.П. Найтаки. В Ставрополе на здании бывшей гостиницы установлена мемориальная доска Петру Афанасьевичу. Доска в память Алексея Петровича украшает семейный дом в Пятигорске. Она создана и установлена предпринимателем И.Х. Илиади с разрешения президента Российской Федерации В.В. Путина. На здании Института курортологии памятная доска сообщает, что прежде здесь была «Ресторация».

Время, можно сказать, пощадило эти здания. Частично перестроена пятигорская ресторация (Пятигорск, проспект Кирова, 30). Светло-серый травертин, из которого она была возведена в 1828 году архитекторами братьями Бернардацци и солдатами, почернел от пожара во время Великой Отечественной войны. Здание восстановили с некоторыми изменениями и защитили светло-кремовой краской. Под ставропольской гостиницей (Ставрополь, проспект Карла Маркса, 64) исчез проезд для экипажей. Был обновлен дом Егора Найтаки (Ставрополь, проспект Карла Маркса, 92). Парадный вход в пятигорский семейный дом (Пятигорск, проспект Кирова, 8) заложили камнем. Изменения исторических зданий были не настолько велики, чтобы невозможно было представить себе их первоначальный облик.

Исключением стала судьба первой гостиницы в Кисловодске. В начале 20-го века летнее здание много раз перестраивали. Чего только в нем не было! При советской власти в нем была открыта диетстоловая. Во время оккупации немцы устроили здесь гараж. После здание частично разобрали на дрова и сожгли. В 1944 году его разобрали окончательно. Решение горсовета о восстановлении, принятое в 1947 году, не исполнено до сих. Было бы неплохо открыть музей в этом

историческом здании, пусть даже построенном заново!

Было утрачено не только здание гостиницы. Заметно изменилась окружающая обстановка. Руки детей стерли до основания бронзовую ящерицу – символ возрождения, отметивший начало моих изысканий о Найтаки. Взамен появилась статуэтка из силумина. Она тоже исчезла.

Огромный камень, служивший естественным пьедесталом волшебного символа, был выкопан из толстого культурного слоя земли и положен неподалеку для всеобщего обозрения. Были опилены и частично удалены вековые деревья, что росли поблизости. Дряхлые, они не давали необходимую тень. Исчезли большие скамейки, на которых старички играли в шахматы, а художники рисовали портреты и вырезали черные силуэты.

На месте старинной найтаковской гостиницы остались лишь едва заметные следы фундамента. Однако в 2004 году в связи с 200-летием основания города, а также повеления Александра Первого о признании государственного значения КМВ, был возведен бетонный памятник наверху Лермонтовской площадки. Внешне он выглядит в точности как прежний исторический портик здания ресторации.

При виде памятника мне кажется, что возле колонн стоит в готовности услужить триада гостеприимцев Найтаки – Петр, Алексей и Егор. Они исключительно привлекательные люди. Удивительно похожи друг на друга. Дружелюбно улыбаются сквозь свои супербакенбарды и, как обычно, приветливо встречают гостей. Каждый гость может быть уверен, что найдёт у Найтаки превосходные чистоту, услужливость, питание и развлечения.

Пора прямо заявить, что эта легендарная троица купцов, самоотверженно и творчески трудившаяся на Кавминводах, составила гордость и славу России. В 19-м веке они создали новую форму гостиничного гостеприимства. Пожалованное потомственное почетное гражданство стало для них в сущности высоким профессиональным признанием.

При работе над этой книгой иногда казалось, что чем глубже я погружался в интересную историю Найтаки, чем ближе знакомился с этими замечательными людьми, тем они

всё заботливее поддерживали мои всевозможные намерения и старания хорошо сделать своё дело.

Чудилось, что они щедро передают свои идеи, предлагают интересные темы и забытые слова. Возникало волшебное ощущение услужливой доброты. Вероятно, таким способом проявляло себя старинное гостеприимство, в котором Найтаки достигли необыкновенных успехов. Несомненно, эти успехи будут иметь продолжение в наше время и, можно надеяться, окажутся востребованными после нас.

Лермонтовская площадка в Кисловодске
и памятник первой гостинице

Поэты знают, что для человека взаимно приятное общение, которым он бывает удостоен с современниками наяву и с предками в мыслях, – первейший признак того, что вокруг родина. Оказавшись на родине и закончив свой труд, благодарю от всего сердца всех родных людей, помогавших мне, и вместе с ними говорю: «Вечная память предкам!»

	стр.
Пролог.....	3
ЧАСТЬ I. Знакомства у источника.....	5
Посетители и работники.....	5
Удачное начало.....	16
Ресторатор Пётр.....	23
Место, где исцелялись.....	30
Соглядатаи в городе.....	37
Нарзан и променад.....	43
Курсовой обед.....	50
Соглядатаи в горах.....	61
ЧАСТЬ II. Курсовые заботы.....	71
Курьер в крепости.....	71
Купеческая сметка.....	84
Привычная дорога.....	92
Пятигорский госпиталь.....	103
Вечер в Кисловодске.....	113
Конец первого дня.....	120
Схватка у водополя.....	126
ЧАСТЬ III. Развлечения на курсе.....	134
Сборы на охоту.....	134
Конная охота.....	141
Раут у генеральши.....	153
Поездка на водопад.....	161
Кисловодский пикник.....	172
Возвращение кунака.....	186
Поиски абрека.....	194
ЧАСТЬ IV. Отражение набега.....	201
Дальняя разведка.....	201
Совещание черкесов.....	211
Крестины внука.....	223
Набег на Кисловодск.....	231
После нападения.....	244
Кавказский пленник.....	252
Приезд императора.....	264

ЧАСТЬ V. Памятные встречи.....	268
Встреча с поэтом.....	268
Похвала наместника.....	277
Переезд из Пятигорска.....	289
Обновленная гостиница.....	300
Роковой калым.....	307
Перестрелка в Кисловодске.....	314
Последнее рождество.....	323
Ночной разговор.....	328
Благословение вод.....	334
Божественное чудо.....	342
Эпилог.....	350

Богданов Валентин Анатольевич, правнук
А.П. Найтаки по материнской линии.
Родился в 1934 году в Москве. Закончил
Московский авиационный институт.
Кандидат технических наук, старший
научный сотрудник АН СССР, учитель
1-й категории, ветеран труда,

Литературно-художественное издание

Богданов Валентин Анатольевич

Найтаки – творцы гостеприимства

Подписано в печать 13.03.23. Формат 60x90^{1/16}.

Усл. печ. л. 22,5. Тираж 60 экз.

Заказ № K07_1216_006

Издательство «ОнтоПринт»

105187, Москва, ул. Окружной проезд, д.16

Тел.: (495) 665-28-54

сайт: <https://ontoprint.ru>

Отпечатано на полиграфической базе

ИП Мархотина П. Ю.

СПб., Лермонтовский пр., д.27